

ТВОРЕНІЯ
БЛАЖЕННАГО ТЕОДОРИТА,

ЕПИСКОПА КИРСКАГО.

638

Часть пятая.

638

МОСКВА.
Въ Типографіи В. Готье.
1857.

ТОЛКОВАНИЕ

НА ПРОРОКА НАУМА.

СОДЕРЖАНИЕ.

Имевитяне, уболившись Божіей угрозы, проповѣданной имъ богомудрымъ Іоною, прибѣгли къ усердному покаянію, и обрѣли себѣ спасеніе ; вмѣсто угрожавшей имъ конечной гибели сподобились Божія челоуѣколюбія. Но, по прошествіи немногаго времени, забыли о сей неизреченной милости, возвратившись же къ прежнимъ порокамъ, совершили тысячи новыхъ беззаконій, и осмѣлились идти съ воинствомъ на Израиля. Фелгафелласаръ и Саламанасаръ, поработивъ десять коленъ, отвели ихъ въ плѣнъ ; а Сеннахиримъ, ополчившись противъ Іуден, иные города взялъ приступомъ, противъ же Іерусалима пославъ войско, подвигъ языкъ на самаго Бога всяческихъ. Но невидимо единымъ Ангеломъ многіе тысячи мгновенно были преданы смерти ; и самъ царь ихъ, избѣжавъ сей

кары, и ставъ провозвѣстникомъ отъ Бога постигшей казни (для сего и далъ ему Богъ спастись здоровымъ), въ царскихъ своихъ чертогахъ пріемлетъ смертельный ударъ отъ рожденныхъ имъ: а въ скоромъ послѣдствіи времени, по перенесеніи царскаго престола въ Вавилонъ, весь родъ царей сихъ угасъ; городъ Ниневія разорсѣнъ и преданъ конечному заустынію. Сію гибель Ниневіи предсказываетъ блаженный Пророкъ Наумъ, пріивъ силу Божія Духа, и предвѣщаемымъ научаешь, что Владыка Богъ не оставляетъ ничего безъ своего о томъ попеченія и промышленія, но по справедливому Своему опредѣленію у каждаго требуетъ отчета во всемъ, что сдѣлано имъ въ жизни. Посему-то нечестовавшаго Израиля предаль Ассиріянамъ; Ассиріяны же, которые съ Израилемъ поступали звѣрски и обходились жестоко, подвергъ также многимъ наказаніямъ чрезъ другіе народы; потому что, не Божію служа изволенію, пошли они съ воинствомъ на Израиля, но руководствуясь высокомеріемъ и дерзостію и покушаясь на всѣхъ распространить свое владычество. Попустилъ же имъ Богъ всяческихъ предпріятіе свое привести въ исполненіе, наказуя чрезъ нихъ Израиля. Но чтобы не думали они, будто бы преуспѣли въ этомъ собственною своею силою, послѣ того, какъ покорили всѣ другіе города, у самыхъ оградъ іерусалимскихъ многія тысячи предаль смерти. Сіи предреченія заключаетъ въ себѣ пророчество блаженнаго Наума. Но время уже приступитъ къ истолкованію самыхъ реченій

ГЛАВА I.

(1). *Пророчество (лѣмца) о Ниневіи: книга видѣнія Шаума сына Елкесеева.* Благодать Святаго Духа, различно дѣйствуя въ чудныхъ Пророкахъ, устроила, что иные видѣли что-либо, какъ богомудрый Исаія, Михей, Даниль, Іезекіиль, и Захарія; а инымъ посредствомъ гласа сообщалось, что угодно было Духу, и имъ представлялось, что слышатъ Кого-то бесѣдующаго съ ними, другіе пророчествовали по вдохновенію, и что угодно было Духу, провѣщавалъ ихъ языкомъ. Ибо пророчественная благодать, внезапно объемля ихъ умъ, и отлучая ихъ отъ всего человѣческаго, содѣлывала способными стать орудіями и служителями для изглаголанія пророческихъ словесъ. Сіе-то, а именно восхищеніе ума, и преставленіе отъ всего человѣческаго, Пророкъ назвалъ пророчествомъ (лѣмца). Умъ мой, говоритъ Пророкъ, восхищенный Божіимъ Духомъ, провидѣлъ, что будетъ съ Ниневіею.

(2). *Богъ ревнивъ, и мстятъ Господь сопостатамъ Своимъ, и потребляяй Самъ враги Своя.* Поелику, устремившись съ неистовствомъ на Іерусалимъ, произносили хульные слова о Богъ всяческихъ; то Пророкъ справедливо именуетъ ихъ сопостатами и врагами, и угрожаетъ имъ гибелью. Ревностію же назвалъ справедливый гнѣвъ. Ибо такъ говоритъ Богъ въ законоположеніи: *не сотвори себѣ всякаго подобія, слика на небеси*

горь, и елика на земли шизу, и елика въ водахъ подъ землею (Исх. 20, 4.). Азь бо есмь Господь Богъ твой, Богъ ревнитель, огонь потребляя (Втор. 4, 24.). Такъ и великій Илія говоритъ: *ревнуя поревновахъ по Господь Вседержитель, Богъ Израилевомъ* (3 Цар. 19, 10.), то есть, негодую на нечествующихъ предъ Богомъ.

(3). *Господь долготерпѣливъ, и велика крѣпость Его, и очищаяя не очиститъ.* Не вдругъ и не мгновенно налагаетъ наказанія, но сохраняя великое долготерпѣніе. Свидѣтели сему вы, Ниневитяне, прибѣгшіе къ покаянію и обрѣтшіе себѣ спасеніе, но снова предавшіеся еще большимъ порокамъ, и донинѣ не понесшіе за нихъ наказанія. Но такъ долго переносящій беззаконія человѣческія умѣетъ и наказанія налагать на некающихся. Ибо сіе выразилъ Пророкъ, сказавъ: *очищаяя не очиститъ*, то есть, чьи прегрѣшенія достойны наказанія, того не освободитъ отъ казни.

Господь, въ скончаніи и трусь путь Его. Вамъ Богъ всяческихъ не окажетъ болѣе человѣколюбія, но подвергнетъ гибели. Сіе сходно съ сказаннымъ въ псалмѣ: *вси путіе Господни милость и истина* (Псал. 24, 10.); потому что истина требуетъ не человѣколюбія только, но и справедливаго наказанія. Посему подъ словомъ: *путь*, и здѣсь и тамъ, разуметь должно дѣла.

И облацы прахъ ногъ Его. Весьма кстати Пророкъ къ пути присовокушилъ и *прахъ*: хочетъ же симъ сказать, что нынѣ не окажетъ уже долготерпѣнія, но подвергнетъ гибели, отсюда обложивъ ихъ тучею бѣдствій. И давая знать, какъ

удобно совершаетъ Богъ все , что угодно Ему , Пророкъ присовокупилъ :

(4). *Запрещай морю , и изсушай е , и вся рѣки опустошай . Если соизволить въ ничто обратитъ всю воду въ морѣ и рѣкахъ ; то во мгновеніе можетъ сдѣлать это . И доказательствомъ сему Пророкъ представилъ то , что совершилось уже .*

Умались Васанитида , и Кармиль , и вся процвѣтающая Ливана оскудѣша . Восхотѣвъ подвергнуть наказанію обитающихъ въ Васанитидѣ , на Кармиль и Ливанѣ , предаль ихъ вамъ ; а вы , опустошивъ ихъ поля , разграбивъ города и поработивъ жителей , предали совершенному заустѣнію .

(5). *Горы потрясошася отъ Него , и холмы поколебашася : и ужасеся земля отъ лица Его , вселенная и вси живущіи на ней .* Поелику иные полагали , что Онъ есть Богъ Іудеевъ только , Пророкъ не безъ причины научаетъ , что Онъ единымъ мановеніемъ сотрясаетъ горы и холмы , и всю землю съ обитающими на ней . Слова же : *ужасеся земля Акила перевелъ : оцѣпеньла , а Симмахъ : подвиглась .*

(6). *Отъ лица гнѣва Его кто постоитъ ? И кто сопротивится во гнѣвъ ярости Его ? Ярость Его растаеаетъ власти , и каменіе сопрошася отъ Него .* Если превозносящихся своею властію , и думающихъ о себѣ , что въ нихъ крѣпость камней , безъ всякаго затрудненія сокрушаетъ и стираетъ ; кто въ состояніи противиться посылаемому отъ Него наказанію ? По какъ легко низлагаетъ горделивыхъ , такъ

(7). *Блажь Господь терпящимъ Его въ день скорбѣній, и зная боящіяся Его. Показавъ, какъ благорасположенъ къ переносящимъ налагаемыя на нихъ наказанія и не произносящимъ ничего богопротивнаго, снова ведетъ рѣчь о наказаніи нечестивыхъ.*

(8). *И въ потопъ пути скончаіе сотворитъ: востающія и враги Его пожжетъ тма. Дерзающихъ противъ Господа предасть Опъ конечной гибели и непреходящей тмѣ; потому что потопомъ и окончаніемъ Пророкъ называлъ конечную гибель. Потомъ излагаетъ рѣчь въ видѣ вопроса:*

(9) *Что помышляете на Господа? Какова сила Его, по вашему мнѣнію?*

Скончаніе Самъ сотворитъ, не отмститъ дважды купно въ скорби; то есть, рѣшительному подвергнетъ васъ наказанію, и не будетъ нужды повторять ударъ.

(10). *Понеже до основанія своего олядѣютъ, и аки блющъ оплетающійся сплѣдены будутъ, и аки трость сухоты полна. Какъ сухую солому удобно истребляетъ огонь, и трава, растущая подлѣ оградъ, особенно же сплетающаяся съ колючими растѣніями, и имъ не даетъ цвѣсти, и сама со временемъ вянетъ, такъ вы, разрушавшіе царства другихъ, будете и царства лишены, и предааны гибели. И показывая справедливость наказанія, Пророкъ присовокупилъ:*

(11). *Изъ тебе изыдетъ помыслъ на Господа злый, совѣщавающій сопротивная. Потерпишь же*

это за безумныя порожденія ума твоего, о которыхъ извѣщаютъ насъ и четвертая книга царствъ и богумудрый Исаія. Ибо въ книгахъ тѣхъ Сеннахиримъ изображается изрыгнувшимъ такую хулу на Бога всяческихъ: *рцйте Езекии: сія глаголетъ царь великій, царь ассирійскъ* (Ис. 36, 4.): *да не прельщаетъ Богъ твой тебе, на Него же уповаль ты* (37, 10.), *яко избавитъ Богъ Иерусалима отъ руки моея* (36, 20.), и прочее сему подобное. На сію-то гордыню его указуя, сказалъ Богъ чрезъ Пророка: *посѣщу на умъ великій, на царя ассирійска* (Иса. 10, 12.). Такъ обнаруживаетъ горделивость его помысловъ.

(12). *Сія глаголетъ Господь: обладай водами многими, и сице разступятся.* Множествомъ водъ Пророкъ называетъ множество Вавлонянъ, ополчившихся противъ Пиневіи, которые, подобно водамъ раздѣлившись на отряды, приступили къ осадѣ города. Послѣ этого, говоритъ Пророкъ,

И слухъ твой не услышится ктому. Преданъ будешь совершенному забвенію.

(13). *И нынѣ сокрушу жезлъ его отъ тебе, и узы твоя расторгну.* Отпиму у тебя власть, какую далъ тебѣ прежде: и сокрушу твое владычество, расторгнувъ узы его. Ибо жезломъ называетъ Богъ власть: и сіе даетъ ясно намъ видѣть чрезъ Пророка Исаію: *горе Ассиріемъ, жезлъ ярости Моєя, и гнѣвъ Мой есть въ руку ихъ* (Иса. 10, 5.).

(14). *И заповѣсть о тебѣ Господь; потому что по Моєму мавовенію потерпишь это.*

Не разсѣется отъ имени твоего ктому. На-

именованіе твое не будетъ болѣе придаваемо подданнымъ ; потому что въ обычаѣ подначальныхъ называть именемъ властвующихъ ; такъ отъ Вавилона Вавилоняне, отъ Перса Кира Персы, — а въ послѣдствіи отъ Македонянъ Македоняне, и нынѣ отъ Рима Римляне.

Отъ дому бога твоего потреблю изваянная и сліянная положу гробъ твой, яко нечестенъ еси. Въ погибели твоей участвовать съ тобою будутъ и рукотворенные боги твои, которыхъ скроешь ты въ землю, и зароешь какъ въ нѣкіе гробы, чтобы не содѣлался добычею враговъ.

(15). *Се скоры на горахъ ноги благовѣствующаго, и возстающаго миръ. Когда совершится это съ тобою; многіе потекутъ къ живущимъ въ Іудеи, неся благовѣстія мира.*

Празднуй Іудо праздники твоя, воздаждь Богу обѣты твоя, зане не приложатъ ктому еже проити во обѣщаніе: скончася и извержеся. А вы, говоритъ Пророкъ, услышавъ о низложеніи враговъ, совершите узаконенныя Богомъ торжества, и принесите обычные жертвы; потому что конечную потерпѣлъ гибель многократно ополчавшійся на васъ, и не предприметъ уже болѣе намѣренія истреблять и разорять васъ.

ГЛАВА 2.

(1). *Взыде вдыхая въ лице твое, отъземляй отъ оскорбленія.* Виновникъ же сего для тебя Богъ, который мановеніемъ Своимъ, какъ бы нѣкимъ дуновеніемъ, ихъ сокрушилъ, а тебя освободилъ отъ ихъ владычества. Ибо, какъ въ Адама вдунувъ *дыханіе жизни*, сдѣлалъ его въ *душу живу* (Быт. 2, 7.): такъ и тебѣ дуновеніемъ жизни даруетъ спасеніе. Сіе по воскресеніи и Владыка Христосъ далъ священнымъ Апостоламъ. Поелику Адамъ погубилъ пріятное имъ съ Божественнымъ дуновеніемъ, то есть, что было въ немъ по образу Божію; то посему самому Владыка Христосъ, возобновивъ сей образъ, паки далъ оный священнымъ Апостоламъ, а чрезъ нихъ и всѣмъ вѣрующимъ. Ибо *душу* на нихъ и рекъ: *пріимите Духъ Святъ* (Іоан. 20, 22.). Посему, поелику ветхозавѣтное было образомъ новозавѣтнаго, то подъ сокрушеннымъ царствомъ Ассиріянъ разумѣемъ мучительство діавола, прекращенное Владыкою Христомъ, а подъ Іудою, который посмѣвается надъ царемъ ассирійскимъ и празднуетъ, ликующую о спасеніи вселенную, какъ пріявшую въ Владычнемъ дуновеніи духовную благодать, и избавленную отъ горькаго мучительства демоновъ. Но возвратимся къ смыслу историческому.

Усмотри путь, укрьпи чресла, возмужай крепостію зъло: (2). Понеже отврати Господь укоризну Іаковлю, якоже укоризну Израилеву. Не

царю Ассиріянину говоритъ это Богъ, какъ думали иныя, но продолжаетъ еще рѣчь къ Іудѣ, и повелѣваетъ ему смотреть на пути, ожидать вѣстниковъ, выслушивать приносимыя ими благія вѣсти, и вмѣсто прежней боязни воспріять мужество. Ибо сіе выразилъ словами: *укрѣпи чресла, то есть, отложи прежнюю боязнь*. Такъ блаженный Ілія *стягне чресла своя, и тече предъ колесницею Ахава* (3 Цар. 18, 46.). Такъ Іову говоритъ Богъ: *препояши яко мужъ чресла твоя* (Іов. 38, 3.). И божественный Павелъ совѣтуетъ *препоясать чресла истиною* (Ефес. 6, 14.). Посему здѣсь повелѣваетъ Богъ Іудѣ быть благопадежнымъ: *понеже отврати Господь укоризну Іакову, якоже укоризну Израилеву*. Должно же знать что Іакову имя Іакова дано родителями, имя же Израиля—Богомъ, а то и другое имя пріялъ народъ, происшедшій отъ Іакова. Посему говоритъ Богъ: за бѣдствія, какія потерпѣлъ ты, Іаковъ, отъ Ассиріянь, Я накажу ихъ ради добродѣтели праотца, по которой придалъ Я ему и именованіе Израиля.

Зане отрясающіи отрясоша я, и лозы ихъ растлиша. (3). *Оружія силы ихъ отъ чловѣкъ.* Какъ отрясающіе лозы винограда губятъ весь плодъ: такъ сдѣлавшіе на нихъ нашествіе враги, и владычество ихъ сокрушили, и всѣ оружія у нихъ отняли, а избѣжавшихъ смерти принудили рабствовать. И показывая, что потернятъ это не по немощи, но по приговору, Богомъ на нихъ произнесенному, Пророкъ присовокупилъ:

Мужи сильныя играющія во огни. Ибо столько

имѣли смѣлости, что отваживались идти въ самый огонь.

Броды колесницъ ихъ въ день уготованія ихъ, и конницы возмнутся на путехъ, (4). Смятутся колесницы, и сплетутся на стогнахъ. Ни малой пользы не принесутъ вамъ ни множество уготованныхъ колесницъ, ни сила конницы; потому что все это при смятеніи, произведенномъ нашею ствѣемъ враговъ, сдѣлается бесполезнымъ, одно съ другимъ сплетаясь на путяхъ, и — одно другимъ будучи попираемо.

Видъ ихъ яко свѣщы огненны, и яко молнія протекающая. Хотя въ прежнія времена имѣли въ мужественное сердце, въ глазахъ своихъ выражали отважность, и какъ свѣщами и молніями какими приводили въ страхъ подданныхъ; но при нападеніи враговъ вмѣсто мужества овладѣетъ вами боязнь. Сіе Пророкъ выразилъ въ присовокушляемыхъ словахъ; ибо говоритъ:

(5). Помянутся старѣйшины ихъ, и побѣгнутъ въ день, и изнемогутъ въ пути своемъ, и потщатся на забрала, и уготовятъ предняя стражбы своя. Высоко думавшіе древле о своемъ владычествѣ употребятъ всѣ средства, чтобы бѣжать, и не уснѣвъ въ этомъ, снова взойдутъ на укрѣпленія, и позаботятся объ охраненіи города; однако же при всемъ этомъ и городскіе ворота будутъ отверсты, и царскіе чертоги заняты врагами, и сокровища въ нихъ расхищены. Ибо сіе выразилъ Пророкъ, сказавъ:

(6). И имъніе открыся, то есть, что прежде

хранилось въ скрытности и замкнуто было многими запорами, то стало для всѣхъ открытымъ.

(7). *Сія же восхождаше.* Пророкъ разумѣеть Ниневію ; потому что о ней предсказываетъ.

И рабыни ея ведяхуся, яко голубицы воркующе въ сердцахъ своихъ. Подвластные Ниневіи города и селенія будутъ раздѣлять съ нею плѣнь, воздымая сердцемъ, и подражая голосу голубиць.

(8). *И Ниневія, аки купель водная, воды ея: и тѣи бѣжаще не сташа, и не бѣ взирающаго.* При такомъ множествѣ населявшихъ этотъ городъ, что удоблялся купели, наполненной водою и изливающей изъ себя избытокъ, всѣ одно имѣли въ виду—бѣжать, не осмѣливаясь даже и оглянуться назадъ. Потомъ описываетъ Пророкъ прежнія неправды Ниневитянъ.

(9). *Расхищашу сребро, расхищашу золото, и не бѣше конца имѣнія ея.* Чтò собираемо было худо, то предано будетъ другимъ. Ибо

Отяготишася паче всѣхъ сосудовъ возделѣнныхъ ея. На сокровища ихъ нападетъ множество враговъ. Говоритъ же Пророкъ о будущемъ, какъ о совершившемся, по тому образу выраженія, какой особенно свойственъ Писанію.

(10). *Истрясеніе, и вострясеніе, и воскипѣніе, и сердца сокрушеніе, и расслабленіе колѣнъ, и болѣзни по всѣмъ чресломъ, и лице всѣхъ, аки опаленіе котла.* Чтò бываетъ обыкновенно при землетрясеніяхъ, когда составъ земный содрагается и колеблется, тоже, говоритъ Пророкъ, будетъ и при нападеніи враговъ ; потому что, когда сердца поражены будутъ страхомъ, и составы колѣнъ

ослабнуть, будутъ всё страдать, подобно раждающей женѣ, лица отъ сгущенія крови примутъ свинцовый цвѣтъ и уподобятся той сторонѣ котла, которая всегда обращена къ огню.

(10). *Гдѣ есть виталище львовъ, и пажить сущая львицищемъ? И виталищемъ львовъ называетъ Пророкъ Ниневію, львами — царей, львицищами — сыновъ ихъ, а пажитію — подвластные имъ города; говоритъ же: почему вы, подобно львамъ жившіе древле въ Ниневіи, небоязненно на всѣхъ нападавшіе, и добывавшіе пищу львицищамъ, теперь, по нашествіи на васъ враговъ, ничего такого не дѣлаете? И удерживая тотъ же образъ рѣчи, продолжаетъ:*

Камо иде левъ, еже влѣзти? Развѣ былъ ты въ отсутствіи, противъ кого-нибудь подвигнувъ воиство, когда напало полчище сопротивныхъ? Но сего не было; ибо говоритъ Пророкъ:

Тамо скимны львовъ, и не блше устрашающаго. Не только самъ ты былъ тогда дома, но были и всѣ военачальники, которые никого прежде не боялись, но сокрушали инья царства, собирали съ нихъ дань, и добывали пищу дѣтямъ. Сіе выразилъ Пророкъ въ томъ, что присовокупилъ:

(12). *Левъ восхити довольная львицищамъ своимъ, и удави львищамъ своимъ: и наполни ловитвы гнѣздо свое, и виталище свое похищенія. У сихъ звѣрей въ обычаѣ удушать пойманныхъ ими животныхъ, и приносить въ пищу дѣтямъ своимъ. И Ассиріице, сокрушая цѣлыя царства другихъ народовъ, собирали съ нихъ дань. За сіе-то беззаконіе Я накажу тебя, говоритъ Богъ.*

(13). *Се Азъ на тя, глаголетъ Господь Вседержитель, и пожгу дымомъ множество твое, и львы твоя поестъ оружіе: и потреблю отъ земли ловитву твою, и не услышатся ктому дѣла твоя.* Поелику Пророкъ выше въ переносномъ смыслѣ упомянулъ о львахъ и львичищахъ, о ловитвѣ и пажити; то сообразно съ симъ и истребленіе Ассиріянъ предвозвѣщаетъ иносказательно. И поелику ловцы, когда звѣри скрываются въ какихъ нибудь пещерахъ и не хотятъ показаться паружу, поднося дымъ ко входамъ въ пещеры, припуждаютъ ихъ выходить, и выходящаго звѣря принимаютъ на копья; то соотвѣтственно съ симъ сказалъ Богъ, что все множество предастъ дыму, и львовъ — мечу; означаетъ же симъ сожженіе города и убіеніе царей, послѣ чего и ловитва кончилась.

ГЛАВА 3.

Потомъ Пророкъ вмѣстѣ и изображаетъ лукавство Ниневіи, говоря, что это городъ (1). *весь лживый, полнъ неправды,* и описываетъ постигшія ее бѣдствія, уподобляя землетрясенію стукъ колесницъ, ржаніе коней, смятеніе всадниковъ, и приводитъ въ ужасъ перечисленіемъ оружій, говоря, что броши и мечи блистаютъ, какъ молнія. Предсказываетъ же и множество падшихъ и истребленіе народовъ, собравшихся на помощь; говоритъ, что немного будетъ здѣсь спасшихся. Ибо сіе выразилъ, сказавъ:

(3). *И изнемогутъ въ народахъ своихъ отъ множества блуженій. Изъ множества останутся немногіе за идольскую прелесть и великое непотребство. Ибо то и другое Пророкъ называетъ здѣсь блуженіемъ, и яспѣе видно сіе изъ присовокупляемаго.*

(4). *Блудница добра и пріятна, началница волхвованій. Живя въ печестіи и беззаконіи, казалась ты славною и знаменитою для тѣхъ, кто не умѣетъ право судить о сущности вещей, и оставивъ Творца и Спасителя, Который покаявшуюся тебя сподобилъ великаго челоуѣколюбія, предалась волхвованію и все дѣлала волшебствомъ.*

Продающая языки въ блуженіи своемъ, и племена въ чародѣяніихъ своихъ. Не довольствуясь собственнымъ своимъ нечестіемъ, и подданныхъ принуждала быть однихъ мнѣній съ тобою. Посему-то

(5). *Азъ, Господь всяческихъ, открою задняя твоя къ лицу твоему, и покажу языкомъ срамоту твою, и царствамъ безчестіе твое:* (6). *И возвергу на тя огнушеніе по нечистотамъ твоимъ. Сіе: открою задняя твоя къ лицу твоему, сказано въ смыслѣ переносномъ и взято съ рабовъ, подвергаемыхъ великому поруганію и бичеванію. Говоритъ же Богъ: наказаніемъ обнаружу беззаконіе твое для всѣхъ, и царей и народовъ, и послужишь примѣромъ къ пользѣ другихъ. Ибо присовокуплено и сіе:*

И положу тя въ притчу: (7). И будетъ всякъ видяй тя сидеть съ тебе, и речетъ: окаянная Ниневія, кто постенеть по ней? Откуда взыщу

утѣшеніе ей? Такому запусънью предамъ тебя, что негодовавшіе прежде на твое владычество преклонятся на милость (сіе выражено словами: *сидетъ съ тебе*), и задумаются, какъ достойно оплакать это запусъніе.

(8). *Устроить струну, уготовити часть Аммо-ну, живущая въ рѣкахъ: вода окрестъ ея, ей же начало море, и вода забрала ея.* Сіе повелѣваетъ Богъ Египту, потерпѣвшему отъ Ассиріянь бѣдствіи и скорби. И сіе дознали мы отъ другихъ Пророковъ, предвозвѣщавшихъ Израильтянамъ, что, предавшись бѣгству въ Египетъ, не найдутъ спасенія, но захваченные тамъ врагами преданы будутъ смерти. И какъ въ сказанномъ прежде повелѣвалось Іудѣ праздновать, потому что царство Ниневитянъ сокрушено; такъ и здѣсь повелѣвается ликовствовать Египту. *Частью же Аммона* называется его, какъ думаю, потому что посвященъ былъ демону Аммону. Ибо Аммонъ знаменитъ былъ въ древности, посему и изъ Еллады отправлялись туда многіе ради прорицаній. И объ Александрѣ, первомъ царѣ македонскомъ, описывавшіе дѣла его говорятъ, что ходилъ къ Аммону, и услышалъ тамъ прорицанія. Посему, такъ какъ обольщеніе это было въ сплѣ, отъ этого демона зависѣлъ преимущественно Египетъ, и Пророкъ, именуетъ его *частью Аммона*, повелѣваетъ же ему ликовствовать, потому что Ниневія подверглась гибели; а *рѣками окрестъ ея* называетъ окопы. Потомъ перечисляетъ помощниковъ, Египтовъ, Ливіанъ и Ливіанъ западныхъ, называемыхъ нынѣ Афрами: ибо ихъ-то называлъ *Фудомъ*. Однако же, имѣя

столько споборниковъ, будучи окружена моремъ и рѣками, Ниневія, говоритъ Пророкъ, не преминетъ испытать бѣдствій.

(10). Но въ преселеніе поидетъ плъница, и младенцы ея разбѣютъ въ началъхъ путей ея, и о всѣхъ славныхъ ея вергутъ жребія, и вся воеводы ея свяжутся пути. Такъ поступилъ съ Египтомъ Навуходносоръ, и въ послѣдствіи Камбизъ, сынъ Кировъ, сокрушивъ царство Египетское, принудилъ оставаться подъ его владычествомъ, а по прошествіи многихъ родовъ Александръ покорилъ Египетъ царству Македонскому. Пророкъ, предсказавъ сіе объ Египтѣ, опять обращаетъ рѣчь къ Ниневіи.

(11). И ты уніешися, и будеши презрѣна, и ты сама себѣ взыщещи помощи отъ врагъ твоихъ. Какъ упоенію какому предана будешь бѣдствію, и устремляясь туда и сюда, станешь искать какого-либо избавленія отъ обдержавшихъ золь, но не найдешь. А подобно тебѣ и укрѣпленные города твои преданы будутъ врагамъ. Сіе Пророкъ представилъ подъ слѣдующимъ образомъ.

(12). Вся твердѣли твоя яко смоквичіе стражу илущее: аще поколеблются, и впадутъ во уста ядущаго. Подобно смоковницамъ, колеблемымъ вѣтромъ, съ которыхъ легко опадаютъ и незрѣлыя смоквы, будеши ты лишена жителей; мужественныя твои войны, объятые страхомъ, ничѣмъ не будутъ отличатся отъ женъ; но безъ усилія отворятся врата твои, когда огонь истребитъ веревъ, и какъ потокъ вторгнутся въ нихъ сопротивныя.

Ѳеод. Ч. V.

(14). *Воду одержанія восхити себѣ сама, продолжаетъ Пророкъ, и какъ бы въ посмѣяніе приговора купляетъ: и утверди твердѣли своя, воспользуйся своею силою, имѣя у себя ограды и окопы внѣ оградъ.*

Вльзи въ брѣніе, и поперися въ плевахъ, утверди паче плиноа: (15). Тамъ поясть тѣ огонь, потребить тѣ мечъ, поддѣтъ тѣ аки пружи, и отягчаеши аки мшица. (16) Умножила еси купли твоя паче звѣздъ небесныхъ. Не полагайся на сіи твердыни; потому что никакой не окажутъ тебѣ помощи: по подобно брѣнію, которое для дѣланія изъ него плшнѣ тончуть вмѣстѣ съ плевами, и ты будешь понираема наступившими на тебя врагамъ: городъ сожгутъ, а васъ жителей поражать будутъ всякаго рода стрѣлами, какъ саранчу и мшицу въ конецъ истребятъ всѣхъ васъ; богатство же, которое собрали вы отсюда, и которое также не легко исчислить, какъ и звѣзды небесныя, возмутъ непріятельныя.

Мшицы устремилася, и возлетѣла: (16). Возскачи аки пружъ смѣсникъ твой, аки акрида восходящая на ограду въ день студеныя: солнце взыде, и отлетѣтъ, и не познае мѣсто ея. Какъ саранча и мшица и подобныя имъ животныя, пока лежитъ роса, сидятъ на кустахъ, не имѣя смѣлѣть; а какъ скоро падетъ на нихъ солнечный лучъ, поднимаются, расширяютъ крылья, и переносятся на другое мѣсто: такъ и прішедшіе на помощь къ тебѣ, увидя нашествіе враговъ, позаботятся о спасеніи самихъ себя, и предавшись

бѣгству, оставятъ тебя одну. Потомъ съ состраданіемъ говоритъ Пророкъ:

Лютль имъ. (18). Воздремашася пастуси твои, царь ассирійскъ усни силныя твоя, воздвигошася люди твоя на горы, и не бѣше приѣмлющаго. И изъ сего явно, что божественное Писаніе и царя вавилонскаго называетъ ассирійскимъ. Такъ именуютъ его и писатели внѣшніе. Пророкъ сказалъ, что цари Ниневіи воздремали и уснули, а сномъ иснуесть смерть. Такъ говоритъ и блаженный Давидъ: отъ запрещенія Твоего, Боже Іаковль, воздремаша всѣдшии на кони (Псал. 75, 7.). Но сказалъ также Пророкъ, что цари сін усыплены царемъ ассирійскимъ: царь ассирійскъ усни силныя твоя. По умерщвленіи же царей воздвигошася людие твои на горы, предаваясь бѣгству, и не бѣше приѣмлющаго, то есть, человѣка, который былъ бы въ сплахъ сопротивляться. Потомъ въ означеніе неспѣльности бѣдствій Пророкъ говоритъ:

(19). Нпсть цѣльбы сокрушенію твоему. И какъ слова: сокрушеніе и цѣльба употребилъ въ смыслъ переносномъ, въ такомъ же смыслъ при-совокупилъ:

Разгорься язва твоя. Ненспѣльнымъ вы предашы бѣдствіямъ.

Вси слышации вѣсть твою воспещутъ руками о тебѣ: понеже на кого не найде злоба твоя всегда? Припомяная бѣдствія, какія терпѣли отъ тебя, обрадуются, что и ты терпишь тоже, и будутъ рукоплескать.

Посему, зная правдивость Судии, убоимся судилица, чтобы избѣжать произносимаго тамъ приговора на беззаконныхъ, и сподобиться вѣчныхъ благъ, по благодати и челоуколюбію Господа нашего Исуса Христа. Съ Нимъ слава Отцу, со Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда, и во вѣки нѣковъ! Аминь.

ТОЛКОВАНИЕ

НА ПРОРОКА АВВАКУМА.

СОДЕРЖАНИЕ.

Есть люди, которые весьма огорчаются, видя благоденствие дѣлающихъ неправду. И одни сомнѣваются въ томъ, что Богъ всяческихъ промышляетъ о людяхъ; а другіе вѣруютъ правда ученію о Промыслѣ, но недоумѣваютъ, почему такъ устроятся дѣла человѣческія. Принявъ на себя лице послѣднихъ, чудный Пророкъ Аввакумъ и недоумѣніе изъясляетъ, какъ бы самъ желая дознать причину того, что бываетъ въ мірѣ, и предлагаетъ рѣшеніе недоумѣнія, какое преподала ему благодать Духа. Ибо не самъ Пророкъ, какъ предполагали нѣкоторые, страдалъ сомнѣніемъ; но вводитъ онъ вопросы другихъ, и предлагаетъ ученіе о томъ, чего они доискиваются. Тоже самое сдѣлалъ и божественный Давидъ; ибо вводитъ лице огорченнос

благоуспѣшностію людей порочныхъ, и говоритъ: *мои же въ малъ не подвижастся нозъ: въ малъ не проліяшася стопы моя. Яко возревновахъ на беззаконныя, миръ грѣшниковъ зря* (Псал. 72, 2. 3.). И высказавъ много сему подобнаго, указалъ онъ и рѣшеніе недоумѣній. Ибо говоритъ: *сіе трудъ есть предо мною, дондеже вниду во святило Божіе: и разумью въ послѣдняя ихъ* (17.). Дознавъ же сіе по благодати Духа, присовокупилъ: *обаче за льщенія ихъ положилъ еси имъ злая. Низложилъ еси я, внезапно разгордѣшася. Како быша въ заустыніе? внезапно исчезоша, погибоша за беззаконіе свое. Яко соніе востающихъ* (18—20.). И чрезъ нѣсколько словъ, уча не извѣдывать съ пытливостію божественныхъ домостроительствъ, но въ простотѣ вѣровать словесамъ Божиимъ, говоритъ: *скотенъ быхъ у Тебе: и азъ выну съ Тобою* (22. 23.); то есть, какъ скотъ идетъ въ слѣдъ за тѣмъ, кто впереди, и идетъ не допытываясь, куда его путь, такъ и мнѣ надлежитъ вѣровать словесамъ Твоимъ, и послѣдовать законамъ Твоимъ; потому что, дѣлая это, не буду оставленъ безъ Твоего попеченія. А что Давидъ не самъ сомнѣваясь, но изображая людскіе помыслы, предложилъ сказанные выше вопросы, сіе дастъ видѣть самое начало псалма; ибо сказано: *коль блазъ Богъ Израилевъ правымъ сердцемъ* (1.) Но кто исповѣдалъ Бога благимъ, тотъ, очевидно, исповѣдуетъ вмѣстѣ, что Онъ и благій Попечитель. Много подобнаго находимъ и въ другихъ псалмахъ и у другихъ Пророковъ. Сходно съ симъ и пророчество богомудраго Аввакума. Повидимому, недоумѣваетъ

онъ, почему люди дерзкіе благоусыбише въ дѣлахъ людей благонравныхъ, и почему наказаніе не преслѣдуетъ беззаконныхъ по стопамъ ихъ. Но что не собственные помыслы предложилъ онъ намъ, но, уготовляя предохранительное врачество недугующимъ, представилъ пророчество въ видѣ недоумѣнія и рѣшенія на оное, объ этомъ свидѣтельствуется самое начало пророчества.

ГЛАВА I.

Пророкъ сказавъ: (1.) *видѣніе (то λήμμα)*, еже видѣ Аввакумъ Пророкъ, непосредственно за симъ присовокупилъ:

(2.). *Доколь, Господи, воззову, и не услышиши? возопію къ Тебѣ обидимъ, и не избавиши? (3).* *Вскую мнѣ показалъ еси труды и болѣзни, смотриши страсть и нечестіе? Видѣшемъ же (λήμμα)* называетъ восхищеніе ума, и отъ дѣлъ человѣческихъ переходеніе къ откровенію Божественному. Поэтому, если Пророкъ сказанное выше изрекъ по дѣйствию Духа; — то, очевидно, не самъ онъ страдалъ недоумѣніемъ, но обнажаетъ струпъ у болѣзнуюющихъ онымъ, и прилагаетъ врачество. А потому присовокупляетъ къ сказанному, и говоритъ:

Противу мнѣ бысть судъ, и судія вземлетъ, то есть, судящіе продаютъ справедливость на деньги, и не прилагаютъ никакой заботы о храненіи законовъ. Сіе-то и выразилъ Пророкъ въ присовокупляемомъ.

(4). *Сего ради разорися законъ, и не производится въ совершеніе судъ: яко нечестивый преобидитъ праведнаго, сего ради изыдетъ судъ развращенъ. Сказалъ же сіе о поступающихъ беззаконно въ Іерусалимъ; потому что Израиль, поработенный Ассиріянами, жилъ уже въ земль чужей. Такъ изложивъ сперва, что говоритъ лице огорчающесся, въ уврачеваніе предлагасть божественный отвѣтъ.*

(5). *Видите презорливѣи, и смотрите, и чудитесь, и видите чудеса, и исчезните: понеже дѣло Азъ дѣлаю во днѣхъ вашихъ, емуже не имате вѣровати, аще кто исповѣсть самъ. Презорливыми называетъ Богъ небоязненно нарушающихъ законъ и недугующихъ безчувственностію. Имъ-то повелѣваетъ внимать предрекаемому, придти въ ужасъ, и убояться угрозы. Какъ и прежде событія съ ясностію все вѣдущій, зналъ Онъ, что не повѣрятъ изрекаемому, и до испытанія на самомъ дѣлѣ, что говорится о семъ, почитать будутъ ложнымъ; однакоже, какъ благій и правдивый, не хочетъ судитъ по одному предвѣденію; но и къ невѣрующимъ обращаетъ Свои предвѣщанія, и наказаніе налагаетъ уже на не пріемлющихъ врачевства.*

(6). *Зане се Азъ возстаблю Халдеи, языкъ горькій и борзый, и ходяцій по широтамъ земли, еже насльдити селенія не свои. На васъ, живущихъ въ неправдѣ и беззаконіи, ради которыхъ огорчаются не знающіе законовъ Промысла, наведу жестокихъ и недержимыхъ Халдеевъ, которые изъ*

алчности къ чужому ополчаются противъ всѣхъ народовъ.

(7). *Страшенъ и явленъ есть, отъ него судъ его будетъ, и взятіе отъ него изыдетъ. Народъ сей знатенъ, и одною славою о себѣ можетъ устрашать. Судитъ же, не чужимъ слѣдуя законамъ, но обращаетъ въ законъ, что приходитъ ему на мысль. Яснѣе выразилъ это Симмахъ: самъ собою будетъ судить, и исполнитъ свое повелѣніе.*

(8). *И изскочатъ паче рысей кони его, и быстрые волковы аравійскихъ: и пойдутъ коницы его, и устремятся издавеча, и полетятъ аки орелъ готовъ на ядь. Всѣмъ этимъ Пророкъ изобразилъ ихъ силу, мужество и быстроту. Ибо таковъ между пернатыми орелъ, которому уподобилъ всадниковъ; таковы между звѣрями рыси и аравійскіе волки, быстротъ которыхъ уподобилъ быстроту коней.*

(9). *Скончаніе на нечестивыя придетъ, сопротивляющіяся лицамъ ихъ противу. Они конечную гибель нанесутъ злочестивымъ, и притомъ покушающимся вести съ ними войну и ополчаться на нихъ. И сіе яснѣе выразилъ Симмахъ: все станетъ добычею любостыжательности, видъ лица ихъ — вѣтръ палящій. Какъ быстроту коней и всадниковъ Пророкъ изобразилъ въ подобіяхъ: такъ и звѣрство лицъ уподобилъ палящему вѣтру; ибо какъ вѣтеръ сей опалаетъ обнаженныя тѣла, такъ одного вида Халдсеви достаточно, чтобы въ тѣхъ, кто видитъ ихъ, угасло все блистательное.*

И соберетъ яко песокъ пльнники. (10). И той надъ царми посмѣется, и мучители играніе его,

и той надъ всякою твердлюю поругается, и обложитъ валъ, и возобладаетъ ею. Игравъ болѣе, нежели прилагая какое-либо усиліе, разрушить и законныя царства и противозаконныя владычества; обводя окопы, и употребляя въ дѣло стѣпобитныя орудія, разорить до основанія всякій крѣпкій оплотъ. Но благій Владыка, увидѣвъ такое неистовство его, помилуеъ подпадшихъ симъ бѣдствіямъ.

(11). Тогда, сказано, премѣнитъ духъ, и прейдетъ, и помолится; потому что, премѣнивъ гнѣвъ на сострадательность, будетъ милостивъ, и прекратитъ скорби. Посему-то Пророкъ, крайше изумленный Божіимъ человеколюбіемъ, воззвалъ:

Сія крѣпость Богу моему. Тебѣ единому, Владыка, принадлежитъ власть и наказывать, какъ угодно, и наказаніе премѣнять на милость.

(12). *Иpsi ли Ты ископи Господи Боже святой мой: и не умремъ. Познавъ, что Ты изъ начала Владыка и Господь, превышій всего сущаго, отъ Тебя пріемлемъ спасеніе.*

Господи, на судъ учинилъ еси его, и созда мя обличати наказаніе его. На сіе, говорятъ Пророкъ, въ началъ привелъ Ты меня въ бытіе, чтобы обличать согрѣшающихъ, и предсказывать палагаемыя наказанія.

(13). *Чисто око Твое еже не видѣти зла, и взирати на труды не можши: вскую призираеши на презорливья? премолчаваеши егда пожираетъ нечестивый праведнаго? (14). И сотвориши чловѣки яко рыбы морскія, и яко гады не имущія старпѣишыны. Представленное въ началъ проро-*

чества недоумѣніе Пророкъ предложилъ по причинѣ незаконно поступающихъ въ Іерусалимъ, сказавъ же, какое наказаніе потерпятъ они въ пашествіе Халдеевъ, и зная, что и о семъ родится у многихъ вопросъ: почему Богъ согрѣшившихъ во многомъ предалъ людямъ болѣе лукавымъ? — Пророкъ предлагаетъ сказанное имъ теперь не потому, что самъ онъ пытливо извѣдываетъ Божественный Промыслъ (возможно ли сіе сказавшему о себѣ, что созданъ на обличеніе другихъ?); но потому, что изображаетъ помыслы вдающихся въ таковыя изслѣдованія; и говоритъ: знаю, что гнушаешься всякимъ порокомъ; потому что Ты — источникъ правды; но желаю дознать, почему попускаешь, что благоуспѣшны высокоумѣрные и страждущіе безчувственностію, и оставляешь безъ вниманія, что отъ злочестивыхъ терпятъ обиды не столько злочестивые. Ибо праведнымъ называю здѣсь Пророкъ не того, кто во всемъ праведенъ, но кто сравнительно праведнѣе дѣлающаго неправду. Такъ перевели Акила, Симмахъ и Θεодотіонъ: умалчиваешь, когда пожираетъ печестивый того, кто правдивѣе его. Если продолжится сіе, родъ человѣческой ничѣмъ не будетъ отличаться отъ безсловесныхъ, живущихъ въ водахъ, у которыхъ нѣтъ ни законодателей, ни судей, и слабѣйшія предоставлены въ пищу сильнѣйшимъ. Имъ подобенъ и этотъ, во зло употребляющій владычество свое, разумѣетъ же царя вавилонскаго.

(15). *Скончаніе удою восхити его, и привлече его мрежею своєю, и собра его стѣтми своими: сего ради возвеселится, и возрадуется сердце его:*

(16). *Сего ради пожретъ мрежи своей, и покадитъ съть свою, яко тѣми разблажи часть свою, и пици своя избранныя.* Такою одаренъ онъ силою, что какъ бы нѣкою сътію и удою уловляетъ цѣлыя народы, и услаждается ссєю добычею. Но, отъ сего впадши въ страсть высокомѣрія, причиною совершаемаго почитаетъ одну собственную свою силу, и повелѣваетъ воздавать ей Божеское чествованіе. Яспѣе открывъ намъ это божественный Даниль, сказавъ, что царь вавилонскій соорудилъ золотой истуканъ, и все множество подданныхъ, сверхъ подначальныхъ и начальниковъ, принуждалъ поклоняться ему. И божественный Исаія, изображая высокомѣріе его, а вмѣстѣ и наказаніе за оное, и дѣлая извѣстными помыслы его, говоритъ: *взыду выше облакъ, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой (Иса. 14, 13. 14.), вселенную обзиму яко гнѣздо, и яко оставленная яица возму (Иса. 10, 14), и вскорѣ присовокуплятъ: подъ тобою постелятъ гнилость, и покровъ твой червь (Иса. 14, 11.).* И блаженный Пророкъ Аввакумъ говоритъ; *пожретъ мрежи своей, и покадитъ съть свою, яко тѣми разблажи часть свою, и пици своя избранныя.*

(17). *Сего ради простретъ мрежу свою, и присно избивати языки будетъ, и не пощадитъ;* потому что во всемъ успѣетъ безъ труда, уловляя въ мрежу свою, кого захочетъ, и не испытывая никакаго зла, нападетъ и на другіе народы, и не престанетъ, какъ нѣкую съть, распространять могущество свое.

ГЛАВА 2.

(1). *На стражи моей стану, и взыду на камень, и посмотрю еже видѣти, что возглаголетъ во мнѣ, и что отвѣщаю на обличеніе мое. Сіе подобно сказанному блаженнымъ Давидомъ: сіе трудъ есть предо мною, доидеже вииду во святило Божіе, и разумѣю въ послѣдняя ихъ (Псал. 72, 16. 17.).* Ибо и здѣсь Пророкъ говоритъ: пребуду въ томъ чинѣ, въ который возведенъ, и не оставлю твердыни. Но ставъ на такомъ камнѣ, на какомъ поставилъ Богъ и великаго Моисея, пророческими очами узрю рѣшеніе изыскуемаго. И изъ сего ясно дознаемъ, что таковыя вопросы предлагались не божественнымъ Пророкомъ, но другимъ; потому что Пророкъ говоритъ: *посмотрю еже видѣти, что возглаголетъ во мнѣ Господь, и что отвѣщаю на обличеніе мое.* Ибо надобно мнѣ знать, какой отвѣтъ надлежитъ мнѣ произнести желающимъ дознати отъ меня это.

(2). *П отвѣща Господь ко мнѣ, и рече: виши видѣніе, явь на дскѣ, яко да постигнетъ читаяя я.* (3). *Зане еще видѣніе на долгое время, и просіяетъ въ конецъ, а не вотще.* Не пынь только сомнѣвающимся въ этомъ изреченіи слова сіи; но и тѣмъ, которые будутъ въ послѣдствіи, передай письменный о семъ памятникъ. Лучше же сказать, къ будущимъ болѣе, нежели къ пынѣшимъ, относится то, что будетъ сказано; потому

что, по истеченіи долгаго времени, придетъ въ исполненіе пророчество сіе. Потомъ Пророкъ со-вѣтуетъ ожидать конца, и не сомнѣваться по той причинѣ, что до исполненія протечетъ много времени.

Аще умедлитъ, потерпи ему, яко идый приидетъ, и не умедлитъ. Истинно слово предреченія сего; посему не сомнѣвайся, хотя и по прошествіи многаго времени не увидишь конца; потому что непременно совершится и не останется неисполнившимся.

(4). *Аще усумнится, не благоволитъ душа Моя въ немъ: праведникъ же Мой отъ вѣры живъ будетъ.* Кто оказываетъ сомнѣніе къ предвѣщаніямъ, отъ Меня исходящимъ, тотъ недостойнъ Моего о немъ пощеченія. А кто вѣруетъ изрекаемому Мною, и, сообразно съ сею вѣрою, проходитъ жизнь, тотъ пожнетъ плодъ жизни. Посему, зная это, съ вѣрою прими предвозвѣщаемое тебѣ о царѣ вавилонскомъ. Потомъ Пророкъ описываетъ его гордыню и ненасытную лобостязательность.

(5). *Презорливый же и обидливый мужъ и величавый ничесоже скончатъ.* Посему знай: кто водится самомнѣніемъ, высоко о себѣ думаетъ, и пренебрегаетъ Мое долготерпѣніе, тотъ не надолго воспользуется симъ владычествомъ надъ другими.

Иже расшири аки адъ душу свою, и сей яко смерть ненасыщенъ: и соберетъ къ себѣ вся языки, и приметъ къ себѣ вся люди; потому что, подобно аду и смерти, не сознаетъ въ себѣ сытости, и покоряя себѣ всѣхъ людей, не можетъ удовлетворить своему пожеланію владычествовать.

(6). Не сія ли вся на него критичу примутъ, и гаданіе въ повпсть его? и рекутъ: горе умножающему себя не суцая его, доколь? и отягчающему узу свою тяжцѣ. Всякій здравомыслящій ненасытность его сравнитъ съ адомъ и смертію, но и оплачетъ его за то, что чужими бѣдствіями приумножаетъ достояніе свое, и не сознаетъ въ себя сытости, но обременяетъ подвластныхъ оброкомъ и данію; почему всякой скажетъ: долго ли не удовлетворятся твоей ненасытности? Но и невольно перестанетъ онъ дѣлать неправду.

(7). Яко везану востанутъ угрызающіи его: и ободраются настѣнницы твои, и будешь въ разграбленіе имъ. (8). Понесе ты плыишь еси страны многи, плыишь ты вси оставиши людие. Преоборовъ многихъ, низложенъ будешь немногими. Долгое время терпѣвшіе твою мучительство, какъ бы воставъ отъ сна, устроятъ твою погибель; понесешь наказаніе за тысячи убійствъ, за великое злочестіе, за незаконные поступки съ городами, которые запустѣли, бывъ лишены тобою жителей.

(9). Горе лихоимствующему лихоимство злое дому своему, еже учинити на высоту гильздо свое, еже исторгнути отъ руки злыхъ. Подлинно злосчастенъ, и трекратно злосчастенъ, кто желаетъ большаго, такими средствами покушается обогатить свой домъ, и усиливается стать выше всѣхъ людей. Таковій потеритъ вѣщнее паденіе, какъ съ большей высоты низвергающійся въ глубину.

(10). Умыслилъ еси стыдѣніе дому своему, скончалъ еси люди многи, и согрѣши душа твоя.

Тысячи золь причинивъ многимъ народамъ, душу свою пронзилъ ты грѣхамъ, и весь домъ покрылъ стыдомъ.

(11). *Зане камень изъ стѣны возопіетъ, и хрущъ отъ древа возглаголетъ сія.* Не разумомъ только одаренныя, но и неодушевленныя и неразумныя твари возопіютъ о твоёмъ неразуміи и неистовствѣ. Очевидно же, что о камнѣ и хрущѣ сказано для усиленія рѣчи; ибо и Господь сказалъ Іудеямъ о дѣтяхъ: *аминь глаголю вамъ, аще сіи умолчатъ, каменіе возопіетъ* (Лук. 19, 40.). Въ-место слова: *хрущъ Симмахъ употребилъ*: древесная связь.

(12). *У лютъ созидающему градъ кровми, и уго-товляющему градъ неправдами.* (13). *Не сія ли суть отъ Господа Вседержителя? и оскудѣша людіе мнози огнемъ, и языцы мнози изнемогша.* (14). *Яко наполнится земля вѣдѣнія славы Господни, якоже вода многа покрыти моря.* Попсти-нѣ слезъ и сътовація достоинъ ты, неправедными убійствами распространившій царство свое, и не-уразумѣвшій, что Богъ всяческихъ потребуеть отчета у поступающихъ противозаконно. А еслибы пріобрѣлъ ты это знаніе; то силы своей не употребилъ бы, какъ пѣкоего огня противъ многихъ народовъ, подвергая ихъ чрезмѣрнымъ казнямъ. И не думай, что пріобрѣтеніе вѣдѣнія Божія трудно; напротивъ того знай, что весь человѣческій родъ весьма скоро пріиметъ сей лучъ, и озарится свѣ-томъ Боговѣдѣнія такъ, что горькое море невѣрія покроется сладкими водами вѣдѣнія.

(15). *Горе напаяющему подруга своего развраща-*

щеніемъ мутнымъ, и упоявающему, яко да взира-
етъ къ пещерамъ ихъ. (16). Сытость безчестія
отъ славы испій и ты, поколеблися, и сотрясни-
ся. Поелнику, отыскивая зарытыя сокровища, какъ
мутное нѣкое питіе, уготовлялъ ты другимъ казнь;
то и самъ пріими питіе, какое ты растворилъ, и,
вкушая его, отложи прежнюю славу, облекшись
же безчестіемъ, оплакивай внезапную преврат-
ность.

Обыде о тебѣ чаша десницы Господни, и со-
брася безчестіе на славу твою. Праведное Божіе
наказаніе постигло тебя. Ибо чашею и виномъ
Пророкъ называетъ наказаніе, какъ говорили мы
многократно.

(17). Зане же нечестіе Ливаново покрываетъ тя,
и страсть звѣрей престашитъ тя, крове ради
человѣчи и нечестія земли, и града, и встѣхъ жи-
вущихъ на ней. Потерпишь наказаніе за то, на
что отважился ты противъ Іерусалима (ибо Лива-
номъ Пророкъ назвалъ Іерусалимъ). И какъ пѣки-
мъ звѣрямъ преданъ будешь врагамъ, неся нака-
заніе за прищипенное тобою всякаго рода зло.

(18). Что пользуетъ изваяное, яко изваяше е?
Создаша сліяніе, мечтаніе ложное, яко упова соз-
давый на созданіе свое сотворити кумиры пльмыя.
Что несмысленнѣе сего — поклаяться рукотворен-
нымъ идоламъ? видѣть передъ собою вещество и
и искусство, и по тупоумію воздавать имъ чество-
ваніе, какъ богамъ?

(19). У лютъ глаголющему къ древу: ободрися,
востани: и каменію: возвысися: и то есть мечта-
ніе, и сіе есть скованіе злата и сребра, и всяка-

го духа нѣсть въ нихъ. Кто не будетъ по справедливости плакать о тѣхъ, которые соглашаются молиться богамъ, сдѣланнымъ изъ золота и серебра? Они не стыдятся будить ихъ, какъ сонныхъ, и притомъ зная, что совершенно они неодушевлены и неспособны дѣйствовать видимыми у нихъ орудіями чувствъ.

(20). *Господь же во храмъ святѣмъ Своемъ: да убоится отъ лица Его вся земля.* Ибо идолы нѣмы и лишены всякой силы; а Владыкъ нашему, какъ бы нѣкимъ храмомъ служить небо, и на земль во Иерусалимъ есть у Него посвященное Ему мѣсто. И по всему справедливо, что отъ всей твари пріемлетъ Онъ чествованіе. Очевидно же, что и сіе изречено царю вавилонскому, который презрѣлъ Сущаго Бога, и божественный храмъ Его предалъ огню, а чествовалъ всякимъ служеніемъ идоловъ, сооруженныхъ рукою чловѣческою. Такъ блаженный Пророкъ, давъ рѣчи особенный образъ и изложивъ ее въ видѣ вопроса и отвѣта, недоумѣнія и рѣшенія на то, что привело къ недоумѣнію, и показавъ правдивость Божію и то, какъ наказуетъ Богъ Іудеевъ чрезъ Вавилонянъ, а Вавилонянъ чрезъ другіе народы, снова измѣняетъ рѣчь въ пѣспопѣіе и молитву, въ видѣ молитвы предвозвѣщающаго опять будущее.

ГЛАВА 3.

(1). *Господи услышахъ служъ Твой, и убояхся*
 (2). *Господи разумьхъ дѣла Твоя, и ужасохся.*
 Страхъ исполнился я, Владыка, услышавъ Твои глаголы; увидѣвъ же справедливость Твоего опредѣленія; увидѣвъ, какъ всѣмъ, что ни дѣлается, распоряжаешься Ты правдиво, пребываю въ крайнемъ удивленіи.

Посредь двою животну познаиъ будеши. Это иными понимается различно. Одни подъ двумя животными разумѣли ангеловъ и челоуѣковъ; другіе же тѣ изъ безплотныхъ Силъ, которыя приближены къ Божіей славы, — Херувимовъ и Серафимовъ; а нѣкоторые — Іудеевъ и Вавилонянъ. Но мнѣ кажется, что Пророкъ говоритъ не о двухъ животныхъ, но о двухъ жизняхъ, настоящей и будущей, среди которыхъ является праведный Судія.

Внегда приблизитися лѣтомъ, познаешися: внегда прійти времени, явишися. Ибо съ теченіемъ времени и явленіемъ самыхъ событій оказывается нелживость Твоихъ предреченій.

Внегда смутитися души моей во гнѣвъ, милость помянеши. Когда и наказаніями смущаешь души людей, и тогда, воясь милостію, измѣняешь опять бѣдственное ихъ состояніе.

(3). *Богъ отъ Ѳемана прійдетъ, и Святый изъ горы пріостыненныя чащи.* Слово: Ѳеманъ, одни перевели: ливъ, другіе: югъ. Пророкъ же предрекаетъ и предвозвѣщаетъ вочлоуѣченіе Бога и Спа-

сителя нашего, совершившееся въ Внолсемъ, который лежитъ къ югу, или ливу, отъ Іерусалима. А горою *пріосъщенною* называетъ самый Іерусалимъ, обиловавшій древле многоразличными дарованіями, осыняемый облакомъ и пребывавшій подъ кровомъ Бога небснаго.

Покры небеса добродѣтель Его, и хваленія Его исполнь земля. Сіе изрекъ и блаженный Давидъ: Господи Господь нашъ, яко чудно имя Твое по всей земли, яко взятыя великолѣпіе Твое превыше небесъ (Псал. 8, 1.). Ибо единородное Божіе Слово вочеловѣчившись разсѣяло мракъ невѣдѣнія, просвѣтило же челоуѣковъ лучами Боговѣдѣнія, и всѣхъ научило, что Богъ—Творецъ неба, земли и всего.

(4). *И сіяніе Его яко свѣтъ будетъ*; потому что издалъ самый свѣтлый лучъ, которымъ озарилъ вселенную.

Рози въ рукахъ Его: и положи любовь державну крѣпости Своея. Не только, распространивъ свѣтъ ученія, показалъ тѣмъ истину, но и силою чудотворенія всякой языкъ подвигъ къ удивленію. Содѣлалъ же то и другое по великой любви къ естеству челоуѣческому. И Самъ Господь сказалъ это въ священномъ евангеліи: *Азъ есмь пастырь добрый: пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (Іоан. 10, 11.); и: *больши селюбве никтоже можетъ показать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13.). А рогами Пророкъ назвалъ силу, потому что рога составляютъ оружіе снабженыхъ ими животныхъ. Таковъ смыслъ сказаннаго блаженнымъ Давидомъ: *о Тебѣ враги наша избодемъ роги* (Псал. 43, 6.).

(5). *Предъ лицемъ Его предвидеть слово, и изыдетъ въ наказаніе (а) при ногу Его:* потому что дѣламъ предшествуетъ слово, и предрекая будущее, ведетъ оно за собою и событія, весьма согласныя съ словами. Слово: *εις παιδείαν* (въ наказаніе), въ нѣкоторыхъ спискахъ имѣетъ на концѣ букву *υ*; и даетъ видѣть, что Богъ всяческихъ къ вразумленію и наученію людей употребляетъ какъ слова, такъ и дѣла; а въ нѣкоторыхъ спискахъ слово сіе не имѣетъ на концѣ буквы *υ*, и означаетъ, что съ великимъ удобствомъ, какъ на ристалищномъ полѣ, за пророчествами слѣдуютъ согласныя съ ними событія.

(6). *Ста, и подвижеся земля: прирзъ, и расталиша языцы: стрышася горы нуждею, и расталиша холми вѣчнии, шествіями вѣчными Его.* Всѣмъ сказаннымъ Пророкъ показалъ намъ неизреченное Божіе могущество; потому что за преднамѣреніемъ Божіимъ слѣдуетъ и самое дѣло; восхотѣвъ только (сіе выразилъ Пророкъ словами: *ста* и *прирзъ*), колеблетъ Онъ землю, сокрушаетъ родъ человѣческой, расторгаетъ горы, дѣлаетъ, что холмы таютъ, какъ воскъ. Сіе же и подобное сему содѣлываетъ Богъ на пользу людямъ. Ибо *шествіями* называетъ Пророкъ дѣла; означаетъ же сказаннымъ и источившій всѣмъ людямъ спасеніе крестъ. На немъ сталъ Владыка Христосъ, и поколебалъ землю, привелъ въ движеніе и расторгъ горы, поразилъ

(а) У блаж. Феодорита вмѣсто: *εις παιδία* (на поле) читается: *εις παιδείαν*.

зиль ужасомъ демоновъ, разрушилъ капища на горахъ и холмахъ, опредѣливъ сіе изъ начала и до устроенія міра, исполнивъ же напоследокъ дней.

(7). *За труды, какіе видѣлъ, селенія Еѳіопская убоятся, и кровы земли Мадіамскія.* Но по спасительныхъ страданіяхъ увидѣлъ я падшими демоновъ, которые, по своему произволенію уподобляя себѣ естественному цвѣту Еѳіоповъ, обольщаютъ души людей. Если же кому угодно разумѣть сіе и о людяхъ; то не удалится онъ отъ цѣли божественнаго писанія; потому что послѣ спасительнаго креста и страданія и по воскресеніи Владычнемъ, божественный ликъ Апостоловъ, исполнившись духовной благодати, увидѣлъ и кровы мадіамскія, и жилища еѳіопскія, и цѣлую вселенную исполнилъ Боговъдвнїя.

(8). *Еда въ рѣкахъ прогнѣваешия Господи? еда въ рѣкахъ ярость Твоя? или въ мори устремленіе Твое?* То есть, колебля землю и горы стирая съ лица земли, ужелп Ты, Владыка, гнѣваешься на всѣ народы, и всѣмъ человѣкамъ готовишь конечную гибель? Ибо рѣками и моремъ Пророкъ назвалъ народы.

Яко всядеши на кони Твоя, и яжденіе Твое спасеніе. (9). *Паллцая налпчеши лукъ Твой на скиптры, глаголетъ Господь.* Но очевидно, что, промышляя о спасеніи человѣческомъ, прїялъ Ты сіи страданія. Посему, какъ на шѣкинхъ коняхъ возсѣдая на священныхъ Апостолахъ, всѣмъ вѣрующимъ даруешь спасеніе, а карательныя орудія употребляешь на прекословящихъ, между которыми первенствуютъ колына Израилевы; потому сіи ко-

льна назвалъ Пророкъ скиптрами. Сходно съ снмъ и сказанное Господомъ въ Дамаскъ Анапін о блаженномъ Павлѣ: иди, яко сосудъ избранъ Ми есть сей, пронести имя Мое предъ языки и царми, и сынами Израилевыми (Дьян. 9, 15.). А сіе: наляца я палячешн лукъ Твой, весьма согласно съ тѣмъ, что сказано блаженнымъ Давидомъ: наляцы, и успывай, и царствуй (Псал. 44, 5.): и чрезъ нѣсколько словъ: стрѣлы Твоя изощрены Силле: людіе подъ Тобою падуть въ сердцы врагъ царевыхъ (6).

Рѣками разядется земля. Какъ земледѣльцы умудрясь для орошенія земли отводятъ рѣки въ ископаные ими рвы; такъ и Ты, подобно нѣкнмъ рѣкамъ, раздѣлншь божественныхъ Апостоловъ и ихъ послѣдователей, и доставншь людямъ духовное орошеніе.

(10). *Узрятъ Тя, и поболеятъ людіе.* Въ семъ заключается двоякій смыслъ. Увѣровавшіе, видя явленнойо силу Твою, возлюбятъ оную, и стануть какъ бы болѣзновать, желая увидѣть вѣчное царство; одержимые же невѣріемъ оцуютъ болѣзни жены раждающей отъ зависти и ненависти къ слави Твоей.

Расточая воды шествія Его. И это согласно съ сказаннымъ; потому что воды Божественнаго ученія Своего чрезъ божественныхъ Апостоловъ измѣялъ на всѣ народы.

Даде бездна гласъ свой, высота привидѣнія своя, воздвиже (6). (11). *Солнце и луна ста въ*

(6) По обыкновенному чтенію: *воздвижеса солнце.*

чинъ своемъ. Пророкъ продолжилъ иносказаніе, и соблюлъ послѣдовательность представленій. Ибо, священныхъ Апостоловъ нарекиши рѣками, моремъ именуешь народы, погрязшіе въ горечи нечестія. Но какъ при впаденіи рѣкъ въ море происходитъ великій шумъ отъ противоборства морскихъ волнъ, препятствующихъ впаденію; такъ, когда божественные Апостолы, обходя народы, приносили спасительную проповѣдь, воздвигались противъ нихъ волненія и мятежи у прекословившихъ имъ невѣрныхъ и покушавшихся угасить пламень ученія. И сіе ясно показываетъ намъ исторія Дѣяній. Ибо въ Ефесѣ воздвигъ противъ Апостоловъ мятежъ *среброковачъ* Димитрій (Дѣян. 19, 23—29.). Другіе же въ Коринѣхъ вопіяли: *иже развратиша вселенную, сіи и здѣ пріидоша* (Дѣян. 17, 6.); а въ Іерусалимѣ Іудеи, подвигнувъ весь городъ на Богомудраго Павла, напоследокъ предали его Римлянамъ. Можно найдти тысячи и другихъ подобныхъ примѣровъ.

Во свѣтъ стрѣлы Твоя пойдуть, въ блистаниіи молній оружіи Твоихъ. (12). *Прещеніемъ умалиши землѣ, и яростію низложиши языки.* И при сихъ востаніяхъ на посланныхъ Тобою къ народамъ проповѣдниковъ, Ты, говоритъ Пророкъ, имѣя неизреченное могущество, изобилуя всякими карательными орудіями, хотя однимъ прещеніемъ можешь растливать всю землю съ ея обитателями, однакоже пребудешь долготерпѣливымъ. Будешь же оказывать сіе долготерпѣвіе, потому что

(13). *Изшелъ еси во спасеніе людей Твоихъ, спасти помазанныхъ Твоя.* И сіе сходно съ тѣмъ,

что Спасителемъ нашимъ сказано въ священномъ евангеліи; Сынъ человѣческой пришелъ въ міръ, не да судитъ мірови, но да спасетъ имъ міръ (Іоан. 3, 17.). А помазанными Пророкъ называетъ удостоившихся призыванія, съ вѣрою пріѣвшихъ проповѣдь, и сподобившихся благодати божественнаго Духа.

Вложилъ еси во главы беззаконныхъ смерть: воздвиглъ еси узы даже до выи въ конецъ. Какъ увѣровавшимъ даровалъ Ты спасеніе; такъ до конца не увѣровавшихъ предалъ смерти, обложивъ ихъ узами ея.

(14). *Разсыплетъ еси во изступленіи главы сильныхъ, сотрясутся въ ней: разверзутъ узды своя яко сыпдаиши щий тай. Когда же могущество Твое содѣлается явнымъ для всѣхъ людей; тогда облеченные высокою властію придутъ въ такой страхъ, что, не съ дерзновеніемъ, но въ скрытности и тайно станутъ выражать свое противленіе, такъ что справедливо ный уподобить ихъ щему, который не смѣетъ вкушать пищу явно, но жуется ее, не разверзая усть.*

(15). *И навелъ еси на море кони Твоя, смущающія воды многи. Выше сказалъ Пророкъ, что при вліяніи рѣкъ въ море происходитъ буря. А здѣсь названныхъ рѣками наименовалъ еще конями, при вступленіи которыхъ къ народамъ возставали волненія, но за волненіями послѣдовала глубокая тишина. Сіе и Господь сказалъ въ священномъ евангеліи: не придохъ восреци миръ во вселенную, но мечъ, разлучити человѣки на ближняго своего, сына на отца своего, и дочь на мать свою,*

и невѣсту на свекровь свою (Матѳ. 10, 34, 35.). Поелику согласно возлюбилн нечестіе; то добрымъ раздѣленіемъ разрушаетъ худое согласіе, и послѣ достохвальнаго разногласія производитъ единодушіе благочестія.

(16). *Сохранихся, и убояся чрево мое, отъ гласа молитвы устенъ моихъ, и вниде трепеть въ кости моя, и во мнѣ смятесе крѣпость моя.* Пророкъ, заключивъ изъ сказаннаго, что постигнетъ невѣрующихъ Іудеевъ по увѣрованіи язычниковъ, сказалъ, что, движимый состраданіемъ къ единоплеменникамъ, пришелъ онъ въ трепеть и страхъ отъ предсказаній, изреченныхъ въ молитвѣ. Однакоже, говоритъ онъ, имѣю то утѣшеніе, что не буду самовидцемъ бѣдствія ихъ.

Ночію въ день скорби моея, да възду въ люди пришестьствія моего. Прежде исполненія предреченій буду имѣть конецъ жизни, и освобожусь отъ преселничества жизни настоящей.

(17). *Зане смоковь не плодопринесеть, и не будетъ рода въ лозахъ: солжетъ дѣло маслинное, и поля не сотворятъ яди: оскудѣша овцы отъ пищи, и не будетъ воловъ при яслѣхъ.* Я не увижу, говоритъ Пророкъ, ни безплодія смоковницы, ни неурожая маслины, ни виноградной лозы, лишеной гроздовъ, ни обнаженныхъ полей, неносящихъ класовъ, ни скота, гибнущаго отъ голода. Въ каждомъ изъ сихъ изреченій заключается иносказаніе. Ибо смоковницею Пророкъ называлъ Іерусалимъ. Такъ понимать научилъ насъ Господь, притчею указавъ на безплодную смоковницу, которую садовникъ намѣревался срубить за неплодіе;

но дѣлатель сада умолялъ дать ей нѣсколько времени, чтобы, когда приложено будетъ особенное о ней попеченіе, или дала она плодъ, или была вырвана съ корнемъ. *Виноградомъ* же Божественное Писаніе многократно именовало народъ Божій. Не буду приводить другихъ свидѣтельствъ; устами Исаи говоритъ Богъ: *виноградъ бо Господа Саваоа, домъ Израилевъ есть, и домъ Іудинъ новый садъ возлюбленный: ждахъ да сотворитъ судъ, сотвори же беззаконіе, и не правду, но вопль* (Иса. 5, 7.). А недающею плода *маслиною* непогрѣшивъ назоветъ пный фарисеевъ и саддукеевъ, которые, величаясь присвоаемымъ ими себѣ именемъ праведности, вовсе не приносили плодовъ ея. И что маслина берется въ изображеніе праведныхъ, свидѣтель сему великій Давидъ, который взываетъ: *азъ же яко маслина плодовита въ дому Божіи: уповахъ на милость Бога моего во вѣкъ* (Псал. 51, 10.). Полями безплодными Пророкъ нарицаетъ покорныхъ симъ наставникамъ, которымъ и Іеремія взываетъ: *поновите себѣ поля, и не съйте на терніи* (Іерем. 4, 3.). И овцами называетъ Пророкъ подчиненныхъ, которымъ угрожаетъ голодомъ. Ибо сказано: *се пошлю гладъ на землю, не гладъ хлѣба, ни жажду воды, но гладъ слышанія слова Господня* (Амос. 8, 11.). Сіе же: *не будетъ воловъ при ясельхъ*, говоритъ Пророкъ объ іереяхъ, безъ которыхъ остались пусты именитые древле жертвенники. Какъ волю обрабатываютъ землю; такъ іерепъ въздѣлываютъ души людей, какъ нѣкую пищу собирая съ нихъ приносимое къ божественнымъ жертвенникамъ, какъ къ нѣкимъ яслямъ. О нихъ

и блаженный Павелъ сказалъ : да не заградиши устенъ вола молотяща (1 Кор. 9, 9.); И еще : служащии олтарю, со олтаремъ дѣлятся (—13.): Но они впадутъ въ таковыя бѣдствія,

(18). *Азъ же о Господь возрадуюся, возвеселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ.* (19). *Господь Богъ мой сила моя, и учинитъ нозѣ мои яко еленъ: и на высокая возводитъ мя, еже побѣдити ми въ пѣснѣхъ Его.* Хотя я за нихъ исполнился печали и страха; но, потому что слава Бога моего содѣлается явною для всѣхъ чловѣковъ, радуюсь и веселюсь. Ибо подкрѣпитъ Богъ естества моего немощь, и сдѣлаетъ, что подобно оленю буду попирать змѣевъ и скорпионовъ и духовъ злобы, пока не взойду на высоту добродѣтели, и не воспую побѣдную пѣснь Спасителю и Творцу.

Извѣстно мнѣ, что иные, всю молитву Аввакумову понимая исторически, утверждали, будто бы Пророкъ предрекъ сіе о возвращеніи изъ Вавилона. Не буду противорѣчить, если кому угодно полагать, что прообразовательно предречено сіе о возвратившихся изъ плѣна; потому что такое разумѣніе согласно и съ моимъ толкованіемъ; если ветхозавѣтное подлинно есть дѣйствительное прообразование новозавѣтнаго. Но почелъ бы я ни съ чѣмъ не сообразнымъ, когда превозмогаетъ дѣйствительность, и тѣломъ закрывается тѣнь, о чемъ-либо другомъ понимать пророчество, не вполне тому соответствующее. Если же кому желательно дознать въ точности; пусть истолкуетъ пророчество, и увидитъ, что въ немъ большая часть ни мало не соответствуетъ прообразованіямъ. Впрочемъ о семъ

пусть судятъ, кому какъ угодно. А я умоляю читателей извлекать пользу изъ толкуемаго, и при помощи божественной силы совершать теченіе, и возжелать побѣдныхъ вѣнцевъ, податель которыхъ— Владыка Христосъ. Ему подобаетъ всякая слава во вѣки вѣковъ ! Аминь.

ТОЛКОВАНИЕ

НА ПРОРОКА СОФОНІЮ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Послѣ благочестиваго и боголюбиваго царя Езекии, воцарившійся сынъ его Манассія дошелъ до крайняго предѣла нечестія, а также сдѣлалъ, что и народъ совратился въ беззаконіе и служеніе идоламъ. Сынъ же его Амонъ, царствовалъ не многое время, послѣдовалъ злостію отца, но не поревновалъ его покаянію. Онъ также, какъ и отецъ, обучалъ народъ всякаго рода порокамъ. Рожденный имъ треблаженный Іосія возлюбилъ путь прямо противоположный ихъ пути; преуспѣвалъ во всякомъ благочестіи и во всякой добродѣтели, служеніе Богу предпочитая всему въ совокупности. При немъ составилъ пророчество богомудрый Софонія. Да и божественный Іеремія началъ пророчествовать въ тринадцатый годъ его царствованія. Предсказываетъ же сей чудный Пророкъ о томъ, что будетъ съ Іерусалимомъ и колыномъ Іудинымъ. Предвозвѣ-

щаетъ скорби и сосѣдственнымъ съ Іудеями ино-племенникамъ, и предрекаетъ конечную гибель Ассиріянамъ. Потомъ предвозвѣщаетъ возвращеніе народа Божія и будущее по Владычнемъ вочеловѣченіи спасеніе всѣхъ народовъ. Таково вкратцѣ содержаніе пророчества. Начинается же пророчество такъ:

ГЛАВА I.

(1). Слово Господне, еже бысть къ Софоніи сыну Хусіишу, сыну Годоліишу, Амориішу, Езекиішу, во дни Іосіа сына Амоня царя Іудина. (2). Оскудѣемъ да оскудѣютъ вся отъ лица земли, глаголетъ Господь: (3) Да оскудѣетъ человекъ и скоти, да оскудѣютъ птицы небесныя и рыбы морскія. И доказывая справедливость пророчества, присовокупляетъ Пророкъ:

И да изнемогутъ нечестивіи, и изъиму незаконныя отъ лица земли, глаголетъ Господь. За нечестіе и беззаконіе людей истреблю и то, что для людей создано и на ихъ сотворено потребу, то есть, роды безсловесныхъ. Такъ какъ имъ на служеніе сотворилъ Я и птицъ, и рыбъ и скотъ; то съ ними вмѣстѣ погублю и сіе. Ибо не будетъ въ этомъ потребности, когда не станетъ пользующихся. И показывая, чѣмъ раздраженъ и на что гнѣвается, присовокупляетъ:

(4). *И простру руку Мою на Іуду, и на вся живуція въ Іерусалимъ: и изъиму отъ мѣста сего имена Ваалова, и имена жреческа со жерцами,*

(5) и покланяющихся на покровъхъ воинству небесному. Исчисленіемъ грѣховъ доказана справедливость наказаній. Но и наказаніе исполнено чело-вѣколюбія; потому что Богъ обѣщаетъ избавленіе отъ заблужденія и забвеніе не только служенія идоламъ, но и самаго наименованія ихъ. Воинствомъ же небеснымъ называлъ сонмъ небесныхъ свѣтилъ; потому что имъ, желая лучше ихъ видѣть, приносили жертвы на кровляхъ домовъ.

И кленущихся Господемъ, и кленущихся царемъ своимъ (*χατὰ Μελχὼμ*), (6) и уклоняющихся отъ Господа, и не ищущихъ Господа, и не придерживающихся Господа. Иной спросить, можетъ быть: почему Богъ устами другаго Пророка заповѣдуетъ отъять отъ устъ мерзости Вааловы, клясться же повелѣваетъ такъ: *живетъ Господь во истинь* (Иерем. 4. 1. 2.); а здѣсь угрожаетъ наказаніемъ кленущимся Господемъ. Но не трудно найти и скорое рѣшеніе вопроса. Ибо сказано о клянущихся Господомъ и о клянущихся царемъ своимъ. А царемъ (*Μελχὼμ*) назывался аммонитскій идолъ, какъ находимъ и у другихъ Пророковъ, и въ третьей книгѣ Царствъ. Сказано: *и аждаше Соломонъ въ слѣдъ Астарты мерзости Сидонскія, и въ слѣдъ царя ихъ, идола сыновъ Аммонихъ* (3 Цар. 11, 5.). Посему наказаніемъ угрожаетъ Богъ тѣмъ, которые клянутся вмѣстѣ и истиннымъ Богомъ и Господомъ, и идолами; а поэтому согласны между собою пророчества. Въ одномъ говоритъ Богъ: *аще отъи-ми мерзости Вааловы отъ устъ твоихъ, и клене-шися, живетъ Господь, во истинь* (Иерем. 4, 1.); а здѣсь укоряетъ тѣхъ, которые наружно показы-

вають, что служатъ Богу, предпочитаютъ же служеніе идоламъ. Такъ, послѣ угрозы скорбнымъ сразстворяетъ угрозу увѣщаніемъ, чтобы не совратились въ тягчайшіе пороки, отчаявшись въ спасеніи.

(7). *Убойтеся отъ лица Господа Бога, зане близъ день Господень, яко уготова Господь жертву Свою, и освяти званія Своя. Жертвами пророческое слово называетъ многократно и избіеніе незаконныхъ; а сіе найдти можно и у другихъ Пророковъ, и у Богомудраго Іезекіля. Званными же именуетъ враговъ. Сказалъ Пророкъ: освяти, вмѣсто: опредѣлялъ. Такъ и устами Исаи говоритъ: освященни суть: и Азъ веду ихъ (Иса. 13, 3.), то есть, на это опредѣлены. А какъ дѣйствительно святое отдѣляется и отлучается отъ сквернаго, такъ и опредѣленныхъ понести наказаніе, какъ отдѣленныхъ на сіе самимъ Богомъ всяческихъ, называетъ освященными. Такъ и жертвою наименовалъ не въ точномъ значеніи слова. Такъ и слово: *анаѳема*, имѣетъ двойкій смыслъ; ибо означаетъ онымъ не только посвящаемое Богу, но и отчуждаемое отъ Бога.*

(8). *И будетъ, въ день жертвы Господни, и отмщу на князи, и на домъ царскій, и на вся оболченныя во одьянія чуждая: (9). И отмщу явѣ на вся предвратныя въ день той, исполняющія храмъ Господа Бога своего нечестіемъ и лестію.* Поелику опредѣленіе о наказаніи произнесено во дни Іосіа, царя богочестиваго, и царь сей не подлежалъ отвѣтственности въ этомъ, но дѣти и потомки его, живъ незаконно, понесли наказаніе за дѣла, на какія отважились; то справедливо сказалъ:

отлицу не на царя, но на домъ царскій и на князи. Подъ одпьяніями же чуждыми, по словамъ нѣкоторыхъ, разумѣется пріобрѣтенное хищеніемъ и любостыжательностію, а по словамъ иныхъ, дѣлаемое по крайнему непотребству; потому что и мужи, живя незаконно, облакаются въ одежды женскія, и жены, преданныя похотливости, носятъ одежды мужскія. Но мнѣ кажется, что слово пророческое даетъ разумѣть и нѣчто другое. Законъ запрещаетъ одежды тканья изъ льна и шерсти (Втор. 22, 11.). Вѣроятно же, что величавшіеся богатствомъ и преданные роскоши въ одеждѣ подражали сосѣднимъ народамъ, и на льняныхъ хитонахъ дѣлали вокругъ какія-нибудь разнovidныя и излишнія украшенія изъ шерсти багрянаго цвѣта; а сіе прямо было противно божественному законоположенію. Посему Богъ угрожаетъ и имъ и тѣмъ, которые съ нечестіемъ и лестию входятъ въ божественный храмъ. А словомъ: *лестъ* Пророкъ даетъ разумѣть, что, по видимости, имѣли они благочестіе, въ тайнѣ же любили служеніе идоламъ. За сіи-то ваши беззаконія, сказано въ пророчествѣ,

(10). *Будетъ въ день оиъ, глаголетъ Господь, гласъ вопля отъ вратъ избодающихъ, и плачь отъ вторыхъ, и сотрєніе веліе отъ холмовъ.* Когда враги разобьютъ городскую стѣну и отворятъ врата; тогда съ восклицаніемъ и воплемъ побѣдите укрыться въ стѣнахъ святилища. Когда же и врата храма станутъ также отперты для враговъ; предадитесь плачу и будете поражаемы. И если нѣкоторые изъ васъ займутъ вершины горъ, или войдутъ въ высокіе дома, то подвергнутся тойже гибели.

(11). *Плачите живущи въ постыченнѣй, яко уподобишася вси людие Ханаану, и потребишася вси величающіися сребромъ. Постыченнымъ Пророкъ назвае Іерусалимъ, по причинѣ постигшаго его бѣдствія, и повелѣваетъ его оплакивать, потому что опустѣль жителями. Поелику поревновали нечестію Хананеевъ; то претерпѣли и конечную гибель подобно Хананеямъ; и нимало не помогло имъ богатство.*

(12). *И будетъ въ той день, изыщу Іерусалима со свѣтильникомъ, то есть, никто изъ подлежащихъ наказанію не избѣжитъ казни; но всѣхъ предавъ на закланіе. Выражено же это иносказательно, и образъ рѣчи взять съ тѣхъ, которые употребляютъ свѣтильникъ при отыскиваніи чего-либо потеряннаго, и не выпускаютъ его изъ рукъ, пока не найдутъ.*

И отищу на мужи не радящія о стражбахъ своихъ. Стражбами называетъ установленное закономъ, что законъ повелѣвалъ хранить.

Глаголющія въ сердцахъ своихъ: не имать блага сотворити Господь, ниже имать озлобити. Здѣсь осуждаетъ отвергающихъ промысль, осмѣливающихся говорить, что все случайно, утверждающихъ, что Богъ всяческихъ и не благодворитъ, и не наказываетъ. Имъ Пророкъ угрожаетъ расхищеніемъ, истребленіемъ домовъ и безплодностію трудовъ. Ибо говорить:

(13). *И созиждутъ жилища, и не имутъ пожити въ нихъ, и насадятъ винограды, и не имутъ пити вина ихъ. И чтобы не подумали, что наказаніе будетъ отложено, присовокупилъ:*

(14). *Яко близъ день Господень великій, близъ и скоръ зло.* Пророкъ назвалъ день великимъ, потому что подвергнутся въ оный не какому либо легкому вразумленію, но рѣшительному наказанію. Потомъ, чтобы привести слушателей въ большій страхъ, описываетъ самый тотъ день.

Гласъ дне Господня, горекъ и жестокъ учинися.
 (15). *Силенъ день гнѣва, день той, день скорби и нужды, день безгодія и исчезновенія, день тмы и мрака, день облака и мглы,* (16) *день трубы и вопля на грады твердыя, и на углы высокія.* Углами высокими называетъ Пророкъ башни; трубами же и воплемъ наименовалъ нашествіе враговъ; тмою, мракомъ, облакомъ и мглою — прираженіе бѣдствій, при наступленіи которыхъ и солнце для взирающихъ на него не будетъ свѣтло и день ясенъ; по все покажется исполненнымъ мрака. И поясня сіе, Пророкъ присовокупилъ:

(17). *И оскорблю челоѣки, и пойдутъ яко слѣпи.* Потомъ показалъ и причину:

Зане Господеви прегрѣшиша: и изліется кровь ихъ яко персть, и плоти ихъ яко лайна; то есть, не удостоятся и того, чтѣ установлено закономъ; не будетъ имъ и погребенія.

(18). *И сребро и злато ихъ не возмощетъ изъяти ихъ въ день гнѣва Господня;* потому что огнемъ рвенія Его поядена будетъ вся земля: зане скончаніе и тщаніе сотворитъ на вся живушія на земли. И богатство не поможетъ богатымъ; потому что не получаютъ за деньги избавленія отъ бѣдствій, но, какъ огнемъ какимъ, истреблены бу-

дутъ Божиимъ гнѣвомъ, который населяющихъ землю подвергнетъ внезапной гибели. Такъ угрожаетъ имъ горестями, а потомъ предлагаетъ увѣщаніе прибѣгнуть къ покаянію.

ГЛАВА 2.

(1). *Соберитесь, и свяжитесь языкъ ненаказанный, (2) прежде неже быти вамъ якоже цвѣту мимоходлицу въ день, прежде неже приити на вы гнѣву ярости Господни.* Иные, не понявъ сего мѣста, слово : *свяжитесь*, перевели : *вмѣстѣ умоляйте* ; но въ большей части списковъ читается : *свяжитесь*. Въ словѣ *семъ* подразумѣвается врачеваніе посредствомъ лечебныхъ составовъ и перевязокъ, понимаемое въ смыслѣ переносномъ. Ибо мы находимъ сіе и у Богомудраго Исаи. Показывая неисцѣлимость язвъ народа іудейскаго, взываетъ онъ: *нѣсть пластыря приложити, ниже елеа, ниже обязанія* (Иса. 1, 6.). Посему, *свяжитесь*, говоритъ Пророкъ, лечебными составами и перевязками покаянія, вы невѣдущіе добраго и необучившіеся сему, *предварите лице Его во исповѣданіи* (Псал. 92, 2.), чтобы подобно весеннимъ цвѣтамъ не изгнѣнуть и вамъ, когда постигнетъ васъ Божій гнѣвъ.

(3). *Взыщите Господа вси смиреніи земли.* Обратите взоръ на ничтожность своего естества, на праотца своего—персть, и взыщите Создателя, богато одѣлившаго васъ столькими благами. Потомъ учитъ Пророкъ, какимъ способомъ можно взыскать Бога:

Судъ содѣвайте, и правды възыщите, възыщите кротости, и отвѣщайте я. Держитесь прямодушія и справедливости, возлюбите жизнь скромную и умѣренную, и примите за правило слѣдовать сему до конца; ибо сіе значить: отвѣщайте я. Потомъ Пророкъ показываетъ и плодъ отъ сего.

Яко да покрывается въ день гнѣва Господня. (4). Зане Газа расхищена будетъ, и Аскалонъ во исчезновеніе будетъ: и Азотъ въ полудни отвержется, и Аккаронъ искоренится. Если приступите къ упомянутому выше покаянію, то вы пріобрѣтете спасеніе, а города иноплеменные потерпятъ предсказанныя бѣдствія.

(5). Горе живущимъ на ужи морстѣмъ, пришельцы Критстїи: слово Господне на васъ Ханаане, земле иноплеменниковъ, и погублю вы отъ жилища: (6). И будетъ Критъ пажить стадамъ, и ограда овцамъ. Ужемъ морскимъ называетъ Пророкъ приморскую страну; потому что *ужемъ* въ Божественномъ Писаніи называется участокъ, по обычаю *ужемъ* вымѣривать землю и отдѣлять каждому должную часть. Посему, такъ какъ Филистимлянъ, вѣдущихъ родъ отъ Ханаана, оставилъ Богъ въ приморской странѣ, какъ бы нѣкую часть наслѣдства отдѣливъ имъ землю сію; то Пророкъ назвалъ ихъ *ужемъ морскимъ*, а переселившихся съ Крита—*пришельцами*; потому что, какъ вѣроятно, въ приморскіе города приходили нѣкоторые изъ Крита, и поселялись тамъ. Посему и Ханааномъ, и *ужемъ морскимъ*, и Критомъ, и *пришельцами Критскими*—Пророкъ наименовалъ приморскія земли въ Палестинѣ, которымъ угрожалъ заустеніемъ.

(7). *И будетъ уже морское оставиши домъ Иудина: на нихъ пожируютъ въ домъхъ Аскалонихъ, къ вечеру витати имуть отъ лица сыновъ Иудиныхъ: яко присъти ихъ Господь Богъ ихъ, и возврати плънь ихъ.* Это пришло въ исполненіе по возвращеніи изъ плъна; ибо въ книгахъ Маккавейскихъ находимъ, что Юнаѳанъ и Снмонъ, овладѣвъ Газою, Аскалономъ и Птоломаидою, подчинили ихъ своей власти. Точное же и непрерываемое исполненіе пророчества можно видѣть по вознесеніи Спасителя нашего и послѣ проповѣди святыхъ Апостоловъ; ибо они, изшедши изъ Іудей, превитали въ городахъ сихъ къ вечеру, то есть, прежде скончанія вечера, когда Богъ всяческихъ призрѣлъ на язычниковъ, и освободилъ ихъ отъ горькаго рабства и плъна. Послѣ сего Пророкъ произноситъ прѣговоръ на Моавитянъ и Аммоитянъ; потому что они, будучи въ сродствѣ съ Израилемъ и ведя родъ отъ Лота, радовались бѣдствіямъ народа Божія, и изрекали хулы на Бога всяческихъ, будто бы Іудей не получили отъ Него никакой помощи. Потому говоритъ Богъ:

(8). *Слышашъ поношенія Моавля, и укоризны сыновъ Аммонихъ, о нихже поношаху людемъ Моимъ, и величашуся на предѣлы Моя.* (9). *Сего ради живу Азъ, глаголетъ Господь силъ Богъ Израилевъ: зане Моавъ яко Содома будетъ, и сынове Аммони яко Гоморра, и Дамаскъ оставленъ яко стогъ гуменный, и разоренъ вовѣкъ: и прочіи людей Моихъ расхитятъ я, и оставшии языка Моего насльдятъ ихъ.* (10). *Сіе имъ за досажденіе ихъ, зане поносиша и возвеличишася на люди*

Господа Вседержителя. Моавитяне и Аммонитяне имѣли своихъ царей, а Дамаскъ царствовалъ надъ всею Сиріею; но всѣ они низложены Вавилонянами; однимъ только Іудеямъ Богъ всяческихъ даровалъ возвращеніе чрезъ персидскаго Кира. Они снова пришли въ цвѣтущее состояніе, возвратили себѣ прежнюю власть, и содержали въ страхъ всѣ оныя народы; Іудеи владѣли землею сихъ народовъ, и они не въ силахъ были противиться Іудеямъ. Посему-то Божіе слово предвозвѣщаетъ, что Моавитяне и Аммонитяне будутъ преданы конечному разоренію, и Дамаскъ угодится оставленному на гумнѣ стогу. Сіе-то потерпѣли они въ нашествіе Халдеевъ. И о Дамаскъ говоритъ Пророкъ, что *будетъ разоренъ во вѣкъ*; потому что съ сего времени на все послѣдующее время утратить у себя царскую власть, не будетъ болѣе обладать покорными ему народами; но сдѣлается данникомъ прежде царствовавшихъ Вавилонянъ, Персовъ, Македонянъ, и нынѣ царствующихъ Римлянъ. Однакоже и здѣсь пророчество пріяло точное исполненіе чрезъ священныхъ Апостоловъ и ихъ преемниковъ — святыхъ. Ибо ихъ и Божественный Апостоль нарекъ *останкомъ*. Представивъ пророчество, ясно возглашающее: *еще будетъ число сыновъ Израилевыхъ яко песокъ морской, останокъ спасется* (Рим. 9. 27.). Апостоль толкуетъ оное, говоря: *такъ убо и въ нынѣшнее время останокъ по избранію благодати бысть* (—11, 5.). Тоже вѣщаетъ Владыка и устами блаженнаго Софоніи: *и оставшіи языка Моего насладятъ ихъ*. Потомъ истолковываетъ это яснѣе.

(11). *Явится Господь на нихъ, и потребитъ*

вся боги языковъ земныхъ: и поклонятся Ему кійждо отъ мѣста своего, вси острови язычестіи. Слова сіи не даютъ мѣста безстыдному возраженію Іудеевъ. Если скажутъ они что, по возвращеніи изъ Вавилона, многіе изъ язычниковъ, увѣровавъ въ Бога всяческихъ, въ іерусалимскомъ храмъ совершали законное служеніе; то ясно изблечены будутъ во лжи своей. Пророческое слово говоритъ, что поклонятся Ему кійждо отъ мѣста своего. А сіе дѣлается не по закону, но по евангельскому ученію; потому что законъ всѣхъ собиралъ въ оный единый храмъ; Господь же въ евангеліи говоритъ Самарянынь: аминь, аминь, сказываю тебѣ жено, яко грядетъ часъ, егда не въ Іерусалимѣ и не на этомъ мѣстѣ, но на всякомъ мѣстѣ поклонятся Отцу (Іоан. 4, 21—23.). Тоже вызываетъ и Богомудрый Софонія: лвится Господь на нихъ, то есть, на всѣхъ упомянутыхъ прежде иноплеменникахъ, Филистимлянахъ, Моавитянахъ, Аммонитянахъ, жителяхъ Дамаска, и на всѣхъ прочихъ народахъ, и потребитъ вся боги языковъ земныхъ, и поклонятся Ему кійждо отъ мѣста своего вси острови язычестіи, то есть, города не только находящіеся на твердой землѣ и приморскіе, но и тѣ, которые среди моря. Къ сему присовокупляетъ Пророкъ:

(12). И вы муриши язвени оружіемъ Моимъ будете. Означаетъ же словомъ симъ полчище демоновъ, сокрушенное прираженіемъ спасительнаго креста, и пораженіе Божіею карою людей, очерненныхъ въ душѣ и богоборныхъ. Такъ, предвозвѣстивъ спасеніе язычниковъ, Пророкъ обращаетъ рѣчь къ послѣдовательности историческихъ событій, и

угрожаетъ гибелью Ассиріянцамъ, потому что Шиневія не понесла еще наказанія.

(13). *И простретъ руку Свою на сѣверъ, и погубитъ Ассиріанина, и положитъ Шиневію во исчезновеніе безводно яко пустыню:* (14). *Пожирутъ посредь ея стада, и вси звѣріе земнии, и хамелеоны, и ежеве во гнѣздахъ ея вогнѣздятсѣ: и звѣріе возвыютъ въ разстѣлинахъ ея, и вранове во вратѣхъ ея, зане кедръ возношеніе ея. Признаками запустѣнія служитъ все предъ симъ сказанное: и пастбища стадъ, и поселеніе разныхъ звѣрей, и гнѣзда врановъ. Но все это, говоритъ Пророкъ, потерпитъ Шиневія за высокомѣріе души; потому что высокомѣріе ея уподоблялось кедрѣ. Потомъ, яснѣе изображая сѣе, Пророкъ присовокупляетъ:*

(15). *Сей градъ презорливый, то есть, всякій городъ и всякое царство почитавшій ничтожнымъ и малымъ,*

Живій на упованіи, думавшій, что никогда не потерпитъ ничего скорбнаго,

Глаголай въ сердцы своемъ: азъ есмь, и нѣсть по мнѣ еще. Потомъ, посмѣваясь надъ Шиневіею, говоритъ:

Како бысть во исчезновеніе, пажитъ звѣремъ? и что бываетъ обыкновенно,

Всякъ мимоходяй сквозъ его позвиждетъ, и воздвиagnetъ руку свои; потому что у людей въ обычаѣ при постигшихъ сверхъ чаяніа несчастіяхъ свистать и поднимать въ верхъ руки. Такъ, предсказавъ о Шиневіи, Пророкъ обращается снова къ Іерусалиму.

ГЛАВА 3.

(1). *О свѣтлый и избавленный граде, голубице!* Подлинно слезъ и сѣтованія достоинъ городъ, который въ счастіи былъ знаменитъ и славенъ, неоднократно спасаемъ Богомъ всяческихъ, и изобиловалъ духовными дарованіями. Ибо предполагаю, что Пророкъ въ именованіи голубицею даетъ разумѣть, или это самое, или благольпіе и красоту города; потому что и голубь животное красивое. А вѣроятно Пророкъ выразилъ и то, что, какъ голубь охотнѣе селится въ домахъ стоящихъ отдѣльно, такъ и вы, Іерусалимляне, когда живете благочестиво, усердно пощщаете посвященный Богу храмъ. Потомъ Пророкъ описываетъ прегрѣшенія; и во первыхъ непослушаніе: (2). *Неуслыша гласа;* потомъ грубость нрава: *непріятъ наказанія;* сверхъ того невѣріе: *на Господа не упова, и къ Богу своему не приближися;* а послѣ сего звѣрство и несправедливость князей: (3). *Цари его въ немъ яко львы рыкающе;* беззаконіе и насиліе судей: *судіи его яко волцы аравійстїи, не оставляху наутро;* лживость и безбожіе прорицателей: (4). *Пророцы его вѣтроносцы, мужи презорливи* (ибо пророками называетъ лжепророковъ); потомъ нечестіе и гнусную жизнь священниковъ: *священницы его сквернятъ святая, и нечествуютъ въ законъ.* Но когда, говоритъ Пророкъ, на все это отваживаются въ Іерусалимѣ,

(5). *Господь праведенъ посредь его, и не имать сотворити неправды: утро утро дастъ судъ Свой въ свѣтъ: и не укрыся, и не вѣсть неправды во истязаніи, ниже въ распри обиды. Скоро Господь наложить наказаніе на тѣхъ, которые отважились сдѣлать столько худаго; ибо словами: утро утро, Пророкъ выразилъ скорость; и словомъ: во свѣтъ— то, что совершится сіе явно, а не тайно. И содѣласть сіе Господь, низлагая дерзость неправды, и не попуская ей превозмогать до конца.*

(6). *Въ растлѣніе низложихъ величавыл, исчезоша углы ихъ: опустошу пути ихъ весма, еже непроходити: исчезоша гради ихъ, занеже ни единому быти, ни жити. Какъ зданія связываются углами, такъ власть опирается на успѣхъ въ дѣлахъ. Посему, предавая растлѣнію живущихъ горделиво, высоту ихъ низложу на землю; такъ что память о нихъ не перейдетъ къ потомкамъ, и города ихъ предамъ совершенному запустѣнію. Послѣ такихъ угрозъ Человѣколюбецъ снова увѣщаетъ и совѣтуетъ убоиться сказаннаго и принять сей приличный для нихъ урокъ—избѣгнуть угрожающей гибели, какую породило беззаконіе, не медлить и не отлагать, но скорѣе принести покаяніе. Ибо говоритъ:*

(7). *Готовися, утренней, въ скорости принеси покаяніе.*

Истлѣ все листвіе ихъ. Не бойся Ассиріянъ, которыхъ множество поразилъ Я у вратъ твоихъ; потому что и листвіе ихъ, то есть, избѣгшихъ сего наказанія, предамъ Вавилонянамъ.

(8). *Сего ради потерпи Мене, глаголетъ Господь, въ день воскресенія Моего во свидѣтельство: зане судъ Мой въ сонмища языковъ еже пріяти царей, еже изліати на нѣ гнѣвъ ярости Моея: зане огнемъ рвенія Моего поядена будетъ вся земля. Не думай, что нерадью о дѣлахъ чловѣческихъ; но жди, и увидишь, что востану, рассужу правдиво, сокрушу неправедныя царства, и Моею ревностію, какъ бы нѣкимъ огнемъ, очищу вселенную. И еще яснѣе представляя сіе, присовокупилъ:*

(9). *Яко тогда обращаю къ людямъ языкъ въ родъ ихъ, еже призывать всѣмъ имя Господне, работати Ему подъ игомъ единьмъ. Акила, Θεодотіонъ и Симмахъ перевели это яснѣе; и Акила и Θεодотіонъ говорятъ: тогда ко всѣмъ народамъ обращаю избранныя уста, а Симмахъ: тогда обращаю къ народамъ чистыя уста; чистыми же устами называетъ уста именующія не боговъ, но Бога. Подобное сему изрекъ Богъ и устами Исаи: *языцы немотствующи скоро научатся глаголати миръ* (Иса. 32, 4.): и еще: *и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ* (Иса. 35, 6.). Посему, оныя народы, обученныя многобожію, обратить и содѣлаетъ избранными и чистыми, такъ что всѣ призовутъ имя Господне, и всѣ народы поработаютъ Господу подъ игомъ единьмъ. И даже*

(10). *Отъ конецъ рѣкъ египотскихъ, пріиму молщія Мл: сыны разсѣянныхъ принесутъ жертвы Млѣ. Обитающіе на крайнихъ предѣлахъ земли, принявъ ученіе всюду разсѣянныхъ Мною проповѣдниковъ, принесутъ Млѣ жертву хвалы. Такъ*

перевель и Симмахъ: отъ концевъ рѣкъ еѳіопскихъ, молясь Мнѣ чада разсѣянныхъ Мною принесутъ Мнѣ даръ; то есть, ставъ чадами разсѣянныхъ Мною во всѣ народы проповѣдниковъ благочестія, принесутъ Мнѣ духовные дары.

(11). *Въ день онъ не имаша постыдится отъ всѣхъ начинаній твоихъ, имиже нечествовалъ еси въ Мя: яко тогда отъиму отъ тебе укорины досажденія твоего, и кому не имаша приложити величатися на горь святъй Моей.* Когда совершится сіе, и язычники сподобятся спасенія; тогда и вы, живущіе въ Іерусалимѣ, вѣрою прѣвъ спасеніе, освободитесь отъ прежняго злочестія, не будете презирать заповѣдей Моихъ и величатся ветхозавѣтнымъ храмомъ. А поелику не всѣ Іудеи вняли въ послѣдствіи евангельскому ученію; то и сіе ясно предсказываетъ Пророкъ.

(12). *И оставлю въ тебѣ люди кротки и смиренны, и будутъ благоговѣти о имени Господни.*
 (13). *Останцы Израилевы, и не сотворятъ неправды, и не возглаголютъ суетныхъ, и необращется во устѣхъ ихъ языкъ льстивъ: зане тѣмъ пожируютъ, и угнѣзятся, и не будетъ утрашай ихъ.* И сіе ясно указываетъ намъ на ликъ апостольскій, ублажая Который, Владыка сказалъ: блаженни кротци, яко тѣмъ наслѣдятъ землю (Матѳ. 5, 5.); и еще: научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ (Матѳ. 11, 29.). Ихъ-то и блаженный Софонія называетъ людьми кроткими и смиренными: потому что не таковы Израиль-тяпе, по людіе буи и немудри (Второз. 32, 6.),

и по словамъ другаго Пророка: *жила желъзна
выя ихъ и чело ихъ мѣдяно* (Иса. 48, 4.). Сихъ-
то свободныхъ отъ неправды Пророкъ называетъ
имѣющими языкъ чуждый лести. Посему, при-
обрѣтши себѣ такой народъ вмѣсто злонравнаго,
дерзкаго, и злочестиваго,

(14). *Радуйся дщи Сіонова зъло, проповѣдуй
дщи Иерусалимова, веселися и преукрашайся отъ
всего сердца твоего, дщи Иерусалимля. Богъ со-
дѣлалъ тебя чистою отъ идоловъ, и освободилъ
отъ служенія губительнымъ демонамъ.*

(16). *Во время оно речеть Господь Иерусалиму:
держи Сіоне, да не ослабѣютъ руцѣ твои. (17).
Господь Богъ твой въ тебѣ, Сильный спасеть
тя: наведетъ на тя веселіе и обновитъ тя въ
любви Своей, и возвеселится о тебѣ во украше-
нии, яко въ день праздника. (18). И соберу со-
треныя твоя.* Знаю, что иные понимали это о
возвращеніи изъ Вавилона и обновленіи Иерусали-
ма, и не противорѣчу ими сказанному; потому что
пророчество приличествуетъ и совершившемуся
тогда. Но точное событіе можно находить по во-
человѣченіи нашего Спасителя; ибо тогда сокру-
шенныхъ сердцемъ врачевалъ Господь бансію па-
кибытія, тогда обновилъ естество человѣческое,
столько возлюбивъ насъ, что и душу Свою отдалъ
за насъ; ибо *больши сѣя любве*, говоритъ Гос-
подь, *никто же можетъ показать, да кто душу
свою положитъ за други своя* (Іоан. 17, 13.); и
еще: *такъ возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего
единороднаго далъ есть, да всякъ вѣрующій въ Онь
не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан.

3, 16.). Потомъ Пророкъ угрожаетъ и тѣмъ, которые поносили тогда Іерусалимъ, и которые въ послѣдствіи на тоже самое осмѣлились противъ проповѣдниковъ истины; потому что пророчество имѣетъ двоякій смыслъ.

Горе, кто приметъ наъ поношеніе. (19). Се Азъ сотворю въ тебѣ Мене ради, глаголетъ Господь, во время оно, и спасу утисненную и отриновенную пріиму, и положу я въ похваленіе, и имениты по всей земли, и непостыдятся (20). Во время оно, егда добро вамъ сотворю, и во время егда пріиму вы: зане дамъ вы имениты и въ похваленіе во всѣхъ людехъ земли, вьегда возвращати Ми плѣненіе ваше предъ вами, глаголетъ Господь. Спасеніе человѣковъ зависитъ отъ одного Божія человѣколюбія; потому что не въ награду правды пріобрѣтаемъ оное, но оно—даръ Божіей благодати. Посему говоритъ Владыка: Мене ради и спасу, и пріиму, и бывшую Мнѣ чуждою усвою Себѣ, и содѣлаю ее именитою и у всѣхъ славною, освобожу отъ прежняго стыда, и прежнихъ плѣнниковъ и рабовъ учиню свободными и Моими домашними. Сіе же, какъ сказалъ я, даровалъ и возвратившимся тогда изъ Вавилона, и послѣ сего даруетъ всѣмъ человѣкамъ; потому что поработенные древле діаволу, избавившись отъ онаго горькаго рабства, забывъ прелесть многобожія, стали мы своими Богу, сдѣлавшись именитыми, по сему пророчеству, у Грековъ и варваровъ, и бывшіе иногда далече стали близъ, по слову божественнаго Апостола (Ефес. 2, 13.).

Поэтому и намъ надлежитъ покориться апостоль-

скому увѣщанію, ясно взывающему: *свободою, ею же Христосъ насъ свободи, стойте, и не паки подѣ игомъ работы держитесь* (Гал. 5, 1.). Ибо такимъ образомъ освободимся отъ горькаго владычества мучителява, и, служа нашему Владыкѣ, сподобимся царства небснаго, по благодати Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ слава Отцу и со Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ ! Аминь.

ТОЛКОВАНИЕ

НА ПРОРОКА АГГЕЯ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Киръ, первый царь Персовъ, какъ скоро вступилъ на царство, провозгласилъ свободу плѣннымъ Иудеямъ, и, если кто захочетъ, дозволилъ имъ возвратиться въ отечество и вновь создать Божій храмъ. Внявъ сему, всѣ тѣ, которые были вскормлены словесами пророческими и знали о предреченномъ возвращеніи, охотно пошли, и поселясь въ Иерусалимъ, приступили къ созиданію Божія храма. Но встрѣтивъ къ сему препятствія со стороны жившихъ по сосѣдству иноплеменниковъ, особливо при Кировомъ сынѣ Камбизѣ, который, по наущенію сихъ сосѣдей, издалъ указъ противный родительскому, принуждены были оставаться въ бездѣйствіи. По прошествіи же долгаго времени воцаряется Дарій, сынъ Истасповъ, и какъ Киръ, даетъ повелѣніе строить Божій храмъ. И Иудеи во

второй годъ царствованія Даріева начали строеніе, а въ шестой привели и къ окончанію. Посему-то и фарисеи сказали Господу: *четыредесять и шестію лѣтъ создана бысть церковь сія, и Ты ли тремя деньми воздвижеши ю* (Іоан. 2, 20.)? Ибо Іудеи, пачавъ стронть при Кирѣ, были остановлены въ семь дѣль; потомъ, по смерти Кира, Камбиза и царствовавшихъ послѣ нихъ маговъ, въ шестой годъ царствованія Дарія строеніе достигло надлежащаго конца. При семъ царѣ сподобился пророчественной благодати богомудрой Аггей, и его-то устами Богъ всяческихъ, какъ обвиняетъ Іудеевъ въ томъ, что строеніе храма производять медлительно, такъ повелѣваетъ бывшему въ то же время народоправителемъ Зоровавелю и архіерею Іисусу немедленно заняться храмозданіемъ, и обѣщаетъ, что соберетъ къ Іерусалиму множество разныхъ народовъ съ великимъ обиліемъ у нихъ денегъ, и всѣхъ предастъ тамъ смерти, а богатство ихъ предоставитъ Іудеямъ на издержки при построеніи. Таково содержаніе сего пророчества; точнѣйшій же смыслъ онаго увидимъ при подробномъ истолкованіи.

ГЛАВА I.

(1). Во второе лето, при Даріи царь въ шестый мѣсяцъ, въ первый мѣсяца, бысть слово Господне рукою Аггеа Пророка, глагола. До плѣненія, Пророки надписывали годы царей Іудиныхъ и Израилевыхъ, по возвращеніи же изъ плѣна, поелику у Іудеевъ не было уже своихъ царей, божественный Аггей выставляетъ годъ царя персидскаго, и упоминаетъ не только годъ, но и мѣсяцъ и день, желая показать не только скорость построения, но и богатство щедротъ, съ какимъ Богъ всяческихъ даетъ благословеніе Свое создающимъ. Ибо вскорѣ за симъ повелѣваетъ Іудеямъ сдѣлать сравненіе, что было у нихъ до построения, и что оказалось по окончаніи онаго, и на опытъ дознать, въ какомъ недостаткѣ всего необходимаго находились они, отлагая попеченіе о храмѣ, и сколько всякаго добра стали имѣть у себя, приложивъ стараніе о построении храма. Сказанное же: *рукою Пророка*, будемъ понимать: *черезъ Аггея*.

Рцы къ Зоровавелю Салаѳилеву, отъ колѣна Іудова, и ко Іисусу сыну Іоседекову, іерею великому, глаголя: (2). Сице глаголетъ Господь Вседержитель: людие сіи глаголютъ: не прииде время создати храмъ Господень. (3). И бысть слово Господне рукою Аггеа Пророка, глаголя: (4) Аще время убо вамъ есть жити въ домѣхъ вашихъ истесанныхъ, храмъ же сей запусеть?

Іереевъ великимъ божественному Писанію обычно называть архіерея. Посему, когда Іисусъ былъ архіереемъ и Зоровавель народоправителемъ, Богъ предъ ними, какъ бы предъ цѣлными судіями, обвиняетъ народъ чрезъ Пророка, и говоритъ: смотрите, сколько самага усильнаго попеченія прилагаютъ они о домахъ своихъ, не только строятъ, но и украшаютъ ихъ, а дома Божія, ради Котораго всѣ они участвуютъ въ общемъ ихъ спасеніи, не хотятъ строить, утверждая, что время не благоприятствуетъ созиданію.

(5). *И нынѣ еще глаголетъ Господь Вседержитель: устройте сердца ваша въ пути ваши.* Водитесь здравымъ помысломъ, будьте судіями своихъ начинаній, и дознайте, сколько разности между ревностію о божественномъ и нерадѣніемъ. Потому говоритъ, что, расточая много сѣмянъ, собирали они весьма мало плодовъ, отъ чего всегда терпятъ голодь и жажду, и никогда не насыщаются, по живутъ въ нищетѣ и бѣдствуютъ, такъ что не имѣютъ у себя и необходимой одежды. Ибо говоритъ Пророкъ:

(6). *Облекостесь, и несогрѣйтесь въ нихъ: и собирай мзды, собра во влагалище дираво.* Кроме самихъ владѣльцевъ, живущіе трудами рукъ своихъ, обыкли брать плату и сбергать добытое трудомъ, расточая собираемое, ни малой пользы не получали отъ многихъ трудовъ своихъ. Потому снова повелѣваетъ Богъ водиться цѣломудреннымъ помысломъ, предпочесть всему попеченіе о Божіемъ храмѣ, идти на вершины горъ, осѣненныхъ льсомъ, и рубить деревья пригодныя для строенія,

обѣщая имъ содѣйствовать и содѣлать ихъ славными. Напоминаетъ же имъ о прежней скудости, чтобы знали они, какая награда бываетъ за перадивность.

(9). *Призръсте на многа, и быша мала, и внесосте я въ храмъ, и отдуноухъ я.* Ожидая пожать много плодовъ, обманулись вы въ надеждѣ, собравъ не много, и тѣмъ не воспользовались; потому что разсыпаль Я это изъ самыхъ влагалищъ.

Сего ради глаголетъ Господь Вседержитель: зане храмъ Мой есть пустъ, вы же течете кійждо въ домъ свой; (10). Сего ради удержится небо отъ росы, и земля оскудитъ изношенія своя. (11). И наведу мечъ на землю, и на горы, и на пшеницу, и на елей, и на вся, елика износитъ земля: и на челоуѣка, и на скоты, и на вся труды рукъ ихъ. Какъ вы не радите о служеніи Мнѣ, и много прилагаете заботъ о своихъ домахъ; такъ и Я воспрещу облакамъ орошать землю, и землѣ повелю стать бесплодною; карательную же силу, какъ нѣкій мечъ, обращу не на плоды только земные, но и на воздѣлывающихъ землю людей; съ ними понесетъ наказаніе и скотъ ихъ, созданный имъ на служеніе. Богъ всяческихъ угрожаетъ содѣлать это за нерадѣніе о домѣ Божіемъ, не потому что имѣетъ въ немъ нужду (Творецъ всѣхъ вещей не имѣетъ нужды и въ небѣ, создалъ же все по единому челоуѣколюбію); но о нихъ самихъ радѣя, о спасеніи ихъ промысля, повелѣваетъ, чтобы созданъ былъ храмъ, чтобы они, во храмъ исполняя законъ, и извлекали изъ сего пользу, и совершали законное богослуженіе, пока, по слову

Апостола, не придетъ Наслѣдникъ (Римл. 8, 17.). Ибо, по вочеловѣченіи нашего Спасителя, съ явленіемъ новаго завѣта, пріялъ конецъ завѣтъ ветхій, и законъ пѣстунъ (Гал. 2, 2.), указавъ намъ премудраго Учителя, уступилъ Ему мѣсто; потому что состоявшіе подъ его пѣстунствомъ не стали уже имѣть нужду въ первоначальномъ его водителствѣ. Но возвратимся къ слѣдующему по порядку въ семь пророчествъ. Зоровавель, первосвященникъ Иисусъ и пасомый ими народъ, выслушавъ сіи угрозы, исполнились страха, и повиновались изреченному Пророкомъ. Человѣколюбивый же Владыка, увидѣвъ ихъ благопокорность, немедленно взываетъ чрезъ Пророка:

(13). *Азъ есмь съ вами, глаголетъ Господь. Не теряйте мужества, потому что Я — вашъ содѣйствѣнникъ и помощникъ.*

(14). *И воздвиге Господь духъ Зоровавеля Салаѣилева отъ колѣна Іудова, и духъ Иисуса Іоседекова іеря великаго, и духъ прочихъ всѣхъ людей: и внидоша и творяху дѣла въ храмъ Господа Вседержителя Бога своего.*

ГЛАВА 2.

(1). *Въ двадцать четвертый день мѣсяца шестиго. Изъ сего ясно дознаемъ, что, рѣшившись на доброе, вскорѣ получаемъ Божию помощь. Ибо и они, склонившись на лучшее, воспользовались Божиимъ соизволеніемъ, и Божественная благодать содѣлала ихъ ревностнѣйшими, и въ двадцать четвертый день мѣсяца положили начало храмозданію, выслушавъ пророчество въ новомѣсячіе. Потомъ Владыка въ седьмый мѣсяць снова повѣлываетъ Пророку передать имъ слѣдующіе слова:*

(4). *Кто отъ васъ, иже видѣ храмъ сей въ славѣ его прежній; и како вы видите его нынѣ якоже не суца предъ вами? Помня прежнюю славу храма и прежнее его великолѣпіе, какъ можете равнодушно видѣть его въ такомъ запустѣніи, если только найдутся между вами прожившіе отъ того времени до нынѣ?*

(5). *И нынѣ укрѣпляйся Зоровавелю, глаголетъ Господь, и укрѣпляйся Иисусе сыне Иоседековъ, іерею великій, и да укрѣпляются вси людие земли, и творите: зане Азъ съ вами есмь, глаголетъ Господь Вседержитель. (6). И слово Мое, еже завѣщахъ съ вами, егда исходисте изъ земли Египетскія, и Духъ Мой настоитъ посредь васъ. Отложивъ всякую лѣнь и боязнь, примите подаваемую вамъ крѣпость, вѣруя, что Я въ законоположеніи пребываю съ вами, и что про-*

мышляеть о васъ благодать всесвятаго Духа. И поелку препятствіемъ служило многое, и бѣдность и недостатокъ необходимаго, и набѣги сосѣдей; то не безъ причины присовокупляетъ:

Держайте: зане сице глаголетъ Господь Вседержитель: (7) Еще единою Азъ потрясу небомъ и землею, и моремъ и сушею, (8) и сотрясу вся языки, и приидутъ избранныя всѣхъ языковъ: и исполню храмъ сей славы, глаголетъ Господь Вседержитель. Предвозвѣщаетъ сіе о Гогъ и Магогъ, которымъ, когда вознамѣрились они со многими народами ополчиться противъ Іерусалима, попустилъ это Богъ, и содѣлалъ, что вооружась другъ на друга, другъ другомъ они были истреблены, богатство же ихъ отдалъ Господь храмосдателямъ. И успокоивая слухъ внимающихъ сему, продолжаетъ:

(9). Мое серебро, и Мое золото, глаголетъ Господь Вседержитель. Не чужое Себѣ присвою, но Свое снова воспріемлю; по щедрости Я далъ имъ богатство; и поелку не познали они Щедротателя, то законно лишаю ихъ даровъ.

(10). И велія будетъ слава храма сего послѣдняя паче первыхъ, глаголетъ Господь Вседержитель. Пророкъ сказуетъ, что храмъ сей будетъ славнѣе, не по величинѣ, и красотѣ зданія, по тому, какъ истреблены будутъ языческіе народы; ибо съ разнесшеюся повсюду молвою открылось могущество Бога всаческихъ. Потому событіе сіе Пророкъ называетъ потрясеніемъ неба, земли и моря, такъ какъ всѣ приведены въ изумленіе, и чудомъ симъ побуждены къ исповнѣнію не только

живущіе на сушѣ, но и мѣстомъ жительства избравшіе острова, а сверхъ того и невидимыя Силы, для которыхъ удобопроходимы эфиръ и самое небо.

И на мѣсть семъ дамъ миръ, глаголетъ Господь Вседержитель, и миръ души въ снабдѣніе всякому зиждущему, еже возставити церковь сію. Не только прекращу человѣческія брани, но дарую имъ и божественный миръ, который принесетъ спасеніе душамъ. Такова будетъ награда храмоздателямъ.

Потомъ въ девятый мѣсяцъ Пророкъ пріемлетъ отъ Бога всяческихъ повелѣніе спросить священниковъ: одежды, освященной священной жертвою, достаточно ли къ тому, чтобы освятить прикасающееся, напримѣръ или хлѣбъ, или вино, или елей, или что-либо подобное? И когда священники дали отрицательный отвѣтъ; снова повелѣно ему спросить: оскверняется ли одежда, коснувшаяся чего-нибудь нечистаго? А на утвердительный отвѣтъ священниковъ Пророку дано повелѣніе сказать слѣдующее:

(15). *Сице людіе сіи, и сице языкъ сей предо Мною, глаголетъ Господь, и сице вся дѣла рукъ ихъ, и иже аще приблизится тамо, осквернится.* Какъ освященная одежда не можетъ освящать прикасающагося къ ней, но сама оскверняется отъ прикосновенія къ тому, что по закону не чисто: такъ и народъ сей по злонравію не получаетъ никакой пользы отъ того, что свято, но оскорбляетъ это, покушаясь прикасаться къ сему злочестиво. Потомъ Пророкъ открываетъ и причины сего.

За пріятія ихъ утрення, поболятъ отъ лица лукавствъ своихъ, и ненавидѣсть во вратѣхъ обличающихъ. Съ разсвѣтомъ утра не подумали вы ни о чемъ добромъ, но заботились о худыхъ прибыткахъ; непріязненно же были расположены къ обличителямъ вашего лукавства, которые, стоя во вратахъ, входящимъ и исходящимъ предлагали словеса Божіи. Но теперь во всей точности разсмотрите, въ какомъ положеніи были вы, когда не заботились о строеніи храма, и какой былъ у васъ недостатокъ необходимаго. Положивъ на сохраненіе двадцать мѣръ ячменя, едва находили вы половину, и надѣясь изъ точила добыть пятьдесятъ мѣръ вина, находили только двадцать. Различно вразумлялъ Я васъ, посылая и неурожай, и тлетворные вѣтры, и градъ; но вы, по великости жестокосердія своего, и не почувствовали вразумленія. Поэтому, вспомнивъ о семъ, замѣтте, какой будетъ у васъ урожай послѣ того, какъ начали строеніе храма. Ибо такое подамъ вамъ обиліе необходимаго, что и самыхъ мѣръ не будете знать на гумнѣ, съ благословеніемъ снабжу васъ и сочными плодами, умножу сборъ и плодовъ древесныхъ, а сверхъ того сдержу и то слово, которое предрекъ тебѣ, Зоровавель, о Гогъ и Магогъ.

(23). *И превращу престолы царей, и потреблю силу царей языческихъ, и превращу колесницы и всадники, и въздутъ кони и всадники ихъ кійждо во оружіи на брата своего. Не требующую трудовъ доставлю вамъ побѣду. Доведа народы до безумія и до помѣшательства въ умъ, вооружу другъ противъ друга, и всѣ до одного будутъ*

истреблены даже и съ конями. Сіе же: (22) *еще единою Азъ потрясу небомъ и землею и моремъ и сушею, не просто изрекъ Богъ, но напоминаетъ симъ благодѣяніе, оказанное въ нашествіе Сенахиримова ; потому что, предавъ внезапной гибели Сенахиримова воинство, всю землю и море исполнилъ страшнымъ о семь повѣствованіемъ.*

(24). *Въ той день, глаголетъ Господь Вседержитель: прииму тя Зоровавелю Салавилевъ рабе Мой, глаголетъ Господь, и положу тя яко печать, понеже ты избрахъ, глаголетъ Господь Вседержитель.* Не упоминая здѣсь объ Иисусѣ, упоминаетъ объ одномъ только Зоровавель ; потому что рѣчь идетъ о войнахъ и военачальствѣ, о дѣлахъ же военныхъ заботился онъ одинъ. Посему сказуетъ Богъ: въ тотъ день , по истребленіи оныхъ народовъ , тебя , Зоровавель , избраннаго Мною въ раба и служителя, содѣлаю славнымъ и знаменитымъ, и употребивъ тебя какъ нѣкую печать, и народу доставлю чрезъ тебя всякую безопасность ; потому что печать , приложенная къ дверямъ и сундукамъ, приводитъ въ безопасность влагаемое. Такъ истолкованіе пророчества приведено нами къ концу. Но я дивлюсь безумію Аполлиарія , который предиріялъ столь ясно предсказанному придавать противный сему смыслъ, и говорить, что ополченія Гога и Магога еще небыло, но будетъ при кончинѣ вѣка сего. Премудрый этотъ мужъ не обратилъ вниманія на непрерывную связь пророчества, а именно, что непосредственно за предсказаніемъ о пораженіи Гога и Магога присовокуплено у Пророка: *въ той день,*

глаголетъ *Господь Вседержитель, прииму тя Зоровавелю рабе Мой, глаголетъ Господь, и такъ далѣе.* Посему если Аполлинарій въ сложенныхъ имъ басняхъ вымышляетъ другаго какого Зоровавеля, который будетъ въ тѣ времена; то пусть толкованіе его и остается для насъ совершенною баснею. Если же разумѣется тотъ одинъ Зоровавель, который правилъ народомъ по возвращеніи изъ плѣна, то при немъ истреблено воинство оныхъ языческихъ народовъ, и послѣ сего истребленія Зоровавель сдѣлался славнымъ и знаменитымъ. Аполлинарію же должно было принять во вниманіе и то, что замедленіе въ созиданіи храма прикрывавшимъ бѣдностію *Господь* всяческихъ обѣщалъ собрать народы сіи и ихъ богатства отдать на расходы при храмозданіи, почему и присовокупилъ: *Мое серебро и Мое золото, и велия будетъ слава храма сего послѣдняя паче первыя.* Но оставивъ Аполлинарія съ его суесловіемъ, будемъ держаться истины и умолять человеколюбиваго нашего Владыку, чтобы и намъ даровалъ миръ, и миръ душевный, да во всемъ Ему угождая и Его пользуясь помощію, избѣгнемъ навѣтовъ невидимыхъ враговъ, и поживъ по Его божественнымъ законамъ, сподобимся обѣтованныхъ благъ, по благодати и человеколюбію Господа нашего *Исуса Христа.* Съ Нимъ слава Отцу и со Святымъ Духомъ нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ! *Аминь.*

ТОЛКОВАНИЕ

НА ПРОРОКА ЗАХАРИЮ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Богъ всяческихъ, особенно промысля древле объ Іудеяхъ, не одного Пророка поставлялъ имъ, но двухъ и трехъ, иногда же и многихъ Пророковъ, которые обучали ихъ должному, и предвѣщали имъ будущее. Такъ, когда пророчествовалъ богомудрый Исаія, въ то же время предрекали будущее и блаженные: Осія, Іоиль, Амось, Михей. Время же, когда они пророчествовали, желающимъ не трудно узнать изъ самыхъ пророчествъ. Такъ и по возвращеніи изъ Вавилона, и чрезъ божественнѣйшаго Ангеля преподавъ имъ Владыка, что знать было нужно, и чрезъ божественнаго Захарію научилъ, что должны они дѣлать, и предвозвѣстилъ будущія скорби и радости, — радости покаряющимся сказанному, а скорби прекословящимъ. Показуетъ же Пророку изображеніе и про-

образъ нѣкоторыхъ событій, чтобы зрѣніе оныхъ болѣе удостовѣряло въ словахъ. Черезъ него же предсказуетъ и пришествіе Спасителя нашего Христа и царство Его преисполненное кротости, неистовство Іудеевъ и спасительное страданіе — сіе самое дѣйствительное врачевство нашихъ грѣховъ, — и бѣдствія, происшедшія для Іудеевъ отъ ихъ неистовства. Но чтобы, продливъ очень изложеніе содержанія, не наскучить нѣкоторымъ изъ читателей снѣхъ записокъ, приступлю къ самому изъясненію пророческихъ словесъ.

ГЛАВА I.

(1). *Въ осмый мѣсяцъ, втораго лѣта, при Даріи, бысть слово Господне къ Захаріи Варахінну, сыну Аддову, Пророку, глаголя. И божественный Аггей и богомудрый Захарія въ одинъ годъ начали пророчество; но Аггей въ шестый мѣсяцъ, а Захарія въ осьмый; а изъ сего явствуетъ, что первый по пророчеству двумя мѣсяцами старѣе втораго. Упоминають же они о времени, чтобы и время возвращенія сдѣлать извѣстнымъ, и дать намъ ясное свѣдѣніе о томъ, что тогда царя еврейскаго не было въ числѣ царствующихъ. Сверхъ же сего доказываютъ и истинность Пророковъ, предвозвѣщавшихъ до плѣна; потому что предрекли они не только осаду, и взятіе Іерусалима, и отведеніе въ рабство жителей, но и продолженіе плѣна, и возвращеніе изъ Вавилона. Посему, такъ какъ все сіе пришло въ исполненіе, опредѣленно*

у нихъ время протекло, и, по предреченію Іудей пользовались уже свободою; то не безъ причины блаженные Аггей и Захарія прежде всего указали на второй годъ царствованія Дарія персидскаго. Ибо въ сей годъ исполнился седмидесятилѣтній срокъ запустѣнію города; и сіе можно дознать изъ самаго пророчества. Извѣщаетъ же Пророкъ объ имени отца, родившаго его, и объ имени того, къмъ рожденъ былъ отецъ; потому что въ это время многіе лжепророки предсказывали ложное, и вѣроятно случилось, что нѣкоторые изъ нихъ были съ нимъ-соименны. Поэтому, чтобы соименность не повредила истинѣ, когда сказанное ложно будетъ просто всеѣмъ предлагаемо, какъ предвозвѣщенное истинно, Пророкъ явно отличаетъ себя своимъ родомъ. Потомъ сказываетъ, что повелѣно ему пзречь.

(2). *Прогнѣвася Господь на отцы ваша гнѣмъ веліимъ.* Сіе начало пророчества исполнено премудрости, и прилично для тѣхъ, которые получили тогда божественному. Ибо въ свѣжей имѣя памяти, что совершилось съ отцами, и дознавъ, что причиною ихъ неслыханныхъ бѣдствій былъ праведный Божій гнѣвъ, старались они, какъ вѣроятно, и говорить и дѣлать то, что умилостивило бы челоуѣколюбиваго Владыку, и имъ припесло обиліе благъ. А что такова цѣль сказаннаго, свидѣтельствуешь о семъ послѣдующее. Ибо сказано:

(3). *И речеши къ нимъ: сице глаголетъ Господь Вседержитель: обратитесь ко Мнѣ, глаголетъ Господь силъ, и обращуся къ вамъ, глаголетъ*

Господь силъ. (4). И не будите якоже отцы ваши, ихже обличаху Пророцы прежній, глаголюще: сице глаголетъ Господь Вседержитель: отъвертитесь отъ путей вашихъ лукавыхъ, и отъ начинаній вашихъ злыхъ, и непослушаша, и не вняша послушати Мене, глаголетъ Господь Вседержитель. Зная, говоритъ Богъ, сколько увѣщаній отцамъ вашимъ сдѣлапо было Мною чрезъ Пророковъ, и что за противленіе предалъ Я ихъ конечной гибели, избѣгайте подражанія имъ, внимайте же изрекаемому Мною, чтобы пользоваться Моимъ о васъ промышленіемъ. Сіе означаютъ слова: обратитесь ко Мнѣ, и обращаея къ вамъ. Сходно съ снмъ сказанное въ другомъ мѣстѣ: и обратиша ко Мнѣ хребты, а не лица своя (Іерем. 2, 27.); ибо, кто не хочетъ со тцаніемъ обращать вниманіе на Божественныя словеса, тотъ въ точности подобенъ отворачивающемуся и показывающему свой хребетъ. Посему Богъ говоритъ: если желаете внимать законамъ Моимъ, то сподобитесь Моего о васъ промышленія. И научая, что для Него не трудно даровать имъ все изобиліе благъ, неоднократно нарекъ Себя и Господомъ Вседержителемъ и Господомъ силъ, а снмъ давалъ знать, что Онъ надъ всѣми державствующій и царствующій, какъ Творецъ и Создатель и Владыка самыхъ Силъ, весьма легко премѣняетъ свойства событій, изъ благополучія преводитъ въ злополучіе, и находящихся въ затруднительномъ состояніи возвращаетъ въ благоденствіе.

(5). *Отцы ваши гдѣ суть и Пророцы? еда во вѣки поживутъ?—(6). Обаче словеса Моя, и за-*
Феод. Ч. V.

коны Моя приемлетъ, елика Азъ заповѣдаю въ Дусь Моемъ рабомъ Моимъ Пророкомъ, иже постигнуша отцевъ вашихъ. Видите истину словесъ Моихъ, говоритъ Богъ, и Пророки прешли изъ жизни сей, и отцы ваши преданы наказанію, слова же Мои пребываютъ, самыми дѣлами провозглашая истинность свою, и не имѣя за себя ходатаями написавшихъ оныя Пророковъ (они испытали уже на себѣ опредѣленіе смерти), сами взываютъ и свидѣлствуютъ, что не изречено въ нихъ ничего лживаго. Посему съ усердіемъ примите чрезъ Пророковъ предлагаемое вамъ всесвятымъ Духомъ.

И отвѣщаша и рѣша: якоже устави Господь Вседержитель сотворити намъ по путемъ нашимъ, и по начинаніемъ нашимъ, тако сотвори намъ. Согласились съ сказаннымъ, неповѣдали истину, возчувствовали прегрѣшенія и сказали, что предреченіе истинно, гнѣвъ Божій праведенъ, и наказаніе соразмѣрно грѣху.

(7). Въ двадцать четвертый перваго надесять мѣсяца, сей есть мѣсяцъ Савать, во второе лѣто при Даріи, бысть слово Господне къ Захаріи Варахиину сыну Аддову, Пророку. Пророкъ, какъ Еврей, употребилъ еврейское счисленіе, а Евреи первымъ мѣсяцемъ призываютъ Ксанокъ; ибо такъ узаконилъ имъ великій Моусей, явственно взывая: мѣсяцъ сей вамъ начало мѣсяцей, первый мѣсяцъ будетъ въ мѣсяцѣхъ лѣта (Исх. 12, 1.). Посему, у начинающихъ считать съ сего мѣсяца одиннадцатымъ окажется Савать; а у Македонянъ называется оный Перитій. И Пророкъ

говоритъ, что въ семь мѣсяць, еще до исполненія втораго года, снова пріілъ Онъ въ себя дѣйствительность Божіей благодати. Ибо, что называется онъ словомъ, или глаголомъ, или видѣніемъ, или рукою, подъ всеѣмъ этимъ разумѣтъ дѣйственность Божіей благодати. И какъ скоро, ею просвѣщаемый, узрѣлъ онъ нѣкое видѣніе, оставилъ оно намъ, предавъ письмени. И говоритъ:

(8). *Видѣхъ нощію, и се мужъ встѣхъ на коня рыжа, и сей стояше между горами оспялющими, и за нимъ кони рыжи, и стѣры, и пестри, и бѣли.* (9). *И рѣхъ: что сіи Господи? И рече ко мнѣ Ангелъ, глаголюй во мнѣ: Азъ покажу ти, что суть сіи.* (11). *И отвѣща мужъ стояй между горами, и рече ко мнѣ: сіи суть, ихже посла Господь обзѣти землю.* (11). *И отвѣщаша Ангелу Господню стоящему между горами, и рѣша: обыдохомъ всю землю, и се вся земля населена есть, и молчитъ.* Видѣнные Пророкомъ очевидно суть Силы невидимыя, по слову божественнаго Апостола, въ служеніе посылаемы за хотящихъ наследовати спасеніе (Евр. 1, 19.). Видимо же бываетъ не естество ихъ, потому что оно безплотно; но Самъ и ихъ и общій всеѣхъ Владыка, въ случаѣ каждой потребности, образуетъ видимый ихъ образъ. И сему ясно учитъ насъ божественное Писаніе, указуя различныя облики ихъ. Ибо иначе видѣлъ ихъ Даніилъ, иначе Іезекіиль, и въ другихъ обликахъ видѣли Исаія и Михей. Но многоличны, а безплотны сіи умныя естества; сообразно съ потребностію Владыка ихъ даетъ имъ видимыя образы. Сіе содѣлалъ Онъ и для блажен-

наго Захаріи, ибо показуетъ ему Ангела, покровительствующаго народу Божию, а это былъ святой Михаилъ, какъ сказалъ Ангель бесѣдовавшій съ Даніиломъ. Ибо говоритъ онъ: *нѣсть ни единаго помогающаго со Мною о сихъ: но точно Михаилъ князь вашъ* (Дан. 10, 21.). Пророкъ видитъ его ѣздящимъ на конѣ, по скорости содѣваемаго. Рыжій цвѣтъ коня означаетъ гнѣвъ на враждующіе народы; потому что гнѣвный имѣетъ кровавый и красный цвѣтъ. А горы показываютъ не только твердость, но и высоту Ангеловъ, приставленныхъ для защиты. Многогѣтвистость и осѣненіе горъ даютъ собою разумѣть Божественное промышленіе, которое блаженный Давидъ обѣщаетъ возмозжившимъ упованіе на Бога; ибо говоритъ: *живый въ помощи Вышняго, въ кровь Бога небснаго водворится* (Псал. 90, 1.); и еще: *плещма Своима остынитъ тя* (— 4.), и въ другомъ мѣствѣ: *въ кровь крылу Твоею покрывши мя* (Псал. 16, 8.). И Израиля въ пустынь покрывалъ столпъ облачный. Посему и здѣсь Ангель, покровительствующій народу Божию, видѣнъ былъ стоящимъ между горъ осѣняющихъ, показуя симъ Божественную помощь. Впрочемъ Акила и Симмахъ называли горы миртовыми. А мирта — растеніе благовонное, имѣющее силу охлаждать горячность страстей. Посему и это означаетъ будущее Іудеямъ утѣшеніе отъ Бога всяческихъ. Пророкъ, увидѣвъ позади Михаила явившихся рыжихъ, сѣрыхъ, пестрыхъ и бѣлыхъ коней, спрашиваетъ, желая знать, какая причина указуемаго ему; и отъ перваго видѣннаго ннѣ Ангела, который стоялъ между горами осѣняющи-

ми, узнаеть, что кони посланы обозреть всю землю, и въ подтвержденіе сказаннаго возсѣдѣніе на оныхъ разноцвѣтныхъ коняхъ стоящему между горами Ангелу сказали: обошедши всю населенную землю, нашли мы, что наслаждается она миромъ и тишиною. Ангель же, покровительству котораго ввѣренъ народъ Божій, услышавъ сіе, и весьма вознегодовавъ, что, когда всѣ наслаждаются миромъ, . ему порученный народъ борется еще съ тысячами бѣдствій, приноситъ сію молитву Владыкѣ:

(12). *Господи Вседержителю, доколь не имаша помиловати Иерусалима, и грады Иудовы, яже презрѣлъ еси, сіе седьмидесятое лѣто.* Должно же знать, что срокъ перваго плѣненія исполнился въ первый годъ Кира, царствовавшаго у Персовъ; . потому что благій и челоѡколюбивый Владыка къ испытанію бѣдствій сопричислилъ и время предреченія. Сіе точнѣе показали мы въ толкованіи Пророка Іезекііля. Но седьмидесятилѣтній срокъ запустѣнію Иерусалима исполнился во второй годъ царствованія Даріева. Посему счисленіе онаго начинатьъ должно съ одиннадцатаго года царя Седекіи, при которомъ взятъ былъ городъ Иерусалимъ. Ибо, если кто начнетъ свое разысканіе съ сего года, то найдетъ, что срокъ сей исполнился во второй годъ царствованія Дарія, сына Истаснова. Посему Ангель, покровительствующій народу Божію, умоляетъ Бога всяческихъ обратить взоръ на предреченіе, взять во вниманіе, что срокъ исполнился, и не презирать болѣе города, Ему посвященнаго и преданнаго конечному запустѣнію. И Владыка, пріявъ сіе моленіе, говоритъ Пророкъ,

(13). *Отвѣща Ангелу, глаголющему во мнѣ, глаголы добры и словеса утѣшна.* Говоритъ же Пророкъ, что не другій это Ангель, кроме стоявшаго между горъ, но онъ самый, и съ нимъ бесѣдуетъ, и молится о народъ. Притомъ сказуетъ, что Ангель глаголетъ въ немъ, потому что не употреблялъ словъ и издавалъ голосъ, не движеніемъ языка и противодѣйствіемъ воздуха производимый, но звучащій внутри Пророка и въ немъ образуемый. Посему, святой Ангель въ упованіи на благоволеніе Божіе, повелѣваетъ Пророку возопить и сказать:

(14). *Сице глаголетъ Господь Вседержитель: ревновахъ, по Іерусалиму и Сіону рвеніемъ великимъ, (15). И гнѣвомъ велимъ Азъ гнѣваюся на языки нападающія: зане Азъ убо прогнѣвахся мало, они же налегоса въ злая. Не потерплю болѣе того, чтобы оставлять безъ вниманія содѣваемое съ Іерусалимомъ, но накажу преступившихъ мѣру определеннаго наказанія и отважившихся причинить ему большее число золь, нежели сколько положено. Ибо Я, наказуя Іерусалимъ за нарушеніе Моихъ законовъ, лишилъ Моего о немъ промышленія; они же, взявъ это въ поводъ къ небоязненности, не захотѣли удовлетвориться причиняемыми ему бѣдствіями. Поэтому, исполнившись справедливой ревности, Іерусалимъ удостою пощады, а у нихъ потребую отчета въ ихъ дерзости. Потомъ описываетъ и способы къ помилованію, обѣщаетъ привести къ концу созиданіе дома Божія, обновленіе города и возстановленіе оградъ. Ибо сіе означаютъ слова:*

(16). *Мѣра протянется во Іерусалимъ еще. И потомъ святой Ангель повелѣлъ Пророку возопить и сказать:*

(17). *Сице глаголетъ Господь Вседержитель: еще преліятися имутъ грады благими, и помилуетъ Господь еще Сіона, и избретъ еще Іерусалима. Многимъ городамъ іудейскимъ подаетъ Богъ изобиліе благъ; ибо сіе выразилъ Пророкъ сказавъ: еще преліятися имутъ грады благими. Однако же другимъ городамъ предпочтетъ опять Іерусалимъ, и ему дастъ древнія преимущества. Надлежитъ же замѣтить, что не вѣчное благополучіе обѣщаль Іудеямъ, но означилъ нѣкоторый срокъ, сказавъ: еще, и напередъ давая знать, что когда придетъ Наслѣдникъ, тогда законъ, занимающій мѣсто домостроителя и приставника, содѣлается бездѣйственнымъ, а вмѣстѣ съ нимъ упразднится и мѣсто, на которомъ совершалось служеніе по закону.*

Послѣ сего Пророкъ обращаетъ рѣчь къ описанію другихъ видѣній, и говоритъ, что видѣлъ четыре рога, и послѣ вопросовъ дозналъ отъ Ангела, что это—разсѣявшіе Іуду и Іерусалимъ. Потомъ сказуетъ еще, что Богомъ всяческихъ ему показано такое же число древодѣлей, что снова онъ вопрошалъ, и услышалъ:

(21). *Сіи рози расточившии Іуду и Израиля, и изыдоша сіи поострити я въ рукахъ своихъ, четыре рози, языцы возносящии рогъ на землю Господню, еже расточити ю. Посему, Пророкъ сказуетъ, что невидимымъ Силамъ дано повелѣніе Богомъ всяческихъ — возбудить и раздражить на-*

роды сіи другъ противъ друга, чтобы другъ отъ друга понесли наказаніе погрѣшившіе противъ Израіля. Ибо сіе выразилъ Пророкъ словами: *поостри ти я въ рукахъ своихъ*. Говоритъ же о четырехъ рогахъ, не число какихъ-либо народовъ симъ означая, но потому что четыре части свѣта: востокъ, западъ, югъ, сѣверъ. А нашествія на Іудеевъ были со всѣхъ сторонъ свѣта; нападали то Ассиріяне и Вавилоняне, то Филистимляне и Египтяне, иногда же Идумеи, Моавиты и Аммониты; и четырьмя рогами Пророкъ назвалъ нападавшихъ на Іудеевъ съ четырехъ странъ свѣта. Въ такомъ же числѣ поставилъ Пророкъ и невидимыя Силы, которыми народы возбуждены другъ противъ друга, чтобы другъ отъ друга пріяли они наказаніе за дерзость свою.

ГЛАВА 2.

Въ слѣдъ за симъ Пророкъ переходитъ къ описанію другаго видѣнія, и говоритъ, что видѣлъ онъ мужа, несущаго (1) *уже землемѣрно*; потомъ спросилъ: куда идетъ; и тотъ сказалъ, что идетъ (2) *размѣрнати Іерусалима и дознати, колика долгота и широта его есть*. Къ сему описанію присовокупляетъ Пророкъ, что Ангелъ, изгласившій ему слова сіи, стоялъ, другой же, подошедшій къ нему, Ангелъ повелѣлъ идти ему къ юношѣ, несшему мѣру, и сказать:

(4) *Плодовито населится Іерусалимъ отъ множества чловѣковъ и скотовъ, иже посредь его:*

(5). *И Азъ буду ему, глаголетъ Господь, стѣна огненна окрестъ, и въ славу буду посредедъ его.* Смотри, отъ лица Божія говоритъ Ангелъ, не умаль размѣровъ города, но, отъ Меня, твоего и его Владыки, дознавъ, что въ немъ будетъ обитать, сколько возможно, великое множество людей и скотовъ, очертай величину, соотвѣтственную множеству обитателей. Сверхъ того и Я Самъ, по благости Моей, буду для города сего неодолимою и неприступною стѣною. Сіе-то и названо стѣною огненною: потому что, какъ не возможно перейти чрезъ большой горящій костеръ, такъ невозможно, чтобы одолѣлъ кто охраняемаго Божіею благодатию. Не только всякую безопасность дамъ граду, но содѣлаю его знаменитымъ, и слава его распространится повсюду. Все сіе, и попечительность Ангела - покровителя, и посѣбное шествіе другихъ Ангеловъ, и измѣренія города Пророкъ видѣлъ, чтобы и ему самому съ несомнѣнностію принять благія обѣтованія объ Іерусалимѣ, и народу Божію въ точности увѣриться въ сказанномъ, когда не произносимыя только услышитъ слова, но увидитъ прообразованія самыхъ событій. Ибо Ангелъ, показавъ это Пророку, немедленно повѣлываетъ воскликнуть:

(6). *О о, бѣжте отъ земли стѣверныя, глаголетъ Господь, зане отъ четырехъ вѣтровъ небесныхъ соберу вы, глаголетъ Господь.* (7). *Въ Сіонѣ спасайтесь живущіи во дщерь Вавилонстѣй.* Имѣя сіи обѣтованія, не только вы, уже возвратившіеся, не унывайте духомъ, но и вы, добровольно живущіе еще въ Вавилонѣ (потому что,

получивъ дозволеніе, медлите возвращеніемъ), поспѣшайте идти въ свое отечество, которое въ непродолжительномъ времени возведу въ прежнее благосостояніе.

(8). *Зане сице глаголетъ Господь Вседержитель: въ слѣдъ славы посла Мя на языки плънившія васъ, зане касайся васъ яко касайся въ зеницу ока Его.* (9). *Зане се азъ напощу руку Свою на ны, и будутъ корысть работающимъ имъ, и уразумѣете, яко Господь Вседержитель посла Мя.* Такой попечительности Бога всяческихъ сподобитесь вы, что все огорчительное, касающееся васъ, почитать будетъ касающимся зеницы ока Его, не потому что обложенъ тѣломъ и дѣлится на члены (безплотенъ и неописуемъ Богъ всяческихъ), но человѣкообразно выражаетъ симъ то расположеніе, какое имѣеть къ вамъ. Сей попечительности испрашиваетъ у Него и блаженный Давидъ: *сохрани мя Господи яко зеницу ока* (Псал. 16, 8.) Посему-то, говоритъ Богъ, всѣхъ, которые грабили и расхищали васъ, содѣлаю подвластными ихъ же подданнымъ, и потерпятъ отъ нихъ тоже самое, что заставляли терпѣть васъ. И истину словесъ Божіихъ дознайте изъ самыхъ событій. Но съ Іудеями сбылось сіе прообразовательно, истина же пророчества точнѣйшее исполненіе возымѣла на насъ; потому что Владыка Христосъ, низложивъ демоновъ, которые расхищали насъ, въ собственность свою обратили нашъ умъ, поработили себѣ всѣ члены тѣла нашего, — содѣлавъ ихъ подвластными святымъ рабамъ Своимъ. И сіе яснѣе выразилъ устами богомудраго

Исаиѣ, взывая: *иже боестя возопіють отъ васъ: вѣстницы бо послани будутъ горць плачущая, просице мира: опустѣють бо сихъ путіе* (Иса. 33, 7.). Такъ демоны вопіали: *что намъ и Тебѣ Иисусе Сыне Божій? Пришелъ еси прежде времени мучити насъ* (Матѣ. 8, 29.); и еще. *заклинаю Тя, не мучи мене* (Марк. 5, 7.). Такъ и въ Филиппахъ имѣвшая въ себѣ пытливаго духа вопіяла: *сїи челоуцы раби Бога вышняго суть, иже возвъщаютъ намъ путь спасенія* (Дѣян. 16, 17.). Такъ демоны и предъ побѣдоносными мучениками донынѣ вопіють, и невольно провозглашаютъ ихъ побѣду, избличаютъ же свою немощь. Посему ихъ, окравшихъ насъ древле, какъ нѣкую добычу предалъ окраденнымъ Посланный въ слѣдъ славы, чтобы древною славу, которую погубилъ обольстившись родоначальникъ Адамъ, снова пріобрѣло естество наше, и познали мы благодѣтеля и Спасителя душъ нашихъ и пославшаго Его по челоуколюбію Отца. Посланъ же Онъ, не какъ Богъ, но какъ челоукъ; потому что, какъ Богъ, равночестенъ Родшему. *Азъ, говоритъ Онъ, во Отца, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 14, 10.); и: *Отецъ во Мнѣ пребывай, Той творитъ дѣла* (—11.); и: *Азъ и Отецъ едино есма* (10, 30.); и: *видѣвый Мене видѣ Отца* (14, 9.). Посылается же, какъ челоукъ, исполняя домоустройтельство о насъ, но не умалая Божескаго естества. Ибо во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ нещерева быти равенъ Богу, но Себе истоуцилъ, зракъ раба пріимъ (Фил. 2, 6. 7.). Посему, Пророкъ показалъ намъ не двойственность только, но и равночестность

Лиць. *Зане сице глаголетъ Господь Вседержитель: въ слѣдъ славы посла Мя, и, показывая, кто пославшій, присовокупляетъ: и уразумѣете, яко Господь Вседержитель посла Мя. Поэтому, и Пославшій—Господь Вседержитель, и Посланный—Господь Вседержитель, и нѣтъ никакого различія въ достоинствахъ. Посланъ же, какъ сказано, по человечеству, а не по Божеству, исполняя домо-строительство о насъ. И Посланный имѣетъ въ Себѣ пославшаго Отца; ибо говоритъ: Отецъ Мой во Мнѣ пребывай, Той творитъ дѣла. Въ слѣдъ за симъ Пророкъ присовокупляетъ:*

(10). *Красуйся и веселися дщи Сиона, зане се Азъ гряду, и вселюся посреде тебе; глаголетъ Господь.* (11). *И прибѣгутъ языцы мнози ко Господу въ той день, и будутъ Ему въ люди и вселлятсѣ посреде тебѣ, и уразумѣши, яко Господь Вседержитель посла Мя къ тебѣ. И сіе вполне приличествуетъ намъ, призваннымъ изъ язычниковъ и улучившимъ спасеніе; намъ повелѣно веселиться и радоваться; потому что въ насъ вселился Господь всяческихъ. Должно же знать, что и самый чувственный Иерусалимъ обитаемъ язычниками; увѣровавшими въ Господа (а). И изъ сего равнымъ образомъ познаемъ и двойственность Лиць и равночестность Лиць. Се Азъ гряду, и вселюся посреде тебѣ, глаголетъ Господь, и уразумѣши, яко Господь Вседержитель посла Мя къ тебѣ.*

(12). *И насладитъ Господь Іуду, участіе Свое*

а) Сіе блаженный Феодоритъ говоритъ о своемъ времени.

на землю святѣй, и избретъ еще Иерусалима. Ибо Владыка отъ Иуды воспріялъ зракъ раба, и содѣлалъ его Своимъ участіемъ. Свидѣтель сему богомудрый Павелъ, который взываетъ: *лѣтъ, яко отъ колѣна Иудова возсія Господь* (Евр. 7, 14.). И показывая, что Господь, не Иерусалимъ только, но и весь человѣческій родъ призываетъ къ спасенію, Пророкъ присовокупляетъ:

(13). *Да благоговѣтъ всяка плоть отъ лица Господня, яко воста изъ облакъ святыхъ своихъ.* Такъ и Давидъ говоритъ: *къ Тебѣ всяка плоть приидетъ* (Псал. 64, 3.); такъ и Исаія взываетъ: *се узритъ всяка плоть спасеніе отъ Бога нашего* (Иса. 40, 5.). Святими же облаками справедливо называетъ Пророковъ, не свое вѣщающихъ, но въ Духъ благодати, какъ въ нѣкоемъ морѣ, почерпающихъ пророческій дождь. Сказуетъ же Пророкъ, что изъ облакъ востаетъ и приходитъ Господь, потому что, чрезъ нихъ предвозвѣстивъ Свое пришествіе, и приведя въ исполненіе предвозвѣщенное, самую дѣйствительностію доказалъ божественность пророчества. Не прекословлю много тому, что сіе, какъ толковали иные, приличествуетъ Иудеямъ во время ихъ возвращенія изъ плѣна. Но что пророчество сіе дѣйствительно и непрерываемо исполнилось по вочеловѣченію Бога и Спасителя нашего, сіе дознать можно изъ самаго событія; потому что по семъ вочеловѣченіи тысячи язычниковъ, оставивъ прежную прелесть, прибѣгли къ Богу всяческихъ и наименованы людьми Божиими; по семъ вочеловѣченіи сталъ обитать въ Иерусалимъ благочестивый сонмъ, собранный изъ языч-

никовъ ; по семъ вочеловѣченіи всякая плоть и первое пришествіе Спасителя пріемлетъ, и съ трепетомъ ожидаетъ втораго Его пришествія. Но время возвратиться къ истолкованію.

ГЛАВА З.

(1). И показа ми Господь Иисуса іереа великаго, стояща предъ лицемъ Ангела Господня, и діаволь стояше одесную его, еже противитися ему. (2). И рече Господь къ діаволу: да запретитъ Господь тебѣ діаволе, и да запретитъ Господь тебѣ избравый Іерусалима. И сіе служитъ образомъ того, что у насъ. Какъ тому Иисусу, когда онъ сталъ архіерсемъ и ходатайствовалъ предъ Богомъ за народъ, крайне противился губительный и лукавый діаволь, такъ сей же самый врагъ борствовалъ опять Иисусу, Архіерею великому, по чину Мелхиседекову, взявшему грѣхъ міра, намѣреваясь запереть Его. Но тогда запретилъ ему не Иисусъ, сынъ Іоседековъ, а Владыка, Иисусовъ. Когда же приступилъ онъ къ Иисусу Спасителю вселенной ; отъ Него Самого, какъ отъ Бога и Владыки, пріемлетъ запрещеніе и слышитъ: иди за Мною сатано (Матѣ. 4, 10.). Поэтому, избавивъ отъ діавола Иисуса, сына Іоседекова, Владыка, какъ Богъ, присовокупилъ:

Не се ли сіе яко главия исторжена изъ огня? Поелику Іудей, недавно возвратившись изъ плѣна, имѣли еще на себѣ знаки плѣна, нищету, скудость ; то справедливо именуется ихъ главною :

главня же есть полуобожженное, изъятое изъ огня дерево.

Послѣ сего Пророкъ снова продолжаетъ описывать, что Архіерей облеченъ былъ въ ризы нечистыя и гнусныя: Ангелъ же, покровительствующій народу, повелѣлъ другимъ предстоявшимъ Ангеламъ снять съ него сію одежду, и давая знать, что подъ ризами разумѣется нѣчто иное, присовокупилъ:

(4). *И рече къ нему: се отъяхъ отъ тебе беззаконія твоя.* Хотя вѣроятно, что и онъ, какъ человекъ, имѣлъ нѣкоторыя прегрѣшенія; однакоже думаю, что, какъ Архіерей, присвоилъ себѣ беззаконіе народа, и приносилъ молитвы какъ согрѣшившій вмѣстѣ съ Іудеями; и посему-то отпущеніе беззаконія Іудеевъ пріемлетъ какъ отпущеніе собственныхъ своихъ грѣховъ. А такимъ образомъ, сказано у Пророка, освободившись отъ печальной одежды, и услышавъ словеса, исполненная радости, воспріемлетъ и священническую одежду; потому что изрекшій и содѣлавшій сказанное выше повелѣваетъ предстоящимъ облечь его въ подиръ, возложить на главу митру и нидаръ. Когда же было это исполнено; святой Ангелъ свидѣтельствуетъ, и говоритъ ему:

(7). *Сице глаголетъ Господь Вседержитель: аще азъ путехъ Моихъ пойдешь, и аще повелѣнія Моя сохраниши, и ты разсудиши храмъ Мой: и аще сохраниши дворъ Мой, и дамъ ти сообрацающуюся посреда столпцехъ сихъ.* Воспріявъ священническій санъ, веди жизнь по законамъ священства, храня все, что повелѣлъ Я дѣлать; исполняя сіе, и самъ до конца жизни сохранишь почеть, и преимущество сіе передашь потомкамъ, которые, отъ

тебя происходя, будутъ управлять народомъ симъ. Сіе выражено у Пророка словами: *дамъ ти соображающыяся посредь столицихъ сихъ.*

(8). *Послушай убо Иисусе іерею великій, ты и искреннии твои съдѣици предъ лицемъ твоимъ, зане мужи дивозрители суть. Дивозрителями не называетъ Пророкъ птицегадателей и прорицателей, какъ думали иные (потому что о подобныхъ имъ Пророкъ не выразился бы такими словами, и самъ Иисусъ, какъ благочестивый, не возлюбилъ бы такого соннища); но именоваіемъ симъ свидѣтельствуеъ о вѣдѣніи и усердіи искреннихъ Иисусовыхъ къ уразумѣнію божественнаго; потому что, какъ благочестивые, не преставали углубляться въ чудеса и знаменія, являемыя Пророками, и ожидать ихъ исполненія. Посему къ нимъ и къ Иисусу обращаетъ Богъ присовокупляемыя слова:*

Зане се Азь вожду раба Моего, востокъ имя Ему: (9) зане камень, егоже дахъ предъ лицемъ Иисусовымъ, на камени единомъ седмь очесъ суть. Благоукрасивъ священника, и совлекши съ него одежду печальную, облекши же въ ризу священническую, указавъ, что должно ему дѣлать, и предвозвѣстивъ потомкамъ, если будутъ хранишь божественные законы, весьма продолжительное существованіе, переходитъ къ роду царскому, и Зоровавеля, который былъ потомкомъ Іехоніи, и велъ родъ отъ Давида, обѣщаетъ содѣлать столь славнымъ и знаменитымъ, что уподобится самому блистательному свѣту востока. Сказуетъ же, что предъ лицемъ іерея дамъ камень сей, украшенный седмью очами. Но не должно, какъ подъ очами разумѣть

очи, такъ и число семь принимать за число определенное; потому что очами нарекъ дѣйственность божественной благодати; сказалъ же, что очей семь, означая симъ ся обиліе и величіе. Такъ и Анна говоритъ: *неплоды роди семь* (1 Цар. 2, 5.), не выражая симъ определенного числа, но изображая множество. И блаженный Давидъ сказавъ: *воздаждь состыдомъ нашимъ седмицею въ нѣдро ихъ* (Псал. 78, 12.), разумѣетъ слѣдующее: пусть понесутъ наказаніе во много кратъ больше тѣхъ обидъ, какія причинили намъ. Камнемъ же называетъ Пророкъ Зоровавеля по его твердости и непреодолимости. А сверхъ того Зоровавель былъ образомъ Владыки Христа, Который во многихъ мѣстахъ священнаго писанія нареченъ камнемъ. Божественный Давидъ сказалъ: *камень егоже небрегоша зиждущи, сей бысть во главу угла* (Псал. 117, 22.). И устами богомудраго Исаи глаголетъ Богъ всяческихъ: *се азъ полагаю въ Сионъ камень многоцѣпснъ, избранъ, краеуголенъ, честенъ, во основаніе ему, и всякъ въручай въ оны не постыдится* (Иса. 28, 16; сл. 1 Петр. 2, 7.). Такъ и блаженный Даниль видѣлъ камень, который безъ рукъ отсѣкъся отъ горы, поразилъ тѣло, истнилъ вещества, сталъ горою великою, и покрылъ вселенную (Дан. 2, 34. 45.). И наученный сему, блаженный Павелъ взываетъ: *пѣяху бо отъ духовнаго послѣдующаго камне: камень же бѣ Христосъ* (1 Кор. 10, 4.); и еще: *основанія иного никтоже можетъ положить паче лежащаго, еже есть Исусъ Христосъ* (—3, 11.). Сей-то камень пося въ себѣ Зоровавель (потому что отъ него произошелъ по плоти Спаситель все-

ленной), по справедливости и самъ, сія многоразличными дарованіями, именуется камнемъ. Такъ Пророкъ, показавъ Богоданную благодать въ Зоровавель, предрекаетъ и побѣды, одержанныя подъ славнымъ его военачальствомъ.

Се Азъ изрюю ровъ, глаголетъ Господь Вседержитель, и ослужу всю обиду земли оныя въ день единъ. Сіе предвозвѣстилъ Богъ о Гогъ и Магогъ, которыхъ въ одинъ день подвергъ конечной гибели, и всѣхъ вмѣстѣ предалъ смерти, иносказательно названной *рвомъ*. Послѣ сего, сказано у Пророка, всѣ воинствующіе подъ начальствомъ Зоровавеля, какъ побѣдители, небоязненно уже созывая другъ друга на пиршество (10) *подъ виноградъ и смоковницу*, будутъ раздѣлять пиршественную трапезу, не страшась нашествія враговъ.

Пророкъ, слыша сіе, при созерцаніи столь многихъ и высокихъ откровеній, отрѣшился отъ всего человѣческаго, и углубляясь въ нихъ мыслію, уподоблялся человѣку крайне отягченному и одержимому сномъ. Поэтому святой Ангелъ, покровительствующій народу и руководствовавшій меня во всѣхъ видѣніяхъ, говоритъ о себѣ Пророкъ,

ГЛАВА 4.

(1). Приступивъ возведе мя, якоже егда востанетъ человекъ отъ сна своего: (2). И рече ко мнѣ: что ты видиши? И рѣхъ: видѣхъ, и се свѣщникъ златъ весь, и свѣтилце верху его, и семь свѣтильникъ верху его, и семь чашницъ свѣтильникомъ верхнимъ его: (3). И двѣ маслины верху его, едина одесную свѣтилца его, и едина ошуюю. Во всемъ этомъ прикровешно изображалось нѣчто иное. Ибо свѣщникъ златъ показывалъ теперь Ангелъ Пророку, какъ образъ Божественнаго Промышленія, которое управляетъ и небеснымъ и земнымъ; семь свѣтильникъ, равночисленные семи днямъ недѣли, представляютъ собою непрерывность и непрекращаемость Божія Промысла; семь чашницъ, изливающихъ елей, означаютъ преизобильную щедроту Божія человеколюбія. Такъ свѣтилцемъ Ангелъ прикровешно давалъ разумѣть все озаряющую благодать, и двумя маслинами, процвѣтшими съ обѣихъ сторонъ, наименовалъ царскій и священническій санъ, благоукрашенные божественною благодатию, и двумя вѣтвями, простирающимся до свѣтильниковъ, — Иисуса и Зоровабеля, которые происходили, одинъ отъ священническаго, а другой отъ царскаго колѣна. Поелику же для тѣхъ, которые водятся человѣческими помыслами, казалось невѣроятнымъ и крайне сомнительнымъ, что такое малое число людей, бѣдныхъ, едва наконецъ избѣгшихъ продолжи-

тельнаго онаго плѣна, совершать такое число столь доблестныхъ подвиговъ; то Богъ обѣщаніе Свое подтверждалъ показуемымъ Пророку, научая симъ, что успѣхъ зависѣть будетъ не отъ ихъ силы, но отъ Его благодати. И сему истолкованію научены мы Самимъ Владыкою, показавшимъ Пророку оное видѣніе. Ибо, на вопросъ его, что прикровенно означается показуемымъ, божественный Ангелъ сказалъ:

(6). *Сіе слово Господне къ Зоровавелю, глаголю. не въ силу величій, ни въ крѣпости, но въ Дусѣ Моемъ, глаголетъ Господь Вседержитель. Не отчаявайся, Зоровавель, въ исполненіи предвѣщаемаго, взирая на настоящее свое малосиліе, и преуспѣвъ, не приписывай также побѣды себѣ; потому что, въпомоществуемый Моею благодатію, воздвигнешь знаменіе побѣды надъ оными народами. Потомъ обращаетъ рѣчь къ симъ самымъ народамъ:*

(7). *Кто ты еси горо великая, предъ лицемъ Зоровавеля, еже исправити? Поеліку и самаго Зоровавеля наименовалъ камнемъ; то сообразно съ симъ называетъ горою и оныя безчисленные народы, покусившіеся препятствовать построенію Божіа храма и истребить остатокъ народа Божіа. Но не въ силахъ будете вы, замыслившіе сдѣлать это.*

Изнесу камень насльдія, равенство, благодати благодать его. Сказуемое же Пророкомъ означаетъ слѣдующее: если и тысящекратно болѣе вознеистовствуете, поставляя препятствія Зоровавелю; всѣ надежды ваши содѣлаю тщетными; потому что, исполнивъ его всякой благодати, содѣлавъ твердымъ подобно камню, устрою, что всѣхъ васъ предасть

гибели; такъ что недостатокъ человѣческой силы восполнить и уравниетъ благодатию свыше. Посему познайте:

(9). Руцѣ Зоровавелевы основаша храмъ сей, и руцѣ его совершатъ его. И изъ самыхъ событій дознайте, что, служа Божіимъ словесамъ, изглаго-
лалъ я вамъ пророчество сіе.

(10). *Зане кто укорилъ тѣ есть во дни долги* (*). Сіе сходно съ словесами Божіими, читаемыми во Второзаконіи: *Азъ убію, и жити сотворю: пора-
жу, и Азъ исцѣлю* (Втор. 32, 39.). Сіе самое вы-
ражаетъ и здѣсь, а именно: какъ уничижилъ Я Иерусалимъ на дни многіе, и на запустѣніе его опре-
дѣлилъ семьдесятъ лѣтъ; такъ легко Мнѣ и снова привести его въ прежнее благополучіе. А видящіе это

Возрадуются, и увидятъ камень, иже отъ чи-
стаго олова, въ руку Зоровавелл, то есть, на опытъ познаютъ, что презираемый ими нынѣ Богъ Самъ чрезъ Зоровавеля одержитъ побѣду. Камень же оловянный упомянутъ здѣсь Пророкомъ по его мало-
вѣянности. Поелику Божій храмъ былъ сожженъ, народъ отведенъ въ рабство, городъ опустошенъ, и многіе предполагали, что все сіе произошло, не по причинѣ беззаконія народа Божія, а по безсилію чтимаго Іудеями Бога, то, сообразно съ ихъ мнѣ-
ніемъ, помощь Божію назвалъ камнемъ оловяннымъ, научая симъ, что сія самая помощь, которую не-
вѣрующіе почитаютъ малою и слабою, въ одномъ

(*) Бл. Θεодоритъ вмѣсто *μικρὰς* (малы) читаетъ: *μικρῶς*.

мужъ Зоровавель покажетъ собственную силу свою. Посему въ слѣдъ за симъ Пророкъ присовокупилъ:

Седмь сія очеса Господня суть, призирающая на всю землю. Общій всѣхъ Надзиратель и Правитель, надъ всѣмъ надзирая и все слыша, Самъ будетъ защищать Зоровавеля. По изреченіи сихъ словъ, Пророкъ вопрошаетъ о маслинахъ, процвѣтшихъ по обѣимъ сторонамъ свѣщника, предлагаетъ также вопросъ о двухъ вѣтвяхъ, простирающихся до самыхъ свѣтильниковъ, и дознаетъ, что

(14). *Два сынове тучности, яже предстоятъ Господеви всея земли. Разумѣетъ же Пророкъ Архіерея Исуса и военачальника Зоровавеля, которые процвѣли, одинъ отъ царскаго, а другій отъ священническаго рода.*

ГЛАВА Б.

Такъ многоразличными видѣніями подтвердивъ сказанное о царской власти и о священствѣ, и предвозвѣстивъ коонецъ построенію божественнаго храма, угрозою наказанія устрашаетъ слышащихъ, отвращая отъ порока и побуждая къ добродѣтели, и указываетъ Пророку (1) серцъ великій, висящій и носящійся въ воздухъ, (2) въ широту десяти лактей и въ долготу лактей двадцати, и даетъ знать, что

(3). *Сія клятва исходящая на лице всея земли: зане всякъ тать отъ сего даже до смерти отмищенъ будетъ. (4). И изнесу его, глаголетъ Го-*

сподь Вседержитель, и увидеть въ домъ татя, и въ домъ кленущагося именемъ Моимъ во лжу, и вселится посредь дому его, и скончаеть его, и древа его, и каменіе его. Клятвою назвалъ наказаніе, простирающееся на цѣлую вселенную и налагаемое на дѣлателей неправды. А симъ и Пророкъ и народъ научались, что Богъ всяческихъ есть судія всѣхъ людей, и наказываетъ всѣхъ по достоинству ихъ, подвергая конечной гибели не только предъ Нимъ нечестующихъ, но и дѣлающихъ обиды ближнему. Ибо да не подумаетъ кто-либо, что угроза сія изречена однимъ татямъ и кленущимся ложно; Богъ произнесъ сей приговоръ на всякое беззаконіе. Поелику весь законъ и Пророцы висятъ (Матѹ. 22, 40.) въ этомъ словеси: возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, и возлюбиши ближняго своего яко самъ себе (Лук. 10, 27.); то подъ ложною клятвою и татьбою совокупишь всѣ виды грѣха; потому что нарушеніе клятвы есть верхъ нечестія, и въ нарушитель нѣтъ любви Божіей; татьба же есть обида ближнему, а кто любитъ ближняго, тотъ не согласится сдѣлать ему обиду. По этому, въ сихъ главныхъ законахъ заключаются всѣ прочіе, и нарушителямъ ихъ справедливо угрожаетъ Богъ онымъ наказаніемъ.

(5). И изыде Ангелъ глаголяй во мнѣ, и рече ко мнѣ: воззри очима твоима, и виждь, что исходящее сіе. И рѣхъ: (6) что есть? И рече: сія мѣра исходящая. И рече: сія неправда ихъ по всей земли. А симъ и мы научаемся, что Господь всяческихъ распоряжаетъ все мѣрою и вѣсомъ. Такъ

и Аврааму, предвозвѣстивъ, что *преселно будетъ* сѣмя его (Быт. 15, 13.), открываетъ и причину; ибо говоритъ: *не бо исполнишася грѣси Амморреовъ до нынѣ* (—16.), то есть, не согрѣшили столько, чтобы заслуживать конечную гибель; а по этому не поущу нынѣ предать ихъ избіенію, но буду ожидать мѣры беззаконія. Такъ, и жившимъ при Ноѣ опредѣливъ жить сто двадцать лѣтъ (Быт. 6, 3.), когда увидѣлъ, что грѣхъ возрастаетъ и превышаетъ мѣру, не сталъ ожидать назначеннаго дня, но сократилъ срокъ, и въ сотый годъ навелъ на всѣхъ потопъ водный.

(7). *И се талантъ оловянь (*) землѣйся: и се жена едина съдѣлаше посредь мѣры.* (8). *И рече: сіа есть беззаконіе, и верже ю въ средину мѣры, и верже талантъ оловяный во уста ея.* Добродѣтель слово Божіе уподобляетъ бисерамъ: подобно есть царствіе небесное челоуѣку, ищущу добрыхъ бисерей (Матѣ. 13, 45.); наказаніе же грѣха священное писаніе называетъ оловомъ. Оно по природѣ тяжело, но весьма тяжело и бремя грѣха. И сему научаетъ насъ божественный Давидъ, говоря: *беззаконіа моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ* (Псал. 37, 5.). Посему и богомудрый Захарія видитъ грѣхъ являющійся въ образѣ жены; потому что много золь раждается отъ сладострастія; видитъ и наказаніе, какъ нѣкое тяжелое олово, наложенное на уста беззаконію, по слову псаломской пѣсни, въ которой

(*) Гочитс: сви цовый.

сказано: *всякое беззаконіе заградитъ уста свои* (Псал. 106, 42.). А плодь грѣха — стыдь. Такъ и блаженный Павелъ говоритъ: *свобождшеся отъ грѣха, поработистеся правдѣ. Кій убо тогда имъсть плодь, о нижже нынѣ стыдитесь* (Рим. 6, 18. 21.). Посему Пророку открыто, что Богъ разрѣшилъ грѣхъ народа и прекратилъ наказаніе. Именно видитъ Пророкъ (9) двухъ окриленныхъ женъ, несущихся съ шумомъ; и крыльямъ вдодавымъ подобны были крылья ихъ, говоритъ онъ. А вдодь самая быстрая на лету птица; тѣло у ней мало, крылья же больше тѣла.

Жены тѣ, говоритъ Пророкъ, взявъ оную мѣру, неслись по воздуху. А я спросилъ божественнаго Ангела: (10) *камо сія относятъ мѣру?* И открыто мнѣ, что удаляются въ Вавилонъ, чтобы не только положить мѣру въ городъ, но (11) *и создати ей храмину, и положити ю тамо на уготованіе свое;* потому что, говоритъ Богъ, не окажу Вавилону челоуѣколюбія, какъ Іерусалиму опредѣлилъ уреченное время на запусъніе, и потомъ снова удостоилъ его пощады и прощенія; напротивъ того Вавилонъ за великое нечестіе будетъ нести непрестанное наказаніе.

ГЛАВА 6.

Такъ, по окончаніи сего видѣнія, Пророкъ описываетъ другое созерцаніе, и говоритъ, что (1) увидѣлъ колесницы, числомъ четыре, исходящія изъ двухъ горъ мѣдныхъ, и (2) въ первую колесницу запряжены были кони рыжіе, во вторую вороные, (3) въ третію бѣлые, а въ четвертую пестрые въ яблокахъ. Потомъ скажетъ, что спросилъ онъ, и узналъ отъ Ангела:

(5). *Сія суть четыре вѣтри небесніи, иже исходятъ предстати Господу всея земли. Четырьмя же вѣтрами называетъ Пророкъ четыре части вселенной; потому что многіе и вѣтры полагаютъ имъ равночисленными. Посему Пророкъ научается, что Богъ всяческихъ, и блага подаетъ людямъ, и насылаетъ имъ скорби, употребляя въ служеніе невидимыя Силы. Такъ и блаженный Давидъ скажетъ: ополчится Ангелъ Господень окрестъ боящихся Его, и избавитъ ихъ (Псал. 33, 8.): о наказаніи же говорятъ въ другомъ псалмѣ: посла на нѣ гнѣвъ ярости Своея, ярость и гнѣвъ и скорбь, посланіе аггелы лютыми (Псал. 77, 49.). Такъ и Богомудрый Захарія видитъ коней вороныхъ, устремленныхъ въ сѣверную часть вселенной, и даетъ симъ разуметь гибель Вавилона.*

(6). *И бѣлии исхождаху въ слѣдъ ихъ, не для того, чтобы блага подать Вавилонянамъ, но чтобы,*

когда будутъ они наказываемы, оставшихся изъ плѣнныхъ Евреевъ возвратитъ въ Іудею:

И рыжіе (*) *исхождаху на землю южную, угрожая бѣдствіями народамъ, возставшимъ на Іерусалимъ; потому что рыжимъ цвѣтомъ пророческое слово прикровенно означило раздражительность.*

(7). *И пестрые съ крапинами исхождаху, и озираху еже обзѣти землю, и рече: идите, обыдите землю, и обыдоша землю. Подъ землею разумѣеть здѣсь не землю Израильскую, но цѣлую вселенную; называетъ же коней пестрыми, потому что исправляютъ всякаго рода служенія, гдѣ должно, наказываютъ, и гдѣ надобно, благодѣтельствують.*

(8). *И возопи, и призвалъ меня, и рече ко мнѣ, глаголя: се исходящій на землю стѣверскую упокоиша Духъ Мой на земли стѣверстѣй, то есть, на Вавилонянъ наложилъ Я справедливое наказаніе, какое давно заслуживали, но доселѣ не понесли по Моему челоуѣколюбію.*

Послѣ сихъ видѣній Пророку повелѣвается принять дары, принесенные плѣнниками, но не просто всѣми, а (10) *яже отъ князей, и отъ ключимыхъ его, и отъ разумѣвшихъ его; то есть, всѣ тѣ, которые ощутили бѣдствія, и познали причину плѣна, извѣдали пользу его, да принесутъ дары. Потомъ Пророкъ напоминаетъ имена Елдая, Товіи, и Идія, и получаетъ повелѣніе войти (10) въ домъ Іосіи Софоніина, грядущаго теперь отъ Вавилона, (11) и принять серебро и золото, сдѣлать изъ нихъ вѣ-*

(*) У семидесяти и по славянскому переводу читается: пестрии.

пецъ, и возложить на главу архіерею Іисусу, передать ему слова Божіи и сказать:

(12). *Сице глаголетъ Господь Вседержитель: се мужъ Востокъ имя ему, и подъ нимъ возсіяетъ, и созиждетъ храмъ Господень: (13). И той приметъ добродѣтель, и сядетъ, и возобладаетъ на престоль своемъ, и будетъ іерей одесную его, и совѣтъ миренъ будетъ между обѣма. Все сіе предвозвѣщаетъ Пророкъ о Зоровавель, не какъ о неродившемся еще, но какъ о непріавшемъ еще власти; именуетъ же его Востокомъ, потому что какъ свѣтъ возсіялъ онъ тогда живущимъ въ Іерусалимъ, одержимымъ невзгодами и мглою бѣдствій. Сказуетъ, что онъ довершитъ строеніе Божія храма, утвердится на царскомъ престолѣ, всякой чести удостоитъ архіерея, будетъ съ нимъ въ такомъ единомысліи, что ничего никогда не сдѣлаетъ безъ его одобренія. Обѣщаль же сіе не имъ только, но и ожидающимъ неветшающаго вѣнца, которыхъ именуетъ (14) ключимыми и разумѣвшими его. И кто доставилъ вещества для вѣнца, Іосія сынъ Софоніинъ, тотъ сподобится за сіе славы; ибо сіе выразилъ Пророкъ словами: и въ благодать сыну Софоніину. Потомъ и о мѣсть Богослуженія сказуетъ:*

И въ псаломъ въ храмъ Господни. (15). И изъ далека отъ сихъ придутъ, и созиждутъ въ храмъ Господни, и уразумеете, яко Господь Вседержитель посла мя къ вамъ. Ибо сдѣлаете это не только вы, здѣсь находящіеся, но и живущіе въ дали отъ васъ стекутся отсюда, и примутъ съ вами участіе въ сихъ прекрасныхъ трудахъ.

И будетъ, аще слушающе послушаете гласа Господа Бога вашего. Исполнится же сіе и достигнетъ надлежащаго конца, говоритъ Пророкъ, если будете повиноваться словесамъ Божиимъ.

ГЛАВА 7.

(1). И бысть въ четвертое лѣто, при Даріи царь, бысть слово Господне къ Захаріи въ четвертый мѣсяца девятаго, иже есть Хаселевъ, который называемъ мы Апеллеемъ. (2). И посла въ Вевилъ, Сарасаръ, и Арвесееръ царь, и мужіе его молити Господа. (3). Глаголя къ священникомъ, иже въ храмъ Господа Вседержителю; и Пророкомъ: аще вниде здѣ въ пятый мѣсяцъ святыня, или пощуся, якоже сотворихъ уже многа лѣта. Иные утверждали, что это были начальники Хуоеевъ, переселенныхъ Салманассаромъ, и другихъ народовъ, которые послѣ сего названы Самарянами. Но къ симъ ли они, или другимъ принадлежали народамъ, Божественное писаніе не открыло намъ сего; очевидно же, что, будучи иноплеменными, и начальствовали надъ иноплеменниками; впрочемъ, живя по сосѣдству съ Іудеями, заняли много полезнаго отъ Пророковъ и отъ другихъ благочестивыхъ мужей, а потому прислали жертвы Богу, и желали дознать отъ священниковъ и Пророковъ, воспріять ли храмъ Божій надлежащее украшеніе, или, какъ говорятъ они, должно намъ снова умилоствлять Бога постомъ, что и не переставали мы дѣлать

долгое время. При этомъ ихъ вопросъ Богъ всяческихъ ведетъ рѣчь съ народомъ своимъ, а тѣмъ и ихъ научаетъ, что должны дѣлать. Ибо говоритъ:

(5). *Рцы ко всѣмъ людемъ земли, и къ священникомъ, глаголя: аще поститесь, или плачевольствисте въ пятый или седмый день мѣсяца, и се седьдесятъ лѣтъ, постомъ ли поститесь Ми?*

(6). *И аще ясте или пиете, не вы ли ясте и пиете?* Не думайте, говоритъ Богъ, что какалъ либо выгода Мнѣ отъ вашего поста. Если, и въ тысячу разъ болѣе сътуя и плача, будете совершать постъ въ *пятницахъ и седминахъ*; то никакой пользы не приобрѣту отъ того. А что сіе дѣйствительно такъ, свидѣтельствуемъ время плѣна; потому что въ продолженіе *седмидесяти лѣтъ* не служили вы Мнѣ въ постъ. Посему, какъ ядя и пия себѣ доставляете тѣмъ удовольствіе, такъ и отъ поста сами вы получаете пользу. И не думайте, что это новое ученіе, потому что издревле, съ самаго давняго времени, не преставалъ Я чрезъ Пророковъ говорить это вашимъ предкамъ и отцамъ.

(7). *Не сія ли суть словеса, сказано у Пророка, яже глагола Господь руками Пророковъ прежнихъ, егда бѣ Иерусалимъ населенъ, и гобзующъ, и грады его окрестъ, и нагорная и подольная населена бяху?* Такъ, показавъ древность сей проповѣди, подробно открываетъ, чѣмъ можно служить Ему.

Судъ праведенъ судите, и милость и щедроты творите кійждо къ брату своему, (10) а вдовицы, и сира, и пришельца, и убога не насилствуйте, и злобы кійждо брата своего да не помнитъ въ сердцахъ своихъ. Отцамъ вашимъ сказалъ Я, гово-

рптъ Богъ, чтобы судящіе произносили приговоръ безпристрастный и справедливый, съ ближними поступали милостиво, влекущихъ тяжкое иго вдовства, и оплакивающихъ свое сиротство не угнетали своею властію, и безсилія убогихъ не обращали въ поводъ къ любостыжательности, а сверхъ того отвращались злопамятства, и не мстили начавшимъ обиды. Вотъ, что сказалъ Я имъ; они же не захотѣли послушаться.

(11). *Но даша плещи презирающія. И принимая на себя удары, боѣзновали безчувственностію; потому что плещами презирающими назвалъ Пророкъ безчувственность, переносный образъ рѣчи взявъ съ рабовъ, которые терпятъ наказаніе бичами, и не извлекаютъ изъ сего пользы.*

И ушеса своя отяготиша, еже неслышати, (12) и сердце свое учиниша непокориво непослушати закона Моего, и словеса Моихъ, яже посла Господь Вседержитель Духомъ Своимъ рукою Пророковъ прежнихъ; но пожали плодъ непокорности. Ибо бысть гнѣвъ велий отъ Господа Вседержителя.

(13). *И будетъ, якоже рече, и не услышаша Его: сице возопіютъ, и не имамъ услышати, глаголетъ Господь Вседержитель. Здѣсь перемененъ видъ времени. О прошедшемъ говорится какъ о будущемъ; сказано: возопіютъ, вмѣсто возопили, и не имамъ услышати вмѣсто не услышалъ.*

(14). *И отесргу я, то есть, отвергъ, во вся языки, иже не разумьша, и земля запустѣеть, то есть запустѣла, послѣди ихъ отъ проходящаго и отъ возвращающагося. И сіе явствуетъ изъ послѣдующаго, потому что снова Пророкъ измѣнилъ образъ рѣчи, и говоритъ:*

И учиниша вождельвнную землю въ запустѣніе. Сіе изрекъ Богъ о непокорности и наказаніи отцовъ ихъ: ибо невѣроятно, чтобы испытаннымъ горькое рабство, только что освобожденнымъ отъ онаго, и не построившимъ еще города, снова стали угрожать таковыми бѣдствіями.

ГЛАВА 8.

(1). *И бысть слово Господа Вседержителя ко мнѣ, глаголя: (2). Сиче глаголетъ Господь Вседержитель: ревновахъ по Іерусалимъ, и Сіонъ рвеніемъ великимъ, и яростію вслією ревновахъ по немъ. Сію казнь, говоритъ Богъ, наслалъ Я на Сіонъ, наказывая за злочестіе предо мною. Рвеніемъ же называетъ правдивый гнѣвъ. Поелику Себя называлъ Богъ мужемъ, а Сіонъ именовалъ женою: то по необходимости употребилъ въ рѣчи и слово: рвеніе. А такъ называлъ Себя и въ началѣ, говоря: *Азъ есмь Господь Богъ твой, Богъ ревнитель, огонь потребляяй* (Исх. 20, 5. Второз. 4, 24.). Такъ показавъ причину гнѣва, даетъ потомъ объясненіе о благахъ.*

(3). *Сиче глаголетъ Господь: обращуся къ Сіону, и вселюся посредѣ Іерусалима, и наречется Іерусалимъ градъ истинный, и гора Господа Вседержителя, гора святая. Прообразовательно сбылось сіе по созданіи храма Зоровавелемъ; истину же пророчества дознали всѣ по воплощеніи нашего Спасителя. Сверхъ сего общаетъ Богъ, что дастъ*

городу множество жителей, и продолжить жизнь ихъ до глубокой старости; почему, опираясь на жезлы, будутъ ходить они по торжищу и сидѣть въ обычныхъ собраніяхъ, улицы же наполнятся играющими отроками, что обыкновенно бываетъ въ городахъ многолюдныхъ. Ибо сіе выразилъ Господь, сказавъ:

(4). *Еще сядутъ старцы и старицы на путехъ Иерусалимскихъ, кійждо жезлъ свой имый въ руцѣ своей отъ множества дней. (5). И путіе града исполнятся отрочицъ и отроковицъ, играющихъ на путехъ его. Потомъ увѣряетъ въ словахъ сихъ, ручаясь въ томъ Своимъ могуществомъ.*

(6). *Сице глаголетъ Господь Вседержитель: аще изнеможетъ предъ останкомъ людей сихъ во онѣхъ дняхъ, еда и предо Мною изнеможетъ? глаголетъ Господь Вседержитель. Хотя вы, взирая на собственную свою малочисленность и нищету, не воспріемлете надежды имѣть сіи блага: однакоже, познавъ могущество Дающаго обѣтованіе, надлежитъ вамъ не сомнѣваясь пріять сказуемое и вѣровать, что народъ Мой вполнѣ сподоблю спасенія, собравъ его отвсюду, возвращу въ отечественную землю, и содѣлаю, что явленіе Мое въ Иерусалимъ будетъ дѣломъ обычнымъ. Ибо сіе сказуетъ Богъ у Пророка:*

(8). *Вселюся посредь Иерусалима. Народъ назовется Моимъ народомъ, а Я наименуюсь его Богомъ, и не во лжу, какъ древле, но по истинѣ и правдѣ.*

(9). *Сице глаголетъ Господь Вседержитель: да укрѣплятся руцѣ васъ слышащихъ во дняхъ сихъ словеса сія отъ устъ пророческихъ, отъ него же*

дне основася храмъ Господа Вседержителя, и церковь отнелъже создася. Находи для себя утѣшеніе въ Моемъ обѣтованіи, съ полнымъ упованіемъ созидайте храмъ Божій, чтобы въ немъ совершать законныя службы и пріимать дары божественной благодати.

(10). *Зане прежде дней оныхъ мзда челоукомъ не бѣ во успѣхъ, и мзда скотомъ не блше, и исходящему и входящему не бѣ мира отъ печали.* Когда нерадѣли вы о строеніи храма, бесполезенъ былъ трудъ челоуческой, не давала выгоды и плата за скоть, но всѣ, и отлучающіеся и дома остающіеся, пребывали въ непрестанномъ страхѣ.

И по слоу вся челоуки коегождо на искренняго своего. За нерадѣніе ваше о божественномъ возбуждалъ Я у васъ междуусобіа и мѣтежи; теперь же, видя ваше тѣзаніе о храмосданіи, предпочтительно предъ всѣми другими дамъ вамъ даръ мира; насладитесь же и плодами земными при подаваемыхъ обильно свыше дождяхъ.

(13). *И будетъ, якоже бѣсте въ клятвѣ во языцехъ доме Іудовѣ и доме Израилевѣ, тако спасу вы, и будете еъ благословеніи.* У людей въ обычаѣ, и проклиная выставлятъ на видъ подпавшихъ бѣдствіямъ и говорить: да потерпитъ подобное тому, что потерпѣлъ такой-то, и желая кому либо добра, приводитъ на память сподобившихся Божія благословенія.

Дерзайте и укрѣпляйтесь руками вашими. (14). *Зане сице глаголетъ Господь Вседержитель: якоже помыслихъ озлобити вы, внегода прогнѣваша Мѣ отцы ваши, глаголетъ Господь Вседержитель, и*

не раскаялся: (15). Тако уставихъ, и умыслихъ во дни сія добро сотворити Иерусалиму, и дому Иудову. Какъ доказалъ Я, говоритъ Богъ, что угрозы наказаніемъ были истинны; такъ приведу въ исполненіе и благія смотрѣнія. Такъ обнадеживъ ихъ, снова увѣщаваеъ быть добродѣтельными, и открываетъ, что должно имъ дѣлать.

Держайте. (16). Сія словеса, яже сотворите. И прежде всего повелѣваетъ чтить истину; ибо говоритъ: *глаголите истину кійждо искреннему своему; потомъ и тяжущихся о чемъ нибудь приводить къ миру: судъ миренъ судите во вратяхъ вашихъ; изгнать же изъ сердца злопамятность.*

(17). *И кійждо злобы искренняго своего не помышляйте въ сердцахъ вашихъ.* А кленущіеся да держатъ твердо клятвы и ненавидятъ ложь, говоритъ Богъ: *клятвы лживыя не любите: зане вся сія возненавидѣхъ, глаголетъ Господь Вседержитель.* Потомъ, поелику выше говорилъ, что не получаютъ никакой пользы отъ поста (а сказалъ это ради думающихъ, что однимъ постомъ можно служить Богу); то, обучивъ ихъ всемъ видамъ добродѣтели, вмѣстѣ съ тѣмъ узаконяетъ и постъ.

(19). *Сице глаголетъ Господь Вседержитель: постъ четвертый, и постъ пятый, и постъ седмый, и постъ десятымъ будутъ дому Иудову въ радость, и въ веселіе, и въ праздники благи, и возвеселитесь: и истину и миръ возлюбите.* Явно же, что посты именуеъ четвертымъ, пятымъ, седмымъ не по днямъ седмицы, но по мѣсяцамъ; почему присоединилъ: *и десятымъ.* Постясь, говоритъ, не печальтесь о томъ, что воздерживаетесь отъ пищи,

а веселитесь по причинѣ пользы, доставляемой изнуреніемъ тѣла. И при постѣ, и безъ поста, будьте расположены къ истинѣ и къ миру. При семъ должно знать, что другіе толковники, разумѣю Акилу, Симмаха и Θεодотіона, не говорятъ: держать постъ четвертый и пятый и седмый и десятый, но всѣ трое согласно упоминають о постѣ четвертаго, или пятаго, или седмаго, или десятаго, а изъ сего явно, что Богъ заповѣдалъ постъ въ четвертый, и пятый, и седмый, и десятый мѣсяцъ.

(20). *Сице глаголетъ Господь Вседержитель: еще людіе мнози приидуть, и живущіи во градѣхъ многихъ.* (21). *И спидутся живущіи въ пяти градѣхъ во единъ градъ, глаголюще: грядуще грядимъ помолитися лицу Господа Вседержителя.* (22). *И приидуть людіе мнози, и языцы мнози възыскати лица Господа Вседержителя во Іерусалимъ, и умоли ти лице Господне.* Іерусалимъ будетъ столь славенъ и знаменитъ, что жители другихъ городовъ, приходя одинъ къ другому, станутъ другъ друга увѣщавать и побуждать къ благочестію, чтобы, оставивъ все, что ни есть въ рукахъ, идти вмѣстѣ въ сей городъ и възыскать благоволенія Божія. И каждый скажетъ: *иду и азъ, и отправлюсь съ вами.* Сдѣлають же это не только ведущіе родъ свой изъ Іерусалима, но и иноплемешные народы, возжелавъ воспользоваться Божіею помощію. И въ маломъ видѣ исполнилось это по совершеніи храмозданія Зоровавелемъ; а по пришествіи во плоти Бога и Спасителя нашего можно видѣть, что вся земля и море стекаются въ оный городъ, и желаютъ видѣть мѣста спасительныхъ страданій. Согласно съ симъ и присовокупляемос:

(23). *Сице глаголетъ Господь Вседержитель : во оны дни имется десять мужей отъ встьхъ племень языческихъ, и имутся за ризу мужа Іудеина, глаголюще: пойдемъ съ тобою, зане слышашомъ, яко Богъ съ вами есть. Такъ священныхъ Апостоловъ, которые родъ свой вели отъ Іудеевъ, возжелали сподобившіеся призванія язычники, вѣруя, что чрезъ нихъ улучать спасеніе. Такъ богомудраго Павла возжелали Филиппійцы, Фессалоникійцы, Коринпоане и всѣ народы. Такъ блаженный Описифоръ пришелъ въ Іерусалимъ, чтобы воздать Павлу долгъ служенія; такъ блаженный Титъ и Трофимъ послѣдовали за нимъ даже въ крайнихъ опасностяхъ. Если же, и по возвращеніи Іудеевъ изъ Вавилона, нѣкоторые изъ язычниковъ дивились необычайности освобожденія, увѣровали, что Богъ ихъ есть Богъ истинный, и послѣдовавъ за нѣкоторыми изъ Іудеевъ, желали дознать отъ нихъ истину: то сіе не вредитъ сказанному нами, а паче служитъ подтвержденіемъ истины; ибо ветхозавѣтное было прообразомъ того, что у насъ, а подобно надлежитъ имѣть сходство съ первообразомъ. Посему, если истинно слово сіе въ отношеніи къ Іудеямъ, то истинно и сказанное нами; потому что бывшее съ Іудеями есть тѣнь совершившагося съ нами. Но возвратимся къ истолкованію слѣдующаго по порядку.*

ГЛАВА 9.

(1). Пророчество словесъ Господня въ земли Адраха, и Дамаскъ жертва его (а). Акила же перевелъ : и въ Дамаскъ покой его. Зане Господь призираетъ на челоуѣки, и на вся колѣна Израилева, (2). И Имаѳъ въ предѣльяхъ его, или по другимъ толковникамъ : и въ Имаѳъ, сопредѣльномъ ему. Посему Пророкъ предсказываетъ , что и сіи древле злочестивые города, Адрахъ, Дамаскъ, Имаѳъ принесутъ жертвы Богу, освободившись отъ прежней прелести ; потому что Призирающій на всѣхъ людей, а не на одни колѣна Израилевы, понечется и о нихъ. Адрахъ есть городъ Аравійскій; а Имаѳъ называется нынѣ Епифанією. Но божественное писаніе именуетъ Имаѳомъ великій Емисъ. Сіи-то города, озарившись свѣтомъ Боговъдвѣія, будутъ дѣлать, что должно.

Тиръ и Сидонъ, яко умудръша зѣло. (3). И созда Тиръ твердыни себѣ, и собра сребро яко персть, и злато яко брѣніе путей. (4). Сего ради Господь наслѣдитъ я, и поразитъ въ море силу его, и той огнемъ полетѣя. (5). Увидитъ Аскалонъ: и убоится Газа, и поболитъ зѣло, и Аккаронъ яко постыдѣтся о паденіи (б) своемъ; и погибнетъ царь отъ

(а) Въ сл. читается: въ земля Седриха и Дамаска жертвы его.

(б) Бл. Θεοδορίτῃς вмѣсто ἐπιδοξ (о упованіи) читаетъ : ἐπὶ τῷ λιχαλτῶνιαις).

Газы, и Аскалонъ не имать населитися. Тиръ и Сидонъ, говоритъ Пророкъ, величающіеся богатствомъ и надбьющіеся на твердыя ограды, преданы будутъ бѣдствіямъ всякаго рода; потому что иное въ нихъ потопитъ разлившееся море, а иное будетъ пожжено огнемъ, когда Богъ всяческихъ пронзесетъ на нихъ этотъ приговоръ. А слова: *Господь насльдитъ я*, имѣютъ такое истолкованіе: поелику сами себя устранили они отъ Божія о нихъ попеченія; то опытомъ извѣдаютъ Божию силу. Аскалонъ же и Газа, увидѣвъ это, придутъ въ страхъ, и вмѣстѣ съ Аккарономъ будутъ сѣтовать о томъ, что постыдеса, то есть Тиръ, о паденіи своемъ. Но положу конецъ и царству Газы, и Аскалонъ лишу жителей, сдѣлаю, что его и Азотъ населятъ иноплеменники. Ибо сіе: *Аскалонъ не имать населитися*, говоритъ Пророкъ о тогдашнихъ жителяхъ, которыхъ предалъ Богъ на избіеніе и въ рабство. Почему присовокупилъ:

(6). *И вселятся иноплеменницы во Азотъ, и разрушу досажденіе иноплеменниковъ.* (7). *И изму кровь изъ устъ ихъ, и мерзости ихъ изъ средины зубовъ ихъ.* Поэтому ниспосылаемое Богомъ вразумленіе есть мать благихъ дѣлъ; потому что въ слѣдствіе онаго и иноплеменики, какъ сказалъ Пророкъ, оставили прежнія беззаконія и злочестіе, пріяли же богопознаніе. Ибо сіе выразилъ Пророкъ, немедленно присовокупляя:

И оставятся и сіи Богу нашему, и будутъ яко тысящникъ во Іудъ, и Аккаронъ, якоже Іевусей. Ибо, возгнушавшись жертвами идольскими, которыми прежде были иреисполнены, подчинятъ себя

Божію о нихъ попеченію , и причисленные къ Іудѣ отличатся подобно нѣкимъ тысящникамъ , и содѣлаются равночестными обитателямъ Іерусалима. Сихъ-то Пророкъ назвалъ *Іувусейми*; потому что Іерусалимъ именовался древле Іевусомъ.

(8). *И поставлю храму Моему воздвиженіе, еже не сквозь ходити, ниже возвращатися, и къ тому не имать приити на васъ изгоняяй: яко нынѣ видѣхъ очима Моима.* Храмъ Мой содѣлаю славнымъ, и народъ Мой исполню силы, такъ что враги, осмѣливающіеся напасть на него, претерпѣвъ отъ него наказаніе , не возвратятся, и не увидятъ домовъ своихъ; другіе же, увидѣвъ ихъ бѣдствіе и убоявшись, останутся въ домахъ, и не отважатся нападать на сей народъ; потому что Мнѣ благоугодно въ настоящее время имѣть о нихъ сіе попеченіе. А сіе пришло въ исполненіе и при Маккавеехъ въ военачальство Іуды, Іонаѳана и Симона; потому что по одержаніи побѣды поработили себѣ города иноплемениковъ , вмѣсто нихъ населили Іудеями, и сдѣлали, что даже изъ самыхъ иноплемениковъ многіе познали благочестіе. По точное событіе пророчества оказалось по пришествіи нашего Спасителя ; потому что нынѣ, отрeksiсь отъ прелести идольской , и Аскалониты и Аккарониты и прочіе иноплеменики пріяли свѣтъ Боговъдѣнія, и кому изъ нихъ достался жребій пастырства , тѣ отличаются подобно нѣкимъ тысящникамъ и военачальщикамъ. Поэтому Всесвятый Духъ, провозвѣстивъ сіе, указываетъ и причину сихъ благъ, и взываетъ устами Пророка:

(9). *Радуйся згло, дщи Сіона, проповѣдуй, дщи*

Иерусалимля: се Царь твой грядетъ тебѣ праведенъ и спасаей, той кротокъ, и всѣдъ на подъяремника и жребца юна. Сіе ясно истолковано самими событіями; потому что пришелъ предреченный Пророкомъ Царь, и Своею праведностію истребилъ грѣхъ, Своею кротостію сокрушилъ гордыню діавола, и употребивъ въ дѣла ослинаго жребца, имѣетъ поклонниками царей, которые ѣздятъ на золотыхъ и драгоценными камнями убранныхъ колесницахъ. О семъ жребцѣ предвозвѣщаетъ и блаженный Іаковъ, говоря: привязуй къ лозь жребя Свое (Быт. 49, 11.).

(10). *И потребитъ колесницы отъ Ефрема, и кони отъ Иерусалима, и потребитъ лукъ бранный, и множество, и миръ отъ языковъ. Сего-то мѣрностію водясь, Царь всяческихъ, сказано у Пророка, потребитъ колесницы отъ Ефрема, и кони отъ Иерусалима, сокрушивъ ихъ дерзость и безумное царство. Потребилъ же и лукъ бранный посредствомъ Римлянъ, и множество мира даровавъ народамъ, и доставивъ удобство проповѣдникамъ истины. Ибо какъ скоро стало одно царство, прекратились междуусобныя востанія, въ цѣлой вселенной водворился миръ, небоязненно потекли Апостолы, которымъ ввѣрена была проповѣдь благочестія, и обходя вселенную, уловляли людей въ жизнь. И что всего необычайнѣе, всѣдшій на жребца, не имѣя, гдѣ главу подклонить, какъ скоро восхотѣлъ, возобладать всею землею и моремъ. Сіе предвозвѣстило и пророческое слово,*

И обладаетъ водами отъ моря до моря, и отъ рѣкъ до исходницъ земли. А я дивлюсь тупоумно

Иудеевъ, съ крайнимъ безстыдствомъ осмѣливающихся прилагать сіе пророчество къ Зоровавелю. Они сами сознаются, что Зоровавель овладѣлъ даже не всею Палестиною, а одною только Іудеею; Пророкъ же предсказалъ, что Всѣдшій на жребца будетъ обладать цѣлою вселенною. Притомъ знаемъ, что Господь возсѣлъ на жребца, а чтобы сдѣлалъ это Зоровавель, донинѣ не сказалъ того ни одинъ изъ писавшихъ о дѣлахъ божественныхъ. Посему, если Владыка Христосъ, по пророчеству, возсѣлъ на жребца, а также возобладалъ вселенною, если о Немъ вѣрують и проповѣдуютъ, что Онъ Богъ истинный, если Онъ сокрушилъ царство Ефремово и Израилево; то о Немъ предвозвѣщаль сіе Пророкъ, и пророчество сіе яснымъ образомъ исполнилось. А съ симъ согласно и присовокупляемое:

(11). *И ты въ крови завета Твоего испустилъ еси узники отъ рода немуща воды. Ибо тѣхъ, которыхъ искупилъ и освободилъ Ты драгоценною Своею кровію, — тѣхъ, освободивъ изъ рова, немуща воды, послалъ Ты съ спасительными Твоими заветами проповѣдывать всѣмъ свободу. А подъ ровомъ симъ кто хочетъ разумѣть, или вѣчную смерть, или идольскую прелесть, тотъ не погрѣшитъ противъ истины. Ибо и устами Іереміи говоритъ Богъ всяческихъ: два зла сотвориша людіе Мои: Мене оставиша источника воды живы, и ископаша себѣ кладенцы сокрушенныя, иже не возмогутъ воды содержать (Іерем. 2, 13). Такъ Пророкъ называлъ многотрудное и бесполезное служеніе идоловъ; потому что, утомляя себя симъ служеніемъ, не приобрѣтали отъ того люди никакой выго-*

ды, губили же истинную жизнь. И ихъ, бывшихъ узниками въ этомъ ровѣ, разрѣшивъ и изведши вонъ, и драгоцѣнною Своею кровію даровавъ имъ свободу, Владыка Христосъ послалъ на путь жизни, давъ имъ новый завѣтъ. Сверхъ сего говоритъ еще Пророкъ:

(12). *Сядите въ твердѣльяхъ связаны сонмища, и за единъ день пришествія твоего сугубо воздамъ ти. Ибо вмѣсто оныхъ тяжелыхъ узъ обложилъ Я тебя другими пріятнѣйшими узами любви Моей, научивъ тебя, при Мнѣ пребывать неотступно, Мои изучать законы, быть подъ твердымъ охраненіемъ Моей попечительности, и вмѣсто прежняго плѣна наслаждаться вмѣстѣ свободою и жизнью. Ибо о семъ сказано у Пророка: сугубо воздамъ ти.*

(13). *Занеже напрягохъ тя Себѣ Іудо яко лукъ, исполнихъ Ефрема, и воздвигну чада твоя, Сіоне, на чада Еллинска, и осяжу тя яко мечъ ратника. Іудою и Ефремомъ называетъ тѣхъ, которые ведутъ отъ нихъ родъ, и которыхъ ополчилъ на чада еллинска, давъ имъ оружія не плотская, но сильна Богомъ на раззореніе твердемъ, чтобы низлагать ими человѣческія помышленія, и всякое возношеніе, взимающееся на разумъ Божій, и плѣнять всякій умъ въ послушаніе Христова (2 Кор. 10, 4. 5.). О нихъ сказалъ: яко лукъ напрягохъ, и осяжу яко мечъ ратника. Чрезъ нихъ сокрушилъ суетное ухищреніе философвъ; чрезъ нихъ научилъ вселенную благочестію; о нихъ пророческое слово говоритъ такъ: стрѣлы твоя изошрени, Сильне, въ сѣрдцы врагъ царевыхъ (Псал. 44, 6.). Но, какъ въ образъ, исполненіе свое имѣло пророчество сіе*

и при Македонянахъ ; потому что чада Сіоновы , устремившись на сыновъ еллинскихъ , многія тысячи Македонянь обратили въ бѣгство, и воздвигнувъ побѣдный памятникъ, возвратились побѣдителями, и возстановили разоренный жертвенникъ. Совершили же это, потому что побораль и подаваль имъ неодолимую помощь Богъ всяческихъ. Сіе говоритъ и Пророкъ:

(14). *И Господь на нихъ явится, и изыдетъ яко молнія стрѣла Его : и Господь Богъ Вседержитель въ трубу вострубитъ , и пойдетъ въ шумъ прещенія Своего. Восхотѣвъ отмстить имъ , оглушить ихъ громами, устрашить молніями, и облака употребивъ какъ бы вѣкія пращи, поразить камнями града, и засыплеть ими.*

(15). *И испіютъ кровь ихъ, сказано, яко воду, то есть, побѣда доставить имъ величайшее удовольствіе. Ибо не о питіи человеческой крови говоритъ Богъ. Да и могъ ли сказать это, Кто жившимъ и до закона и подъ закономъ воспрещалъ вкушать даже и кровь животныхъ ?*

И исполняютъ окриши, яко жертвенникъ, то есть приношеніями изъ военной добычи.

(16). *И спасетъ я Господь Богъ ихъ въ день онъ яко овцы люди Своя: зане каменіе свято валяется на земли Его; потому что ради святыхъ спасетъ Богъ и прочихъ, и какъ овецъ Своихъ избавитъ отъ нападающихъ звѣрей.*

(17). *Аще что̀ благо Его, и аще что̀ добро Его, пшеница юношамъ, и вино благоуханно двѣамъ.*

ГЛАВА 10.

(1). *Просите отъ Господа дождя во время раняго и поздняго: Господь сотвори привидѣнія, и дождь зименъ дастъ имъ, комуждо злакъ на сель.* Онъ, говоритъ Пророкъ, подаетъ и пшеницу и вино, такъ что и юноши укрѣпляются пшеницею, и дѣвы почерпаютъ веселіе въ винѣ; потому что вино упомянуто здѣсь въ означеніе веселія. Поэтому, зная сіе, и раняго и поздняго дождя просите во время у Того, Кто можетъ дать ихъ; потому что Онъ—и дождя Податель, и Зиждитель всего прочаго, что обыкновенно приводитъ въ страхъ людей: *молніи бо въ дождь сотвори* (Псал. 134, 7.). Сіе-то Пророкъ назвалъ привидѣніемъ, какъ поражающее людей; но чрезъ это раждаются и земные плоды. Посему истинный Богъ и содѣваетъ и дарствуетъ это.

(2). *По провъщающіи глаголаша труды, и вражбители видѣнія ложна, и сонія лжива глаголаху, суетными утѣшишу: сего ради изсхоша яко овцы, и озлоблени быша, понеже не бѣ исцѣленія.* Изведши на среду все діавольское скопище, пророчателей, звѣздослововъ и снотолкователей, и лживость ихъ обличилъ, и объявилъ имъ наказаніе.

(3). *На пастырей прогнѣвася ярость Моя, и на агницы Моя постыщу.* Ибо худо начальствовавшихъ предавъ Я ильпенію; а подначальныхъ извелъ оттуда, и удостоиваю Мосго о нихъ попеченія.

И пошлетъ Господь Богъ Вседержитель стадо Свое, домъ Иудинъ, и учинитъ я аки коня благолюбива Своего въ брани. И во время брани, говоритъ Богъ, содѣлаю ихъ подобными коню, который гордится красотой и силою, и небоязненно идетъ прямо въ лице врагамъ; и не будутъ имѣть они нужды въ иной помощи.

(4). Ибо отъ него призръ, и отъ него учииши, и отъ него лукъ его въ дуть ярости: и отъ него изыдетъ всякъ изгоняя въ томъ. (5). И будутъ яко ратницы попирающе брение на путехъ въ брани, и ополчатся, яко Господь съ ними, и постыдятся всадницы коннии. Не употребятъ чужихъ оружий, не наймутъ иноземныхъ войскъ, но изъ нихъ самихъ будутъ и военачальникъ и предводители полковъ, сами, доблестно сражаясь, одержать побѣду, и какъ персть потопчутъ вражескую дружину; потому что, какъ персть уступаетъ ногъ ставшаго на нее, такъ и враги обратятъ хребетъ, и спасаясь бѣгствомъ, будутъ поражаемы; такъ какъ Господь всяческихъ предводительствуетъ симъ воинствомъ.

(6). И укрѣплю домъ Иудовъ, и домъ Иосифовъ спасу, и вселю я. Такъ, предавъ смерти всѣхъ враговъ ихъ, содѣлаю, что въ миръ будутъ населять отечественную землю. И показывая сему причину, присовокупилъ:

Понсже возлюбихъ я, и будутъ аки бы не отвратихъ ихъ. Яснѣе перевелъ это Симмахъ: и будутъ, какъ будто бы не изгонялъ Я ихъ. Ибо приведу ихъ въ такое цвѣтущее состоянiе, что не бу-

дутъ пмѣть и понятія о бывшемъ плѣненіи , видя себя въ первобытномъ благоденствіи.

Зане Азъ Господь Богъ ихъ, и услышу я. (7). И будутъ яко ратницы Ефремовы, и возрадуется сердце ихъ аки отъ вина: о чада ихъ увидятъ, и возвеселятся, и возрадуется сердце ихъ о Господь. Ибо, какъ Господь и Богъ ихъ, и моленія прииму, и содѣлаю побѣдителями, и устрою, что будутъ жить во всякой радости; подобно имъ и чада ихъ поживутъ во всякомъ удовольствіи, Мною славясь, и Моимъ величаясь могуществомъ.

(8). Возвѣщу имъ, и прииму я, и искуплю ихъ, и умножатся, якоже бяху мнози. Возрастутъ до множества, пріявъ благословеніе многоплодія, такъ что, не помѣщаясь въ собственныхъ своихъ городахъ, переселятся и въ другіе города, а чрезъ нихъ и другимъ откроется возможность спасенія. Ибо сіе разумѣль, сказавъ:

И вступлю я въ людехъ, и дальніи помнутъ Мя, и воспитаютъ чада своя; потому что, видя ревностное ихъ благочестіе, приложатъ о нихъ всякое попеченіе.

(10). И возвращу я отъ земли Египетскіи, и отъ Ассиріанъ прииму я, и въ Галаадитъ и въ Ливанъ введу я, и не имать остати отъ нихъ ни единъ. Возвращу ихъ и изъ Египта и отъ Ассиріанъ, содѣлаю, что паселятъ отечественную землю, наполню ими Галаадитъ, до самаго Ливана дамъ имъ землю для жительства, и ничто не будетъ имъ препятствовать; потому что всѣхъ покушающихся воевать съ ними предамъ гибели. Ибо сіе означастся словами:

(11). *Пройдутъ моремъ узкимъ , и поразятъ въ мори волны , и изсякнутъ вся глубины рѣчныя ; потому что , постигнутые великими бѣдствіями и едва не отчаявшіеся во спасеніи (сіе-то у Пророка названо моремъ узкимъ), поразили они волны неприязненныхъ , и разрушивъ козни враговъ , содѣлали изсякшими , какъ глубокія чѣкія рѣки.*

И отъимется всяко досажденіе ассирійско , и скиптръ египетскъ отъимется. (12). И укрѣплю я о Господь Бозъ ихъ , и о имени Его восхвалятся , глаголетъ Господь. И царство Египетское приметъ конецъ , и гордыня Ассиріанъ угаснетъ , Іудей же , бывшіе прежде у нихъ въ рабствѣ , при Моей имъ помощи , содѣлаются у всѣхъ славными и знаменитыми.

ГЛАВА II.

(1). *Разверзи, Ливане, двери твоя, и да поятъ огонь кедръ твоя. (2) Да плачевопльститъ питисъ, зане паде кедръ.* Поэтому всѣ , высоко думающіе о силѣ своей и мечтою высокомерія угодобляющіеся высотѣ Ливана, приуготовляйтесь къ угрожающему вамъ наказанію ; а вы, которые не имѣете ихъ могущества (таковыхъ Пророкъ называетъ *питисомъ*), видя гибель сильнѣйшихъ , сѣтуйте о собственныхъ своихъ несчастіяхъ. Ибо сказано : *да плачевопльститъ питисъ , зане паде кедръ.* И Пророкъ , объясняя сказанное имъ въ переносномъ смыслѣ , присовокупилъ :

Яко вельможѣ вельми обѣднѣша: восплачевольствите дуби Васанитидстѣи, яко постъчеса дубрава насажденная. (3). Гласъ плачущихъ пастырей, яко возбѣдствова величїе ихъ: гласъ рыкающихъ львовъ, яко озлоблено бысть шатанїе Иорданово. Все это, по свойственному ему образу рѣчи, сказалъ Пророкъ въ переносномъ смыслѣ. *Львами* и также *пастырями* именуеть царей и князей, а *дубравною насажденною* — бесплодное владычество. Повелѣлъ же рыдать и плакать всѣмъ имъ, высоко думавшимъ объ Иорданѣ и обманувшимся въ надеждѣ. А подь *Иорданомъ* гадательно разумѣлъ Иудейскую землю; потому что по ней совершаетъ теченїе свое Иорданъ. Поэтому божественный Захарїя, какъ сіе предвозвѣщаль о будущемъ благополучїи Иудеевъ по возвращенїи ихъ, такъ отсюда начинаетъ уже предвозвѣщать бѣдствїя, какїя постигнутъ ихъ за собственное ихъ беззаконїе.

(4). *Сице глаголетъ Господь Вседержитель: паси овцы заколениа. Кто же упасъ ихъ, какъ не Владыка Христосъ, Который въ священномъ евангелїи взываетъ: Азъ есмь пастырь добрый: пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы (Іоан. 10, 11.)? Но никто да не дерзнетъ уничижать Его, какъ именующагося пастыремъ; потому что нашего ради спасенїа именовался Онъ, не только пастыремъ, но и агнцемъ и овцею; и что говорю: овцею и агнцемъ? нареченъ даже клятвою и грѣхомъ, чтобы разрѣшить грѣхъ и клятву людей. Ему, восхотѣвшему приять на себя зракъ раба, чтобы естество человѣческое освободить отъ рабства, глаголетъ Отець: паси овцы заколениа. И какъ чело-*
Ѳеод. Ч. V.

вѣкъ, а не какъ Богъ, пріемлетъ Онъ заповѣди сін; потому что, какъ Богъ, равночестенъ Родшему; а какъ человекъ, взываетъ: *о Себѣ не глаголю* (Іоан. 14, 10.), заповѣдь пріялъ, *что̀ реку, и что̀ возглаголю* (12, 49.). Такъ и здѣсь заповѣдуется Ему: *паси овцы заколєнія*. И Пророкъ показывая, почему называетъ ихъ такъ, присовокупилъ:

(5). *Яже стяжавшии закалаху, и не раскаявхуся, и продающіи я глаголаху: благословенъ Господь, и обогатихомся, и пастыри ихъ не печухуся ничимже о нихъ*; потому что, управляемые злочестивыми царями и беззаконными іереями, терпѣли отъ нихъ тысячи золъ. Сими повѣствованіями о нихъ наполнены и исторія Маккавеевъ и писанія Іосифовы; потому что, заразившись недугомъ честолюбія и жобостяжанія, содѣлали священство продажнымъ, и покупали самъ нимало имъ принадлежащій. Отсего тысячи бѣдствій постигли Іудеевъ. Посему-то Богъ пастырямъ угрожаетъ наказаніемъ, объ овцахъ же прилагаетъ всякое попеченіе. А о злочестивыхъ говоритъ:

(6). *Сего ради не пощажду ктому на живущихъ на земли, глаголетъ Господь: и се Азъ предамъ человекѣи, коегождо въ руцѣ искреннему его, и изъскутъ землю: и не имамъ изъяти отъ руки ихъ*. Но ихъ за собственное ихъ беззаконіе оставивъ безъ попеченія, приложу всякое промышленіе о благонравнѣйшихъ. Ибо сіе выразилъ въ присовокупляемомъ:

(7). *И упасу овцы заколєнія въ земли Ханаани*. Шымъ казалось, что въ семъ подразумѣвается Палестина; а мнѣ кажется, что означаетъ сіе чужую

землю; потому что подь Ханааномъ подразумѣвается земля чуждая. Посему сказуеть Богъ: гдѣ бы ни были возжелавшіе увѣровать въ Меня, прииму ихъ подь Свое попеченіе.

И прииму Себѣ два жезла, одинаго нарекохъ доброту, а другаго нарекохъ ѹже, и упасу овцы. Двумя жезлами называеть язычниковъ и Іудеевъ; потому что древле были два главные ученія; въ одномъ преподавалось богочестіе, и оно имѣло силу у Іудеевъ; по другому предпочиталась прелесть идольская, которою древле въ различной мѣрѣ одержимы были всѣ народы. Посему, говорить Богъ, изъ Іудеевъ и язычниковъ соберу овецъ, изъ тѣхъ и другихъ составлю единое стадо. Сіе изрекъ и въ священномъ евангеліи: *и нынѣ овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего: и тыя Ми подобаетъ привести, и гласъ Мой услышатъ: и будетъ единое стадо, и единъ пастырь* (Іоан. 10, 16.); потому что увѣровавшихъ изъ язычниковъ присоединилъ къ увѣровавшимъ изъ Іудеевъ, и содѣлалъ единое стадо.

(8). *И погублю три пастыри въ мѣсяць единъ.* Разумѣеть іудейскихъ царей, пророковъ и священниковъ; потому то сими тремя чиновачаліями пасомы были Іудей. И показывая сему причину, присовокупляетъ:

И отягчаетъ душа Моя на ня: ибо души ихъ рыкаху на Мя. Сему яснѣе научаетъ Самъ Владыка устами Пророка Іереміи, говоря: *оставихъ домъ Мой, оставихъ достояніе Мое, дахъ возлюбленную душу Мою въ руки враговъ ея. Бысть Милъ достояніе Мое яко левъ въ дубравѣ, даде противу Мене*

гласъ свой : сего ради возненавидѣхъ е (Іер. 12, 7. 8.); и устами Исаиъ взываетъ: *ждухъ, да сотворитъ судъ, сотвори же беззаконіе, и не правду, но вопль* (Иса. 5, 7.). И такъ, поелику звѣрски, какъ бы рыкая и жаждая Моего убіенія, приступали ко Мнѣ; то и Я говорю имъ:

(9). *Не имамъ пасти васъ, умирающее да умретъ, и исчезающее да исчезнетъ, и прочая да поютъ кійждо плоть ближняго своего. Всему же этому необходимо быть съ лишенными Божія о нихъ попеченія.*

(12). *И прииму жезлъ Мой добрый, и отвергну его, еже разорити завѣтъ Мой, егже завѣщахъ ко всѣмъ людемъ земли; потому что, когда пріивніе проповѣдь Боговѣдѣнія отдѣлены будутъ божественною лопатою, и, какъ нѣкая шпеница, очищены отъ плевель: тогда совершенно необходимо, по слову великаго Іоанна (Матѣ. 3, 12.), чтобы плевель сожжены были огнемъ негасаемымъ (Матѣ. 3, 12.).*

(11). *И разорится въ день оный. Что говоритъ сіе не о всѣхъ произшедшихъ отъ язычниковъ, а только о не увѣровавшихъ, свидѣтельствуеть о семъ присовокупляемое:*

И уразумѣютъ Хананеи овцы хранимыя Мнѣ, зане слово Господне есть. Хананеями называетъ увѣровавшихъ изъ язычниковъ, какъ иноплеменныхъ; называетъ же ихъ овцами достойными охраненія за вѣру, какую пріобрѣли. И говоритъ: они, увидѣвъ гибель невѣрующихъ, опытомъ дознають, что пророческое слово есть Божіе слово. Сказавъ же

сіе о неувѣровавшихъ и увѣровавшихъ изъ язычниковъ, обращаетъ слово къ Іудеямъ и говоритъ:

(12). *И реку къ нимъ, аще добро предъ вами есть дадите мзду Мою, или отрецѣтесе: и поставиша мзду Мою тридесать сребреникъ.* (13). *И рече Господь ко Мпъ: вложи я въ горнило, и смотри, аще искушено есть, имже образомъ искушенъ быхъ о нихъ. И пріяхъ тридесать сребреникъ, и вложихъ ихъ въ храмъ Господень въ горнило.* Сіе, думаю, не требуетъ никакого толкованія, потому что толкованіе на это заключается въ сказаніи священнаго евангелія. Ибо и тамъ за такое же число статировъ Іуда предалъ Владыку, и раскаявшись, возвращалъ ихъ давшимъ; но, поелику не захотѣли тѣ взять, повергнувъ ихъ, удалмся, за неправду свою отъ судиіи неправды, діавола, пріяхъ справедливую мзду—удавленіе. Посему, и здѣсь Владыка въ награду за благодѣяніе требуетъ вѣры, они же вмѣсто ея дали тридцать сребрениковъ. Но Владыка повелѣваетъ Пророку, какъ бы пѣкинмъ огнемъ испытать, достойна ли сія награда за благодѣянія; Пророкъ же сказалъ, что ввергъ сребреники въ храмъ Божій, который справедливо наименовалъ *горниломъ*; потому что въ немъ приходящіе для покаянія, какъ въ пѣкоемъ горниль, обновляются, отринувъ ядъ грѣха и сподобившись Божія челоувѣколюбія. Посему говоритъ Пророкъ:

(14). *И отвергохъ жесть второй уже, еже разорити завѣтъ иже посредь Іуды, и посредь Израиля.* Ибо, отдѣливъ въ нихъ увѣровавшихъ отъ невѣрныхъ, лишилъ прочихъ Своего о нихъ попеченія. И сіе пророчество подтверждается тѣмъ,

что видимъ пышь; потому что Иудей, лишенные и Пророковъ, и священниковъ, и царей, и храма, и кивота, и алтаря, и очитилища, и жертвенника, и свѣтильника, и трапезы и всего, что было необходимо къ совершенію служенія по закону, стали лишены и попеченія о нихъ свыше, и живя въ разсѣяніи, преселеніи, изгнаніи, невольнo услуживаютъ проповѣдующимъ Христа. И хотя отрицаются Его владычества, однако же оказываютъ услугу рабамъ Его. Такимъ страдаютъ они ожесточеніемъ! Посему Пророкъ, предвозвѣстивъ сіе о Богъ и Спаситель нашемъ Христѣ, и обличивъ упорство Иудеевъ, справедливо въ слѣдъ за симъ обращаетъ пророчество къ тому противобожному Христу, котораго ждутъ Иудей, какъ сами они говорятъ о томъ. Тоже и Господь сказалъ имъ въ священномъ евангеліи: *Азъ придохъ во имя Отца Моего, и не приѣмлетъ Мене: инъ приидетъ во имя свое, тому повѣрите* (Іоан. 5. 43.). Это сказалъ о нихъ и блаженный Павелъ: *зане любви истины неприѣмша, во еже спастися имъ, послетъ имъ Богъ дѣйство лести, во еже вѣрвати имъ лжи: да судъ приимутъ вси невѣровавшіи истинѣ, но благоволившіи въ неправдѣ* (2 Солун. 2, 10—12.). Подобное сему предвозвѣщаетъ и блаженный Захарія, пріявъ въ себя дѣйственность Божія Духа.

(15). *И рече Господь ко мнѣ: еще приими себѣ сосуды пастырски, пастыря неискусна.* (16). *Зане се Азъ воздвигну пастыря неискусна на землю: погибающаго не постытитъ, и расточеннаго не имать взыскати, и сокрушеннаго не имать исцѣлти, и здраваго не имать направить, и*

мяса избранныхъ поястъ, и глезны ихъ извѣстъ. Сіи бѣдственныя и тяжкія событія предсказываетъ и Владыка въ священномъ евангеліи, ибо говоритъ: *будетъ скорбь велія, якова же не была отъ начала вѣка, ниже имать быти. И аще не быша прекратилися дніе оны, не бы убо спаслася всяка плоть: избранныхъ же Моихъ ради прекратятся дніе оны* (Матѳ. 24, 21. 22.). Сіе говоритъ и Пророкъ: *и мяса избранныхъ поястъ и глезны ихъ извѣстъ*, означая симъ чрезмѣрность бѣдствій. Пастыря же ихъ именуеть неискуснымъ, или, по другимъ толковникамъ, безумнымъ, какъ обманутаго діавольскимъ навожденіемъ и не знающаго определенной имъ гибели. Но божественному Писанію обычно называть безумнымъ и злочестиваго. Сказано: *рече безуменъ въ сердць своемъ: нльсть Богъ* (Псал. 13, 1.) Такъ Пророкъ, показавъ звѣрскій нравъ пастыря, изображаетъ и будущую его гибель.

(17). *О пасуции суетная, и оставшии овецъ!* Сказавъ сіе о повинующихся неискусному пастырю, и оплакавъ ихъ, потому что оставили общеніе съ овцами, и предпочли суетную и пагубную почесть, какую даетъ сей пастырь, ведетъ рѣчь о немъ самомъ:

Мечь на мышцу его, и на око его десное. Повинующихся ему приведетъ опъ къ вѣчной гибели, а прекословящихъ предастъ на умерщвленіе. Ибо слово: *мышца*, употреблено въ означеніе умерщвленія, а слово; *око* въ означеніе обмана.

Впрочемъ *мышца его изсыхаючи изсхнетъ, и око ему десное ослѣпая ослѣпнетъ.* Постигнетъ

его Божія кара. Такъ и Апостоль говоритъ: *егоже Господь Иисусъ убіетъ духомъ устъ Своихъ, и упразднитъ явленіемъ пришествія Своего: егоже есть пришествіе по дѣйству сатанину во всякихъ знаменіихъ и чудесъхъ ложныхъ* (2 Сол. 2, 8. 9.). Пѣкоторые изъ толковавшихъ сего Пророка прилагали сіе къ Антиоху Елифану, утверждая, что онъ наименованъ *пастыремъ неискуснымъ*. Посему, тѣмъ паче приличествуетъ антихристу, потому что его прообразъ—Антиохъ. Какъ онъ вступилъ въ брань съ Богомъ, во храмъ поставивъ жертвенникъ демоискій, и посвященныхъ Богу принуждая приносить жертвы демонамъ: такъ и антихристъ повелитъ благочестивымъ отрекаться отъ Владыки Христа, а неповинующихся предасть всякаго рода казнямъ. Посему, если пророчество приличествуетъ Антиоху, то, безъ сомнѣнія—и антихристу: потому что онъ дерзнетъ на большее, нежели Антиохъ, какъ вступившій въ брань съ сильнѣйшими. Итакъ, поелику Іудеи увѣруютъ въ него, Спасителя же и Господа отрелись: то Духъ Святой явно предрекаетъ чрезъ Пророка тѣ горестныя событія, какія постигнутъ ихъ за невѣріе.

ГЛАВА 42.

(1). Пророчество словесе Господня на Израилля, глаголетъ Господь прострый небо, и основаяи землю, и созидаи духъ челоуька въ немъ. Не я, говоритъ Пророкъ, представляю вамъ это, но Творецъ и Зиждитель всего. Онъ, и нынѣ образующій тьма во утробахъ и вмѣстѣ съ шми повелѣваюшій созидаться душамъ, — Онъ вѣщаетъ чрезъ меня.

(2). Се Азъ полагаю Иерусалима яко преддверія движимая вьмъ людемъ окрестъ, и во Иудеи будетъ обсьденіе на Иерусалима. Содѣлаю городъ сей для вьсѣхъ народовъ доступнымъ и одолимымъ, уподоблю его преддверіямъ колеблющимся и готовымъ упасть, такъ что враги, види его лишеннымъ Моего о немъ промышленія, приступятъ, осадятъ его, и причинятъ ему обыкновенно бывающія при этомъ бѣдствія.

(3). И будетъ въ день оный положу Иерусалима камень попираемый вьми языки: всякъ попирай его ругаяся поругается, и соберутся на нь вси языцы земли. Поелику оный камень, по пророчеству Исаи, многоцѣнный, избранный, честный, бывшій во главу угла (Иса. 28, 16.), отвергли они, какъ ни къ чему негодный; то сдѣлаю, что и Иерусалимъ попирать будутъ вьсѣ ругающіеся и собирающіеся оскорблять его. Пророчество же сіе засвидѣтельствовано событіями; ибо видимъ, что мѣсто, древле святое и чтимое, попирается

нынѣ. А совершилось сіе съ Іудеями послѣ креста и онаго неистовства; потому что прежде этой продерзости не преставали они всегда пользоваться Божиимъ о нихъ попеченіемъ. Сіе открываетъ и пророческое слово, по которому Богъ всяческихъ изрекаетъ обътованіе, что, при нашествіи на нихъ македонскихъ народовъ, и коней лишитъ естественной смѣлости, и вмѣстѣ съ всадниками приведетъ въ безуміе и боязнь, а Іуду сподобитъ Своего о немъ промышленія. Ибо сіе выразилъ, сказавъ:

(4). *Въ день онъ, глаголетъ Господь Вседержитель, поражу всякаго коня во ужасъ, и всадника его въ безуміе: и на домъ Іудовъ отверзу очи Мои, и вся кони людей поражу во ослѣпленіи.*

(5). *И рекутъ тысящницы Іудины вси въ сердцахъ своихъ: обрящемъ себѣ живущія во Іерусалимъ о Господь Вседержитель Бозь ихъ. Вражескіе кони, блуждая тамъ и здѣсь, ничѣмъ не будутъ различаться отъ слѣпыхъ, а потому военачальники іудейскіе, ободрившись, скажутъ другъ другу, что Іерусалимъ, при помощи Божіей, преисполнится жителями.*

(6). *Въ день онъ положу тысящники Іудины яко главию огненну въ дровахъ, и яко свѣщу огненну въ стеблѣи, и поядятъ одесную и ошуюю вся люди окрестъ. Какъ головня зажигаетъ дрова, и пламень истребляетъ солому; такъ и они будутъ истреблять отъсюду наступающихъ на нихъ враговъ.*

И населится Іерусалимъ еще по себѣ, то есть живя по закону, не входя въ общеніе съ язычн-

камн. И Иерусалимъ имѣлъ это преимущество, пока не вознесенъ былъ на Спасителя.

(7). *И спасеть Господь селеніа Иудова—якоже исперва, яко да не величается похвала дому Давидова, и величанія живущихъ во Иерусалимъ на Иуду; потому что изъ опыта познаютъ, что безъ Божіей помощи не могли ни въ чемъ успѣть, а дознавъ это, не будутъ ни высоко думать о царскомъ могуществѣ, ни надбѣяться на величину оградъ.*

(8). *И будетъ въ день оиъ, защититъ Господь живущихъ во Иерусалимъ: и будетъ немоцный въ нихъ въ той день яко домъ Давидовъ, а домъ Давидовъ яко домъ Божій, якоже Ангель Господень предъ ними. На Божіе промышленіе возложатъ упованіе свое; а потому общій всѣхъ Господь сподобитъ ихъ во всемъ Своей помощи, и дастъ имъ такую силу, что самый немоцный уподобится царскому дому (ибо домъ царскій называлъ Пророкъ домомъ Давидовымъ), домъ же царскій неприкосновенностію своею уподобляться будетъ Божію дому; почему всѣ стануть прибѣгать въ него, какъ въ Божій храмъ, и почитать себя въ такой безопасности, какъ бы для спасенія ихъ приставленъ былъ Ангель. Ибо Иудеи, въ слѣдствіе побѣды Иуды и Ионаана, приобрѣли такую славу, что живущіе окрестъ, сосѣдніе и сопредѣльные народы, охотно вызвались споборать имъ, и не только близкіе, но отстоящіе на много дней пути, населяющіе страны западныя, Римляне и Спартапцы, съ великимъ усердіемъ возжелали быть съ ними въ союзѣ.*

(9). *И будетъ въ день онъ, взычу изъяти вся языки грядущія на Іерусалимъ.* (10). *И излію на домъ Давидовъ, и на живуція во Іерусалимъ духъ благодати и щедротъ.* Столькими благодѣяніями ущедрялъ Я ихъ, нападающихъ на нихъ враговъ предавая всѣмъ родамъ смертей, а имъ отверзая источники милости, и преисполняя ихъ всякой благодати; они же, когда пришелъ Я къ нимъ, воздали Мнѣ противнымъ, и пригвоздивъ ко кресту, пронзили ребро воинскимъ копьемъ, и не переставали ругаться и глумиться надо Мною. Однако же, не въ продолжительномъ времени увидятъ Меня пришедшаго въ Божественной славъ, и будутъ оплакивать свое неразуміе, и какъ плачутъ о первородномъ юношѣ, такъ, подобно сътующимъ о первенцѣ, будутъ терзаться и они.

И воззрятъ нань, Егоже прободоша, и восплачутся о Немъ плаканіемъ яко о возлюбленномъ, и поболятъ о Немъ болъзнію яко о первенцѣ. (11). *Въ день онъ возвеличится плачевопльствіе во Іерусалимъ, яко плачевопльствіе о гранатныхъ деревьяхъ посѣченныхъ на поли.* Какъ древески, срубая большее число гранатныхъ деревъ, производятъ великій стукъ: такъ и ихъ вопль будетъ оглушителенъ для слуха всѣхъ. Не безъ намѣренія же, не упоминая о другихъ деревьяхъ, Пророкъ представилъ нъ образъ дерева гранатныя, но потому что плачь ихъ уподобленъ плачу, о возлюбленномъ и первенцѣ. Гранатное же яблоко, въ которомъ зерна весьма тѣсно сжаты и соединены, есть образъ любви. Посему справедливо сказалъ, что этотъ вопль подобенъ посѣченію гранатныхъ деревъ.

(12). *И восплачется земля по племенамъ: кольно дому Давидова о себѣ, и жены ихъ о себѣ:*
 (13). *Кольно дому Наанова о себѣ, и жены ихъ о себѣ: кольно дому Левина о себѣ, и жены ихъ о себѣ: кольно Симеоне о себѣ, и жены ихъ о себѣ.* (14). *Вся прочая кольна, кольна о себѣ, и жены ихъ о себѣ.* Сіе значитъ, что, раздѣлившись по кольнымъ, будутъ дѣлать это особенно мужи, и особенно жены. Пророкъ упоминаетъ не только о кольныхъ, но и о родахъ, о родѣ Давидовомъ, которому даны обѣтованія о Владыкѣ Христѣ, и о родѣ Наана, который, пророчествуя тогда, слышалъ пророчества Давидовы, и самъ изрекалъ Давиду собственныя свои предвѣщанія. Упомянувъ же о кольныхъ Левинномъ и Симеоновомъ, напоследокъ присовокупилъ: *вся прочая кольна восплачутся, кольно о себѣ и жены ихъ о себѣ.* Сіе и Господь предрекъ въ священномъ евангеліи: *тогда узрятъ знаменіе Сына человеческого на небеси: и тогда восплачутся вся кольна земная* (Матѣ. 24, 30.). Очевидно же тѣ, которые не пріяли Божественной проповѣди, будутъ плакать, ожидая своей гибели. Но сіе будетъ при скончаніи; а до тѣхъ поръ, говоритъ Господь, не лишу ихъ Моего о нихъ промышленія, даже зная, что, когда прииду оказать имъ благодѣяніе, они распнутъ Меня.

ГЛАВА 18.

Однако же (1) *будетъ всяко мѣсто отвергаемо дому Давидову, и живущимъ во Иерусалимѣ въ предвиженіе и окропленіе. А Симмахъ говоритъ: будетъ отверстъ источникъ дому Давидову. Какой же это источникъ, научаетъ Самъ Господь устами Іереміи: Мене оставиша источника воды живы (Іерем. 2, 13.); и въ священномъ евангеліи говоритъ: аще кто жаждетъ, да приидетъ ко Мнѣ, и пьетъ (Іоан. 7, 37.); и: вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды живы, текущія въ животъ вѣчный (—4, 14.). Сей источникъ сталъ отверстъ дому Давидову; потому что отъ родства Давидова воспріялъ естество чловѣческое; — сталъ отверстъ и живущимъ въ Іерусалимѣ въ предвиженіе, совершившеся отъ завѣта ветхаго въ завѣтъ новыи, и въ окропленіе святымъ крещеніемъ, съ которымъ пріяли мы отпущеніе грѣховъ. Тогда, глаголетъ Господь спль,*

(2). *Потреблю имена идоловъ отъ земли, и ктому не будетъ ихъ памяти: и лживыи пророки, и духа нечистаго изму отъ земли. (3). И будетъ, аще проречетъ чловѣкъ еще, и рекутъ къ нему отецъ его и мати его, рождшии его: не живъ будещи, яко лжу глаголаъ еси во имя Господне: и запнутъ ему отецъ его и мати его, родившии его, егда пророчествовати начнетъ (4). И будетъ въ день онъ, постыдятся пророцы, кійждо отъ видѣнія своего, внигда пророчествовати имъ, и облекутся въ кожу власную, заце*

солгаша. Очевидно же, что и сіе совершенно увѣровавшими во Христа. Не только, говоритъ Господь, истреблю ложь идольскую, но и тѣхъ, которые дѣлаютъ прорицаія и одержимы злымъ духомъ, освобожу отъ сеіи прелести. Въ такой мѣрѣ возобладаетъ вселенною благочестіе, что ни отецъ ни мать не пощадятъ сына, покушающагося прорицать, но и узы на него наложатъ, и бичеванію его подвергнуть, и стануть угрожать ему смертію. Даже всѣ рѣшившіеся предсказывать ложнос, видя преобладаніе благочестія, примутъ на себя плачевный видъ. Сіе означаютъ слова: *и облекутся въ кожу власяную.* И такимъ объята будутъ страхомъ, что отрекутся отъ прелести, а вмѣсто ся возлюбятъ зсмедѣліе, и будутъ всѣмъ говорить: едва только родившись, научился я дѣлу сему у отцавъ.

(5). *И речеть: ипись пророкъ азъ, яко, человекъ дѣлай землю азъ есмь, и человекъ роди мѧ отъ юности моя.* (6). *И рекутъ къ нему: что язвы сіи посредеь раменъ твоихъ: и речеть: ими же язвленъ быхъ въ дому возлюбленнаго моего.* Такія язвы получить отъ родителей, что долго будетъ поситъ на себѣ явные ихъ знаки, и когда увидѣвшіе спросятъ; отъ кого получилъ струны сіи? — открыто скажетъ, что родители любя наложили на него раны сіи.

(7). *Мечу возстани на пастыря Моего и на мужа гражданина Моего, глаголетъ Господь Вседержитель: порази пастыря и расточатся овцы.* Поелнку сказалъ: *воззрятъ на Меня, Егоже прободоша,* то, чтобы не подать мысли, будто бы

противъ воли претерпѣлъ Онъ спасительное страданіе, научаетъ чрезъ Пророка, что добровольно пришелъ и смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя (Филип. 2, 8.). Посему-то пророческое слово изображаетъ Божественное соизволеніе, и показываетъ, что мечь слышитъ сперва дозволеніе Отца, потомъ устремляется на Пастыря, а послѣ Него на гражданъ, или, по переводу Акилы, на соплеменниковъ Его; потому что послѣ Владыки устремлялся и на приверженныхъ къ Нему служителей, разумно священныхъ Апостоловъ и пресемствовавшихъ имъ проповѣдниковъ. О семъ же свидѣтельствъ упоминаетъ и Господь въ божественномъ евангеліи. Ибо, сказавъ: *соблазнитеся о Мнѣ въ ночь сію, присовокупилъ: писано бо есть: поражу Пастыря, и разыдутся овцы стада* (Матѳ. 26, 31.). Потомъ пророческое слово присовокупляетъ:

И наведу руку Мою на малыя пастыри, на имѣющихъ имя пастырей іерусевъ и учителей, но не таковыхъ на самомъ дѣлѣ.

(8). *И будетъ въ день онъ на всей земли, глаголетъ Господь: двѣ части ея потребятся и исчезнутъ, а третія останется на ней.* (9). *И проведу третію часть сквозь огонь, и разжгу я, якоже разжизается сребро, и искушу я, якоже искушается золото.* Въ это время, послѣ такого ихъ озлобленія, двѣ части народа предамы избіенію, а третію, какъ сребро или золото, испытаю огнемъ, предавъ всякаго рода искушеніямъ, которыми пренебрегши и терпѣніемъ пренобѣдивъ все горестное, докажутъ они свое чистое и искреннее ко Мнѣ расположеніе. Пбо сказано:

Той призоветъ имя Мое, и Азъ услышу его, и реку: людїе Мои сїи суть: и тїи рекуть: Господь Богъ мой. Сїе говорятъ объ увѣровавшихъ изъ Иудеевъ; ибо сверхъ двѣнадцати Апостоловъ избралъ и другихъ семьдесятъ, а по воскресенїи находилось вкупѣ сто и двадцать (Дѣян. 1, 16.); богомудрый же Павелъ сказалъ, что Господь явился собраннымъ вмѣстѣ пяти стамъ (1 Кор. 15, 6.); а божественный Петръ, проповѣдая народу, уловилъ въ жизнь то три тысящи (Дѣян. 2, 41.), то пять тысящъ (Дѣян. 4, 4.); и великій Іаковъ говоритъ блаженному Павлу: видиши ли брате, koliko *и* темъ есть Иудей въровавшихъ (Дѣян. 21, 20.)? Сїе предрекъ Богъ и устами богомудраго Захарїи, а именно, что двѣ части истреблены будутъ за невѣріе, третїя же, будучи пережжена въ искушенїяхъ и оказавшись добротною, наименоуется Его народомъ, Его именуя Господомъ и Богомъ. Сїе говорятъ Богъ и устами другаго Пророка: и аще будетъ число сыновъ Израилевыхъ яко песокъ морской, останокъ ихъ спасется (Иса. 10, 22.). Сїе и въ присовокупляемомъ слова сказалъ блаженный Захарїя.

ГЛАВА IV.

(1). *Се день Господень грядеть, и раздѣлятся корысти твоя въ тебѣ, а имено, раздѣлятъ ихъ враги.*

(2). *И соберу вся языки на Иерусалимъ въ брань, и плънится градъ, и расхитятся домовы, и жены осквернятся: и изыдетъ полъ града въ плъненіе, а останокъ людей Моихъ не потребятся отъ града. Сказываютъ, что, когда Веспасіанъ и Титъ готовились въ походъ, тогдашніе вѣрные по откровенію оставили городъ. Сіе и въ божественномъ евангеліи повелѣлъ Владыка Христосъ: егда узрите обстоимъ Иерусалимъ вои, тогда разумѣйте, что близокъ конецъ его (Лук. 21, 20.); тогда сущіи во Іудей да бѣжатъ на горы: и иже на кровль, да не сходитъ взяти яже въ дому (Матѣ. 24, 15.). О семъ предвозвѣстилъ Богъ и устами блаженнаго Захаріи: и останокъ людей Моихъ не потребятся.*

(3). *И изыдетъ Господь, и ополчится на языки оны, якоже день ополченія Его въ день брани. Ополчится же, не Іудеямъ споборая, по противъ нихъ изводя воинство.*

(5). *И приидетъ Господь Богъ мой, и вси святіи съ Нимъ : разумѣетъ же чины ангельскіе.*

(4). *И стануть позы Его въ день оны на горѣ елеонстѣй, яже есть прямо Иерусалиму на востокъ. Ибо, откуда вознесся на небеса, тамъ даетъ побѣду ополчившимся на Іудеевъ. Потомъ сказуеть Пророкъ, что гора раздѣлится на четыре*

части, и часть отступить къ востоку, часть къ западу, часть къ сѣверу, а часть къ югу. Ибо сказано:

И раздѣлится гора елеонская, полъ ея къ востокомъ и полъ ея къ западу морю, пронасть велія згло: и уклонится полъ горы на сѣверъ, и полъ ея на югъ, дебрь великая: (5). И наполнится дебрь горъ до Тассы, и наполнится, якоже наполнися отъ лица труса во днѣхъ Озіи царя Іудова. Горою же, какъ думаю, называетъ дружину враговъ, раздѣленную на части для осады Іерусалима, такъ что одни заняли восточную, а другіе западную его сторону, одни стерегли съ сѣвера, а другіе съ юга. Но вѣроятно и самая гора потерпѣла сіе раздѣленіе, когда Богъ обнаружилъ на нихъ гнѣвъ; — ибо и тогда, какъ Владыку пригвоздили ко кресту, пзлмась тма на цѣлую вселенную, колеблющаяся земля поспѣшила стать для нихъ мгновенно уготовившимся гробомъ, и горы опускали на нихъ крылья. Посему Пророкъ говоритъ, что, когда сіи горы распадутся, тогда наполнятся проходы въ дебряхъ, какъ было во время великаго землетрясенія при Озіи. Ибо, если ради него, учинившаго меньшій грѣхъ и незаконно посягнувшаго на священство, Господь всяческихъ поколебаль такъ землю; то справедливо было испытать бѣдствія отважившимся на большее злочестіе; потому что увидѣвъ, какъ восколебалась тварь, когда дерзнули на крестъ, не приняли они врачевства покаянія. Почему Пророкъ, оставивъ то, что было во время наказанія, обращаетъ рѣчь къ тому, что происходило въ день беззаконія. Ибо говоритъ:

(6). *Въ день онъ, въ который Спаситель вселенной распятъ будетъ на крестъ, не будетъ свѣтъ.* И сіе показала исторія; потому что отъ шестаго часа до девятаго была тма въ цѣлой вселенной, чтобы всѣ люди засвидѣтельствовали истину пророчества.

Но зима и мразъ: (7). Будетъ день единый. И сему свидѣтели евангелисты, свидѣтель и верховный пзъ Апостоловъ, при вратахъ грѣющійся у огня.

И день той знаемъ будетъ Господеви; потому что Богъ предувѣдалъ все изъ начала.

И не день, и не ночь. Ибо, если пожелаю назвать его днемъ, удерживаетъ меня отъ сего полуденная тма; а если вознамѣрюсь, по причине тмы, наименовать ночью, воспрещаетъ сіе свѣтъ, бывший до шестаго часа и по часъ девятомъ.

И при вечеръ будетъ свѣтъ. Потомъ Пророкъ описываетъ проистекающія отъ сего блага.

(8). *Въ день онъ изыдетъ вода жива изъ Иерусалима, и полъ ея въ море первое, и полъ ея въ море послѣднее.* Пророкъ даетъ симъ разумѣть спасительную проповѣдь, которая протекла по цѣлой вселенной и восточныя и западныя страны наполнила божественнымъ ученіемъ. И изъ самой исторіи можно видѣть истину сего пророчества; потому что въ оный день пзъ святаго ребра изліялся источникъ спасенія, и мы пріяли изъ него сугубые токи таинствъ, разумью воду и кровь, о которыхъ видѣвый свидѣтельствова (Юан. 19, 35.). Вода очищаетъ и избавляетъ насъ отъ грѣховъ, а кровь питаетъ, орошаетъ и содѣлываетъ цвѣто-

носными. Но Пророкъ сказуетъ и время, когда совершилось сіе.

И въ жатву и въ весну будетъ тако. Поелику одни дѣлятъ годъ на двѣ части, зиму и лѣто (жатву), а другіе на четыре: весну, лѣто, осень и зиму; то Пророкъ, по причинѣ безстыдства Іудеевъ, поставилъ то и другое, чтобы, принимая дѣленіе тѣхъ и другихъ, показать истину. Ибо, если дѣлите годъ на лѣто и зиму, то время, когда совершится сіе, будетъ началомъ лѣта; и если полагаете четыре перемѣны года, то знайте, что время сіе будетъ весеннес. Тогда явно воцарится надъ вселенною Пригвожденный вами ко кресту, и прелесть многобожія приметъ конецъ.

(9). *Будетъ же Господь единъ, и имя Его едино.* (10). *Обходя всю землю и пустыню.* Не Іудеи только уразумѣютъ это, но и лишешные древле боговѣдѣнія народы, обитающіе на югъ и на сѣверъ отъ Іерусалима. Ибо сіе сказалъ Пророкъ.

Отъ Гаваи и до Реммона на югъ Іерусалиму: Рама же на мѣсть пребудетъ отъ вратъ Веніаминихъ до вратъ первыхъ. Пророкъ даетъ смь разумѣть Виолсемъ; потому что и блаженный Матѳей къ повѣствованію о избіеніи дѣтей приложилъ пророческое свидѣтельство, взывающее: *гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть, плачь, и рыданіе, и вопль многъ: Рахиль плачущися чадъ своихъ* (Матѳ. 2, 18.). Сказуетъ же Пророкъ, что, по истребленіи оныхъ злочестивыхъ, увѣровавшіе обитать будутъ и въ земль принадлежащей Веніамину.

(11). *И анавема не будетъ ктому, и вселится*

Иерусалимъ надѣйся. Словомъ: *анагема*, Пророкъ означилъ отчужденіе отъ Бога; потому что увѣровавшіе во Христа не будутъ уже привержены къ идоламъ, но въ благочестіи проживутъ въ Иерусалимъ. Предрекиши о семъ, обращаетъ рѣчь къ Гогу и Магогу и къ народамъ, которые вмѣстѣ съ ними ополчились на Иерусалимъ. Ибо говоритъ:

(12). *И сіе будетъ паденіе, имже изсѣчетъ Господь вся люди, елицы воеваша на Иерусалимъ: истаютъ плоти ихъ стоящихъ на ногахъ своихъ, и очеса имъ истекутъ изъ обочій ихъ, и языкъ ихъ истаетъ во устьяхъ ихъ.* Пророкъ показываетъ, какимъ преданы будутъ непосланнымъ отъ Бога казнямъ; ибо говоритъ, что тѣла ихъ изсохнутъ, очи будутъ избодены, и языки сгниютъ; Господь всяческихъ содѣлаетъ, что, ставъ внѣ ума, устремятся другъ на друга, и одинъ другимъ преданы будутъ смерти. Подъ Божіимъ же водительствою воинствующіе Іудеи, бывъ только зрителями ихъ смерти, въ военную добычу обратятъ ихъ богатство, собравъ множество золота, серебра и многоцѣнныхъ одеждъ. А кони, ослы, мски и верблюды вмѣстѣ съ людьми преданы будутъ истребленію.

(16). *И будетъ, елицы аще останутся отъ всѣхъ языкъ пришедшихъ на Иерусалимъ, и взыдутъ на всякое лѣто поклонятся Царю Господу Вседержителю, и праздновати праздникъ скинопигии.* По одержаніи сей побѣды, такой страхъ упадетъ на оставшихся у народовъ иноплеменныхъ, что ежегодно будутъ стекаться въ Иеруса-

лимъ, воздавать чествованіе Господу всяческихъ, и вмѣстѣ съ народомъ Божиимъ праздновать праздникъ скинопигіи; потому что время сего праздника, какъ лѣтнес, удобно для путешествія.

(17). *И будетъ, елицы аще не въздутъ отъ всѣхъ племенъ земли во Іерусалимъ поклонитися Царю Господу Вседержителю, и сіи опѣмъ приложатся, не будетъ на нихъ дождя.* (18). *Аще же кольно египетское не въздетъ, ни приидетъ тамо, и на сихъ будетъ язва, еюже поразитъ Господь вся языки, елицы аще не въздутъ, еже праздновати праздникъ скинопигіи.* (19). *Сей будетъ грѣхъ Египту, и грѣхъ всѣмъ языкомъ, елицы аще не въздутъ, еже праздновати праздникъ скинопигіи.* Тѣ народы, которые, заблаго-разсудивъ стать благочестивыми, а потомъ пренебрегши такъ прекрасно ими предпринятое, не придутъ по обычаю на упомянутый выше праздникъ, потерпятъ тоже, что и ополчившіеся и попесшіе наказаніе. Ибо сказано: *и сіи опѣмъ приложатся; и не будетъ на нихъ дождя*, то есть, не будетъ имъ оказано ни малаго челоувколюбія. Если Египтяне, или кто другій, съ изумленіемъ извѣдавъ Божіе могущество, вознерадятъ о семъ праздникѣ, и не воздадутъ въ оный должнаго чествованія Богу; то и у нихъ, говоритъ Пророкъ, будетъ паденіе; потому что тяжело согрѣшаютъ тѣмъ, что, дознавъ безсліе своихъ идоловъ, и ясно увидѣвъ Божію силу, остаются въ прежней безопасности.

(20). *Въ день онъ будетъ еже во уздѣ коня, свято Господу Вседержителю: и будутъ коноби*

въ дому Господни яко чаши предъ лицемъ олтара. (21). И будетъ всякъ конобъ во Иерусалимъ и во Иудь святъ Господеви Вседержителю; и придутъ вси жерущи, и примутъ отъ нихъ, и сварятъ въ нихъ. Иудей, по истребленіи многихъ тысячъ оныхъ народовъ, какъ начатки принесли въ даръ Богу большую часть добычи, посвятили Ему и узды, выражая тѣмъ благодарность за избіеніе коней, и большую часть конобовъ, какъ нѣкія чаши положили предъ олтаремъ на потребу отсюду приходящимъ и приносящимъ жертвы. Ибо всякій, кому нужно, взявъ одинъ изъ сихъ конобовъ, будетъ варить въ немъ жертвенныя мяса. Въ это же время столь ясно видимаго благодѣянія Божія,

Не будетъ Хананей въ храмъ Господа Вседержителя, то есть, не будетъ тотъ, кто мыслить по хананейски, живетъ въ нечестіи, поступаетъ беззаконно.

Да даруетъ Господь всяческихъ, чтобы слово сіе истинствовало и нынѣ, и чтобы невидно было между нами ни одного Хананея, но всѣ мы жительствовали по евангельскимъ законамъ, и ждали блаженнаго упованія и явленія великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа (Тит. 2, 13.), съ Которымъ слава Отцу и со Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ! Аминь.

ТОЛКОВАНІЕ

НА ПРОРОКА МАЛАХІЮ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Великій законодатель Моусей первый изъ всѣхъ слова Божія оставилъ намъ въ писменахъ; а богомудрый Малахія послѣ всѣхъ написавшихъ пророчества предалъ писмени божественныя провѣщанія. Времени написанія, подобно другимъ Пророкамъ, не означилъ онъ, но тѣмъ самымъ, о чемъ пророчествовалъ, далъ видѣть, что, по созданіи Божія храма и по умиреніи іудейскаго народа, сподобился сей благодати. Ибо не обвиняетъ Іудеевъ въ нерадѣніи о храмозданіи, какъ блаженные Аггей и Захарія, но напоминаетъ имъ Божія благодаренія, обвиняетъ же, частию іересвь, а частию и другихъ, выставляя на позоръ учиненныя ими беззаконія. Предрекаетъ онъ и пришествіе во плоти Владыки Христа, и спасеніе, какимъ въ слѣдствіе онаго

воспользовался родъ чловѣческой; предвѣщаетъ и призваніе язычниковъ и невѣріе Іудеевъ, а сверхъ того второе пришествіе Бога и Спасителя нашего. Называется же на языкѣ греческомъ Ангеломъ, а на еврейскомъ Малахією, и начинается пророчество такъ:

ГЛАВА I.

(1). *Пророчество словесе Господня на Израилл рукою Ангела Его.* Умъ мой, говоритъ Пророкъ, будучи объятъ Божією благодатию и ставъ внѣ всего чловѣческаго, пріямъ въ себя предвѣщаніе объ Израилѣ не для того, чтобы одному имѣть вѣдніе сіе, но чтобы и Іудеямъ возвѣститъ объявленное. Поэтому-то Пророкъ нарекъ себя Ангеломъ, какъ служащаго словесамъ Божіимъ. Такъ указавъ вѣщающаго устами его Господа, увѣщаваетъ народъ внимать изрекаемому:

Положите убо на сердцахъ вашихъ, то есть, со всею тщательностію внимайте словесамъ Божіимъ.

(2). *Возлюбихъ вы, глаголетъ Господь, и рѣсте: о чемъ возлюбилъ еси ны?* Не потому сказалъ сіе Пророкъ, что дѣйствительно народомъ предложенъ былъ такой вопросъ, но обличаетъ симъ непризнательность сердца ихъ; потому что, пользуясь такою любовію Бога всяческихъ, не только пребывали неблагодарными Благодарителю, но даже не познали и того самаго, что возлюблены. Поэтому-то Пророкъ обличаетъ неблагодарное

ихъ сердце, доказывая избытокъ любви, явленной издревле еще предкамъ.

Не брать ли бѣ Исавъ Иакову? глаголетъ Господь: и возлюбихъ Иакова, Исавъ же возненавидѣхъ. И вы, непрестанно питающіеся сказаніями Моусеевыми, ясно знаете, говоритъ Пророкъ, что Исавъ и родоначальникъ вашъ Иаковъ имѣли одного отца, произошли изъ одной утробы, вмѣщались въ одномъ чревѣ, однакоже ни одинаковость естества, ни время рожденія, которое для обоихъ было одно, не расположили Меня имѣть къ нимъ одно и тоже расположеніе. Напротивъ того, когда отецъ, слѣдуя законамъ естества усиливался право первенства предоставить Исаву, Я устроилъ, что вмѣсто него получилъ старѣйшинство Иаковъ; потому что возненавидѣлъ Исавъ за лукавство права, возлюбилъ же Иакова, какъ любителя добродѣтели. Да и родъ Исавовъ, поелку возревновалъ правомъ прародителя, оставленъ мною въ небреженіи; почему и паселялъ эту пустыню. Ибо сіе выразилъ Пророкъ въ присовокупляемомъ:

(3). *И уши ихъ предѣлы его во исчезновеніе, и достояніе его въ выища пустыни. (4). Зане еще речетъ: Идумея разорится, и обратится, и возсозиждетъ опустѣвшая ея, сице глаголетъ Господь Вседержитель: тѣи созиждутъ, и Азъ разорю, и нарекутся имъ предѣлы беззаконія, и людіе, на няже ополчися Господь до вѣка. Если и предпримутъ возсоздать свои города, то надежды ихъ содѣлаю ложными, и пустыню получатъ въ плодъ беззаконія. Ибо сіе сказалъ Пророкъ: и нарекутся имъ*

предѣлы беззаконія. Проклятiе же это будутъ нести отъ Меня до конца.

(5). *И очеса ваши увидятъ, и вы речете: возвеличися Господь прѣвыше предѣлъ Израилевыхъ. Увидѣвъ это, вы узнаете, какимъ промышленiемъ о васъ пользовались вы отъ Меня. Такъ показавъ, какую имѣлъ къ нимъ любовь, обличаетъ великую ихъ неблагогодарность.*

(6). *Сынъ славитъ отца, и рабъ господина своего убоится: и аще отецъ есмь Азъ, то гдѣ слава Моя? И аще Господь есмь Азъ, то гдѣ есть страхъ Мой? глаголетъ Господь Вседержитель. Двоякаго вида расположенiя имѣютъ мѣсто во всѣхъ подчиненныхъ, любовь и страхъ; но любовь прилична сынамъ, страхъ же рабамъ. А Я присвоилъ вамъ то и другое именованiе; потому что нарекъ васъ не только рабами, но и сынами: *Азъ ряхъ: бози есте, и сынове Вышняго вси* (Псал. 81, 6.); и: *сыны родихъ и возвысихъ* (Иса. 1, 10.); и: *сынъ Мой первенецъ Израиль* (Исх. 4, 22.). Посему, если любезно вамъ именованiе сынами; то окажите честь, какую спѣшите воздавать отцу. Если же сами себя почитаете рабами; то почему же не имѣете страха, какой надобно имѣть рабамъ, и притомъ имѣя такого Владыку, Который обладаетъ вкупе всѣмъ видимымъ и невидимымъ? Досель Пророкъ дѣлалъ укоризны вообще всѣмъ Иудеямъ; послѣ же сего начнаетъ обвинять ихъ въ раздѣльности, и сначала обличаетъ преступленiя iереевъ; потому что были они достойны большихъ упрековъ за то, что не сами только нарушали законъ, но и для другихъ стали образцемъ беззаконiя.*

Вы священницы презирающіи имя Мое: и рѣсте: о чесомъ презрѣхомъ имя Твое? Небреженіе ваше о священническомъ служеніи внушаетъ народу, будто бы Я малозначителенъ, и не стою никакого вниманія. Но вы не чувствуете этого, и не хотите знать преступленія. Ибо сіе означаетъ сказанное: и рѣсте: о чесомъ презрѣхомъ имя Твое? Если и не дѣйствительно произносили вы подобныя слова; то имѣли такія помышленія. Потомъ Пророкъ объясняетъ и то, въ чемъ оказывалось презрѣніе.

(7). *Приносяще къ олтареву Моему хлѣбы скверны, и рѣсте: о чесомъ осквернихомъ я? всегда глаголати вамъ, трапеза Господня ушчижена есть, и возложенная брашна ушчижили есте. Слово скверны Акила и Симмахъ перевели: печисты, то есть, приготовлены не по закону, по вопреки оному. Отважились же вы на это, не думая, что посвященная Мнѣ трапеза досточтима. Ибо, если бы воздавали ей должное чествованіе, то всякаго тщанія удостоили бы приносимое Мнѣ на ней. Потомъ, не какъ Владыка, но какъ отецъ, жалуется на нихъ, что приносили въ жертву животныхъ слѣпыхъ и хромыхъ, когда законъ ясно повелѣваетъ приносить животныхъ здоровыхъ. И показывая чрезмѣрность печестія, говоритъ:*

(8). *Приведи е князю твоему, еда приметъ е? еда приметъ лице твое? глаголетъ Господь Вседержитель. Если и тотъ, кто одного съ тобою естества, такую честь почитаетъ оскорбленіемъ и насмѣшкою, и не стыдится твоего присутствія, но отвергаетъ худо приносимый даръ; то разсуди,*

какое нечестіе — приносить что либо подобное Создателю всяческихъ? Потомъ совѣтуетъ Богъ прибѣгнуть къ покаянію, и общаетъ Свое благоволеніе.

(9). *И нынѣ умилоствите лице Бога вашего, и помолитесь Ему: да помилуетъ вы. И давая имъ живѣе почувствовать дерзость, Богъ усиливаетъ обличеніе.*

Въ рукахъ вашихъ быша сія. Обвиняю васъ не за беззаконіе отцевъ, но за то, на что еще и нынѣ вы отваживаетесь.

Аще прииму отъ васъ лица ваша? глаголетъ Господь Вседержитель. Это надобно читать какъ вопросъ: ужели, безъ покаянія вашего, умилоствлюсь надъ вами?

(10). *Зане и въ васъ затворятся двери, и не возгнѣтѣте огня олтаревѣ Моему туне.* Послѣнку же недугуете вы крайнею печувствительностію; то знаю, что удаю васъ отъ двора Моего, и какъ бы двери нѣкія заключу для васъ, прекративъ служеніе по закону. Ибо не потерплю, чтобы приносимы были напрасныя жертвы, отъ которыхъ никому нѣтъ пользы. Такъ предвозвѣстивъ Іудеямъ прекращеніе законнаго священнослуженія, предсказываетъ чистую и безкровную жертву язычниковъ, и сперва говоритъ самимъ Іудеямъ.

Нѣсть воля Моя въ васъ, глаголетъ Господь Вседержитель, и жертвы не прииму отъ рукъ вашихъ. Потомъ дастъ видѣть благочестіе язычниковъ.

(11). *Зане отъ востокъ солнца и до западъ имя Мое прославися во языцехъ, и на всякомъ мѣстѣ*

ѡиміамъ приносится имени Моему, и жертва чиста: зане веліе имя Мое во язиць, глаголетъ Господь Вседержитель. Отвергну васъ совершенно; потому что весьма гнушаюсь тѣмъ, что дѣлаете; почему отвращаюсь и жертвъ приносимыхъ вами. Въмѣсто же васъ будетъ чтить Меня цѣлая вселенная; потому что обитающіе по всей земль, осіяваемой восходящимъ и заходящимъ солнцемъ, повсюду будутъ и приносить Мнѣ ѡиміамъ и священнодѣйствовать жертву чистую и угодную Мнѣ. Повсюду познаютъ имя Мое и изволеніе Мое, и воздадутъ Мнѣ должное чествованіе. Такъ и Господь сказалъ женѣ самарянской: *жено вѣру Миими, яко грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда ни въ горь сей, ни во Іерусалимьхъ поклонитесь Отцу. Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и истинною достоинъ кланятися* (Іоан. 4, 21. 24.). Паученный сему и блаженный Павелъ повѣлываетъ молиться на всякомъ мѣстѣ, *воздвигуице преподобныя руки безъ гнѣва и размышленія* (1 Тим. 2, 8.). Но и божественный Малахія снмъ ясно указалъ намъ на водворяющееся нынѣ благочестіе; потому что прекратилось жреческое служеніе, ограничивавшееся мѣстомъ, всякое же мѣсто признано удобнымъ для служенія Богу, пріято конецъ и закланіе безсловесныхъ жертвъ, приносятся же въ жертву, единый непорочный Агнецъ, взяющій грѣхъ міра, и благоуханный ѡиміамъ, какъ вѣкій символъ добродѣтели. А Іудеи, по божественному предреченію, отринуты; почему Пророкъ говоритъ имъ: *зане веліе имя Мое во язицьхъ.*

(12). *Вы же скверните е, глаголюще: трапеза*

Господня осквернена есть, и возлагаемая брашна Его уничтожена быша. Въ такое печестіе совратились вы, что не только приносите жертвы противозаконно, но даже посвященную Миѣ трапезу называете шчегу пезначущею, и когда обвинюють васъ въ томъ, что приносите такіе дары, осмѣливаетесь говорить: и это собираемъ съ великимъ усилиемъ и трудами. За сіе-то лишу васъ обилія и въ этомъ. Ибо сіе самое выражено въ присовокупляемомъ:

(13). *И рѣсте: сія отъ злостраданія суть, и отдупухъ я, глаголетъ Господь Вседержитель. Потомъ прокликаетъ тѣхъ, у которыхъ много жертвенныхъ животныхъ, и которые дали обѣтъ принести ихъ въ жертву, но оставляють ихъ у себя, а вмѣсто нихъ приносятъ животныхъ увѣчныхъ. Но изъ самыхъ дѣлъ, говоритъ Богъ, должны вы дознать величіе царства и владычества Моего, которое содѣлаю вѣдомымъ у всѣхъ народовъ.*

ГЛАВА 2.

(1). *И нынѣ заповѣдь сія къ вамъ, священницы. Если не хотите тщательно внять изрекаемому Мною, и всему въ совокупности предпочеть воздаваемое Миѣ чествованіе;*

(2). *Послю на вы клятву, и проклену благословеніе ваше, и оклену е: и разорю благословеніе ваше, и не будетъ въ васъ, зане вы не влагаете въ сердце ваше. Благословеніемъ называетъ самое*

священство, которое пріяли по Божіей благодати; его-то угрожаетъ разорить и уничтожить за допущенное въ немъ злоупотребленіе.

(3). *Се Азъ отлучу вамъ рамо, и раскидаю trebuхи на лица ваша, trebuхи праздниковъ вашихъ, и прииму вы вкупъ.* Акила перевелъ это такъ: вотъ Я паложу на васъ запрещеніе и съ плечемъ, и на лица ваши развѣю пометъ, пометъ праздниковъ вашихъ. Поелику по закону священникамъ опредѣлялись грудь и правое рамо; то угрожаетъ Богъ, что отринетъ и ихъ самихъ, и отдѣляемое имъ рамо. Но вмѣсто слова: грудь поставлено слово: *treбуха* — вмѣстилище помета. Ибо дребле, когда іереи были благочестивы, Богъ удѣлялъ имъ правое рамо, какъ символъ дѣятельной добродѣтели, и грудь, которая подобно панцырю облагаетъ сердце, охраняя и закрывая его, какъ символъ догматовъ благочестія. Поелику же добровольно отступили они отъ благочестія, и лишены стали добродѣтели; то скажетъ имъ, что на лица ихъ раскидаетъ *требуху* — вмѣстилище помета, означая симъ ихъ позоръ и безчестіе. Когда же исполню это, говоритъ Богъ; узнаете, что Я предкамъ вашимъ далъ заповѣдь о жертвахъ. Потомъ въ имени Левіи напоминаетъ перваго іерея Аарона. Ибо сказалъ такъ:

(4). *И уразумѣете, яко Азъ Господь послалъ вамъ заповѣдь сію, еже быти завету Моему къ Левитомъ, глаголетъ Господь Вседержитель. Потомъ присовоюкупляетъ къ сему:*

(5). *Застѣть Мой бѣ съ нимъ жизни и мира, и дахъ ему болзнію боятися Мене, и отъ лица иже-*

не Моего устроятся ему. Кто исполняетъ это, говорить Богъ, въ награду тому обѣтоваль Я жизнь и миръ. Посему-то завѣтъ Свой, какъ доставляющій все сіе покорнымъ, и нарекъ Онъ завѣтомъ мира и жизни.

(6). Законъ истины бѣ во устѣхъ его, и неправда не обрѣтется во устахъ Его: въ миръ исправляяй иде со Мною, и мнози обрати отъ неправды. Ибо грѣхъ производитъ вражду на Бога, а правда устанавливаетъ миръ. Посему говорить Богъ: Ааронъ, идя путемъ правымъ, храня истину и ужасаясь неправды, пользовался Моими милостями, и наслаждаясь миромъ Моимъ, для многихъ заблуждающихся содѣлался руководителемъ къ истинѣ. Ибо справедливость требуетъ іерею преимущественно быть дѣлателемъ Божіихъ законовъ; потому что поставленъ онъ быть учителемъ другихъ, и ему поручено истолковывать слова Божія, онъ (7) Ангель Господа Вседержителя, возвѣщающій другимъ Божію волю.

(8). Вы же уклонитесь отъ пути Моего, и изнемошествовисте многихъ въ законъ, растлисте завѣтъ Левіинъ, глаголетъ Господь Вседержитель. Въмѣсто: изнемошествовисте многихъ, Авила и Симмахъ перевели: соблазнили. Сказуетъ же снмъ Богъ: возлюбивъ беззаконіе, и другихъ довели вы до гибели. Потомъ, предсказываетъ имъ бѣдствія, постигшія ихъ нынѣ.

(9). И Азъ дахъ вы уничижены, и отвержены во вся языки, зане вы не сохранисте путей Моихъ, но лицъ обинустесь въ законъ. Симмахъ перевелъ: уважали лица въ законъ. Обвиняетъ же ихъ Богъ въ томъ, что содѣлались преступниками

закона, и въ угодность другимъ судили противозаконно, или брали деньги съ приносящихъ жертвы, и принимали у нихъ жертвенныхъ животныхъ, имѣвшихъ какое либо поврежденіе въ членахъ.

(10). *Не Отецъ ли единый всѣмъ вамъ? не Богъ ли единый созда васъ? что яко остависте кійждо брата своего, оскверните заветъ отца вашихъ.* Будучи созданы единымъ Богомъ, Который, какъ Отецъ, изъявляетъ любовь Свою ко всѣмъ вамъ, столько возперадѣли вы о тѣхъ, которые одного съ вами естества, не уважили общенія съ ними и въ естествѣ и въ благодати, но оставили братьевъ вашихъ безъ всякаго о нихъ попеченія, не обращали вниманія, когда дѣлался быи нарушителемъ Моихъ законовъ, и притомъ имѣя предъ глазами полезный для васъ примѣръ, Іуду и Іерусалимъ.

(11). *Оставленъ бысть Іуда, и мерзость бысть во Израили и во Іерусалимѣ: зане оскверни Іуда святая Господня, яже возлюби.* И ясно показывая, что возлюбилъ, присовокупляетъ: *и преиде къ богу чуждиму.* Іуда и во Израили и во Іерусалимѣ признанъ гнуснымъ; потому что предавался беззаконію открыто, попиравъ Божіи законы, и вмѣсто Сущаго Бога поклонялся богамъ не сущимъ. Потомъ произноситъ Богъ общую угрозу на всѣхъ подобныхъ Іудѣ.

(12). *Потребитъ Господь челоѣка, творящаго сія, дондеже смирится отъ селеній Іаковлихъ, и отъ приносящихъ жертву Господу Вседержителю.* Ибо живущій въ злочестіи чуждъ сонму благочестивыхъ. Послѣ сего обращаетъ Богъ рѣчь къ иному общенію, и обвиняетъ ихъ въ

томъ, что оставивъ супругъ своихъ, имѣютъ беззаконныя связи съ другими женами.

(13). *И сія, яже ненавидѣхъ, твористе.* Но жадокъ тотъ, кто любитъ, что ненавидитъ Богъ. Что же это такое, объясняетъ далѣе:

Покрываете слезами олтарь Господень, и плечемъ и воздыханіемъ отъ трудовъ. Обиженные мужьями своими жены, не находя себѣ защиты, предаваясь сътованію и слезамъ, взывали къ праведному Судѣ; дѣлать же это припуждены были угнетавшею ихъ скорбію. Сіе и выражено у Пророка словами: *отъ трудовъ.* И когда вы такъ поступаете;

Еще ли достойно призрѣти на жертву вашу? (14). *И рѣстє: чєсо ради?* Беззаконіе ваше свидѣтельствуєтъ, что приносимое вами мерзко; а вы остаетесь еще безчувственными, и показываете видъ, что не знаете сему причины. Посему, водясь обычнымъ долготерпѣніемъ, открою вамъ эту причину.

Яко Господь засвидѣтельствова между тобою, и между женою юности твоея, юже оставилъ еси, и та обещица твоя, и жена завѣта твоего.

(15). *И не шый сотвори, и останокъ духа твоего.* Припомните первый законъ, данный Адаму и Евъ. Ибо, какъ скоро создалъ Богъ жену, подобно нѣкоему нѣвѣствователю, приводитъ ее къ мужу, и даетъ законы брака, сказавъ: *сего ради оставитъ человекъ отца своего и мать свою, и будутъ два въ плоть одну* (Быт. 2, 24.). Итакъ Самъ Богъ всѣческихъ, и создалъ обонхъ, и сочеталъ ихъ, и поставилъ законъ сей; какъ же

вы осмѣливаетесь явно нарушать постановленное изъ начала, и не помните Божія благословенія, возвышеннаго отцамъ вашимъ: *раститесь и множитесь и наполните землю* (Быт. 9. 1.)? Ибо сіе говоритъ Богъ и здѣсь: *и останокъ духа твоего*. Имѣя естество смертное, въ раждаемыхъ вами надолго сохраните память о себѣ. Но Богъ узаконилъ сіе, а вы прекословите, говоря: Богъ нечестен не о цѣломудренныхъ бракахъ, но о многочадіи.

И рцете: что ино, кромѣ стѣмене ищеть Богъ? Но повелѣваю вамъ, оставивъ рѣчи сіи, хранили Божіи законы, и жепу въ началъ сочетанную не отлучать отъ брачнаго ига. Потомъ напоминаетъ Богъ о спусхожденіи, сдѣланномъ въ законѣ.

(16). *Но аще возненавидиши, отпустиши, глаголетъ Господь Израилевъ*. Ибо въ законѣ повелѣваетъ Богъ, чтобы мужъ, если худо расположеть къ жещъ, давалъ ей книгу отпускную. Господь же, толкуя законъ сей фарисеямъ, говоритъ: *Моисей по жестокосердію вашему узаконилъ такъ: изъ начала же не бысть тако: Сотворивый ихъ, мужескій полъ и женскій сотворилъ я естъ* (Матѣ. 19, 4. 8.), то есть, сотворилъ одного и одну, а не одного мужа и двухъ жещъ, чтобы, возненавидѣвъ одну, сочетаться съ другою. Поэтому, такое созданіе было законоположеніемъ цѣломудрія. Но поелику Богъ въческихъ зналъ нестоивый правъ Іудеевъ, — зналъ, что они, захотѣвъ избавитися отъ жены непавидимой, и не имѣя возможности сдѣлать сіе по закону, отважатся на ея убійство; то дозволяетъ зло меньшее, чтобы воспренятствовать злу большему, и говоритъ: *аще*

возненавидиши, отпустиши; потому что сочтается она съ другимъ, и не будетъ жить въ горестн. Въ священномъ евангеліи, научая добродетели, ясно взываетъ Господь: всякъ отпущаяй жену свою, развь словесе любодѣйнаго, творить ю прелюбодѣйствовати, и иже пущеницу пойметъ, прелюбодѣйствуетъ (Матѳ. 5, 32.). Но и здѣсь дасть разумѣть тоже самое.

Обнажатся сокровенныя помысленія ваши, глаголетъ Господь Вседержитель. Если не по какому либо благовѣщному и справедливому предлогу расторгнете бракъ; то судіею вашимъ будетъ Господь вѣчныхъ.

По сему сохраните духомъ вашимъ, и не оставите завѣта. Обуздайте худыя стремленія, и не расторгайте брачныхъ условій. Такъ обвинивъ ихъ въ этомъ беззаконіи, и давъ соответственное недугу врачевство, Пророкъ начинаетъ обличеніе въ хуль, на которую они отважились, и говоритъ:

(17). Прогнѣвляющіи Бога словеса вашими, и рѣсте: о чесомъ прогнѣвахомъ Его? зане рѣсте: всякъ творяй зло, добръ предъ Господемъ, и въ нихъ Самъ благоволи: и гдѣ есть Богъ правды? Ибо шые, видя живущихъ порочно и наслаждающихся благополучіемъ, по крайнему неразумію, осмѣливались говорить, что Богу обычно было благоволить къ порочнымъ; шаче не далъ бы имъ въ удѣлъ такого счастія. Хула эта, говоритъ Богъ, особенно подвигла Меня наказать васъ. А вы этого великаго нечестія не почитаете и малымъ прегрѣщеніемъ. Ибо сію безчувственность ихъ обличая,

Пророкъ сказалъ: *и рѣсте: о чемъ прогнѣвахомъ Его?*

Вамъ же должно было знать, что Богъ всяческихъ есть источникъ правды. А какъ источникъ правды, гнушается онъ любящими порокъ. Но законъ домостроительства Его неизреченъ. Впрочемъ объявляю вамъ, что наступитъ время праведнаго воздаянiя. И желая привести сіе въ ясность, предвозвѣщаетъ Богъ сперва первое пришествiе Владыки Христа, и указываетъ великаго Іоанна Крестителя, Предтечу сего пришествiя. Пбо говоритъ:

ГЛАВА 3.

(1). *Се Азъ посылаю Ангела Моего, и призритъ на путь предъ лицемъ Моимъ; и внезапно приидетъ въ церковь Свою Господь, Егоче вы ищете, и Ангелъ завѣта, Егоче вы хотите.* Сіе пророческое свидѣтельство находимъ приведеннымъ въ священномъ евангелiи. Да и блаженный Захарiя, отецъ божественнаго Іоанна, взявъ его на руки, сказалъ ему: *и ты отроча, Пророкъ Вышняго наречешися: предъидеши бо предъ лицемъ Господнимъ уготовати пути Его* (Лук. 1, 76.). И здѣсь устами Малахiи изрекъ Богъ: *Се Азъ посылаю Ангела Моего, и призритъ на путь предъ лицемъ Моимъ и внезапно приидетъ въ церковь Свою Господь, Его же вы ищете.* Пбо спасительное рожденiе совершилось такъ, что всѣ о немъ познали.

Но, кромѣ перваго пришествія Христова, Пророкъ предвозвѣщаетъ и второе Его явленіе.

Се грядетъ, глаголетъ Господь Вседержитель. И кто стерпитъ день пришествія Его? Или кто постоитъ въ видѣніи Его? Такъ и Захарія о второмъ пришествіи сказалъ: *возрятъ на нѣ, Егѡже прободоша. И восплачется земля по племенамъ племенамъ* (Зах. 12, 10. 12.). Потомъ Пророкъ извѣщаетъ, что содѣлано Имъ.

Зане Той входитъ, яко огонь горнила, и яко мыло перуицкихъ. (9). *И сядетъ разваря и очищая яко сребро, и яко золото.* Такъ и блаженный Павелъ говоритъ: *зане огнемъ открывается: и кождо дѣло, яково же есть, огнь искуситъ. И егѡже аще дѣло пребудетъ, еже награда, мзду приметъ. А егѡ же дѣло сгоритъ, оцѣтится* (1 Кор. 3, 13—15.). Думаю же, что не сіе только означаетъ Пророкъ сказаннымъ, но и очищеніе Духомъ Святымъ. Пбо Имъ таинственно разваряетъ Господь входящихъ къ Нему, и обновляетъ огнемъ Духа. Пбо такъ говоритъ и великій Іоаннъ: *Той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ* (Матѡ. 3, 11.). А также и божественною благодатию, какъ нѣкою травою, очищаетъ грѣховную скверну. И какъ Іерусалиму говоритъ блаженный Іеремія: *аще умыешия шитромъ, и умножиши себѣ травы, порочень еси въ беззаконіихъ твоихъ, глаголетъ Господь* (Іерем. 2, 22.); потому что Іерусалимъ имѣлъ у себя травы только закона, а не благодати; такъ здѣсь пророческое слово показываетъ намъ, что Владыка, подобно нѣбѡему художнику, какъ травою какою, смываетъ грѣховную скверну,

и какъ огнемъ пѣкимъ, избавляетъ души наши отъ этого яда. Сіе же сотворить и съ увѣровавшими въ Него левитами. А изъ числа ихъ былъ и блаженный Варнава, какъ извѣщаетъ исторія Дѣлій; да и многіе другіе, увѣровавъ вмѣстѣ съ немъ, улучили тоже спасеніе. Ибо сказано:

Очиститъ сыны Левитины, и преліетъ я яко злато, и яко сребро: и будутъ Господеви приношение жертву въ правду, — не жертву подзаконную, о которой сказалъ Господь: и жертвы не прииму отъ рукъ вашихъ (Малах. 1, 10.), но жертву словесную и безкровную.

(4). *И угодно будетъ Господеви жертва Иудова и Иерусалимля, якоже днѣ въка, и якоже льта прѣждня; потому что она не временная, но вѣчная. Послѣ сего Богъ снова начинаетъ живущимъ въ нечестіи угрожать наказаніемъ. Ибо говорятъ:*

(5). *И прииду къ вамъ съ судомъ, и буду свидѣтель скоръ на чародѣи. Скоро наложу наказаніе за злыя дѣла, которыя видѣлъ; Мнѣ не нужны другіе свидѣтели; Я Самъ самовидѣць лукавства.*

И на прелюбодѣйцы, и на кленущіяся именемъ Моимъ во лжу, и на лишаящія мзды наемника, и на насильствующія вдовицъ, и пхающія сирьм, и на уклоняющія судъ пришельца, и на неболящіяся Мене, глаголетъ Господь Вседержитель. Накажу, какъ за чародѣйство, такъ подобно сему и за прелюбодѣянія, накажу осмѣливающихся ложно клясться, пользующихся трудомъ наемниковъ и нехотящихъ отдать имъ плату, однимъ словомъ накажу всякаго, кто властительски поступаетъ съ оплакивающими сиротство и вдовство, рѣшается

неправо судить странниковъ и пришельцевъ, и кто не страшится Моего суда; не потерплю, чтобы обиженные оставались пренебреженными.

(6). *Зане Азъ Господь Богъ вашъ, и неизмѣнлюсь.* Естество Мое не допускаетъ измѣненія; знаете же, какъ предковъ вашихъ и избіенію предалъ Я, и послалъ рабамъ въ плѣнь.

И вы сыны Іаковли, не удаляетея отъ грѣхъ отецъ вашихъ. (7). *Уклонитесь отъ законовъ Моихъ, и не сохраните.* Отваживаясь на одно съ отцами, потерпите тоже, что и они. Присовокупляетъ же Богъ обвиненіе и въ другомъ преступленіи.

Обратитесь ко Мнѣ, и обращуся къ вамъ, глаголетъ Господь Вседержитель: и рѣсте: въ чемъ обратимся? (8). *Еда обольститъ человекъ Бога? зане вы обольщаете Мя.* *И рѣсте: въ чемъ обольстихомъ Тя?* Акила и Симахъ слова: *обольстихомъ Тя*, перевели такъ: ужели человекъ обманетъ ожиданіе Божіе, потому что обманываете вы, и сказали: въ чемъ обманули Тебя?

Яко десятины и начатцы съ вами суть: (9). *И взирающе вы взираете на нихъ, и Мене вы обольщаете.* (10). *Лѣто скончася, и внесосте вся плоды въ сокровища, и будетъ расхищеніе нищаго въ домъхъ вашихъ.* Законъ повелѣваетъ начатки и первыя десятины приносить Богу, а потомъ уже остающееся брать себѣ; а вы все вмѣстѣ отнесли въ свои хранилища, не разсудивъ, что это похищеніе у нищихъ, ели лищаешь ихъ начатковъ и десятинь. Ибо для того не далъ Я участка земли іереямъ, чтобы, постоянно совершая богослуженіе,

и принося за васъ жертвы, питались они Мнѣ приносимыми начатками и десятинами, и изъ нихъ же снабжали бѣдныхъ, не отходящихъ отъ божественнаго храма. Посему, полжѣте конецъ этой любостыжательности, отдайте узаконенное іереямъ, и испытайте, не увеличится ли у васъ обиліе благъ. Ибо слова: *обратитесь о семъ*, Акцла перевелъ: *извѣдайте опытомъ*. Дамъ вамъ обиліе дождей, плодородіе земли, и въ слѣдствіе сего и довольство. Поэтому и сосѣди станутъ называть васъ достойными зависти и блаженными, какъ пользующихся отъ Меня такимъ о васъ промышленіемъ. Еще врачуетъ другой недугъ, которымъ страдали они, и говоритъ:

(13). *Отяготисте на Мя словеса ваша, глаголетъ Господь Вседержитель. И рѣсте: о чемъ клеветахомъ на Тя? (14). Рѣсте: суеменъ работаяй Богу, что больше, яко сохранихомъ храненияія Его, и яко идохомъ молитвенницы предъ лицемъ Господа Вседержителя. (15). И нынѣ мы блажимъ чуждыхъ, и созидаются вси творции беззаконная, сопротивишася Богови, и спасошася. Водясь превратнымъ разумѣніемъ, назвали вы владычество Мое безполезнымъ и невыгоднымъ, и сказали, что живущіе беззаконно живутъ въ благоденствіи и благодушіи, и вы, находящіеся подъ Моимъ попеченіемъ, остаетесь лишенными всякаго успѣха въ дѣлахъ, и ублажаете благосостояніе другихъ.*

(16). *Сія рекоша болящіяся Господа, кійждо ко искреннему своему: и внятъ Господь и услыша, и написа книгу памяти предъ Собото болящимся*

Господа, и благоговѣющимъ имя Его. Услышавъ, говоритъ Богъ, что посвященные Мнѣ ропщутъ на это между собою, даю боящимся Меня письменное обѣтованіе благъ. Ибо сіе означаютъ слова: и напиша книгу памяти предъ Собою боящимся Господа, и благоговѣющимъ имя Его. Посему тв, говоритъ Богъ, которые благоугожденіе Мнѣ чтутъ за великое, и боятся сдѣлать что либо Мнѣ не-удобное,

(17). Будутъ Ми въ день, его же Азъ творю въ снабдѣніе. Присными Своими содѣлаю ихъ въ день суда:

И изберу я, иже образомъ избираетъ человекъ сына своего добръ работающа ему. Какъ отецъ благорасположенъ къ благопризвательному сыну, и предпочитаетъ его; такъ Я предпочту ихъ благодарнымъ и замыслившимъ противное. Слово же: изберу, Акила перевелъ: пощажу, какъ человекъ щадитъ сына своего.

(18). И обратитесь, и увидите между праведнымъ, и между беззаконнымъ, и между служащимъ Богу, и не служащимъ Ему.

ГЛАВА 4.

(1). *Яко се день грядетъ горящъ яко пещь, и поалитъ я.* Тогда, говоритъ Пророкъ, узнаете, какое разстояніе между праведнымъ и неправеднымъ, и какая разность между служащимъ и не служащимъ Богу. Пбо не думайте, что настоящая жизнь продолжительна; она прекратится, и прїидетъ нѣкій день горящъ яко пещь, и поалитъ я.

И будутъ вси иноплеменницы, и вси творящїи беззаконная яко стебліе: и возжжетъ я день грядый, глаголетъ Господь Вседержитель: и не останется отъ нихъ корень ниже вѣтвь. Слово: иноплеменницы, Акіла перевелъ: горделивые. Такъ и божественный Павелъ сказалъ: *аще ли кто назидаетъ на основанїи сѣмъ, злато, сребро, каменїе честное, дрова, сѣно, тростїе: кождо дѣло явлено будетъ: день бо явитъ: зане огнемъ открывається: и кождо дѣло, якоже есть, огнь искуситъ. И егже аще дѣло пребудетъ, егже назда мзду прїиметъ. А егже дѣло сгоритъ, отщитїся* (1 Кор. 3, 12—15.). Такъ Богъ, предвозвѣстивъ гибель живущимъ въ нечестїи, показываетъ, какія награды благочестивымъ.

(2). *И возсияетъ вамъ болющимя имене Моего Солнце правды, и исцѣленїе въ крильхъ Его.* Сїе же прииществуеть и первому и второму прииществу Снастителя нашего; потому что въ первое прииществіе, какъ нѣкое солнце, возсиялъ Опъ намъ,

сѣдящимъ во тмѣ и снѣи смертной, освободивъ насъ отъ грѣха, содѣлалъ причастниками правды, и духовными дарованіями покрывъ насъ, какъ нѣкими крилами, даровалъ исцѣленіе душамъ нашимъ; и во второе пришествіе, явившись изнуряемымъ въ продолженіе настоящей жизни, или противъ воли, или по собственной ихъ воли, какъ праведный, разсудитъ ихъ правдиво, и дастъ имъ обѣтованныя блага. И какъ чувственное солнце, восходя, одержимыхъ сномъ пробуждаетъ къ дѣланію: такъ и Господь явившись воставитъ одержимыхъ долгимъ сномъ — смертію. Тогда, тогда именно; сказано у Пророка,

Изыдете, и възграете, якоже телъцы отъ узъ разръшени; потому что освобождены отъ грѣховныхъ узъ.

(3). *И поперете беззаконники, и будутъ пепелъ подъ ногами вашими, въ день, въ оныйже Азъ сотворю, глаголетъ Господь Вседержитель.* Такъ пепломъ сталъ богатый для Лазаря, такъ пепломъ будутъ обидчики для обиженныхъ; мучители и гонители для святыхъ мучениковъ. Потомъ напоминаетъ имъ Богъ, что о Владыкѣ Христѣ предрекъ Моусей, и повелѣваетъ, читая законъ, въ точности ему повиноваться и ни въ чемъ не прекословить.

(4). *Помните законъ Моисея раба Моего, якоже повелѣхъ ему въ Хоривѣ къ всему Израилю повелѣнія и оправданія.* Потомъ ясно зная, что и закону не покорятся, и Его пришедшаго не примутъ, но предадутъ на распятіе, по неизреченному челоуѣколюбію, даетъ имъ обѣтованіе, снова послать Илію проповѣдникомъ спасенія, и говоритъ:

(5). *Се Азь пошлю вамъ Илію Ѳесвитянина, и означая время присовокупилъ: прежде пришествія дне Господня великаго, и просвъщеннаго.* Такъ наименовалъ день втораго пришествія; извѣщаетъ же, что содѣлаетъ пришедши великій Илія.

(6). *Иже устроитъ сердце отца къ сыну, и сердце челоуѣка ко искреннему его.* И показывая цѣль, для которой придетъ Илія прежде присовокупилъ: *да не приедѣ поражу землю въ конецъ.* Чтобы Мнѣ, нашедши всѣхъ васъ въ невѣрїи, не предать всѣхъ нескончаемому мученію, Илія придетъ прежде, возвѣститъ вамъ о Моемъ пришествїи, и убѣдитъ васъ, Іудей, безъ всякаго сомнѣнія присоединиться къ увѣровавшимъ въ Меня язычникамъ, и составить единую Мою Церковь. *Отцами* же называетъ Пророкъ Іудеевъ; какъ призванныхъ прежде, а *сынами* — язычниковъ, какъ спасенныхъ послѣ Іудеевъ. Посему; поелпку мы и нынѣ убѣждаемъ Іудеевъ къ благочестію, они же пребываютъ непокорными, завидуя нашему спасенію, то справедливо сказано у Пророка, что Илія *устроитъ сердце отца къ сыну*; потому что убѣдитъ Іудеевъ вступить въ общеніе съ нами.

Но сего достаточно не Іудеямъ только внушить страхъ, но утратить и насъ. Ибо чѣмъ большими воспользовались мы благами, тѣмъ больній отчетъ должны дать Судїѣ. Почему надлежитъ намъ быть благоуготованными на оный день, чтобы, съ дерзновенїемъ представъ страшному судилищу, насладиться обѣтованными благами. А я умоляю читающихъ труды Мой, за сказанное право и хорошо воспѣснословить несозданную Троицу; потому

что Ея даръ — въдѣніе, какъ говоритъ и блаженный Давидъ: *учай челоуька разуму* (Псал. 93, 10.); а если какое-либо пророческое изреченіе превысило мое разумьніе; — простить мнѣ немощь естества, восполнить недостающее, похвалить же намѣреніе, а за труды воздать молитвами. Податель благъ, источникъ премудрости, и писателю, и читателямъ, да дастъ во всемъ разумъ, чтобы, безъ развлеченія работая Ему, прославлять намъ Его и тѣломъ и духомъ нашимъ; потому что Ему подобаеъ слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

ДЕСЯТЬ СЛОВЪ

О ПРОМЫСЛѢ.

С Л О В О 1.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПРОМЫСЛА, ЗАИМСТВОВАННОЕ ИЗЪ РАЗ-
СМОТРѢНІЯ НЕБА, ЛУНЫ И ПРОЧИХЪ ЗВѢЗДЪ.

Съ самую природою вложенъ въ людей законъ, чтобы дѣти заступались за обиженныхъ отцевъ, и слуги за господъ, также граждане подвергали себя опасности за одолюваемые врагами города, и однимъ словомъ, чтобы облагодѣтельствованные, по мѣрѣ силъ, воздавали долгъ свой благодѣтелямъ. Видимъ же, что и царя, который подданными управляетъ прямодушно и справедливо, и власть срастворляетъ кротостію, и щитоносцы и копьеносцы его защищаютъ на войнѣ усердно. И никто да не дѣлаеть мнѣ неосновательнаго возраженія, да не уличаетъ слова моего во лжи, выставляя на видъ отцеубійць, людей негодныхъ, предателей, мучителей; потому что у насъ рѣчь о соблюдающихъ законъ; тѣхъ же обыкли мы называть неблагодарными и

Θεοδ. Ч. V.

преступниками; и они понесутъ достойное за свои проступки наказаніе.

Если же сама природа узаконяетъ, подвергать себя опасности дѣтямъ за отцевъ, слугамъ за господь, гражданамъ за города, оружепосцамъ за царей; тѣмъ паче и свято и справедливо намъ, которые созданы и спасены Богомъ, не словомъ только подвизаться за Бога, но даже принять самую мучительную смерть; потому что Богъ и отцевъ къ намъ ближе (по Его милости называются и они отцами); и господство принадлежитъ Ему въ смыслъ болѣе собственномъ, нежели господамъ (Его господство надъ рабами по естеству, а не по несчастному какому-либо случаю); и Онъ надежнѣе всякой стѣны (стѣна, будь она адамантовая, есть дѣло рукъ человѣческихъ, и если устоитъ противъ стѣнобитныхъ орудій, то не избѣжитъ рукъ времени, а Богъ нескончаемъ и вѣченъ, вседостаточно для всякаго охраненія и огражденія); и царей Онъ столько царственнѣе, сколько вѣчно сущее, сравниваемое съ сотвореннымъ и тлѣннымъ, оказываетъ въ себѣ безмѣрное превосходство (Богъ всегда существуетъ, и съ самымъ бытіемъ нераздѣльно Его могущество, а царь отъ Него заимствуетъ и бытіе и могущество, и могущество Его и не надолго и надъ темными, а не надъ всѣми, причастными того же естества). Итакъ, поелику Богъ и отцевъ къ намъ ближе, и господь господственнѣе, и всякихъ благодѣтелей промыслительнѣе, и всякой стѣны надежнѣе, и всѣхъ царей безмѣрно царственнѣе; то справедливость требуетъ, чтобы мы, отъ Него пріятшіе бытіе и причастив-

шієся благобытія, ополчили уста свои противъ устенъ, отваживающихся хулить Его, и словомъ благочестія поражали слово злочестія; не съ тою мыслию, что мы окажемъ симъ помощь свою имъ-ющому въ ней пужду (Творецъ всѣхъ ни въ чемъ не пуждается, не требуетъ помощи отъ устъ скупельныхъ, но похваляетъ уста Его пѣснословящія, вознаграждаетъ уста за Него подвизающіяся, увѣнчиваетъ уста, обличающія ложь); но съ тою мыслию, что выразимъ тѣмъ свою къ Нему преданность, и если мы въ силахъ, низложимъ дерзость подобныхъ намъ рабовъ, а если не въ силахъ, то по крайней мѣрѣ, изобличимъ ее, и содѣлаемъ явною для незнающихъ.

Полчища предающихся злочестію многочисленны и разнообразны, и стрѣлы хулы различны; потому что ложь многочастна и разнovidна, а льгота истины проста. Такъ толпа пѣнтовъ, раздѣливъ Божество въ понятіи на множество, срастворивъ ложь пріятнымъ баснословіемъ и какъ бы приготовивъ нѣкій растворъ, упоила людей прелестію многобожія. Другая же толпа, ограничивъ лобомудріе бѣлымъ плащемъ, длинною бородою и неостриженными на головѣ волосами, и усматривая, какъ смѣшно богословіе пѣнтовъ, измыслила нныя стези заблужденія, ведущія въ одну съ пѣнтами бездну; потому что, одни срамныя сказанія пѣнтовъ о богахъ прикрыли изяществомъ слова и тонкостію мыслей, другіе же придали божескія именованія страстямъ; удовольствіе наименовали Афродитою, раздражительность — Аресомъ, упоеніе — Діонисомъ, татьбу — Гермесомъ, благора-

зуміе — Лейной, и все сему подобное передавая съ надменнымъ челомъ и съ аттическимъ сладкорѣчіемъ, многихъ людей ввели въ другой по виду обманъ. Общавшіеся любомудрствовать, своею наружностію приобрѣтающіе себѣ общесе у всѣхъ почете, требующіе владычества надъ страстями, заставили и убѣдили людей поклоняться страстямъ, такъ что обуздатель страстей, самовластитель умъ, сталъ несмысленно приносить жертвы похоти, раздражительности, татѣбѣ, пїянству и другимъ страстямъ. А еще иные, будучи не въ состояніи представлять въ мысли что-либо кромѣ видимаго, но заключивъ умъ въ одномъ чувственномъ, назвали богами, что подлежитъ зрѣнію очей; и досточтимое имя, приводящее въ трепетъ слышащихъ оное, одни придали стихіямъ, а другіе ихъ частямъ. Одни утверждали, что міръ произошелъ самослучайно, другіе вмѣсто одного міра вообразили многіе міры. Одни говорили, что вовсе нѣтъ Божества, другіе, что, хотя и есть, но не имѣетъ попеченія ни о чемъ существующемъ, иные же, что, хотя и имѣетъ попеченіе, но весьма малое, и промысль ограничивается луною, остальная же часть міра влечется неизвѣстно чѣмъ, принужденная покорствовать необходимой судьбѣ.

Даже и изъ тѣхъ, которые носятъ на себѣ имя христіанъ, иные прямо востаютъ противъ догматовъ истины. Ибо одни разсѣкаютъ нерожденное на три части, и одну называютъ добромъ, другую — зломъ, третію — правдою; другіе изображаютъ словомъ два нерожденных начала, прямо одно другому противоположныя; иные же даютъ

слово противоборствовать симъ злочестивымъ ученіямъ, и измышляютъ новый путь злочестія. Ибо единокровное Божіе слово, исповѣдуя Сыномъ, какъ создаше соприсчисляють къ твари, и Творца ставятъ на ряду съ тварию, и Духа Святаго злочестивымъ словомъ своимъ исключаютъ изъ естества Божія. А иные, потерявъ прямой путь, и не восхотѣвъ идти по слѣдамъ предшественниковъ, инымъ образомъ удалились отъ истины. Одни вовсе отрицали совершившееся ради насъ домостройство; другіе же исповѣдуютъ, что Богъ Слово, хотя вочловѣчился, но воспринялъ на Себя одно тѣло. Иные воспріятую плоть называютъ одушевленной, но отрицаютъ, чтобы въ ней была словесная и разумная душа, въ доказательство сего принимая, можетъ быть, собственное свое неразуміе; тогда какъ мы не знаемъ никакой другой въ человѣкѣ души кромѣ разумной и безсмертной.

Но на сей разъ оставляемъ всѣхъ прочихъ; потому что слово, какъ бываетъ и во время битвы, не можетъ бросать стрѣль обличенія вдругъ во всѣхъ. Поэтому всѣ другія полчища злочестивыхъ пусть остаются въ покоѣ; изведши же на среду одинъ полкъ нападающихъ на Промыслъ Божій, — его будемъ поражать обличеніями, его постараемся привести въ разстройство, пробиться сквозь густые ряды его, увести изъ него пльшниковъ и привлечь всякій разумъ въ послушаніе Христово (2 Кор. 10, 5.). Прочее же сборище злочестивыхъ пусть остается въ ряду зрителей, и смотритъ на сію борьбу. Ибо, вѣроятно, каждый изъ

оныхъ рядовъ не потребуеть особеннаго съ нимъ состязанія ; но увидѣвъ пораженіе однихъ, и разумѣвъ силу истины; и прочіе перейдутъ на сторону истины. А можетъ быть, слово сіе, идя медленнымъ шагомъ, затронетъ и тѣхъ, кто нынѣ слушаетъ, и кто въ послѣдствіи будетъ читать. Поэтому, облекшиеш во вся оружія Духа, въ броня правды, щитъ вѣры, и обувше нозь во уготованіе благовѣствованія мира: *надѣвьми же восприимше мечъ духовный, иже есть глаголь Божій* (Ефес. 6, 15. 16.), вступимъ въ борьбу, и да возгремитъ божественная труба въ подкрѣпленіе немощи нашей. Мы же, ставъ у самой ограды, спросимъ противниковъ, почему прекословятъ они учению о Промыслѣ, и притомъ, когда сами говорятъ, что есть у нихъ Творецъ, потому что къ нимъ теперь будетъ слово наше.

По какой причинѣ ввергаетесь въ это нечестіе ? Чтѣ изъ видимаго вами кажется не благообразнымъ ? Чтѣ изъ сотвореннаго усматриваете безпорядочнымъ ? Въ какой части творенія не достаетъ стройности ? Въ какой есть недостатокъ красоты или величія ? Какая часть твари несообразнымъ движеніемъ своимъ породила у насъ сіе нечестіе ? Теперь по крайней мѣрѣ, если не хотѣли прежде, разсмотрите естество, положеніе, порядокъ, состояніе, движеніе, соразмѣрность, стройность, изящество, красоту, величину, пользу, пріятность, разнообразіе, измѣненіе, потомъ возвращеніе въ прежній видъ, и всякое возможное только въ тлѣнномъ, постоянство Смотрите, какъ Божій Промыслъ изъ каждой части творенія самъ прини-

каетъ на васъ, дастъ себя видѣть, вѣщаетъ и едва не вопіетъ вамъ самою дѣйствительною, и заграждаетъ дерзкіе уста ваши, и обуздываетъ необузданный языкъ вашъ. Смотрите, онъ видѣнъ въ небѣ и въ небесныхъ свѣтилахъ т. е. въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ; виденъ въ воздухѣ, въ облакахъ, и на сушѣ, и на морѣ, во всемъ, что на землѣ; видѣнъ въ растеніяхъ, злакахъ, и сѣменахъ; видѣнъ въ животныхъ словесныхъ и безсловесныхъ, ходящихъ, летающихъ и плавающихъ, пресмыкающихся, водоземныхъ, кроткихъ и свирѣпыхъ, ручныхъ и неукротимыхъ.

Разсудите сами съ собою: кто поддерживаетъ небесные своды? Какъ столько тысячъ лѣтъ небо пребыло не старѣющимъ, и никакой перемѣны не произвело въ немъ время, хотя по природѣ небо удобоизмѣнимо, какъ поучаетъ блаженный Давидъ. *Та погибнуть, говоритъ онъ, о небесахъ, Ты же пребываеши: и вся яко риза обетшаютъ, и яко одежду свѣеши я, и измѣнятся. Ты же тойжде еси, и лѣта Твоя не оскудѣютъ* (Исал. 101, 27 — 28.). Однако же, имѣя удобоизмѣнимую и тлѣнную сущность, пребыло оно въ одинаковомъ состояніи, поддерживаемое словомъ Сотворшаго; потому что создавшее его Слово хранитъ и поддерживаетъ его, и, пока угодно сему слову, даетъ ему постоянство и прочность. Посему-то проносится по небу огонь, разумью солнце, луну и прочія свѣтила, но, въ продолженіе столькихъ годовыхъ круговращеній, оно не расплавляется, не изсыхаетъ, не стараетъ, хотя огненное естество пріяло отъ Сотворшаго силу производить все это

потому что золото, серебро, мѣдь, свинецъ, олово, воскъ, смолу и все сему подобное, огонь плавить и разрѣшаетъ, превращаетъ въ естество текучее, а грязь и водами наполненныя болота, истощивъ ихъ влажность, сушить, камни же разваряетъ, отнимаетъ у нихъ твердость, и самое плотное естество превращаетъ въ прахъ; наконецъ дерева, траву, солому мгновенно сожигаетъ. Но ничего подобнаго не претерпѣваетъ небо; потому что все это обиліе огня не расплавляетъ его кристалловиднаго состава, не портитъ гладкости, не дѣлаетъ впадинъ на шарообразной поверхности; напротивъ того, въ какое состояніе приведено оно въ началѣ, такое и сохраняетъ до конца. *Поставивый его яко камару, Тотъ, Кто простеръ е, яко скинью обитати* (Иса. 40, 22.),—привелъ въ содружество естества противоположныя. И естество огненное не угашается множествомъ водъ, кристалловидный, или воздушный, или облачный составъ неба не таетъ и не повреждается при чрезмѣрномъ обиліи огня, но огонь и вода, оставаясь въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, скрываютъ враждебныя силы, и покорившись Слову Сотворшаго, на вѣкъ заключили между собою дружество; и хотя не одушевлены, не имѣютъ правителя ума, однако же неизмѣнно сохраняютъ первоначальный уставъ. Ибо Творецъ править тварію; будучи Самъ и кораблестроителемъ и производителемъ вещества, не оставляетъ безъ управленія устроенной Имъ ладіи, вмѣстѣ и вещество. Онъ создалъ, и ладію соорудилъ, и не перестаетъ править кормиломъ. О семъ свидѣтельствуютъ кругъ столькихъ лѣтъ и самое

продолжительное время, которыя не повредили ладіи, но цѣлою и неприкосновенною представляютъ ее не только первымъ, но и позднимъ родамъ.

А теперь, когда увидѣлъ ты, другъ, въ небѣ являемый Божій Промыслъ, поведемъ тебя къ обзорѣню прочихъ частей твари, и, какъ дѣтей, начинающихъ только ходить, взявъ за руку, заставимъ обойти постепенно все твореніе. Поэтому сойди съ неба, какъ бы на первую нѣкую ступень — къ солнцу; не бойся попаленія, но взойди, и осматривай; не сожжетъ оно тебя, исполненнаго благопризнательности къ Творцу, но укажетъ тебѣ Зиждителя, Который повелѣваетъ ему силу естества употреблять на противоположное дѣйствіе. Огонь по природѣ обыкновенно стремится вверхъ, какъ вода течетъ по скату внизъ. Не возможно, какъ воду провести изъ-подъ горы на вершину горы, такъ заставить огонь обратить пламень свой внизъ; но если кто, держа свѣчу или факель, тысячу разъ употребитъ усиліе обращаться рукою внизъ, пламень снова подниматься будетъ вверхъ, и устремляться къ держащей свѣчу рукъ, и не перемѣнитъ стремленія, какое получилъ въ началѣ, но вѣрнымъ останется уставамъ естества. Творцу же все не трудно. Чтò не послушно твоей рукъ, то покорно мановеніямъ Зиждителя. И можемъ видѣть, что солнце, луна, и сонмъ звѣздъ хребетъ свой обращаютъ къ небу, а лучи свои издаютъ внизъ; потому что они служебны Сотворшему, и уставъ Создавшаго — для нихъ естество. Тебѣ не покоряется естество огня, и не оставляетъ свойственной ему дѣятельности, потому

что сослужебно тебѣ; повинуюсь же мановеніямъ Творца, оно измѣняется, и естество стремящесся вверхъ дѣлается устремляющимся внизъ. Такъ и водное естество, текучее и не имѣющее плотности, Творецъ возводитъ и возноситъ ввыспрь, и привлекая спизу, ставитъ среди неба и земли, ничѣмъ не подпираемое, но подъеваемое и держимое единымъ словомъ.

Но пока удержишься отъ желанія услышать что-либо объ облакахъ, и отъ охоты идти впередъ, не научившись еще ходить: постепенно же обходя тварь, изучай стезю благочестія. Но и здѣсь усматривай Божій Промыслъ, который бодрствуетъ надъ солнцемъ, луною и другими свѣтилами, и какъ бы гласомъ какимъ повелѣваетъ имъ освѣщать людей, и не просто освѣщать, но вмѣстѣ служить къ раздѣленію времени; потому что солнце, восходя, производитъ день, а заходя и какъ бы скрываясь, уступаетъ мѣсто ночи, темноту которой Звждитель растворяетъ свѣтомъ луны и звѣздъ. И можешь видѣть, что какъ бы братъ и сестра, разумью день и ночь, на потребу людямъ другъ у друга берутъ въ заемъ время, и съ благодарностію опять возвращаютъ назадъ. Съ прохожденіемъ зимы, и съ первыми лучами весны, когда у людей всего болѣе трудовъ по промышленности, путешествій, отлучекъ, отправленій изъ пристаней, когда море дѣлается спокойнымъ и свободнымъ отъ зимней суровости, земля, украшаясь жатвами, призываетъ земледѣльца къ прилежной работѣ, а растенія приглашаютъ садовника къ обрѣзыванію, орошенію, и къ окапыванію заступомъ: тогда день

береть въ засмѣ у ночи, увеличивая для людей время дѣятельности, береть же по немногу, чтобы внезапнымъ приращеніемъ не сдѣлать вреда пользующимся; потому что внезапно увеличенный трудъ крайне вреденъ тѣламъ, долгое время остававшимся въ недѣятельности. Поэтому-то день по немногу принимаетъ приращеніе. Когда же лѣто достигаетъ средины, засмѣ прекращается, и немедленно начнается уплата; и она не въ одинъ производится день, но также по немногу, какъ было взимаемо, и возвращается, что взято. Потомъ осенью, когда день сдѣлается равнымъ ночи, не стыдится онъ умалиться, никакъ не соглашается удержать что-либо принадлежащее сестрѣ, трудящейся съ нимъ подъ однимъ игомъ, но пока не уплатить всего долга, не перестаетъ убывать, и оказывать долговременную услугу людямъ; потому что, когда, по причинѣ стужи, дождя, грязи, принуждены бываютъ оставаться дома, ночь для нихъ пріятнѣе дня; а есть и такіе, что, когда ночь сдѣлается столько длинною, не знаютъ сытости въ отдохновеніи, но негодуютъ, увидѣвъ разсвѣтъ утра. Такъ и ночь, взявъ долгъ, не отказывается дать снова въ засмѣ.

Такъ во дняхъ и ночахъ проходитъ вся наша жизнь, и ночь доставляетъ людямъ не меньшую пользу, какъ и день. И во-первыхъ разность тмы и свѣта дѣлаетъ для насъ болѣе пріятнымъ и восхитительнымъ свѣтъ. Поэтому утро вождельнѣе для насъ полудня. Пресытившись свѣтомъ въ продолженіе дня, имѣемъ нужду въ ночномъ упокоеніи. Потомъ, пока длится ночь, пресыщеніе наше про-

ходить, и свѣтъ снова дѣлается для насъ любезнымъ. Такъ, и трудами насытившись въ продолженіе дня, утомленное тѣло успокоиваемъ ночью; и хорошо уврачевавъ его постелью, спомъ, тишиною, на зарѣ, какъ обновленное, опять посвящаемъ на дѣла. Столько великой пользы доставляетъ намъ почь. Въ продолженіе ея успокоивается насмникъ, и слуга имѣетъ отдыхъ отъ трудовъ. Почь и ся темнота даже крайне трудолюбивыхъ заставляеть прекращать работу. Уважали ее не рѣдко и сражающіеся; побѣждающіе и преслѣдующіе противниковъ, увидѣвъ приближеніе почи, прекращали преслѣдованіе, и спасающимся бѣгствомъ позволяли бѣжать съ меньшею скоростію. Почь, какъ людей собираеть въ дома, и приносить имъ сладкій сонъ, такъ звѣрей выводитъ на добычу, и придаетъ имъ смѣлость искать себѣ корма. За сіе-то великій Давидъ, пѣснословя Бога всяческихъ, взываетъ: *сотворилъ есть луноу во времена: солнце позна западъ свой. Положилъ еси тму, и бысть ноцъ: въ ней же пройдутъ вси звѣріе дубравніи: скимни рыкающіи восхитити, и зыскати отъ Бога пищу себѣ. Возсія солнце, и собрашася, и въ ложахъ своихъ лягутъ. Изыдетъ человекъ на дѣло свое и на дѣланіе свое до вечера* (Псал. 103, 19 — 23.). Посему почь доставляетъ и ту пользу, что и людей упокоиваетъ, и звѣрямъ даетъ не боязненно снискивать себѣ пищу.

Но, можетъ быть, кто-либо изъ отрицающихъ Промыслъ скажетъ: для чего созданы звѣри? какая отъ нихъ польза людямъ? Но что и въ разсужденіи сего можно сказать въ доказательство

Промысла, то пойдетъ себѣ мѣсто въ словѣ о звѣряхъ ; а до тѣхъ поръ пусть наше слово идетъ своимъ путемъ. Поэтому, думаю, и сказаннаго достаточно къ вразумленію , что потребность почти необходима и крайне полезна людямъ. Однако же слово сіе присовокупить и нѣчто иное въ подтвержденіе сказаннаго прежде.

Послику имѣемъ мы естество смертное, и время жизни нашей ограничено ; то надобно намъ изучать и мѣры времени. Посему ночь, занимая средину между двухъ дней, служитъ къ измѣренію времени. Если бы свѣтъ пребывалъ непрерывно ; то не могли бы мы знать годовыхъ круговращеній и изучать число мѣсяцевъ ; но казалась бы намъ мѣра всего настоящаго вѣка однимъ днемъ, чѣмъ, какъ вѣруемъ, и будетъ для насъ вѣкъ ожидаемый ; потому что, какъ научены мы, день оный будетъ невечерній и совершенно непрерывный. И такой вѣкъ приличенъ тѣмъ, которые будутъ бессмертны. Въ вѣкъ же настоящемъ , по причинѣ естества смертнаго и временнаго, имѣющимъ нужду во множествѣ должно знать мѣры времени, чтобы, видя теченіе онаго, прилагать попеченіе о себѣ самихъ, и быть готовыми къ преселенію. Посему ночь, по пресмству слѣдуя за днемъ, дѣлается мѣрою времени, и совершивъ это семикратно, составляетъ недѣлю. Мѣру же мѣсяца заимствуемъ отъ луны ; потому что отъ нея получили онъ и названіе ; ибо и луну называютъ мѣсяцемъ. Луна, возрастая и убывая, дѣлается серповидною, половинною, двухгорбою, полною, и опять приходя видъ двухгорбой, и потомъ половинной и серпо-

видной, исполняетъ число тридцати дней безъ нѣсколькихъ часовъ. А годовою кругъ познаемъ не по мѣсяцамъ только, но и по днямъ. Ибо при началіи весны, солнце, совершая путь по самой срединѣ неба, производитъ равенство дня и ночи. Отсюда подвигаясь въ болѣе сѣверныя части востока, и тамъ восходя, умалаетъ ночи, и приращаетъ дни; сообщая же землѣ болѣе и болѣе теплоты, приводитъ въ зрѣлость плоды ея; а достигнувъ обычныхъ предѣловъ, возвращается съ сѣвера къ югу. И опять осенью устанавливаетъ равенство дня и ночи, дѣлается болѣе южнымъ, возвращаетъ ночамъ, что, заимствовавъ у нихъ, придавало днямъ; воздуху предоставляетъ сгущаться, наполняться облаками и увлаживать всю твердую землю; возвращаясь же отсюда къ равноденственному повороту, исполняетъ годовою кругъ.

Итакъ, поелику знаешь потребность солнца и луны, равномерныя преемства ночи и дня, и доставляемую тѣмъ пользу людямъ; то обрати вниманіе и на этотъ самый пріятный и полезный переходъ годовыхъ временъ. Творецъ не на двѣ равныя части раздѣлилъ годовою кругъ, не льто только и зиму далъ намъ, и мы не переходимъ непосредственно изъ одной крайности въ другую; напротивъ того весна и осень, пріявъ въ удѣлъ среднее раствореніе воздуха, составляютъ средину между стужею и жаромъ. За чрезмѣрновлажною и холодною зимою, слѣдуетъ не чрезмѣрно сухое и жаркое льто, но весна, которая, имѣя часть и лѣтней теплоты и зимняго холода, производитъ прекрасную смѣсь двухъ крайностей; и какъ бы

руками какими изъѣвъ двѣ противоположности, холодъ зимы и жаръ лѣта, сіи совершенно враждебныя качества приводитъ въ сближеніе и пріязнь. Поэтому, переходя отъ зимы къ лѣту, идемъ безпечально, потому что, постепенно удаляясь отъ зимняго холода и приближаясь къ лѣтней теплотѣ, не терпимъ никакого вреда отъ внезапной перемены. Такъ переходимъ и отъ лѣта къ зимѣ, при посредствѣ осени, которая не попускаетъ, чтобы двѣ чрезмѣрныя противоположности вдругъ къ намъ прикасались, но срастворяетъ крайнюю теплоту съ крайнимъ холодомъ, производитъ новую смѣсь, и понемногу вводитъ насъ въ оную крайность. Такова-то попечительность о насъ Сотворившаго! Такъ и переменами годовыхъ временъ достигаетъ того, что мы не только не терпимъ скорби, но и чувствуемъ пріятность.

Но, можетъ быть, какой-либо неблагодарный, оуждая то, что совершается такъ хорошо, и устроено такъ премудро и полезно, скажетъ: для чего бываютъ перемены года? какую пользу доставляютъ намъ сіи переходы годовыхъ временъ? Но скажи, мудрый и сильный обвинитель Промысла, какія блага получаемъ мы не чрезъ нихъ? При началѣ зимы ввергаемъ въ землю сѣмена; а Научившій насъ сему искусству питаетъ ихъ, орошая изъ облаковъ, для чего единымъ словомъ Своимъ подъемле ъ воду морскую, возводитъ ввыспрь, превращаетъ соленость ея въ сладость, дѣлитъ ее на капли, и испускаетъ на землю то мелкими, то крупными какъ ливень ниспадающими, каплями, какъ бы рѣшетомъ какимъ просѣвая сіи порож-

денія облаковъ. Такъ зимнее время года служить къ тому, чтобы пропитать тебя неблагодарнаго, чтобы тебѣ непризнательному заготовить на потребу самое необходимое. При началѣ опять весны, земледѣльцы, — одни обрѣзываютъ старыя виноградныя лозы, другіе сажаютъ новыя, — и взлѣянные теплотою воздуха спѣшатъ онѣ оказаться плодоносными. А когда наступаетъ середина лѣта, и солнце сильно нагрѣетъ воздухъ; пшеница призываетъ земледѣльца къ жатвѣ, грозды чернѣютъ, оливы гнутся отъ тяжести наливающихся плодовъ, и созрѣваютъ разные роды овощей. Наступившая потомъ осень все это совершенно зрѣлымъ передаетъ насадившимъ, которые, окончивъ сборъ плодовъ, снова приступаютъ къ посѣву. Поэтому перестань выказывать свою неблагодарность, стараясь дары Промысла обращать въ хулу Промыслу, и данными благами уязвлять ихъ подателя. Во всемъ сказанномъ нами дознай Божій Промыслъ, Который распоряжается и править тобою, изготовляетъ тебѣ обиліе всѣхъ благъ.

Обрати вниманіе и на природу, положеніе, порядокъ звѣздъ, на ихъ разнообразіе, пріятность, пользу, круговращеніе, восхожденія и захожденія. Сотворилъ ихъ Создатель всяческихъ не для того только, чтобы освѣщать ими ночную темноту и въ безлунную ночь доставлять людямъ потребный свѣтъ, но чтобы и руководить путника, указывать путь плавающимъ; потому что, смотря на нихъ, мореходцы идутъ непротоптанною стезею, и наблюдая ихъ положеніе, направляютъ ладію и достигаютъ желанныхъ пристаней. Поелику водное

естество не принимаетъ на себя ни слѣда отъ коней, ословъ, мсковъ и пѣшеходовъ, ни колен отъ колесницъ, смотря на которые могли бы путешественники несомнѣнно совершать путь: то персплывающимъ обширныя моря Владыка всяческихъ, какъ бы нѣкими слѣдами на морскихъ сте- зяхъ, далъ положеніе звѣздъ. Какое неизреченное челоуѣколюбіе! Какая неизглаголанная премудрость! Кто достойно подивится благодати, могуществу Божія Промысла, Его благопоспѣшенію въ затрудне- ніяхъ, удобоисполненію представляющагося невоз- можнымъ, величію, легкости дѣла сего? Подлинно удивися разумъ Твой отъ мене: утвердися, не возмогу къ нему (Пс. 138, 6.), воскликну и я. А если и ты послушаешься меня, то возгласишь то- же самое, по мѣрѣ силъ воспрославивъ Благодѣ- теля, и видя на себѣ тысячи Его благодѣній не перестанешь выражать Ему свою признательность.

Но чтобы тебя, начавшаго только ходить, за- ставивъ совершить дальній путь, не довести до утомленія, остановимся пока на семъ, и оставимъ тебя разсматривать Божій Промыслъ, открываю- щійся въ небѣ и небесныхъ свѣтлахъ. Ибо, вѣ- роятно, по сему руководству самъ ты продолжишь разсмотрѣніе, и чего ради краткости не коснулось слово, то найдешь изъ сказаннаго, и воскликнешь съ Пророкомъ: яко возвеличишася дѣла Твоя Господи: вся премудростію сотворилъ еси (Псал. 103, 24.)! Тебѣ слава, и честь, и поклоненіе во вѣки! Аминь.

С Л О В О 2.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО, ЗАИМСТВУЕМОЕ ИЗЪ РАЗСМОТРѢНІЯ
ВОЗДУХА, ЗЕМЛИ, МОРЯ, РѢКЪ И ИСТОЧНИКОВЪ.

Невѣрующіе, что есть бразды Промысла, и крайне безразсудно утверждающіе, что міръ сей, — небо и земля, съ такою стройностію и въ такомъ порядкѣ движется безъ Браздодержца, мнѣ кажется, подобны человѣку, который сидитъ на кораблѣ, переплываетъ море, видитъ, какъ кормчій, взявшись за кормило, поворачиваетъ руль, куда нужно, то наклоняетъ вправо, то обращаетъ влѣво, и направляетъ ладню къ желасмой имъ пристани, но, утверждая явную ложь, и открыто споря противъ истины, станеть отрицать, что на кораблѣ стоитъ кормчій, что у ладни есть руль, что направляется она движеніемъ кормила, а не сама собою несется, преодолеваетъ стремленіе волнъ, преоборааетъ прираженіе вѣтровъ, не имѣя пужды, ни въ помощи мореходцевъ, ни въ кормчемъ, который бы для общей всѣхъ пользы отдавалъ приказы гребцамъ. Ибо и они ясно и со всею очевидностію усматриваютъ, что общій всѣхъ Владыка правитъ созданною Имъ тварію, все ведетъ и движетъ чинно и въ порядкѣ, видятъ надлежащую стройность во всемъ, что совершается, вмѣстѣ красоту и пользу въ каждомъ созданіи, и совокупное проявленіе той и другой въ каждой

части созданія, и произвольно слѣпотствуютъ, лучше же сказать, взирая на это, предаются безстыдству, пріемля дары Промысла, издѣваются надъ тѣмъ, что пріемлютъ, и чѣмъ пользуются, за то самое встаютъ противъ Попечителя. Поэтому, если бы пожелали съ признательностію выслушать и вчера сказанное нами о небѣ, солнцѣ, лунѣ и прочихъ свѣтилахъ; то и сего было бы достаточно, чтобы убѣдить ихъ уцѣломудриться и прославить Благодѣтеля. Но чтобы кто изъ полагающихъ предѣломъ Промысла луну, утверждающихъ, что до нея только простирается Промысль, и представляющихъ оный весьма малозначительнымъ, краткость слова не обратилъ для себя въ поводъ къ хуль, снова низведемъ тебя, любезный, съ неба по воздуху на землю, и какъ въ предыдущій день, вода тебя опять шагъ за шагомъ, покажемъ, что и въ малѣйшихъ частяхъ твари для желающихъ быть внимательными и виденъ и открытъ сей Промысль, и однимъ словомъ, всѣ пріявшіе естество тварнос, и вообще и въ частности, всегда о немъ свидѣтельствуютъ.

Поэтому, идя по порядку, изслѣдуемъ естество воздуха, сколько онъ тонокъ и неуловимъ, какъ легко разбѣгается, и имѣетъ нужду въ чемъ-либо сдерживающемъ. Почему Творецъ всяческихъ, создавъ небо и землю, разлилъ воздухъ въ среднѣ между ними и сими двумя тѣлами соорудилъ для него незыблемую стѣну, а его содѣлалъ содѣйственникомъ жизни для тѣлъ одушевленныхъ, пребывающихъ между небомъ и землею. Ибо и мы люди живемъ, имъ дыша, и изъ животныхъ без-

словесныхъ, птицы, пресмыкающіяся, земноводныя его имѣютъ содѣйственникомъ жизни. А приводимый въ движеніе воздухъ доставляетъ намъ вѣяніе вѣтровъ, сгущаемый же посылаетъ землю изъ облаковъ орошеніе. И свѣтъ, его употребляя вмѣсто колесницы, услаждаетъ взоры смотрящихъ. Воздухъ, какъ посредникъ между солнцемъ и землею, умѣряетъ сильное дѣйствіе солнечнаго луча, и своею влажностію и холодностію ослабляя его сухость и знойность, наслажденіе свѣтомъ дѣлаетъ для насъ неболезненнымъ. Но чтобы не почитать тебѣ воздухъ виновникомъ сихъ благъ, познай, какъ и его немѣрность сокращаетъ теплота солнца. Ибо никто не вынесъ бы неумѣряемой сею теплотою холодности воздуха; и свидѣтель сему—зимнее время года; потому что въ это время года солнце, удаляясь къ южному полюсу, и оставляя сѣверныя и среднія страны, позволяетъ воздуху невозвратно употреблять въ дѣйствіе силу своего естества. Почему не истощается уже болѣе солнечною теплотою, но сгущаясь доходить до преизбыточества, даетъ изъ себя проливный дождь, вспѣнивая его сильнымъ прираженіемъ вѣтровъ, сгущаетъ въ снѣгъ и градъ, и изъ чистаго неба каплющую росу, сгустивъ легкимъ вѣяніемъ, своею холодностію превращаетъ въ иней, и повергаетъ на землю; и сіе производитъ, хотя издали, однако же согрѣваемый солнцемъ. Но и изъ сего можно въ точности дознать Божию промыслительность. Поелику много великой пользы отъ стихій, и сверхъ пользы, велика ихъ красота, и изящество ихъ несказанно; то Всепремудрый устроилъ такъ,

что отъ нихъ же бываетъ и представляющесся намъ скорбнымъ, во увѣреніе наше, что внѣ не боги, но созданія Божіи, такъ направляемыя и пу-теводимыя, какъ угодно сіе Богу. По сей-то при-чинѣ воздухъ, —этотъ содѣйственникъ нашей жиз-ни, —вдыхая который, всѣ мы живемъ, это обще сокровище бѣдныхъ и надмѣвающихся богатствомъ, слугъ и господъ, простолюдиновъ и царей, кото-раго не больше, чѣмъ и бѣдный, вдыхаютъ укра-шающіеся багряницею, и который въ равной мѣрѣ, сообразно съ потребностію въ немъ, удѣленъ все-му естеству человѣческому, — этотъ воздухъ не только увеселяетъ насъ вдыханіемъ его, дуновені-емъ вѣтра, и подаваніемъ дождя, но и беспокоитъ стужею, научая тѣмъ насъ, что недостаточно его одного для оживотворенія и служенія существамъ живымъ.

Такъ и солнце не только веселитъ насъ припра-женіемъ лучей, и учитъ различію видимыхъ тѣлъ, ихъ величинъ и цвѣтовъ, но и беспокоитъ зной-нымъ прираженіемъ тѣхъ же лучей. И если бы Браздодержецъ вселенной не посылалъ намъ про-хладныхъ вѣяній, приводя въ движеніе воздухъ; — это солнце, которому поклонялись несмысленные, совершенно попало бы все, и отъяло бы жизнь у поклоняющихся. По этому ни одна изъ стихій сама по себѣ не даетъ жизни, да и всѣ оны, сра-створенныя вмѣстѣ, безъ управляющей ими силы, не бываютъ причиною какого-либо блага. И слу-чается видѣть, что иногда воздухъ былъ благо-растворенный, во время испосылался землѣ дож-ди, солнце не беспокоило своими лучами, не на-

рушали порядка дуновенія вѣтровъ, земледѣльцы тщательно обработали землю, по обычаю вложивъ въ нее сѣмена: но и земля не воздала съ призна- тельностію плодовъ, и родъ человѣческой не пре- былъ безъ болѣзней. Дѣлаетъ же это Правитель всяческихъ, убѣждая насъ, не возлагать упованія на тварь и не ее почитать причиною благъ, но вѣровать въ Создателя.

Итакъ поелику видѣлъ ты, что воздухъ поль- зуется промыслительностію Божіею, и по оной, въ продолженіе столькихъ тысячъ лѣтъ, остается до- статочнымъ, не издерживается дышущими живыми существами, и не растекается въ объемлющихъ его собою тѣлъ; поведемъ теперь тебя на зем- лю, — сію общую кормильницу, мать и могилу — на землю, изъ которой твое тѣло скудель- ное и уста, по видѣнію Даниілову, на Творца глаголюща великая (Дан. 7, 8.). Посему, прежде всего пречега размотри ея положеніе и разно- образную наружность. Не вездѣ на ней пологость и крутизна, но дѣлится она на горы, холмы и до- лины. Иный видитъ среди великихъ долинъ стро- можденные въ высоту холмы, и между горами мѣ- ста наклонныя и ровныя, подобныя какимъ-то мор- скимъ заливамъ. И самыя горы Творецъ разста- вилъ сообразно съ потребностями человѣка, отдѣ- ливъ одну отъ другой глубокими пропастями, открылъ проходъ зимнимъ водамъ, и людямъ устроилъ удобныя пути въ мѣстахъ, по видимому, не проходимыхъ. И какъ горы доставляютъ веще- ства стронтельному искусству, такъ долины воз- даютъ за сіе жителямъ горъ обиліемъ хлѣба. Раз-

нообразіе положенія не питаетъ только людей, но и услаждаетъ ихъ взоры. Ибо однообразное обыкновенно скоро приводитъ въ пресыщеніе. Скажи же мнѣ, кто украсилъ такъ все это? Кто во все это вложилъ такую силу, что, во столько годовыхъ круговращеній, сокровище не истощилось? Кто все существующее сохраняетъ неизблѣмымъ?

Кто ускоряетъ теченіе рѣкъ? Кто побуждаетъ источники къ порожденію водъ? Смотри, какъ здѣсь бьютъ они ключемъ на вершинахъ горъ, и лютъ токи свои сверху внизъ, а тамъ, не при подошвѣ горъ являются, но доставляютъ людямъ воду изъ глубокихъ кладезей. А чтобы не подумалъ ты, будто бы водное естество само собою стремится вверхъ, Творецъ научаетъ тебя самую дѣйствительностію, что вода, покорная Божію слову, и удобно занимающая верхи горъ, когда понуждаетъ ее твое искусство, не восходитъ и на поверхность долинъ; напротивъ того роешь и углубляешь ты кладези, и пользуешься водою почерпнутою въ глубинѣ, потому что ты такой же, какъ и стихіи, Божій рабъ, а не творецъ ихъ. Но Творцу удобно поднять водное естество, не только на верхъ горы, но и въ воздушное пространство. Ему удобно воду горькую усладить, разрешенную связать, связанную разрешить, непрерывно лиющуюся раздѣлить, текущую остановить, обычно стремящуюся внизъ заставить течь вверхъ, и холодную согрѣть безъ огня. И дѣлаетъ Онъ это для тебя, неблагодарнаго, чтобы ты могъ пользоваться сими перукотворенными теплыми водами и

врачевать ими телесные недуги. И это опять уразнообразилъ Онъ для тебя приспособительно къ противоположнымъ потребностямъ; потому что однѣ воды ослабляютъ напряженныя жилы, а другія стягиваютъ и укрѣпляютъ разслабленныя; однѣ противодѣйствуютъ мокротности, другія черножелчно, пныя же иссушаютъ гнойныя струны. Столько пользы предлагаетъ тебѣ въ теплыхъ водахъ Пекущійся о тебѣ. А тебя ничто не убѣждаетъ удержаться отъ хулы; напротивъ того остаешься ты неблагодарнымъ, злословишь, страдаешь однимъ недугомъ съ манихеемъ, который, вкушая пищу и питіе, злословитъ, укоряетъ доставляющихъ ему это, и жнецовъ, и хлѣбопекарей, прокликаетъ разрѣзывающихъ хлѣбъ по поламъ, не соглашается рѣзать самъ, но ѣсть разрѣзанное. Такъ и ты, наслаждаясь столькими тысячами благъ, которыя Зиждитель каждый день предлагаетъ тебѣ въ тварн, не благодарншь Предлагающаго, злословишь, хулишь, утверждая, что не промышляетъ Онъ о существахъ Имъ сотворенныхъ.

Смотри же, въ какой несправедливости обвиняешь Его, возводя такую клевету. Для чего и сотворилъ Онъ, если не хочетъ имѣть попеченія о сотворенномъ? Да и почему не имѣетъ попеченія? По тому ли, что, хотя можетъ, но не хочетъ? Или по тому, что, хотя и хочетъ, но не можетъ? Но что можетъ, свидѣтельствуетъ о семъ все сотворенное. Ибо какъ произвелъ бы это величіе, эту красоту и стройность видимаго, не имѣя силы соразмѣрной пзволенію? Какъ привелъ бы въ общеніе и взаимный союзъ вещи несходящіяся, во-

ду и огонь, день и почь, и изъ всего содѣлалъ одно стройное и согласное цѣлое, если бы не могъ промышлять? Ибо привести въ бытіе изъ ничего гораздо важнѣе, нежели промышлять о существующемъ. Итакъ, что можетъ Онъ, свидѣтель тому—тварь; а что хочеть, о томъ она же опять свидѣтельствуеть. Ибо не другимъ кѣмъ припуждаемый—приступилъ къ созиданію, и не потому, что имѣлъ нужду въ твари, произвелъ ее. Но какъ благій, поелику благость Его превосходитъ всякую мѣру, восхотѣлъ даровать бытіе и не существующимъ. Оказавшій же столько благости къ несуществующему, возперадить ли о сотворенномъ? Ибо не возможно сказать, чтобы позавидовалъ Онъ сотворенному; потому что естество Его свободно и отъ зависти и отъ всякой страсти.

Но чтобы еще въ большей мѣрѣ обнаружить безсиліе сего печестія, предложимъ имъ нѣсколько вопросовъ. Скажите: почему позавидовалъ бы Онъ твари, отъ Него получившей бытіе? По причинѣ ли величія твари? Но Самъ Онъ не созданъ, безпредѣленъ, не имѣеть начала, и никогда не будетъ имѣеть конца, все Собою объемлетъ и ничѣмъ не описуемъ. Въ руку Его концы земли, и Онъ измѣрилъ рукою Своєю воду, небо пядію, и всю землю горстію (Иса. 40, 21.). Или позавидовалъ по причинѣ красоты твари? Но Имъ Самимъ произведена красота сія. И ни одинъ даже изъ самыхъ завистливыхъ людей, построивъ благолѣпный и величественный домъ, никогда не завидовалъ ему, но гордится, величается имъ, и самъ восхи-

щается, и показываетъ не выдавшимъ. А сколько красота твари ниже мысленнаго свѣта Самаго Сотворшаго, измѣритъ ли это какое-либо слово! Посему видите, до чего простерлось нечестіе? Когда самые порочные люди, не только не завидуютъ построеннымъ ими домамъ, но и крайне ими превозносятся; остается ли еще какая высшая степень нечестія для утверждающаго, что источникъ благодати, невозмущаемый никакою страстію, предается зависти? Итакъ, если и можетъ управлять кормиломъ твари, и хотеть, чтобы тварь наслаждалась всѣми благами, то очевидно, что и нечестя о ней, и бодрствуетъ, и, пріявъ бразды, править всякимъ сотвореннымъ естествомъ, и ничего не оставляетъ въ небреженіи.

А увѣрившись въ этомъ, перейди еще къ морю, разсмотри его ложе, его обширность, раздѣленіе на моря меньшія, берега, пристани, лежащія среди моря острова, живущіе въ немъ роды рыбъ, виды ихъ, тѣлесный складъ, разнообразіе, пріязнь моря съ твердою землею, плесканіе волнъ и наложенную на нихъ узду Промысла, который не даетъ имъ возможности затопить сушу, и дѣлаетъ, что волны, устремившись на песчаный берегъ, устрашаются сихъ предѣловъ, усматривая тамъ начертанный Божій законъ, подобно тому горделивому коню, который, удерживаемый уздою всадника, изгибаетъ шею, отступаетъ назадъ, и онъ какъ бы раскаяваются, что вступили въ дѣло съ пескомъ. Можно также видѣть, что моремъ приводятся въ дружеское общеніе отдѣльныя и далеко одна отъ другой лежащія части суши; потому что Тво-

рець, желая самую природою вложить въ людей единомысліе, связалъ ихъ между собою разными потребностями. Моремъ совершасмъ дальнія путешествія, у другихъ собираемъ потребное для насъ, и отдаемъ имъ за это необходимое для нихъ. Промыслитель не дозволилъ каждому удѣлу земли производить все потребное людямъ, чтобы довольство во всемъ не повредило дружбѣ; потому что пресыщеніе высокоумно, и поражаетъ неурядицу. Поэтому-то средину обитаемой земли покрываетъ море, и раздѣленное на тысячи залповъ, подобно торжищу въ большомъ какомъ-либо городѣ, предлагаетъ намъ всякое обиліе необходимаго, пріемлетъ на себя множество продавцовъ и покупателей, пересылаетъ ихъ изъ одного мѣста въ другое, и оттуда опять приводитъ въ то же мѣсто. Поелику совершать путешествія по твердой землѣ трудно, а сверхъ трудности даже и невозможно посредствомъ оныхъ удовлетворить всякой нуждѣ; то простираетъ хребетъ свой море, пріемлетъ на него и малыя и большія ладіи, и относитъ, кому нужно, огромный и необходимый грузъ. Ибо видимъ, что грузъ одного корабля переносятъ на себѣ многія тысячи выучныхъ животныхъ. Но, чтобы совершающіе путь свой моремъ не огорчались продолжительностію, Творецъ какъ нѣкія гостиницы поставилъ на немъ острова, гдѣ путники пристають, отдыхаютъ, закупаютъ потребное для нихъ, и снова отправляются, куда лежитъ имъ путь. Итакъ усрамися множества благодѣяній, рече море (Иса. 23, 4.). Тебѣ болѣе, нежели Сидону, приличны сн пророческія слова; потому что Си-

донъ, не зная Творца, на многихъ боговъ дѣлилъ Божество и дробя на части единое поклоненіе, воздавалъ оное богамъ несуществующимъ, не отрицая Промысла, но приписывая оный тѣмъ, которыхъ нѣтъ. Сидонъ не сталъ бы приносить жертвъ именуемымъ у него богами, если бы не былъ вполне увѣренъ, что они и пользу приносятъ, и вредъ отвращаютъ. А ты, освободившись отъ прелести многобожія, признавая, что всѣ видимыя существа суть Божіи твари, и покланяясь Творцу ихъ, гонишь Его отъ сотвореннаго Имъ, ставишь гдѣ-то вдали отъ твари, и утверждаешь, что необъятный этотъ міръ никѣмъ не управляется, и, подобно не оснащенной ладѣ, несется, неизвѣстно какъ и куда.

Посему, *усрамися* благодарній, оказываемыхъ тебѣ моремъ, землею, воздухомъ, солнцемъ, *усрамися* этого простертаго надъ тобою крова—неба; *усрамися* данн, какую берешь съ твари; потому что все, теперь исчисленное, приносить тебѣ дань, и какъ некую подать платитъ тѣмъ, что тебѣ потребно: солнце свѣтитъ, грѣетъ, приводя въ зрѣлость земные плоды; луна служитъ для тебя свѣтильникомъ ночью; звѣзды, когда ты на сушѣ, показываютъ тебѣ почное время, и предозначаютъ переменны годовыхъ временъ, а когда ты на морѣ, дѣлаются путеводителями къ твердой землѣ. Воздухъ, когда вдыхаешь его, прохлаждаетъ врожденную тебѣ теплоту; а когда дастъ изъ себя дождь, питаетъ плоды земледѣлія; когда производитъ стужу, прекращаетъ прозябаніе въ верхъ растений и сѣмень, растительную силу отсымасть въ корни,

и стужею, какъ нѣкимъ бичемъ, гонить внизъ стремящееся вверхъ, убиваетъ пресмыкающихся, вредныхъ растеній и съменамъ, снабжаетъ тебя породами домашнихъ птицъ. Что же должно сказать о плодахъ, доставляемыхъ землею, источниками, рѣками, морями? Пользуясь ими, ужели не приводишь себя на память Подателя? Собирая, что приносить тварь, неистовствуешь, безумствуешь, буйствуешь противъ Творца; не чувствуешь даровъ, имѣя ихъ у себя въ рукахъ, но бользнуешь прекословіемъ.

Знаю твои возраженія, но не помѣщу ихъ, и не дамъ на нихъ рѣшенія въ этомъ словѣ. Употребивъ себя въ помощь другое слово, намѣренъ я разсмотрѣніемъ сихъ возраженій доказать оспориваемый тобою Промыслъ. Поэтому, оставляя тебя здѣсь, посоветовавъ насладиться разсмотрѣніемъ сказаннаго, и отсюда извлечь пользу, воспою Правителя вселенной. Ему подобаешь слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 3.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПРОМЫСЛА, ЗАИМСТВУЕМОЕ ИЗЪ УСТРОЙСТВА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ТѢЛА.

У кого въ добромъ состояніи тѣло, тѣ не требуютъ услуги отъ врачей; потому что неповрежденное здоровье не имѣетъ нужды въ пособіи врачества. Преодолеваемые же болѣзнію имѣютъ обыкновеніе призывать на помощь врачей, и оружіе искусства употребляя въ содѣйствіе противъ недуговъ, стараются ихъ, какъ враговъ, изгонять изъ тѣла; потому что врачебное искусство тѣлу подаетъ помощь, а противъ болѣзней дѣйствуетъ непріязненно. Такъ и тотъ, у кого душа не изнемогаетъ, но стлчается здравіемъ благочестія, не нуждается въ наставническихъ врачествахъ; одержимые же лукавыми предубѣжденіями, пріавніе въ себя недугъ мерзкихъ ученій, и худое расположеніе долговременностію обратившіе для себя въ навѣкъ, имѣютъ нужду во многихъ очистительныхъ средствахъ, которыя могли бы выгнать вонъ это вредное вещество, и души содѣлать чистыми, а также нуждаются во многихъ врачествахъ, которыя бы сильно замыкали и заграждали исходы вещества сего наружу, и прекращали болѣзнь сего лукаваго порожденія.

А какъ недугъ предпріемлющихъ лишить тварь Промысла, есть самый трудный и упорный; то два уже врачества предложили мы имъ, сраство-

ривъ оныя изъ всѣхъ частей твари, но чтобы съ корнемъ истребить болѣзнь сію и совершенно освободить ихъ отъ этой тяжкой немощи, попытаемся приготовить и подать имъ и третіе врачество. Входящее же въ составъ сего врачества будемъ заимствовать не на небѣ, землѣ и морѣ, не въ солнцѣ, лунѣ и прочихъ свѣтилахъ, не въ воздухѣ, облакахъ и вѣтрахъ, не въ рѣкахъ, источникахъ и кладезяхъ, но въ самихъ предприемлющихъ изрыгать хулу. Ибо, получивъ отъ Сотворшаго уста, чтобы за благо, которыми пользуются, возносить пѣснопѣніе Подателю, не только не хотятъ прославить Его, но еще даже скверняютъ языкъ свой хулами, и безчестятъ словесный свой органъ.

А и сего одного орудія достаточно къ тому, чтобы доказать не только премудрость, но и безмѣрное челоуѣколюбіе Создателя; потому что орудіе сіе подобно органу, который составленъ изъ мѣдныхъ трубъ, надувается мѣхами, приводится въ движеніе перстами художника и издаетъ стройныя звуки. Впрочемъ, не природа у искусства, а искусство у природы научилось, какъ производить пріятныя сіи звуки; потому что образецъ для искусства — природа, а искусство — снимокъ съ природы. Посему ты, который пріямъ даръ слова, но безчестишь Почтившаго тебя сею честію, разсмотри, какъ, на подобіе мѣховъ, помѣщены внизу легкія, поднимаютъ же ихъ вверхъ не ноги челоуѣка, а окружающія ихъ въ груди мышцы, которыя ихъ сжимаютъ и разжимаютъ. Они-то дыхательнымъ горломъ возгоняютъ выдыхаемый воз-

духъ, который, будучи сгнѣтенъ, отверзаетъ язычекъ, и гортанью устремляется къ устамъ. Слово же человѣческое, какъ прабою рукою, дѣйствуетъ языкомъ, какъ къ мѣднымъ трубамъ въ органъ, прикладываетъ его къ зубамъ, и легко съ большимъ удобствомъ заставляетъ двигаться и скользить вверхъ и внизъ. Сему удобному движенію языка содѣйствуетъ лежащая подъ нимъ железа, подобно какому-то источнику, издающая изъ себя благу. Поелику напряженное движеніе сушитъ языкъ; то нужна для него умѣренная влажность, которая бы увлаживала и умягчала его, и движеніе дѣлала легкимъ. Такъ, когда слово посредствомъ языка приходитъ въ столкновеніе съ зубами, выдыхаемый воздухъ, по сказанному, стремится вонъ, губы ужимаются, внѣшній воздухъ стремленіемъ выдыхаемаго приводится въ стройное отрясеніе, тогда образуется членораздѣльный голосъ, и выдыхаемый извнутри воздухъ, уже омраченный, который природа гонитъ вонъ, какъ излишній, дѣлается колесницею слова. Поелику Зиждатель содѣлалъ сердце источникомъ природной теплоты, такъ что изъ этой части заимствуетъ теплоту цѣлое тѣло, но, заключая въ себя много теплоты, сердце имѣетъ нужду въ маломъ нѣкоемъ прохлажденіи: то Творецъ естества устроилъ, что оно охлаждается посредствомъ легкихъ. Легкія посредствомъ дыхательнаго горла совнѣ вдыхаютъ въ себя чистый воздухъ, и посредствомъ гладкой жилы передаютъ лѣвому дуплецу сердца; потому что, какъ говорятъ въ точности описавшіе это, тамъ беретъ она свое начало. Передавъ же чистый воздухъ тѣ же

легкія берутъ въ замѣнъ сдѣлавшійся омраченнѣмъ, и его какъ излишній посредствомъ дыхательнаго горла гонять опять вонъ. И это излишнее и совершенно бесполезное по волю ума, приводящаго языкъ въ соразмѣрное и стройное движеніе, дѣлается колесницею слова; и что износится изъ сердца, какъ вредное, и изгоняется легкими, то содѣйствуетъ образованію членораздѣльнаго голоса. Подлинно, *о глубина богатства, и премудрости, и разума Божія* (Рим. 11, 33.)! Подлинно, *кто возглаголетъ силы Господни: слышаны сотворитъ вся хвалы Его* (Псал. 105, 2.)? Подлинно, *возвеличишася дѣла Твоя Господи: вся премудростію сотворилъ еси* (Псал. 103, 24.)! Какое слово достаточно къ пѣснословію Создателя? Какое слово удовлетворительно изобразить созданіе насъ самихъ? Какое слово въ состояніи объяснить орудія слова? Кто достигъ такой мѣры въ мудрости, чтобы въ точности усмотрѣть премудрость Создателя? А ты, видя это и пользуясь тѣмъ, не хочешь прославить Того, Кто виновникъ всего этого, но обвиняешь еще въ перадѣній Прилагающаго всякое попеченіе о созданномъ Имъ.

Конечно, и сего одного члена достаточно, чтобы доказать попечительность Творца о семъ живомъ существѣ; потому что, содѣлавъ его словеснѣмъ, сотворилъ и орудія, необходимыя для слова. Подражая сему отчасти, искусство устроило свирѣли, составило лиры и гусли. Въмѣсто зубовъ нагнуло струны, вмѣсто губъ употребило мѣдь; а бряцало дѣлается языкомъ для струнъ. Переходъ руки отъ струны, издающей звукъ тонкій,

къ струнъ, издающей звукъ густый, подражаетъ слову, которое заставляетъ языкъ перебѣгать вверхъ и внизъ. Однако же при всей точности, видимой въ искусствѣ, слушающіе, хотя удивляются соразмѣрности и стройности въ игрѣ, но не слышать члено-раздѣльныхъ словъ; потому что искусство — подражаніе природѣ, а природа одна образуетъ членораздѣльный звукъ, такъ какъ она есть твореніе Бога, Создателя вслческихъ. Какъ искусство подражаетъ живому существу, и мѣдь или камень преобразуетъ въ человѣческой видѣ, придаетъ сему образу глаза, носъ, уста, уши, шею, руки, грудь, чрево, бедра, голени и ноги, но не въ силахъ дать ему чувства, разсудка, произвольнаго движенія. Такъ лира, гусли, и съ мѣдными трубами органъ, при надуваніи и удареніяхъ издаютъ стройный и складный звукъ, но членораздѣльный голосъ издаетъ первообразный только органъ. Ибо органъ сей есть твореніе самого Создателя, а тѣ всѣ орудія, — произведенія Создателява образа; потому что человѣкъ, какъ образъ Творца, усиливается уподобляться Творцу. И произведенія его подобны тѣнямъ, состязующимся съ дѣйствительностію, имѣютъ образъ, но лишены самостоятельности. Посему въ орудіяхъ, устроенныхъ Зиждителямъ, усматривая столько Промысла, перестань обвинять Оный въ нерадѣніи.

А чтобы и изъ устройства другихъ членовъ дознать тебѣ попечительность о насъ Создателя, поведемъ еще тебя къ самому сердцу. Послику сердце — существеннѣйшая часть тѣла, ему ввѣрено владычество надъ всѣмъ тѣломъ; то Богъ, какъ

нѣкоего царя, ограждаетъ его отовсюду, и облагаетъ его крѣпкою стѣною — грудью, чтобы ничто приражающееся совнѣ не могло удобно вредить ему. А послѣку оно въ непрестанномъ движеніи, какъ источникъ кровеносныхъ жилъ, то снизу подстлалъ подъ нимъ, какъ бы мягкую нѣкую постель, клѣтчатое, губчатое, ноздреватое, изъ жилъ сотканное тѣло легкихъ; а сверху, конусообразную вершину его содѣлавъ твердою, наложилъ перепончатую, не проницаемую и твердую оболочку. Питательное вещество доставляетъ ему не вдыхаемый только воздухъ, но и кровь. А кровь, какъ бы водопроводомъ какимъ, привлекаетъ въ себя сердце изъ частей печени кровеносною трубчатую жилую. Печень же почерпаетъ вещество сіе въ чревѣ. И чрево посредствомъ желудка привлекаетъ въ себя пищу, изрѣзанную зубами, истонченную и умягченную губами; а привлекиши въ себя, прежде всего удерживаетъ, превращаетъ въ сокъ, видоизмѣняетъ, преобразуетъ, передѣлываетъ въ нѣчто подобное себѣ самому; потомъ хорошо переваренную и видоизмѣненную правильно отдѣляетъ, и что окажется чистаго, уступаетъ печени, процѣживаетъ и привлекаетъ въ себя, а излишнее отвергаетъ, и передаетъ кишкамъ, употребляя въ содѣйствіе силу самоочищенія. Такъ печень, пріять въ себя оказавшееся въ пищу чистымъ, не довольствуется произведеннымъ уже очищеніемъ и отдѣленіемъ, но, какъ бы сквозь какія цѣдилки, снова отдѣляетъ и очищаетъ и какъ отстой какой и притомъ самый густой, по особымъ какимъ-то причинамъ, привлекая въ себя, селезенка соби-

раетъ и обращаетъ это въ пищу себѣ. И что чрезъ мѣру переварено, приняло въ себя желчное свойство, и превратилось въ желтоватый составъ, то принимаетъ въ себя желчепріемный сосудъ, а жидкое, крайне истонченное, не заключающее въ себѣ питательности, поступаетъ въ пріемникъ влажныхъ излишествъ. Такъ оную пищу, содѣлавшуюся совершенно чистою, уподобившуюся печени и превратившуюся въ естество крови, принявъ въ себя, кровеносная, трубчатая жила доставляетъ потребное сердцу, сама же идетъ вверхъ, и раздѣляясь на многія кровеносныя жилы, питаетъ грудь, питаетъ плеча и руки, доходитъ до самыхъ ногтей, огибаетъ шею, объемлетъ голову, нисходитъ въ нижнія заднія части тѣла, въ бедра, колѣна, голени, ноги, и однимъ словомъ, обходитъ всякую часть тѣла, и ниодинъ изъ живыхъ членовъ не лишенъ ея орошенія; потому что кровеносныя жилы подобны какимъ-то трубамъ и водопроводамъ, и къ тому предназначены, чтобы орошать тѣло; почему имѣютъ тонкую, прозрачную оболочку, чтобы прилежащія части удобно получали отъ нихъ пищу; а жилы біющіяся имѣютъ оболочки, не только плотныя, но двойныя: потому что служатъ пріемниками не крови, но дыханія, дыханіе же тонко и истекаетъ удобно.

Посему и здѣсь усматривай промыслительность Творца. Кровеносныя жилы, какъ доставляющія кровь всѣмъ частямъ тѣла, устроилъ Онъ изъ перепонокъ тонкихъ, и на самое отверстіе ихъ наложилъ какъ бы рѣшетчатые какіе покровы; потому что кровь густа, и для отдѣленія своего

имѣеть нужду въ проходахъ большихъ. А потому, чтобы не вся изливалась, а только доставляла нѣкоторую влажность прилежащимъ частямъ, такого качества устроилъ для нея сосуды. Жилы же бѣющіяся, разливающія повсюду дыханіе (такъ какъ оно удобно разсѣвается, и легко истекаетъ чрезъ самыя малыя части), Зиждитель соткалъ инымъ образомъ, и устроилъ ихъ, не изъ одной только оболочки, но изъ двухъ плотныхъ и весьма частыхъ. Сблизилъ же бѣющіяся жилы съ кровеносными, чтобы кровь, побуждаемая теплымъ дыханіемъ, повсюду пробѣгала. Ибо зналъ, что застой ея производитъ охлажденіе. Посему-то въ нѣкоторыхъ частяхъ тѣ и другія жилы соединилъ между собою весьма малыми нѣкими отверстіями, чтобы и кровъ въ малой нѣкоей мѣрѣ принимала въ себя дыханіе, которое бы невольно сообщало ей толчокъ, и понуждало быть въ движеніи, а также и дыханіе пользовалось мокротою крови, которая бы орошала, увлаживала его, и не позволяла приходить въ совершенную сухость. Какой богачъ, любящій великолѣпіе, устроивъ себѣ домъ, столько заботился когда-либо о водопроводахъ, придумывалъ такое множество водотечей, устраивалъ для увеселенія столько водометовъ и водоемовъ, какъ Зиждитель всяческихъ, созидая сей словесный домъ, остѣнилъ его такимъ множествомъ разныхъ сосудовъ, доставляющихъ все потребное? Какой архитекторъ, ухитряясь сдѣлать, чтобы дома освѣжались вѣяніемъ зефира, расширяетъ такъ входы для воздуха, какъ наилучшій художникъ Богъ устроилъ, чтобы омраченный и

смердный воздухъ выходилъ изъ тѣла вонь, а чистый втекалъ и проходилъ по всѣмъ бѣющимъ жиламъ? Какой садовникъ проводитъ такъ водное естество, и доставляетъ орошеніе корнямъ растѣній, какъ Пасадившій сіе живое растѣніе, и Создавшій всю тварь, неизъяснимымъ образомъ кровоносными жилами распространяетъ орошеніе на всѣ члены тѣла?

Въ разсужденіи питанія и мы человѣки ничѣмъ не отличаемся отъ неодушевленныхъ деревьевъ; потому что, подобно деревьямъ, и мы имѣемъ въ немъ нужду. Не питаемое дерево вянетъ и засыхаетъ, и человѣкъ томимый голодомъ, также теряетъ всю силу, и предается смерти. Посему, какъ деревья, пріемля или дождь изъ облаковъ, или потоки изъ рѣкъ и источниковъ, посредствомъ корней всасываютъ влагу, и она питаетъ вѣтви, кору, сердцевину, раждаетъ листья, производитъ цвѣтъ, и дѣлаетъ, что созрѣваютъ плоды, такъ и сіе живое существо принимаетъ устами пищу, и уста дѣлаются источникомъ, а пищепріемный проводникъ, обыкновенно называемый желудкомъ, уподобляется водопроводу. Чрево же, подобно какому-то корню, принявъ сно пищу, передаетъ ее печени, какъ нѣкоей подставѣ вѣтвей. Печень же, не сама только пользуется для своей потребности, но по всѣмъ членамъ тѣла разноситъ сіе орошеніе посредствомъ кровоносныхъ жилъ. Такъ питаемое тѣло, въ младенцахъ растеть, удлинняется расширяется, и мало по малу воспріимлетъ надлежащій объемъ, а какъ скоро придетъ въ опредѣленную мѣру, перестаетъ расти, но только питается. Такъ Творецъ всяче-

скихъ печется о нашемъ еществѣ, и не только зиждетъ, но не престаетъ и питать, и не питаетъ только, но прилагаетъ о насъ и всякое иное попеченіе.

Подлинно недоумываю, какъ восхвалить мнѣ Творца! Разнообразіе промышленности Его о насъ преобъждаетъ мой умъ; всякое слово уступаетъ побѣду премудрости созданія, никто не въ состояніи познать устройство тѣль. И этого одного достаточно для тебя къ пѣснословію Создателя! Не въ землю ты смотришь, подобно безсловеснымъ, не на чрево приникаешь взоромъ, на подобіе свиней. Возведи только взоръ, и усматривай Промыслъ. Тебя одного изъ всѣхъ животныхъ создалъ Богъ ходящимъ въ прямомъ положеніи, — на двухъ ногахъ, и каждую изъ нихъ не изъ одного члена устроилъ, но составилъ изъ трехъ, и связалъ тремя сочлененіями: и одно прикнулъ къ бедру, другимъ связалъ въ колѣнахъ, и еще другое ввѣрилъ пятамъ. И сочлененія стянулъ крѣпкими жилами, въ мышцы вложилъ произвольныя движенія, и связи сдѣлалъ не слишкомъ слабыми, а также не совершенно натянутыми. Въ последнемъ случаѣ вовсе было бы отнято всякое движеніе, а въ первомъ сомкнутые члены стали бы расходиться и скользить одинъ по другому. Посему-то промышленности о тебѣ Божію, и ходишь, и бѣгаешь, когда хочешь, и имѣешь возможность и стать и сѣсть. Смотри же, и еще новая попечительность о тебѣ! Чтобы не чувствовать тебѣ непріятности и не имѣть боли, когда сидишь на землѣ и камнѣ, дана тебѣ какъ бы самородная подушка. А ты все также не

благодаренъ ; не чувствуешь даровъ, съ неистовствомъ и безуміемъ востаешь противъ Премудрости, столько о тебѣ промышляющей !

И песь знаетъ того, кто его кормить, не отойдетъ прочь, когда онъ дома, ищетъ, когда нѣтъ его, и какъ скоро возвращается, выказываетъ удовольствіе, опуская уши, вертя хвостомъ, выражая покорность, сознавая рабство, провозглашая благодареніе. И все это дѣлаетъ, будучи порабощенъ безсловесію, лишенъ всякаго разума, только временемъ, привычкой, и частыми благодареніями научаемый различать знакомаго и незнакомаго, друга и навѣтника. А ты—причастникъ дара слова ; тебѣ данъ вождь—умъ, который окрыленъ и быстротечнѣе всего видимаго. Солнце въ одинъ день пробѣгаетъ двойное поприще вселенной, а онъ въ одно мгновеніе проходитъ вселенную, и представленіемъ касается небесъ, идетъ далѣе, по мѣрѣ силъ, какъ въ зеркаль, видитъ Бога, созерцаетъ неисчетныя тмы Ангеловъ и тысячи Архангеловъ, любознательно довѣдывается о томъ, что подъ землею, усиливается простереться далѣе всего этого, но не можетъ ; потому что предѣломъ представленію ума служить то, бытіе чего дознано имъ. И его-то имѣя вождемъ, правителемъ, браздодержцемъ, не чувствуешь ты Божіихъ даровъ, не исчисляешь множества благодареній, но остаешься неблагодарнымъ. И когда столько у тебя учителей, не желаешь изучить начатковъ Промысла. Смотри, чтобы не остаться тебѣ безъ всякаго о тебѣ попеченія, и опытомъ не дознать, какая раз-

ность между промысломъ, попечительною и лишениемъ этого.

Теперь, любезный, поведемъ тебя къ другой части человеческого тѣла. Разсмотри хребтовую кость, которая ведетъ начало отъ широкой кости въ задней части тѣла, простирается до выи, подобно твердому столбу, составленному изъ многихъ позвонковъ, и держитъ на себѣ чрево, плеча, руки, шею, голову. Поелику Творецъ совѣ не обложилъ чрева ни одною костью, чтобы, принимая пищу, удобно расширялось, и достаточную вмѣстительность давало съденному; то сзади подпираетъ его хребтовая кость. Ее же сложилъ Творецъ изъ многихъ костей, чтобы, и удобно сгибалась, когда человѣкъ хочетъ нагнуться, и при сгибѣ не могла ломаться. Питаетъ ее хребтовый мозжечекъ, имѣющій источникомъ головной мозгъ.

Что же должно сказать о рукахъ, пользу которыхъ провозглашаютъ — разнородныя искусства? Но о нихъ сдѣлаемъ упоминаніе въ слѣдующемъ за симъ словѣ. Посему для него соблюдаемъ и повѣствованіе о пользѣ рукъ.

Итакъ взойди до выи, и разсмотри ея устройство. Приведи себѣ на память столбы, снизу вверхъ просверленные, въ которыхъ много продольныхъ скважинъ, и въ срединѣ самая большая, чрезъ которую водопроводы поднимаютъ вверхъ большее количество воды, и распредѣляя оную, заставляютъ течь въ низъ въ другія скважины, и одну часть воды препровождаютъ въ южную часть города, другую въ восточную, третью въ западную, и четвертую въ сѣверную. Таковую же пользу и выа

доставляетъ человѣческому тѣлу. Ибо, какъ говорилъ уже я, искусство подражаетъ природѣ, и въ своихъ изобрѣтеніяхъ уподобляется ея произведеніямъ. По этому шея имѣетъ у себя уста желудка, и чреву препровождаетъ пищу и питіе ; имѣетъ также дыхательное горло, простирающееся отъ легкихъ до гортани ; имѣетъ и кровеносныя жилы и жилы біющіяся, чрезъ которыя мозгъ принимаетъ въ себя кровь и воздухъ, питаясь же и возрастая самъ, посредствомъ соединенныхъ съ нимъ костей, препровождаетъ хребтовый мозжечекъ въ хребтовую кость, отъ которой питаются весь костяной составъ, а также идутъ нервы самыя крѣпкіе, толстыя и тонкіе, плоскіе и круглые, служащіе къ тому, что ими связываются суставы, и мышцы получаютъ движущую силу.

Поелику же приходимъ къ самой головѣ ; то смотри, какъ она, подобно нѣкоей крѣпости, стоитъ на виду въ градѣ тѣла, и какъ нѣкое богатство и сокровище, за самою крѣпкою оградою хранить головной мозгъ ; потому что черепъ, подобно оградѣ и шлему (у Грековъ подобоименны и черепъ *τὸ κρανίον* и шлемъ *τὸ κράνος*, какъ устроенный по подобію черепа), окружая головной мозгъ, предотвращаетъ, по возможности, угрожающій ему совнѣ вредъ. Но чтобы мозгъ, будучи крайне нѣженъ и весьма мягокъ, при удареніи не терпѣлъ какого-либо поврежденія отъ костей, которыя жестки и упорны, Творецъ обложилъ его двумя покровами, которые у врачей называются мозговыми оболочками. И тончайшую, называемую темноцвѣтною, срастилъ съ мозгомъ, и сдѣлалъ, что она

весьма близко прилегая къ мозгу, можетъ его сдерживать, но по чрезвычайной тонкости не имѣетъ силы поражать, а другую содѣлалъ плотною и твердою; и она занимаетъ средину между мозгомъ и черепомъ, чтобы не причинять боли мозгу, имѣя сущность болѣе жесткую, и не терпѣть боли отъ костей, будучи ихъ нѣжнѣе. Посему головной мозгъ, какъ сказалъ я, подобно нѣкому богатству, сохраняется въ головѣ, какъ въ крѣпости.

Поелику же начальнику стражи—уму нужны были соглядатаи, которые бы предусматривали и враждебныя и дружественныя движенія; то Творецъ далъ и ихъ, и не одному поручилъ сіе наблюденіе, но поставилъ двухъ стражей, и узаконилъ наблюдать и высматривать одному, что дѣлается на правой сторонѣ, а другому, что на лѣвой. А какъ и они имѣли нужду въ стражахъ, въ зубчатыхъ стѣнахъ, въ оградахъ и частоколѣ; то и о семъ не понерадѣлъ Творецъ сего града, но глазамъ, которымъ ввѣрилъ чувство зрѣнія, на подобіе какихъ-то зубчатыхъ стѣнъ и оградъ, далъ въ защиту брови, укрываясь подъ которыми, могутъ безопасно осматривать и то, что въ дали. Къ симъ же зубчатымъ стѣнамъ подобно нѣкоей крышѣ, защищающей отъ надающихъ сверху дождей, присоединилъ нѣсколько тонкихъ волосъ, которые, склонившись къ внѣшней сторонѣ глаза, принимаютъ на себя текущій съ чела потъ, передаютъ его другъ другу, сливаются въ капли на вискахъ, и избавляютъ глаза отъ вредныхъ дѣйствій пота. Но поелику стражи имѣли нужду въ полномъ вооруженіи; то Творецъ облекъ ихъ покровами —

вѣками, и вмѣсто копій и стрѣль присовокупилъ рѣсницы, которыя не наклонены подобно бровямъ, чтобы изъ защитниковъ не сдѣлаться злоумышленниками, и не по прямой чертѣ простираются впередъ, чтобы при смѣженіи вѣкъ, не происходило между ними тренія, но наклонены не много наружу, чтобы предотвращать вредъ отъ самыхъ мелкихъ тѣлъ. Ибо при сильномъ дуновеніи вѣтра приходятъ въ движеніе не мелкая только, но и крупная пыль, соломинки и иное сему подобное. Нападаютъ комары и другія подобныя мелкія животныя, и увидѣвъ рѣсницы, похожія на частоколь, предаются бѣгству. Такъ общій всѣхъ Зиждитель вооружилъ и колосья пшеницы; ибо, влагилица зеренъ, обложивъ остнами, не позволяетъ питающимся съменами птицамъ дѣлать большой слишкомъ вредъ плоду, но какъ бы остріями какими приводитъ въ страхъ и обращаетъ въ бѣгство.

Но, можетъ быть, страдая недугомъ неблагодарности, скажешь: что же дано мнѣ преимущественно предъ пшеничнымъ колосомъ? Тебѣ же, безумный, на пользу сотворенъ и колось. Почему же остаешься неблагодарнымъ, когда Богъ ради тебя и принадлежащее тебѣ вооружилъ твоимъ же оружіемъ? Ты, неблагодарнѣйшій, съешь пшеничныя съмена, а Онъ орошаетъ, согрѣваетъ, питаетъ, оберегаетъ, хранить ихъ, и предлагаетъ тебѣ уже созрѣвшими. Ты же, сжавъ, свезя на гумно, искусно отдѣливъ отъ соломы, очистивъ отъ мякины, смоловъ на жерновъ, отдѣливъ отруби, замѣсивъ руками, передавъ на очагъ, или въ печь, наслаждаешься хлѣбами, и не знаешь Подателя!

Но возвратимся къ глазу. Обрати на него вниманіе, разсмотри, сколько у него оболочекъ, разсмотри внѣшнее его благообразіе, разсмотри тонкость зрачка, окружающаго радугу, которую называемъ вѣнцемъ, роговидный кружокъ, ягодичную плеву, лежащій подъ нею, и проглядывающій сквозь средину ея, кристалловидный шаръ, разлитую вокругъ него стекловидную жидкость, сѣтчатую плеву, железистую основу, на которой держится весь глазъ, эту посредствомъ самаго малаго сосуда, изъ головного мозга сообщаемую пищу, и это изъ глазныхъ кутковъ истеченіе излишествъ.

Посмотри, сколько цвѣтовъ одинъ за другимъ принимаетъ на себя кровь. Сперва была она пищею, измельченная зубами, передана чреву. Чрево придало ей собственный свой цвѣтъ, и сдѣлало бѣлою; а это принявъ въ себя, печень превратила еще въ собственный ея цвѣтъ. Такъ сдѣлавшись настоящею кровью, и поступая въ головной мозгъ, снова дѣлается бѣлою, сгущается въ кости, слагается въ жилы, хотя толстыя, но гибкія.

Но усиливаясь изслѣдовать промыслительность Творца, обнаруживающуюся въ человѣческомъ тѣлѣ, поступаю я, можетъ быть, подобно тѣмъ, которые предприѣмлютъ перечесть песокъ. Поэтому, одинъ самъ съ собою займись обзореніемъ по порядку всѣхъ чувствъ, вкуса, обонянія, слуха: какъ одно изъ нихъ различаетъ запахи, и пріятное допускаетъ до себя, а отъ зловоннаго отвращается; почему этому чувству и предоставлено отдѣленіе головныхъ излишествъ. Поелику сіе чувство, на-

ходясь вверху тѣла, принимаетъ въ себя всѣ поднимающіяся снизу испаренія, приливъ же ихъ причинилъ бы великій вредъ самой главной части, разумно головной мозгъ ; то Творецъ всяческихъ и сего не оставилъ въ небреженіи, но устроилъ въ нихъ нѣкіе, какъ въ губкѣ, или свирѣли, проходы, и какъ жидкимъ, такъ и густымъ, излишества указалъ путь къ нѣбу во рту и къ ноздрямъ, и два члена назначилъ для сихъ отдѣленій, чтобы вредное, какъ можно скорѣе выходило вонъ; а для излишествъ парообразныхъ и дымныхъ устроилъ, что они выходятъ и извергаются въ швы черепа. Обрати вниманіе и на дѣйственность слуха. Смотри, какъ, принимая въ себя тысячи звуковъ, не пресыщается, не наполняется, и не все одинаково пріемлетъ, но умѣетъ различать звуки тонкіе и густые, наслаждается благозвучіемъ, отвращается разногласія. Съ помощію слуха внемлемъ мы словесамъ Божиимъ, съ помощію слуха естество наше обучается всякой человѣческой наукѣ, грамматикѣ, риторикѣ, софистикѣ, ариметикѣ, врачебному искусству, механикѣ, и всему прочему, что только изобрѣлъ человѣческой родъ.

Сей-то слухъ преклонивъ къ словесамъ нашимъ, пріими врачество очищающее душу, и избавляющее ее отъ лукавой хулы. Устрой для слуха двери — разумъ, и приставь дверника — страхъ Божій. Будь судіею предлагаемыхъ тебѣ словесъ, и придверникъ пусть отворяетъ двери для словесъ благочестивыхъ, а слова хульные, мерзскія, богопротивныя отсылаетъ прочь, затворяетъ для нихъ двери, и какъ несокрушимый нѣкій запоръ при-

ставляетъ къ симъ дверямъ — твердость вѣры. Такимъ образомъ возможно будетъ, и отъ враговъ избавляться, и сохранять душу здоровою, когда, внимая словамъ дружественнымъ и благодѣтельнымъ, не *бывъ чешеми слухомъ*, по слову божественнаго Павла (2 Тим. 4, 3.), не преклоня слуха къ словамъ пріятнымъ, но повреждающимъ разумъ; а напротивъ того, ставъ прямыми и правдивыми судіями того, чтò говорится, избирая изъ сего, чтò приноситъ пользу, и по слову Пророка, днемъ и ночью, ходи и сиди, чтобы то ни было или дѣлая или терпя, будемъ выну предзрѣть предъ собою Бога (Псал. 15, 8.). Ему слава, и честь, и поклоненіе во вѣки! Аминь.

С Л О В О 4.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПРОМЫСЛА, ЗАИМСТВУЕМОЕ ОТЪ УСТРОЙСТВА ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ РУКЪ И ИЗОБРЕТЕННЫХЪ ЧЕЛОВКОМЪ ИСКУССТВЪ.

Пророческій голосъ, какъ слышу, поетъ и взываетъ: *небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе же руку Его возвъщаетъ твердь* (Псал. 18, 1.). Но чтобы доносился оттуда такой голосъ, какой производится дыханіемъ, чрезъ дыхательное горло изгоняемымъ въ уста, и словомъ, мѣрно приближающимъ языкъ къ зубамъ, сжимаемыми губами, воздухомъ, поражаемымъ и производящимъ отра-

женіе, — сего никто никогда не слыхалъ изъ подобныхъ намъ людей. Напротивъ того, будучи видимо и показуя, то величіе свое, то красоту свою, и служа для людей покровомъ, небо молча проповѣдуетъ Творца, и языкъ cadaго возбуждаетъ къ пѣснопѣнію. Но, какъ смотря на домъ, который построенъ весьма искусно, поставленъ на крѣпкомъ основаніи, у котораго углы выведены прямо, при его широтѣ, длинѣ и высотѣ сохранена соразмѣрность, окна расположены правильно и въ порядкѣ, соблюдено и все прочее, что придаетъ великолѣпіе такимъ домамъ, немедленно удивляемся художнику, хотя нѣтъ его передъ нами; представляемъ его себѣ мысленно, и все благообразіе примѣчаемаго въ домѣ благолѣпія приписываемъ его искусству: такъ, взирая на небо и на это для многаго полезное движеніе небесныхъ свѣтилъ, не имъ поклоняемся, но Творца ихъ чествуемъ возможными для насъ пѣснопѣніями, и отъ величества и красоты созданій сравнительно познаемъ *Рододѣлателл* (Прем. 13, 5.). Ибо правильно и справедливо заключаемъ: если таково величіе тварей, то каковъ Творецъ? Если такова красота сотвореннаго; то какова же лѣпота наилучшаго Художника и Творца всяческихъ? Такъ небеса похваляютъ славу Божію, твореніе же руку Его возвыщаетъ твердь. Такъ день дни отпрыгаетъ глаголь, и ночь ночи возвыщаетъ разумъ (Псал. 18, 3.). Не издаютъ они голоса, не произносятъ устами, но непрерывно слѣдуютъ другъ за другомъ, и другъ предъ другомъ служатъ на пользу людямъ, и такъ велегласно взываютъ, что весь

человѣческій родъ слышитъ ихъ гласъ. Сказано: *не суть рѣчи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ* (—4.); каждый народъ, каждый языкъ слышитъ, что проповѣдуютъ и день и ночь. Хотя есть различіе въ языкахъ, но единое естество извлекаетъ изъ нихъ одну и ту же пользу.

Такъ изрекшій сіе, въ другомъ псалмѣ прославляя Создателя, сказалъ еще: *удивися разумъ Твой отъ мене: утвердися, не возмогу къ нему* (Псал. 138, 6.). Обративъ взоръ на себя самого, говоритъ Пророкъ, и на себѣ остановившись, освободившись отъ всѣхъ внѣшнихъ мятежей, вознамѣрился я заняться разсмотрѣніемъ своего естества, въ точности извѣдать разумную силу души, тѣ познанія, которыя для нея удобопріемлемы, тѣ искусства, которыми наполнила она жизнь, при помощи которыхъ проводить жизнь пріятную и довольную, то множество понятій, которое изъ себя порождаетъ, ту безмѣрность ихъ, которую въ себѣ вмѣщаетъ; какъ укладываетъ все это и хранить въ раздѣльности? Какъ удобно изъ уложеннаго беретъ, что ей угодно? Какъ распоряжается тѣломъ, и глазамъ поручаетъ различать объемы и цвѣты, языку ввѣрила давать судъ о вкусахъ и поставила его служить при собственныхъ ея порожденіяхъ, а поздри содѣлала судилищемъ запаховъ, и для словъ, приносимыхъ совнѣ, отверзла уши; прочимъ же членамъ тѣла вручила осязательную силу, и имъ сообщаетъ силу ощущенія, а сама воспримлетъ отъ нихъ и скорбь, и веселіе? Соображая въ умъ и это, и все тому подобное, видя стеченіе сихъ противоположностей для устройства одного

живаго существа, соединеніе и сочетаніе смертнаго и безсмертнаго, говоритъ Пророкъ, препобѣждаюсь симъ чудомъ, и не продолжая своего разсмотрѣнія, признаюсь въ томъ, что преодолѣвъ, и провозглашая побѣду премудрости Создательной, прославляя Творца, взываю: *удивися разумъ Твой отъ мене: утвердися, не возмогу къ нему.*

Въ настоящемъ случаѣ слова сіи приличны и намъ, пожелавшимъ извѣдать премудрость, открывающуюся въ устройствѣ частей человѣческаго тѣла и дознавшимъ на опытъ свое безсиліе. Не малую впрочемъ пользу извлекли мы и изъ недостаточнаго разсмотрѣнія. Потому что и въ самайшей части тѣла увидѣли блистательно являющую себя Божию промыслительность. Ибо что малощище волосъ? Какая часть тѣла до такой степени лишена чувствительности? Однако же слово наше показало необходимую потребность и волосъ. Свидѣтельствуютъ это брови и рѣсницы, свидѣтельствуютъ волосы, украшающіе и вѣсть покрывающіе голову. Ибо потребность и сихъ послѣднихъ даютъ намъ знать не имѣющіе ихъ на головѣ. Во первыхъ, они стыдятся, какъ лишенные украшенія; а потомъ придумываютъ другіе какіе нибудь покровы, восполняющіе потребность волосъ. И вѣроятно, головамъ у иныхъ быть обнаженными отъ волосъ Зпждитель попустилъ для того, чтобы дознали мы, что Творецъ, создавая живое существо, промыслилъ и о волосахъ. Такъ у достигшихъ наконецъ мужества, и переступившихъ возрастъ отроческій, украшаетъ оцъ бороною какъ подбородокъ, такъ и нѣкоторую часть

лапнть. — Сначала появляется на нихъ пушкь, потомъ покрываютъ ихъ небольшіе волосы, чтобы самымъ прибавленіемъ своимъ показывать разность возрастовъ, и наружностію убѣждать, что время оставить дѣтскія игры, и заняться дѣлами важными. А поеліку женамъ для подобнаго наученія достаточно бользней при рожденіи; то Создатель у однихъ мужей увѣнчалъ такъ ланты.

Если же кто, научившись прекословить истинь, въ возраженіе намъ представитъ произрастаніе волосъ и на другихъ частяхъ тѣла; то да знаетъ, что напрасно онъ и за нихъ не благодаренъ. Самородное покрывало наложило природа на тѣ части тѣла, на которыя стараемся налагать покровы рукотворенные. По этому у тѣхъ, чей разумъ не умѣетъ еще различать добродѣтели и порока, природа не наложила сего волосянаго покрова. А тѣхъ, которые начали уже познавать, и научились потребности каждаго члена, весьма кстати и съ прекрасною цѣлію, украсила она симъ препоясаніемъ, прикрывая ихъ, какъ стыдящихся, чего родоначальникъ Адамъ въ раю не стыдился. Сказано: *бѣста оба нага, Адамъ же и жена его, и не стыдятся* (Быт. 2, 25.). Но по нарушеніи закона, когда пришли въ сознаніе преступленія и услышали гласъ Божій; тогда *сшиста листвія смоковное, и сотвориста себѣ препоясанія* (3, 7.). По этому, строгій обвинитель созданія и вмѣстѣ Промысла, усмотри попечительность Творца и о сихъ членахъ. О чемъ и слышать ты стыдишься, то Создатель творитъ, и одобряетъ. Ибо сказано: *и видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се добра*

зъло (1, 31.), и: *сотворимъ ему помощника по нему* (2, 18.). Таково же и первое Божіе благословеніе: *раститесь, и множитесь, и наполните землю, и господствуйте ею* (1, 28.).

Поелику же слово наше, не знаю какъ, принуждено коснуться и тѣхъ членовъ тѣла, *иже*, по слову божественнаго Павла, *миимъ безчестнѣйшихъ быти* (1 Кор. 12, 23.); то смотри, какъ не сказанно челоѡколюбіе Творца. Уста, которыми вѣрено служить слову, принимать пищу, и передавать ее чреву, помѣстилъ Онъ близъ глазъ. А исходу изверженій, поелику можетъ оскорблять взоръ, отвращать отъ пищи, исполнять омерзѣнія, не только далъ мѣсто вдали отъ глазъ, но даже содѣлалъ его совершенно для нихъ невидимымъ. Посему усрамися безмѣрности Божія челоѡколюбія, ужаснись не сказанной Божіей понечтительно-сти, видя, какъ Богъ создаетъ, что ты и называть стыдншься, видя, какъ Онъ промышляетъ, о чемъ ты и припоминаешь со стыдомъ. Поелику видимое въ живомъ существѣ смертно, и какъ смертное имѣетъ нужду въ пищу; то по необходимости далъ ему и уста и исходы для изверженій, а внутренности изогнулъ многими кругами; отъ чего, принимая въ себя нужную часть пищи, не вдругъ извергаютъ ее, чтобы не часто безпокоила насъ потребность пищи, для непрестаннаго восполненія опустѣвшаго. И должно ли перечислять всѣ чудеса природы?

Но время уже намъ перейти наконецъ къ рукамъ, упомянувъ о которыхъ въ предыдущій день, общались мы сегодня объяснить ихъ пользу.

Итакъ посмотри, онѣ протянуты не больше, сколько нужно, чтобы не сдѣлаться излишнимъ бременемъ для остальнаго тѣла, но также и длина ихъ не меньше, чѣмъ быть ей надлежало, напротивъ же того, получили онѣ мѣру соответственную дѣламъ, для которыхъ даны. На сей конецъ Создатель раздѣлилъ руку на три части. Первое сочлененіе помѣстилъ въ плечахъ, а въ локтѣ сочленилъ подплечіе и ручной лучъ, къ кисти же прикнулъ другую оконечность сего луча, и придѣвъ къ ней предпястіе, утвердилъ въ немъ пять перстовъ. Каждый же изъ нихъ сложилъ изъ трехъ суставовъ, и оконечности ихъ устроивъ однѣ выпальными, а другіе шаровидными, въ выпалыя оконечности вложивъ шаровидныя, связалъ толстыми жилами; и мышцамъ предоставивъ свободное движеніе, облекъ ихъ тонкою кожею, чтобы жестокость не была препятствіемъ при сгибаніи суставовъ. Оконечности перстовъ на внутренней сторонѣ сдѣлавъ мягкими, Творецъ позаботился о безопасности ихъ совнѣ; потому что наложилъ на нихъ тонкіе и широкіе ногти, съ круглыми выпуклостями снаружи. Сдѣлавъ же ихъ тонкими, чтобы не отягчали нѣжную плоть оконечностей, ставъ излишнимъ бременемъ, — и вмѣстѣ широкими, чтобы имѣли достаточную твердость въ трудныхъ работахъ, поддерживая собою совнѣ мягкость находящейся подъ ними плоти, а выпуклости ихъ устроилъ округленными, симъ видомъ предохраняя ихъ отъ скорого ощущенія боли. Ибо въ тонкихъ тѣлахъ, имѣющихъ видъ треугольника и четвероугольника, углы весьма ломки.

Льванъ, медвѣдьмъ, барсамъ и другимъ звѣрямъ Творецъ далъ когти острые, толстые, длинныя и весьма крѣпкіе, и снабдилъ ихъ симъ естественнымъ вооруженіемъ, потому что безсловесность препятствуетъ имъ пользоваться искусственнымъ пособіемъ. Человѣкъ же, создавъ словеснымъ и одаривъ его умомъ, изобрѣтателемъ множества наукъ и искусствъ, создалъ безъ естественнаго вооруженія. Не далъ ему звѣрныхъ когтей, не покрылъ ногъ его копытами. Иначе, какъ восходить бы ему на лѣстницы? Какъ стоять бы ему на тонкихъ стѣнахъ, когда переплетаетъ между собою камни и кирпичи, и строить себѣ домъ? Какъ держаться бы копытами на вершинѣ дома? Теперь мягкость и продолговатость ступней и гибкость перстовъ дѣлаютъ для него движеніе удобнымъ, и стояніе безопаснымъ; обнаженными ногами весьма легко ходить онъ по деревьямъ, смѣло влѣзаетъ по тонкимъ ступенямъ, и съ большимъ удобствомъ отправляетъ множество нныхъ дѣлъ. Но человѣкъ находитъ, чѣмъ замѣнить у себя и копыты. Взявъ кожу послушнаго ему животнаго, при пособіи кожевнаго и сапожнаго искусства, выдѣлываетъ нѣчто, по положенію, объему, длинѣ и ширинѣ подобное ногамъ, и облакаетъ ихъ въ это, и симъ во время хожденія предотвращается вредное дѣйствіе отъ тѣлъ твердыхъ, и ослабляется пронзительность тѣлъ холодныхъ.

Посему-то Творецъ этому одному живому существу далъ руки, какъ орудія приличныя существу разумному. Ибо при помощи рукъ люди пашутъ землю, паръзываютъ борозды, влагаютъ въ нихъ

сьмена, дѣйствуя лопатою, или заступомъ, роютъ ямы, насаждаютъ дерева, наточивъ кривый ножъ, то обрѣзываютъ виноградныя вѣтви, видя, что скоро дадутъ онѣ побѣги, и освобождаютъ ихъ отъ излишняго, то сѣкаютъ на нивѣ колосья, пожинаютъ руками плоды ихъ трудовъ, связываютъ въ снопы, переносятъ вязанки на гумно, отдѣляютъ зерна отъ соломы, и опять, при содѣйствіи рукъ солому складываютъ въ стога, а зерна собираютъ въ закромы. Руками же обираютъ виноградъ, собираютъ масла, выжимаютъ вино, возвращаютъ всякаго рода овощи, искусственно разнообразя безчисленные роды плодовъ, собираютъ и предлагаютъ ихъ желающимъ пользоваться.

При помощи рукъ, человѣческой умъ не только сушу украшаетъ цвѣтущими лугами, волнующимися жатвами, тѣнистыми рощами, но и море испестрилъ многими путями, и ухитрился сдѣлать, что непроходимое для всѣхъ, покрылось оно многими путниками; потому что по богоданной мудрости, изобрѣтя кораблестроительное искусство, у искусства же кузнечнаго, измышленнаго прежде, заимствовалъ топоръ, пилу, стругъ и другія орудія строительнаго искусства, обдѣлавъ сими орудіями безплодныя деревья, взятая у старшей его сестры — земледѣлія, и подводную часть положивъ какъ бы въ нѣкое основаніе, потомъ на ней въ видѣ стѣнъ сложивъ ряды брусевъ, плотно сомкнувъ шипами и обмазавъ смолою, а чрезъ это преградивъ водѣ возможность протекать внутрь, устроилъ онъ морскую колесницу — ладію. Но какъ для упряжи

въ нее нужны были кони и мски, а ихъ не могла бы носить на себѣ текучая сущность; то кормчій на корабль премудро устрояетъ и это, употребивъ опять въ содѣйствіе руки. Въмѣсто оглобли построивъ мачту, на подобіе пристяжи прикрѣпивъ къ ней вѣтрила, вмѣсто коней и мсковъ употребляетъ приражающеея дуновение вѣтровъ, и ихъ, какъ рѣзвыхъ коней, подчиняетъ своей упряжи. А какъ у ладіи должны быть и возки, то имъ удобляется кормило, и держась за него кормчій, подобно возницѣ, какъ бы краемъ колесницы, имѣя корму, легко туда и сюда обращаетъ ладію, и умѣетъ не только искусно править ее, когда дуетъ попутный вѣтеръ, но сдѣлать безсильными и безпорядочные порывы вѣтровъ, и какъ неукротимыхъ и необузданныхъ какихъ коней, сдерживать ихъ уздою. И все это ухищряется дѣлать человеческій умъ, употребляя служителями руки. Съ ихъ помощію и пловець дѣйствуетъ несломъ, и кормчій править рулемъ, и купецъ складываетъ купленный грузъ, и рыболовъ производитъ свою ловлю, и невидимую добычу уловляетъ искусно сплетенными сѣтями.

Но теперь перейдемъ съ моря на сушу, потому что не достанетъ времени въ точности изобразить каждое искусство. Посему смотри, какъ всѣ искусства одно у другаго заимствуются полезнымъ: строительное у кузнечнаго заимствуетъ орудія, кузнечное у строительнаго — жилища, а то и другое у земледѣлія — пищу, да и земледѣліе опять у первыхъ двухъ — строеніе жилищъ и все, содѣйствующее воздѣлыванію земли.

Лучше же сказать, разсмотри, какъ въ началѣ Творецъ указалъ сему живому существу необходимо для него потребное. Ибо откуда узналъ человекъ, какъ добывать желѣзо, мѣдь, свинецъ, олово? Кто указалъ ему среброносныя жилы? Кто научилъ рыть золотоносную землю, и указалъ собирать малыя блески золота? Откуда узналъ онъ составъ стекла? Кто наставилъ его различію песковъ? Кто научилъ его, какой песокъ, какъ и на сколько времени подвергать дѣйствию огня? И сложившійся въ плотный составъ раздѣлять, а раздѣленный превращать въ плотный, нераздѣлимый составъ? Какъ узналъ, употребивъ въ содѣйствіе огонь и дуновеніе воздуха, выдѣлывать изъ песка разнаго вида стаканы, фіалы, чаши, бомбилы, амфоры, всякую посуду и сосуды, пригодные для всякой потребности, при употребленіи пищи и питія? Посему явно, что познаніе о всемъ этомъ получилъ человекъ отъ Творца, что Создавшій его вложилъ въ природу его и силы къ измышленіямъ, и способность къ изобрѣтенію искусствъ.

По сему-то, бесѣдуя съ великимъ Іовомъ, изрекъ: *кто далъ есть женамъ тканія мудрость, или изнещренія хитрость* (Іов. 38, 36.)? Ибо и это — богоданный подлинно цвѣтъ искусства. Хотя со временемъ содѣлалось это пренебрегаемымъ, и знаше дѣла отняло славу у изобрѣтателей; однако же, если кто захочетъ разсмотрѣть все въ подробности, то весьма подивится и сему искусству. Ибо состриженную и промытую водою шерсть сперва чешутъ и дѣлятъ на тонкія волокна, потомъ перебитая шерсть дѣлается клубкомъ. Послѣ сего

береть ее прядильщица, и чистое, состоящее какъ бы изъ прямыхъ волоконъ, отдѣляетъ отъ прочаго; изъ остальнаго же, сложивъ это вѣсть, приготовляетъ утокъ въ основѣ, потомъ уже берутся за дѣло женскія руки, выпрядаютъ тонкія нити, и сперва, какъ пѣкія струны, натянувъ порядкомъ въ ткацкомъ станкѣ, пропускаютъ сквозь нихъ утокъ, челнокомъ раздѣливъ нити, въ основѣ, однѣ изъ промежуточныхъ нитей опустивъ внизъ, а другія поднявъ вверхъ, а потомъ устроенными на то орудіями, какъ бы толкая и нажимая утокъ, производятъ такимъ образомъ ткань.

Кто же достойно подивится мудрости, данной этому живому существу? Какъ изъ шерстей, или шелковыхъ нитей, одного цвѣта бываютъ вытканы изображенія всякаго рода животныхъ, подобія людей, то занимающихся охотой, то молящихся, а также и виды деревъ, и весьма многое другое. Подлинно да восхвалятъ Господа всѣ народы, сподобившіеся такой мудрости, и наслаждающіеся столькими благами! Кто сдѣлалъ, что морская рыба даетъ краску для шерстей? Кто опять былъ изобрѣтателемъ сего искусства, чтобы и естественный видъ шерстей облекать въ тысячи цвѣтныхъ видовъ?

Но, можетъ быть, бользнуя неблагодарностію, скажешь: черви выпрядаютъ нити еще болѣе тонкія, нежели люди? Но и это — дѣло Божіей попечительности. Чтобы ты не высоко думалъ о мудрости, съ какою успѣваешь въ искусствахъ всякаго рода, и не величался множествомъ богатства, Благопопечитель посредствомъ червей враз-

умяетъ тебя, что не отъ твоей зависитъ это силы, а есть даръ Божія человеколюбія. Но, давая тебѣ этотъ урокъ, и утѣшаетъ вмѣстѣ, чтобы не скорбѣлъ ты, уступая надъ собою побѣду червямъ; потому что тебѣ же предоставляетъ нити сїи, и твоему игу подчиняетъ ихъ дѣлателя.

Ты одинъ изъ всѣхъ живыхъ существъ построилъ красивые города, укрѣпилъ ихъ башнями и оградами, устроилъ прекрасныя фортификаціи и жилища, и пристанями совокупилъ море съ сушею. Но поелику Творецъ создалъ тебя смертнымъ въ настоящей жизни, зналъ, что будешь впадать въ болѣзни (удѣломъ смертнаго страданія); то научилъ тебя и врачебному искусству, и симъ познаніемъ вооружилъ противъ страданій. Онъ научилъ тебя знать различіе невидимыхъ по паружности недуговъ, и по движенію біоющихся жилъ распознавать усиленіе и ослабленіе лихорадочнаго жара, узнавать время начала припадка, высшій его степень и приближеніе къ концу, предусматривать признаки смерти, распознавать родъ того вещества, которое производитъ болѣзнь, и противъ него употреблять то, что съ нимъ во враждѣ, влажное изсушать, горячее охлаждать, холодное разжигать и согрѣвать, скопившееся до излишества изгонять вонъ рвотными и слабительными врачествами, или съченіемъ кровопосныхъ жилъ. И какое слово объиметь, или множество недуговъ, или множество врачеваній? Ибо многое враждебно тѣлесной природѣ, но и противодѣйствующія тому средства многочисленны; искусство много открыло противоборствующаго каждой болѣзни.

Посему-то Творецъ повелѣлъ землѣ произращать и многія травы, не только годныя, но и негодныя для пищи; потому что мы люди имѣемъ нужду не въ одной только пищѣ, но и во врачеваніи. Такъ, однѣ изъ травъ приготовляемъ въ съѣдъ себѣ, другія подаютъ травоядныя животныя, иныя собираютъ врачи, и приготовляютъ изъ нихъ цѣлительныя врачества, и вредное въ пищу дѣлается цѣлебнымъ врачествомъ. Посему и это да не побуждаетъ тебя къ обвиненію Промысла; напротивъ того все сіе уста благопризнательныя призываетъ къ хваленію.

Но я, осмѣлившись пуститься въ море мудрости искусствъ, уподобляюсь тѣмъ, которые плывутъ по морю, отсюда обуреваются волнами, и желаютъ достигнуть суши. Такъ и я усиливаюсь избѣгнуть, подобно прираженію какихъ-то волнъ, скопляющихся у меня мыслей, поспѣшить къ концу, какъ бы коснуться морскаго берега.

Поэтому, оставивъ всѣ прочія искусства, обращаю слово къ искусству грамматическому, которое ближе другихъ къ разуму и прилично животному словесному. Оно избрѣло буквы, опредѣлило число ихъ, сопрягло ихъ однѣ съ другими, и произвело сочетаніе слоговъ. Потомъ, соединивъ вмѣстѣ по два и по три слога, научило чтенію словъ; сложивъ же и связавъ слова, произвело единую стройность рѣчи. Такимъ образомъ тысячи книгъ наполнились изреченіями древнихъ, и однѣ изреченіями священными, божественными, таинственными, а другія — касающимися внѣшняго образованія. Грамматическое искусство, разнообразною

мѣрностию рѣчи, красотою словъ, стройностию сочиненія прикрывая баснословное, услаждаетъ слухъ, а благочестивымъ служитъ оружіемъ противъ питомцевъ кечестія. Съ помощію сей науки, мы и отсутствуя бесѣдуемъ другъ съ другомъ, находясь въ разстояніи пути многихъ дней, когда между нами бываетъ преградою великое число дневныхъ переходовъ, при содѣйствіи рукъ, посылаемъ другъ другу порожденія мысли. Языкѣ, первое орудіе слова, остается въ бездѣйствіи, правая же рука услуживаетъ слову и, воля тростию, начертываетъ на хартіи бесѣду съ другомъ, и колесницею слова служитъ уже не языкъ въ устахъ, но рука, съ теченіемъ времени навывшая искусству и обучившаяся точному сочетанію буквъ.

Съ сею-то цѣлію Творецъ далъ такое устройство нашимъ рукамъ, раздѣливъ на пять перстовъ, четыремъ противопоставилъ большой перстъ. А если бы всѣ персты были расположены паравиъ, то не было бы возможности производить всякаго рода работу. Теперь же, когда большой перстъ противоположенъ другимъ, удобно держимъ и кисть, и лопату, и заступъ, и пилу, и сѣкиру, и молотъ, и клещи, и всякое другое, какое ни есть, орудіе искусства.

Такъ, усмотрѣвъ изъ сего слова, какого промышленія сподобился ты при твоёмъ сотвореніи, сколько даровалъ тебѣ Творецъ искусствъ и познаній, необходимыхъ, не просто для жизни, но для жизни счастливой, какую показалъ великую щедрость въ попеченіи о тебѣ, какимъ обиліемъ благъ осыпалъ тебя, чтобы, съ помощію искусствъ

содѣлать жизнь для тебя пріятною, чтобы не только доставляли они потребное, но даже и то, что сверхъ потребности, лилось къ тебѣ отсюда, — отложи неблагодарность твоего языка, научись прославлять Промысль, *повинися Господеву, и умоляй его (Псал. 36, 7.)*. Научись взывать съ Пророкомъ: *удивися разумъ Твой отъ мене: утвердися, не возмогу къ нему*. Ему слава нынѣ и всегда, во вѣки! Аминь.

С Л О В О 5.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПРОМЫСЛА, ЗАИМСТВУЕМОЕ ИЗЪ ПОДЧИНЕНІЯ ЧЕЛОВѢКУ ЖИВОТНЫХЪ БЕЗСЛОВЕСНЫХЪ.

Какова попечительность Творца всяческихъ о родѣ нашемъ, ясно знаете вы, друзья и соучастники пира, и не имѣете нужды въ словесномъ наставленіи; потому что, постоянно пріемля отъ оной потоки благодѣяній, по мѣрѣ силъ, возносите пѣснь Подателю. Поелнку же иные, педугуя великою безчувственностію, не сознають даровъ Божіихъ, наслаждаясь богоданными благами, изрыгаютъ неблагодарныя рѣчи на Сотворшаго; то по необходимости слово наше, съ великою скоростію обошедши тварь, изведя на среду естество человѣческое, въ каждой части, и всей твари, и нашего

естества указало весьма явственно обнаруживающийся Божій Промысль, а также привело въ известность какъ мудрость, такъ вмѣсть и пользу не многихъ только искусствъ, изобрѣтателемъ которыхъ сталъ умъ человѣческій; но добровольно преминуло искусства, изобрѣтенныя для великолѣпія и услажденія, разумью искусства: живописное, льпное, ваятельное, литейное, поваренное, изобрѣтенія разныхъ печеній, а сверхъ сего искусства, удовлетворяющія непомѣрной любознательности, разумью: астрономію, геометрію, ариметику, музыку, которой весь трудъ—плѣнять и раздражать слухъ, приводитъ душу въ какое угодно расположеніе, унылую разтворять радостію, а разсѣянную дѣлать собранною и мужественною. Сіи и подобныя симъ искусства добровольно преминуло слово, избѣгая длинноты, заботясь о краткости и предоставляя собственному уму слушателей заняться разсмотрѣніемъ каждаго искусства, потому что въ сказанномъ не трудно найти основанія къ уразумѣнію умолчаннаго.

Неумѣющіе пѣснословить Благодѣтеля, а навывшіе клеветать на Него скажутъ, можетъ быть, что изобрѣщеніе искусствъ Творецъ даровалъ не одному только человѣческому естеству. Ибо видимъ, что самый мелкій родъ крылатыхъ тварей — пчелы любятъ жизнь гражданскую и общественную, по безсилію вооруженныя жаломъ, одна за другою и въ порядкѣ выбираютъ изъ ульевъ, несутся по воздуху, облетаютъ рощи, луга, пивы, садятся на цвѣтахъ, листьяхъ и плодахъ, собираютъ что-то подобное пуху и для нихъ полезное, сами себя

обременяють ношами, ноши эти кладутъ себѣ на сгибы погъ и на шею, и такъ возвращаются въ ульи. Потомъ устрояють соты, не пуждаясь ни въ лишейкѣ, ни въ наугольникѣ, вѣрнѣе всякаго чертежнаго искусства дѣлають углы одинъ другому равные, переплеты же стѣнъ и разгородки для меда строятъ весьма тонкія, какъ бы нитяныя и волокнистыя, впрочемъ тонкими и частыми этими преградами не даютъ ни мало растекаться влажному меду, и вмѣстилища сѣи наполняютъ сладкою влагою. Говорятъ: родъ человѣческій, который дѣлится на учениковъ и наставниковъ, съ великимъ трудомъ и продолжительное время усовершеншается въ искусствѣ, произвелъ ли что подобное; тогда какъ трудолюбивый и добротолубивый этотъ родъ пчель, не дѣлясь на наставниковъ и учениковъ, не участь искусству подъ бичами и жезлами, по врожденной способности, самоучкою, совершаетъ эту трудную работу, строятъ соты, наполняетъ вмѣстилища, не спрашивая ни о мѣрахъ, ни о средоточіяхъ, ни объ углахъ? И вмѣстилища наполняетъ, не выжимая гроздовъ, и не дѣлая вреда другому какому плоду, но почерпая малую часть росы, и изъ этого выработывая медъ. Итакъ, изъ самаго обвиненія сего составимъ оправданіе; потому что затрудненіе легко разрѣшается само собою.

Пчелы этотъ великій и прекрасный трудъ, а также превосходный и самый сладкій плодъ труда приносятъ въ даръ человѣческому же роду; какъ служители, понуждаемые закономъ владычества, выходятъ онѣ изъ жилищъ, собираютъ потребное,

непрестанно посягъ на себѣ тяжести, тщательно занимаются домоводствомъ, влагають медовую влагу, какъ бы къ сокровищу какому прикладываютъ клейма и печати, и какъ дань какую и налогъ непрестанно отдають людямъ, какъ царямъ. По этому, что же клеветтешь ты, жалкій? Принимая дань, хулишь собирателя дани? И пользуясь чужими трудами, того, кто тебѣ отдаетъ добытое сими трудами, язвишь неблагодарнымъ словомъ?

По ты не плоды ихъ трудолюбія только пожинаешь, а извлекаешь изъ всего и другую пользу. Ибо, во первыхъ, дознаешь, сколько благъ доставляетъ единомысліе, и какихъ плодовъ бываетъ оно содѣтелемъ. Рой пчель уподобляется гражданскому обществу. Нѣтъ у нихъ ничего собственного, но общее богатство и недвижимое имущество; нѣтъ у нихъ судебныхъ псковъ и судилищъ; потому что не обижаютъ другъ друга, не желаютъ большаго, одною работою заняты непрестанно. Почему и трутней, которые не терпятъ труда, а въ праздности истребляютъ добытое трудомъ другихъ, гонять вонъ. Пенавидятъ многоначалія и народоправленія: одного имѣютъ вождя, ему покорствовать пріятно для нихъ: все же это и дѣлають и терпятъ, не слыша приказовъ, не читая законовъ, не ходя къ наставникамъ; потому что у вихъ одна пчела не превосходитъ другую мудростію, и старшая не знаетъ больше младшей, но всѣ одна другой подобно выполняютъ все сказанное выше, не по разумному вѣдѣнію, но съ естествомъ получивъ отъ Творца всяческихъ это трудолюбіе и добротолубіе въ работѣ. А для тебя все это слу-

жить полезнымъ урокомъ. Какъ разумный, паучаешься ты у неразумныхъ гнущаться праздною жизнью, какъ вредною, усердно же подвизаться въ трудахъ добродѣтели, и отовсюду заимствовать служащее къ ея пріобрѣтенію, не искать начальства, тебѣ не принадлежащаго, а когда имѣешь его, распорядиться прямодушно и справедливо, что имѣешь у себя, почитать то общимъ, и употреблять въ пользу имѣющихъ въ томъ нужду. Къ наученію тѣхъ, которые судятъ здраво, и отличительный признакъ своего естества сохраняютъ въ цѣлости, достаточно врожденнаго разума, а которые повредили оный и возлюбили жизнь звѣрскую, хищническую и кровожадную, для тѣхъ истиннымъ обличеніемъ служить благоустроенный образъ жизни животныхъ безсловесныхъ. По этому, о твоей промышленности польза, Творецъ и породы безсловесныхъ украсилъ нѣкими естественными преимуществами, чтобы и изъ этого могъ ты пріобрѣсть пользу. Свидѣтель сему Соломонъ, который даетъ тебѣ совѣтъ, и говоритъ: *иди ко мравію, о лѣннине, и поревнуй, видѣвъ пути его. Иди ко пчелѣ, и увѣждь коль дѣлательница есть, дѣланіе же коль честное творить: ея же трудовъ царіе и простиі во здравіе употребляютъ* (Притч. 6, 6 - 8.). Свидѣтельствуется же и Самъ Богъ всяческихъ, говоря устами Пророка: *горлица, кузнечикъ и ластовица сельная и врабія познаша времена входовъ своихъ: людіе же Мои сіи не познаша судьбъ Господнихъ* (Іер. 8, 7.); и еще устами Исаіи: *позна волъ стяжавшаго и, и осель ясли господина своего: Израиль же Мене не позна, и людіе*

Мои не разумѣша (Иса. 1, 3.). Посему естественныя преимущества безсловесныхъ служатъ обвиненіемъ для одаренныхъ словомъ.

О семъ-то сѣтуя Пророкъ, и представляя плачевное состояніе людей, падшихъ до унодобленія безсловесныхъ, взываетъ: *человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ, и унодобися имъ* (Псал. 48, 13.). Посему-то Пророки называють кого волками (Иезек. 22, 27.), кого львами, уловляющими въ тайнѣ (Псал. 9, 30.), кого псами, лающими на того, кто кормитъ ихъ, кого юницами, *стрѣкаломъ стрѣчемыми* (Ос. 4, 16.), кого змѣями и порожденіями ехиднѣ, кого аспидами, затыкающими уши свои и не слышащими гласа *обавающихъ* (Псал. 57, 5. 6.). Но какъ лукавымъ правамъ они придавали названія звѣрей, такъ душамъ простымъ и не злонаправнымъ присвоили названія животныхъ похваляемыхъ. Можно пайдти, что душу, украшенную простотою вѣры, Пророки называютъ голубицею и горлицею. Смыслъ наименованіемъ въ таинственной книгѣ Пѣсеней Женихъ привѣтствуетъ Церковь, а души благопокорныя и возлюбившія Пастыря именуется овцами. Ибо говорятъ: *овцы Моя гласа Моего слушаютъ* (Іоан. 10, 27.), и: *знаю Моя, и знаютъ Мл Моя* (14.), и еще: *Азъ есмь пастырь добрый: пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (11.); и въ другомъ мѣстѣ: *поставитъ агнцы одесную Себе, а козлища ошуюю* (Матѣ. 25, 33.). И также, въ священномъ евангеліи, наименоваль орлами тѣхъ, которые парятъ въ высоту, отрѣшились отъ земнаго, приобрѣли чистое душевное око, и возжелали

принадлежать къ таинственному тѣлу. Ибо, говоря о святыхъ, по воскресеніи восхищаемыхъ на небеса, присовокупилъ: *идъже трупъ, тамо соберутся орли* (Матѳ. 24, 28.).

Посему изъ сказаннаго явствуетъ, что Творецъ и пчеламъ и всѣмъ другимъ безсловеснымъ далъ и удѣлилъ нѣкоторыя преимущества ради насъ, чтобы мы отсюда извлекали пользу. Такъ, на примѣръ, отъ пчелъ приобретаемъ и другую выгоду. Отъ нихъ научаемся не величаться изобрѣтеніемъ наукъ и искусствъ, не высоко о себѣ думать и не забывать естества своего, но познавать Творца, и къ Нему возводить причины благъ. А чтобы не смущаться и не огорчаться намъ тѣмъ, будто бы безсловесныя — сообщники наши въ искусствѣ, и ни чѣмъ отъ нихъ не отличаемся, Творецъ намъ отдалъ плодъ трудолюбія въ медодѣланіи, чтобы вмѣстѣ и общеніемъ въ искусствѣ смирить горделивую нашу волю, и утѣшивъ порабощеніемъ намъ сихъ сообщниковъ, устранить огорчающее насъ. Посему, о чемъ скорбишь, человекъ, видя пчелъ любителями искусства? Трудъ — ихъ, а плодъ — твой; онъ трудятся, а ты наслаждаешься тѣмъ, что произведено ихъ трудомъ.

И науку Творецъ далъ это врожденное искусство, прясъ тонкія и невидимыя нити, чтобы тебя научить, какъ должно ловить разные роды птицъ. Паукъ плететъ сѣти, не разумомъ научаемый искусству, но имѣя учителемъ природу; а ты, поелику есть у тебя разумъ, и видишь представляемый образецъ, измыслилъ тысячи родовъ сѣтей. И это самое малое животное тѣмъ, что, не имѣя разума,

указало тебѣ пользу представляемаго имъ образца, возбраняетъ тебѣ предаваться кичливости и высокомерію: а разнообразіе твоихъ сѣтей опять утѣшаетъ тебя; ибо образецъ одинъ, а подражаній—тысячи. Для птицъ устроишь ты что-то похожее на облако и воздухъ, и утвердивъ это въ мѣстахъ тѣнистыхъ, сходствомъ сѣтей съ воздухомъ обманываешь чувства птицъ; въ содѣйственники же при уловленіи берешь страхъ, возбуждаемый преслѣдованіемъ. Ловимыя птицы, когда ихъ испугнуть и со всехъ сторонъ сгонять къ сѣтямъ, болѣе преслѣдующихъ, не въ состояніи бываютъ ясно рассмотретьъ, что у нихъ впереди, потому, налетѣвъ на невидимо растянутыя сѣти, запутываются въ ихъ петляхъ. Такія сѣти вынаи въ воздухъ, ловишь ты ими птицъ. Но для той же ловли сихъ животныхъ придуманы у тебя и другія, болѣе твердыя, сѣти, которыя распростираешь по землѣ, вырывъ яму, наполняешь ее водою, сажаешь у сѣтей ручныхъ птицъ, чтобы видомъ и голосомъ пригласивать однородныхъ съ ними, потомъ, когда другія, увидя воду и слыша голосъ видимой ими птицы, слетаются къ ней, при помощи особеннаго искусства дѣлаешь, что онѣ остаются подъ сѣтями. Иное опять устройство изобрѣтено у тебя для ловли четвероногихъ; силки, путы и капканы уловляютъ оленей, а тенета—кабановъ, серпъ и зайцевъ; ямы же и подобныя тому устройства служатъ для ловли самыхъ дикихъ звѣрей. Но не достаточно было въ добычу тебѣ птицъ и скотовъ, отважился уже ты на уловленіе и животныхъ морскихъ, устроишь верши,

петли, съти, невода и все тому подобное, преслѣдуешь роды плавающихъ, и что сокрыто подъ водою, искусствомъ своимъ извлекаешь на воздухъ, ловишь питомцевъ водъ, и самъ, живя на сушѣ, привлекаешь къ себѣ тѣхъ, кому мѣстомъ жительства служить водная глубина; къ твоему наслажденію готовы тысячи породъ рыбъ, и ты пользуешься ими съ помощію рыболовнаго искусства.

Поэтому не огорчайся, смотря на паука, прядущаго тонкія нити; и отъ него получаешь ты пользу, учишься не высоко о себѣ думать, но пѣснословить общаго Создателя. Но также и утѣшаешься видя, что добыча паука — комары, мухи и подобныя имъ животныя, а ты своею мудростію превозмогаешь быстролетныхъ птицъ своими орудіями принуждаешь уступать тебѣ побѣду животныхъ плавающихъ и живущихъ подъ водою, и породы тварей, живущихъ на сушѣ, покорствуютъ твоимъ законамъ.

Потому, не огорчайся, что лишенъ ты крыльевъ; ибо въ удѣлъ свой пріямъ мудрость, которая подручными тебѣ дѣлаетъ пернатыхъ: у тебя есть умъ, который быстротечнѣе всякой птицы, лучше же сказать, самага вѣтра: куда ни обратишь свое мановеніе, немедленно бываетъ онъ тамъ: хотя заключенъ въ тѣлѣ, привязанъ къ землѣ, однако же обтекаетъ небо, простирается далѣе небесныхъ красотъ и самага неба, представляетъ что надъ нимъ, обходитъ вселенную, посѣщаетъ тысячи народовъ, бесѣдуетъ съ друзьями, живущими вдали. Почему же лишеніе видимыхъ крыльевъ сокрушаетъ и печалитъ тебя, владыющаго такими мыс-

ленными крылами, съ которыми ты удобно пренобъждаешь пернатыхъ.

Не окриленное у тебя тѣло, но мудростію уловляешь ты птицъ, носящихся по воздуху. При ея содѣйствіи вола, вооруженнаго крѣпостію силъ и рогами, ведешь подъ ярмо, принуждаешь работать, подвергаешь непрестаннымъ трудамъ, заставляешь пахать пшву, влачить возъ, переносить тяжести, которыя не по силамъ другимъ вычнымъ скотамъ, перевозить вещества, нужныя для постройки домовъ. Прикажешь, ѿидеть онъ подъ ярмо, терпѣливо несетъ это иго, забываетъ о пользѣ роговъ, боится твоего голоса, не знаетъ различія въ крѣпости силъ, но терпитъ порабощеніе существу гораздо слабѣйшему. Столько-то разумъ лучше тѣлесной силы. Онъ и ослу, и мску, и верблюду повелѣваетъ нести тяжесть, и каждое изъ поименованныхъ животныхъ преклоняется къ землѣ по сему приказу, обремененное ношами встаетъ, какъ скоро прикажутъ, утомленное длинными путешествіями терпитъ тѣхъ, которые доводятъ его до страданія, покорствуешь тѣмъ, которые обременяютъ его, принимаетъ подаваемый ему кормъ, но томимое голодомъ не вопіетъ на владыющихъ имъ; потому что закону рабства научилось у самой природы; поэтому, самыхъ сильныхъ животныхъ приводитъ въ страхъ одинъ голосъ некущагося о нихъ.

А ты презираешь Владыку всей твари, и въ образъ животныхъ находя для себя побужденіе служить на пользу, не хочешь подчиниться Господу и умолять Его, и не несешь на себѣ благочинно

бремя добродѣтели ; когда ихъ возложимъ на тебя Владыка. Но скачешь , ведешь себя самовольно, избѣгаешь сего ига, какъ не извѣдавшій ярма телець, не терпишь узды, но рвешь ее, бѣжишь и несешься по стремнинамъ , свергаешь съ себя природою даннаго тебѣ браздодержца.

Напротивъ того тѣ, которые возлюбили сіе благое рабство, уязвлены пламенною и неустрашимою любовію къ Владыкѣ, великую пользу извлекли для себя и изъ примѣра безсловесныхъ. По этому и въ псалмахъ всѣ они устами одного зываютъ: *скотенъ быхъ у Тебе, и азъ выну съ Тобою* (Псал. 72, 22. 23.); то есть, за Тобою слѣдую, подобно ведомому скоту, не допытываясь, на какому ведешь пути, не любопытствуя о томъ, кратокъ ли, длиненъ ли, труденъ ли онъ, не огорчаюсь ни его тѣснотою, ни его крутизною, ни его опасностью ; потому что увѣрилъ себя, что Ты благъ, и ко благу путеводишь мною. По этому, во всемъ прочемъ и любовѣдущъ и разуменъ я, знаю, какъ разсудить, о чемъ должно, и ясно вижу, какъ избѣгать скорбнаго, а когда ведешь Ты, я отказываюсь отъ разсудка, подражаю благопокорности скота, разумный предъ другими, *скотенъ бываю у Тебе*. Потому не отлучаюсь отъ твоего сопробыванія, но *выну азъ съ Тобою*. Поелику по Твоимъ слѣдую стопамъ , то покоряюсь уздѣ, даю себя вести, куда ни поведешь, заставляешь ли идти меня путемъ гладкимъ, или шероховатымъ, узкимъ, или широкимъ: потому что полагаюсь на Твою премудрость, вѣрю Твоей бла-

гости ; знаю, что дѣйствительно прекрасно и благо то, что Тебѣ угодно.

Умѣющіе пріобрѣтать такую пользу получаютъ ее отъ природы безсловесной. Поэтому и ты, видя, что покорны тебѣ роды безсловесныхъ, покорствуй Тому, Кто ихъ содѣлалъ тебѣ рабами. Онъ подчинилъ тебѣ стада коней ; и взявъ горделиваго коня, неумѣющаго носить на себѣ всадника, преобразуешь его своимъ искусствомъ, отучаешь отъ дерзости, смиряешь до того, что перестаетъ бить задними ногами, поднятую вверхъ выю сгибаешь въ кольцо, заставляешь поникнуть лицомъ въ землю, научаешь ходить мѣрною поступью, чинно переставлять копыта, и бѣжать скоро, когда это нужно, дикаго дѣлаешь ручнымъ, доводишь до такой покорности, что слушается твоего голоса и твоей руки, тершитъ отъ тебя удары бичемъ, хотя много превосходитъ тебя и силою, и проворствомъ, сносить твои угрозы, боится тебя, и тѣмъ, что дѣлаетъ, признаетъ свое рабство. Когда ты на охотѣ, съ тобою охотится и онъ ; и когда воюешь, съ тобою подвизается, стремительно наступаетъ на противниковъ ; а если пожелаешь бѣжать, отважность свою перемѣняетъ въ робость, обращивается назадъ, бѣжить, несясь съ быстротою, избавляетъ тебя отъ преслѣдующихъ ; не оказываетъ непослушанія, когда велишь ему идти прямо въ лице непріятельской дружинѣ, не противорѣчитъ, когда прикажешь обратиться въ бѣгство ; одинъ законъ спасенія извѣстенъ ему, — это приказъ всадника.

И что говорю о кошѣ, ослѣ, верблюдѣ ? Тебѣ

желаетъ повиноваться и величайшее изъ животныхъ земныхъ—слонъ, который можетъ хоботомъ и самыя великія деревья вырывать съ корнемъ. Не разсуждаетъ о крѣпости, не думаетъ о силѣ, не смотритъ на огромность тѣла тотъ, кто величиною уподобляется инымъ холмамъ, но терпитъ твое владычество ; и ты (разумью весь твой родъ), сидя, даешь приказъ, а онъ дѣлаетъ , что вѣрно. Если получить отъ зрителей плату за зрѣлище, тебѣ подаетъ ее хоботомъ, какъ горстью. Идешь ты на войну, и онъ ратоборствуетъ вмѣстѣ съ тобою, и когда вступаешь въ битву, онъ принимаетъ на хребетъ свой многихъ стрѣльцевъ, съ него, какъ съ башни какой, мещутъ стрѣлы въ противниковъ ; и наступая на дружину непріятелей, приводитъ онъ въ страхъ, легко разрываетъ ихъ ряды, разсѣваетъ ратниковъ.

По этому не огорчайся, что малое имѣешь тѣло; но смотри, сколько животныхъ согласны служить ему, и съ усердіемъ пѣснословъ Подчинившаго ихъ тебѣ, и за это самое исповѣдуй благодареніе Творцу. Ибо, промышляя о душевномъ твоёмъ спасеніи, не обложилъ тебя слишкомъ великимъ тѣломъ, чтобы , преимуществуя тѣмъ и другимъ, и душою и тѣломъ, не впасть тебѣ въ діавольское высокомеріе. Если и при маломъ своемъ тѣлѣ, бѣснуешься и неистовствуешь противъ Сотворшаго ; то чего не сдѣлалъ бы ты, получивъ и тѣлесное величіе ? Теперь же, какъ малость тѣла учитъ тебя быть цѣломудреннымъ и познавать Творца, такъ даръ разума вознаграждаетъ за тѣлесную малость.

Посредствомъ разума правяшь ты естественномъ безсловесныхъ, употребляешь ихъ въ дѣло, водишь стада овецъ, козъ, свиней, табуны коней, пасущихся въ степяхъ, и носящихъ выюки верблюдовъ, смѣшанную породу птицъ и мсковъ. Одни изъ сихъ безсловесныхъ служатъ тебѣ въ пищу, дѣлаютъ трапезу твою многоцѣнною, доставляютъ тебѣ всякаго рода наслажденія, идутъ въ составъ различныхъ для тебя снѣдей: другія привозятъ тебѣ хлѣбъ и дрова, переносятъ потребное для иныхъ нуждъ. Псы, то ходятъ съ тобою на ловитву, то пасутъ вмѣстѣ стада, то служатъ стражами при домѣ. Пастухи, полагаясь на ихъ бдительность, вкушаютъ сонъ; при ихъ содѣйствіи не многіе могутъ пасти множество овецъ; потому что псы готовы ввергаться въ опасность не только за господь, но и за овецъ; защищаютъ пастуховъ, усердно ведутъ брань съ волками, и уязвленные никакъ не предаются постыдному бѣгству, но лаемъ призываютъ на помощь пастуховъ. И это дѣлаетъ песъ, не имѣя учителемъ разума, но отличаясь какимъ-то естественнымъ преимуществомъ. По приказанію ловчаго слѣдитъ онъ добычу, различаетъ запахи, и по нимъ, какъ по нѣкимъ слѣдамъ, идя неуклонно, не останавливается, пока не отыщетъ добычу. Отыскавъ же и держа зубами и цогтями, не ѣстъ самъ добычи, но хранитъ ее въ цѣлости пославшему, и хотя поработченъ неразумію, однако же признаетъ господство, и никакъ не осмѣливается вступить въ раздѣлъ лова съ господиномъ. Если же отыщетъ звѣря, который больше его, и превышаетъ собственныя его силы,

напримѣръ, кабанъ, или медвѣдя, или что-либо подобное, то бережетъ себя отъ пораженія клыками, но борется мужественно; и дѣлая частыя нападенія сзади, пытается съ безопасностію для себя задержать добычу, и усиленною борьбою не даетъ ей спастись бѣгствомъ; потому что, частыми нападеніями принуждая звѣря часто оборачиваться назадъ, дѣлаетъ, что остается онъ на одномъ мѣстѣ, пока не подойдетъ ловець. А онъ, какъ скоро приходитъ при содѣйствіи искусственныхъ оружій, весьма легко и безъ труда овладѣваетъ добычею.

И напрасно кто-либо изъ скорыхъ на возраженія будетъ мнѣ выставлять здѣсь на видъ бѣшеныхъ псовъ, бьющихъ задними ногами ословъ, кусающихся верблюдовъ, бодающихся воловъ. Изъ большаго числа въ немногихъ только бываютъ сіи недостатки, — и это крайне необходимо; изъ сего познаешь, что природа безсловесныхъ подчиняется тебѣ не сама собою, но покорствуя маноушеніямъ Творца: сіе подтверждаютъ животныя, мятежно востающія противъ твоего владычества — кусающійся верблюдъ и бодающій волъ и все тому подобное; потому что и все такимъ же образомъ вышло бы изъ подъ твоего владычества, если бы не возбранялъ божественный законъ; такъ что, безчиніе безсловесныхъ для тебя дѣлается урокомъ благочинія, ихъ скаканія прекращаютъ твои необузданныя движенія, подвергаясь ихъ своеволю, научась самъ не быть своевольнымъ, но признавать Владыку. Для сего-то Творецъ создалъ и дикихъ звѣрей и роды пресмыкающихся, чтобы

твою опрометчивость и дерзость обучить добродетели, и страхомъ звѣрей привести тебя въ необходимость искать Божіей помощи; потому что наложенный на тебя страхъ звѣрей, непрестанно тебя поражая и уязвляя, возбуждаетъ къ молитвѣ, и заставляетъ призывать въ защиту Помощника. А поелику нужда повелѣваетъ тебѣ просить помощи; то стараешься угождать Тому, Кто можетъ оказать тебѣ помощь, и Его бываешь принужденъ неотступно умолять о томъ, чтобы избѣжать тебѣ вреда отъ злоумышляющихъ; возводишь очи на небо; ищешь Попечителя, желая освободиться отъ оскорбителей. И страхъ сей дѣлается для тебя руководителемъ къ Богу.

Но чтобы, непрестанно подвергаясь страху сему, не проводить тебѣ горестной жизни, Богъ поселилъ звѣрей вдали отъ тебя. И породу животныхъ ядовитыхъ сокрылъ въ какихъ-то норахъ, мѣстомъ ихъ жительства содѣлавъ подземелья, не дозволивъ имъ небоязненно приближаться къ человеку, повелѣвъ же всегда скрываться, а въ рѣдкихъ развѣ случаяхъ показываться, давъ законъ; и показываясь избѣгать взора людей, какъ бы нѣкихъ властителей, не многимъ же и весьма рѣдко причинять вредъ, впрочемъ не начинать съ ними битвы, а только защищаться; ибо иначе мы не стали бы и бояться ихъ, если бы родъ нашъ не испытывалъ отъ нихъ вреда. Да и родамъ четвероногихъ звѣрей Попечитель вселепной повелѣлъ жить въ непроходимыхъ лѣсахъ, на утесахъ, въ мѣстахъ, наполненныхъ пещерами, и гдѣ совершенно нѣтъ людей, а для снисканія пищи опредѣлилъ имъ

ночь. Ибо сказано: положилъ еси тму, и бысть ношь: въ ней же пройдутъ вси звѣрїе дубравнїи: скимни рыкающїи восхитити, и взыскати отъ Бога пищу себѣ. Возсія солнце, и собрашася, и въ ложахъ своихъ лягутъ. Изыдетъ человекъ на дѣло свое и на дѣланїе свое до вечера (Псал. 103, 20—23.). Потомъ, удивившись Божїю домо-стронтельству, Пророкъ взываетъ: яко возвеличишася дѣла Твоя Господи; вся премудростїю сотворилъ еси (24.).

А что по вторженїи грѣха и безсловесные отреклись признавать надъ собою владычество человека, прежде же подчинялись ему, и признавали свое рабство, о семъ свидѣтельствуеть родоначальникъ Адамъ, давшїй всѣмъ имъ наименованїя, не боявшїйся, не убѣгавшїй ихъ, и не терпѣвшїй отъ нихъ никакого вреда. Свидѣтельствуеть о семъ и второй родоначальникъ людей, искра всего рода, блаженный Ной, которїй въ ковчегъ былъ пастыремъ не кроткихъ только, но и самыхъ свирѣпыхъ животныхъ, и въ продолженїе цѣлаго года тѣхъ и другихъ пасъ вмѣстѣ, и заставляя плотоядныхъ питаться травою: свидѣтельствуеть и число животныхъ чистыхъ сохранившееся въ ковчегъ цѣлымъ и неприкосновеннымъ. Свидѣтельствуеть такъ же и великїй Данїилъ, отданный въ пищу львамъ, но поразившїй ихъ молнїею добродѣтели и крайне устранившїй чертами Божїя образа. По велику они видѣли, что въ образъ весьма яснымъ сохранилось подобїе Прообразу; то признали свое рабство, отложили звѣрство, и какъ бы предположили, что видятъ того Адама, которїй до грѣха

далъ имъ имена. Такъ, когда блаженный Павелъ, чтобы поддержать огонь въ костръ, принесъ связку дровъ, и съ помощію огня умѣрилъ холодъ воздуха, скрывавшаяся въ дровахъ эхидна бѣжала отъ огня, какъ отъ пагубнаго для нея, коснулась же руки Апостоловой, какъ бы отмщая за то, что могла она потерпѣть въ огонь. Но нашедши не слабость и уступчивость грѣха, а твердое и несокрушимое оружіе добродѣтели, отскочила немедленно, подобно какой-либо стрѣль, пущенной въ твердое тѣло и обращающейся назадъ къ пустившему ее, удаллась же подъ горящій костеръ, какъ бы подвергая себя наказанію за дерзость, что поступила гнѣвно съ рукою своею владыки.

Поэтому роды звѣрей подобны бичамъ, жезламъ и наказаніямъ пѣстуна; для тѣхъ, которые достигли уже совершенства и вышли изъ дѣтскаго возраста, они крайне не страшны, а для младенцевъ по образу мыслей весьма необходимы и полезны. И какъ, по словамъ божественнаго Апостола, *праведнику законъ не лежитъ, но беззаконнымъ и непокорнымъ, нечестивымъ же и грѣшникомъ, неправеднымъ и сквернымъ* (1 Тим. 1, 9.), отцеубійцамъ и подобнымъ сему; такъ и звѣри служатъ для людей, какъ бы нѣкоторымъ наказаніемъ, ужасая и устрашая удобопреклонныхъ ко грѣху, а питомцами добродѣтели пренебрегаются, подобно чему-то дѣтскому.

Поэтому, и въ этомъ находя Божію попечительность, и дознавъ всяческое Божіе промышленіе, перестань другъ, клеветать, и воздай Благодарителю пѣснопѣніями. Ибо не явная ли несообразность—

хвалить учителя грамматики, который при времени наказываетъ дѣтей жезломъ, изгоняетъ лѣность бичемъ, влагаетъ твердое памятованіе буквъ, также свидѣтельствовать благодарность врачу, не только когда предлагаетъ больному пищу и пиіе, но и когда рѣжетъ, прижигаетъ, ведетъ борьбу съ болѣзнію, не даетъ ей идти впередъ, — хулишь же Бога, который съ высшею премудростію и великою попечительностію промышляетъ о душахъ, и подаваніемъ благъ и страхомъ наказаній обучаетъ начаткамъ добродѣтели, съ корнемъ исторгаетъ болѣзнь порока, и приводитъ душу въ полное здравіе. *Посему, удержи языкъ твой отъ зла, и устынь твои, еже не глаголати хулы. Уклонися отъ зла, и сотвори благо (Пс. 33, 14, 15.).* Примѣчай попеченіе о тебѣ, и воспой Промыслителя, чтобы, видя тебя благопризнательнымъ за милости, и нынѣ *осыпалъ тебя благодѣяніями, и сподобилъ обѣтованныхъ благъ, которыя да улучимъ и мы о Христь Іисусъ Господь нашемъ. Ему слава во вѣки вѣковъ ! Аминь.

С Л О В О 6.

О ТѢМЪ , ЧТО БОГАТСТВО И БѢДНОСТЬ ПОЛЕЗНЫ ДЛЯ
ЭТОЙ ЖИЗНИ.

Неоднократно съ Пророкомъ говорилъ уже я *беззаконнующимъ, не беззаконните: и согрѣшающимъ, не возносите рога, не воздвизайте на высоту рога вашего, и не глаголите на Бога неправду* (Псал. 74, 5. 6.), утверждая, будто бы созданную Имъ тварь оставилъ Онъ безъ управленія. Но крайне непризнательныхъ не убѣждаютъ ни небеса, по слову Пророка, повѣдающія славу Божію (Псал. 18, 1.), ни солнце, яко женихъ исходящее отъ чертога своего (6.) и до краевъ вселенной достигающее и свѣтомъ и теплотою; ни луна измѣняющаяся, устроющая мѣры времени, ни звѣзды восходящія и заходящія, указующія путь мореплавателямъ, возбуждающія земледѣльцевъ къ жатвѣ и посѣву; ни преемство годовыхъ временъ, ни повороты солнца, ни благовременныя и соразмѣрныя порожденія облаковъ, ни согласіе суши и моря, ни потоки рѣкъ, ни измѣнѣнія источниковъ, ни обиліе плодовъ, ни разнообразіе и польза жпвотныхъ, ни устройство тѣла, приличное существу разумному, ни безсмертіе души и мудрость, управляющая тѣломъ, ни множество всякаго рода искусствъ, доставляющихъ не только, что необходимо, но даже что и сверхъ потребности, —

ни все прочее, что Великодаровитый ежедневно даруетъ естеству человеческому. Но и всѣмъ этимъ пользуясь, предаются они неистовству и безумству, великое о всѣмъ попеченіе называютъ нерадѣніемъ, выставляютъ намъ на среду богатство и бѣдность, жалуется на недостатокъ однообразія въ жизни. Посему, въ помощники слова пріявь Того, Кто премудро правитъ ладіею вселенной, противостанемъ симъ нападеніямъ, рѣшимъ возраженіе, и покажемъ, что соплетаемая ими жалоба — тоже, что и ткань наука.

Говорятъ: почему люди самые порочные богатыютъ, отсюда текутъ къ нимъ тысячи благъ, попутнымъ водясь вѣтромъ, проходятъ они жизненный путь, и въ напутствіе неправды пріемлютъ потоки богатства; потому что изобиліе питаетъ въ нихъ пламень любостыжательности, и порокъ, пріявь въ содѣйственники богатство, воспаляетъ величайшій пожаръ, и къ хотѣнію присоединяемая сила дѣлаетъ зло невыносимымъ. А рачители добродѣтели живутъ въ бѣдности, подавлены бѣдствіями, терпятъ недостатокъ въ самомъ необходимомъ, изнурены, не омыты, поникли взоромъ въ землю, поруганы, осмѣяны, терпятъ тысячи всякихъ скорбей?

Посему, прежде всего спросимъ ихъ: въ чемъ поставляютъ они верхъ благополучія. И если скажутъ: въ богатствѣ, немедленно изобличимъ ихъ ложь. Ибо какъ быть зиждителемъ благополучія тому, что, по словамъ ихъ, служитъ содѣйственникомъ неправды? Если живущіе порочно, по причинѣ богатства, поднимаютъ вверхъ брови, надмѣ-

ваются, носясь на коняхъ и колесницахъ, въ волненіе приводятъ торжище, столько презирая другихъ, сколько сами достойны презрѣнія, причиняютъ обиды, преданы любостыжательности, присволяютъ себѣ чужое, желаютъ имъ не принадлежащаго, отнимаютъ собственность у ближняго, наслаждаются чужими благами, наживаются несчастьями бѣдныхъ, и все это дѣлаютъ, пользуясь содѣйствіемъ силы богатства: то будетъ ли богатство верхомъ благополучія, основою счастія? Если же превосходнѣйшимъ изъ благъ назовутъ добродѣтель, и скажутъ, что пламенный любитель добродѣтели и рачительный ея дѣлатель находится на самой вершинѣ благъ; то для чего же обращаютъ взоръ на богатство, и обогащающихся называютъ достойными соревнованія? Обиліе денегъ и преизбыточество преспѣваній въ добродѣтели прямо между собою противоположны.

Пріявъ же въ помощники свѣтъ истины, и произведя общее изысканіе, изслѣдуемъ, сколько видовъ добродѣтели, и какъ удобно для человѣка пріобрѣтеніе оныхъ. Къ добродѣтели причисляемъ, конечно, благоразуміе, цѣломудріе, мужество, справедливость, и всѣ части любомудрія, отъ нихъ происходящія и въ нихъ заключающіяся. Посему изслѣдуемъ, что означаетъ каждое изъ сказанныхъ именованій, каковы его смыслъ, или истолкованіе, или сила. Благоразуміе, конечно, есть бодрствованіе разумной въ насъ силы, какъ безуміе и неразуміе, безъ сомнѣнія, есть опьяненіе этой силы, производимое страстями, и оно, подобно пѣкюему облаку, находитъ, сгущается, омрачаетъ, и не

дозволяеть разуму усматривать, что должно ; почему здоровое состояніе разумной силы именуется благоразуміемъ. Но и цѣломудріемъ называемъ также свободу отъ страстей. Когда разумная сила приобрѣла здоровый и правильный образъ мыслей, — тогда страсти ослабѣваютъ, опадаютъ, разсѣваются, воспламененіе ихъ прекращается, и браздодержецъ — умъ несется чинно на коняхъ. Почему благочиніе страстей и здоровіе браздодержца именуемъ цѣломудріемъ. Мужествомъ же называемъ справедливое движеніе раздражительной силы, равно какъ дерзостию — движеніе несправедливое и беспорядочное. И справедностию называемъ правдивое владычество души и соразмѣрность подвластныхъ ей страстей ; потому что приведеніе въ стройность силъ вождельвательной и раздражительной съ силою разумною и ихъ взаимное сраствореніе способствуетъ намъ къ приобрѣтенію справедливости.

Итакъ, поелику дознали мы, сколько частей добродѣтели, и каковы значеніе и сила каждой ; то рассмотримъ еще, какъ желающему можно преуспѣвать въ нихъ, употребивъ ли содѣйственникомъ богатство, или въ помощь къ приобрѣтенію принявъ бѣдность ? По богатство при множествѣ мятежей, при заботахъ всякаго рода, при тысячахъ разныхъ тревоженій, служить навѣтникомъ, а не помощникомъ добродѣтели. Ибо какъ преуспѣвать въ цѣломудріи тому, кто непрестанно служитъ чреву, преданъ пиршествамъ, готовитъ угощенія, озабоченъ устройеніемъ ложъ и столовъ, у кого не выходятъ изъ ума хлѣбники, повара,

пирожники, благовои́е ви́нъ, ста́каны, чаши, всякаго рода сосуды и разные припасы. Кто съ жадностию пьетъ неразтворенное вино, сверхъ мѣры обременяетъ чрево; угашаетъ въ себѣ послѣднюю искру разумной силы, даетъ всегда новую пищу пламени страстей; какъ можно болѣе разжигаетъ въ себѣ непотребное сластолюбіе, до высшей степени возбуждаетъ свою раздражительность на прислуживающихъ, властителя страстей дѣлаетъ рабомъ ихъ, владыку обращаетъ въ служителя чреву, пріавшаго отъ Творца право господства надъ жизнью низводитъ въ невольники вождельніа, князя отдаетъ въ плѣнь подданнымъ, дѣлаетъ, что браздодержца кони влекутъ по земль, что кормчій не держится уже за кормило, не править всею ладіею, но предаетъ ее тревоженіямъ страстей, заливающимъ и затопляющимъ ладію? Такой чловѣкъ, конечно, не только лишенъ благоразумія, но даже преданъ всякому непотребству; не только не имѣетъ мужества, но сталъ уже невольникомъ враждебныхъ страстей. О справедливости же должно ли и говорить что, когда сами противники согласны въ томъ, что желающій большаго и большаго стяжанія не хочетъ и знать различія между правдою и неправдою; а напротивъ того у такихъ все безпорядочно, неопредѣленно, безразлично?

Посему и тѣмъ, которые до крайности любятъ спорить, не трудно дознать изъ сказаннаго, что употребляющимъ въ содѣйственники богатство не легко преуспѣвать въ добродѣтели. А что бѣдность содѣйствуетъ любомудрію, и безъ нея чело-

вѣку невозможно преуспѣвать въ совершеннѣйшей добродѣтели, сіе познаемъ немедленно. Во первыхъ недостатокъ въ необходимомъ принуждаетъ страсти подчиняться разумной силѣ, не дозволяетъ имъ воспламениться и разбивать браздодержца, какъ бываетъ это у роскошныхъ и чревоугодниковъ. А потому душа, избавленная отъ излишнихъ бремени, свободная отъ внѣшнихъ мятежей, наслаждающаяся всякимъ безмолвіемъ и тишиною, углубленная сама въ себя, усматриваетъ собственное свое достоинство, познаетъ и рабство подвластныхъ ей страстей, и пользуясь правомъ владычества, подвластнымъ ей предписываетъ благочиніе, а безпорядокъ того или другаго изъ нихъ наказываетъ чрезъ нихъ же самихъ: то пламеняющей раздражительности противопоставляетъ вождельніе, и уступчивостію послѣдняго ослабляетъ стремительность перваго; то сію же распорядительность въ наказаніи обращаетъ на вождельніе, и бичемъ раздражительности сокращаетъ его дальнѣйшее стремленіе. Разумной силѣ къ приведенію въ благочиніе страстей содѣйствуютъ также труды. Ибо нужда скудости возбуждаетъ къ трудолюбію, и недостатокъ необходимаго приводитъ къ трудамъ, а обременительность трудовъ, ослабляя страсти, не дозволяетъ имъ воспламениться, истощая то, что питаютъ ихъ.

Почему же косишь въ неблагодарности, видя сочетаніе нищеты съ праведными, и оуждаешь сіе орудіе добродѣтели, поступая подобно тому, кто хвалитъ въ домѣ сѣдалища, скамьи, ложе, двери и красоту зданій, смѣется же падъ орудіями до-

мостроителя и плотника, порицаетъ топоръ, буравъ и все прочее, чѣмъ дѣлается каждая вещь въ домъ? А о томъ, что преуспѣвать въ добродѣтели гораздо удобнѣе при бѣдности, нежели при богатствѣ, свидѣлствуютъ сами питомцы нечестія; свидѣлствуютъ и у Еллиновъ бывшіе любителями мудрости, и единственнымъ наставникомъ имѣвшіе законъ естественный. Ибо всѣ они при нищеть преуспѣвали въ нравственной добродѣтели, и притомъ не слыхавъ еще Божіихъ словесъ, ясно взывающихъ: *иже не отречется всего своего имѣнія, не можетъ быти Мой ученикъ* (Лук. 14, 33.). Однако же имъ и естества достаточно было къ наученію; потому что Божіе слово не новые преподаетъ уроки, но напоминаетъ законы естественные, и тѣ самыя письма природы, которыя по нерадѣнію чловѣковъ испортило время, Творецъ природы начертываетъ снова чрезъ Своихъ проповѣдниковъ. Посему, если и Сократъ, и Діогенъ и Анаксархъ, и подобные имъ, возлюбивъ пріобрѣтеніе нравственной добродѣтели, отвергли пріобрѣтеніе богатства, и нищету пріяли въ содѣйственники къ благому пріобрѣтенію;—и поступили такъ, будучи слѣпы для усмотрѣнія истины ученій, не ожидая царствія небеснаго, не зная въ точности дѣйствительнаго блага; то почему же ты, возлюбленный, обвиняешь нищету, при которой поприще добродѣтели протекается удобно, путь негладкій и трудный для совершающихъ оный дѣлается ровнымъ и легкимъ?

И говоримъ это, не богатство осуждая, не зломъ врачаю злю. Ибо, если богатство худо, то хула

падаетъ на Давшаго оное. Напротивъ того говоримъ, что богатство и бѣдность самимъ Творцемъ предлагаются людямъ, какъ нѣкія вещества, или орудія ; и люди, имѣя ихъ, какъ художники, могутъ, или изваять образъ добродѣтели, или слѣпить кумиръ порока. Но при богатствѣ едва кто и нѣсколько членовъ добродѣтели изваяетъ во всей красотѣ ; а при бѣдности многіе могутъ произвести цѣлый образъ. Поэтому, не будемъ осмѣивать бѣдность, сію мать добродѣтели, и охуждать богатство ; но станемъ обвинять не пользующихся имъ, какъ должно. И желѣзо дано людямъ, быть содѣйственникомъ при строеніи дома, въ земледѣліи, въ мореходствѣ, и помощникомъ въ другихъ искусствахъ, нужныхъ для жизни. Но съ неустовствомъ нападающіе другъ на друга не даютъ желѣзу служить только для необходимыхъ потребностей, а употребляютъ его на убіеніе другъ друга. Однако не желѣзо обвиняемъ за это, но осуждаемъ лукавство употребляющихъ его во зло. Такъ и употребленіе вина дано людямъ для веселія, а не на безуміе сердца ; но любящіе неумѣренность и предавшіеся пѣнству сего родителя веселія дѣлаютъ отцемъ безумія. И мы произносимъ справедливый приговоръ, употребляющихъ Божій даръ во зло называемъ винопійцами, пѣнцами, людьми дурными, а въ винѣ видимъ Богоданный даръ. Такъ будемъ судить и о богатствѣ и о пользующихся богатствомъ : первое освободимъ отъ обвиненія ; а послѣднихъ, если будутъ справедливыми его распорядителями, увѣнчаемъ великими похвалами ; а если, превративъ порядокъ, окажутся рабами бо-

гатства, исполняющими всякое его повелѣніе и услуживающими во всякомъ дурномъ дѣлѣ, то составимъ на нихъ приговоръ, обвиняющій въ худомъ поведеніи, потому что, поставленные властелинами, нарушили право владычества, и господство обмѣнили на рабство.

Но, можетъ быть, иной изъ умѣющихъ дѣлать возраженія только на сказанное хорошо спроситъ: почему Творецъ пріобрѣтеніе богатства даровалъ не всякому человѣку, но однимъ опредѣлилъ жить въ богатствѣ, а другимъ далъ въ удѣлъ бѣдность, и жизнь содѣлалъ исполненною великаго неоднобразія? Но и мы охотно спросимъ возражающаго: почему Создавшій тѣлесныя члены не всѣмъ имъ далъ одну и ту же дѣятельность, но глазамъ поручилъ различеніе цвѣтовъ и очертаній, слуху далъ способность знать различіе голосовъ и звуковъ, ноздрямъ—принимать въ себя испаренія и отличать зловонное отъ пріятнаго, языку — судить о качествахъ вкусовъ, знать различіе сладкаго, кислаго, прянаго, горькаго, жирнаго; ногамъ далъ силу ходить, рукамъ удѣлилъ силу производить всякаго рода работы; чрево содѣлалъ пріемникомъ пищи, печень — мѣстомъ ея очищенія, головной мозгъ — сокровищницею мозжечковъ, сердце — источникомъ теплоты; въ біющихся жилахъ заключилъ дыханіе, и кровеносныя жилы содѣлалъ проводниками крови, каждому члену далъ особую дѣятельность? Всѣ поименованныя члены, и тѣ, о которыхъ умолчано, служатъ къ совершенству единаго тѣла; впрочемъ каждому ввѣрено нѣчто особое, хотя служить онъ и дѣлу общему. Глазъ

служить путеводителемъ ногамъ, указываетъ, гдѣ гладко, и отвращаетъ отъ мѣстъ неровныхъ ; но его самого посятъ ноги. Ухо, принимая въ себя звуки, возбуждаетъ глазъ къ зрѣнію, и посредствомъ зрѣнія открываетъ причину, производящую звукъ. И сказанное нами да будетъ подтверждено апостольскимъ свидѣтельствомъ: *не можетъ око реши руцѣ, не требъ ми еси: или паки глава ногамъ, не требъ ми есте.* Но много паче, мнящіяся уди тѣла немощнѣйши быти, нужнѣйши суть: и ихъ же мнимъ безчестнѣйшихъ быти, симъ честь множайшую прилагаемъ (1 Кор. 12, 21—23.). И никто, если не совершенно растроенъ въ умѣ, никогда не огорчался, видя различную дѣятельность въ членахъ. Напротивъ того, всякій любитъ Творца, и удивляется Ему, что такъ премудро отличилъ каждый членъ, удѣлилъ каждому приличную потребность, частную пользу сдѣлалъ общою ; потому что не одно зрѣніе наслаждается видимымъ, не одно ухо — слышимымъ, не одни уста—вкусомъ, не одинъ носъ — обоняніемъ, не однѣ ноги пользуются хожденіемъ, не однѣ руки — работою, не одно чрево наслаждается пищею, не одно сердце—теплотою, не одинъ головной мозгъ — чувствомъ: но каждый членъ имѣетъ свою особенную дѣятельность, доставляетъ же пользу цѣлому. Одинъ членъ все тѣло согрѣваетъ, другой все тѣло питаетъ ; иной же другую какую-либо дань приноситъ всему живому существу; и разнообразіе дѣятельности раздѣлено на всѣ члены тѣла, всѣ же пользуются другъ отъ друга, и достигается общая польза. Ухо не гнѣвается на то, что

не видитъ, глазъ не негодуетъ на то, что не слышитъ; но каждый членъ любитъ предѣлы естества, и отдаетъ ту подать, какую изъ начала приносить повельно ему.

Но ты крайне гнѣваешься, что не ко всякому чловѣку лиются отвсюду потоки богатства, не всѣ живутъ въ великолѣпныхъ домахъ, не всѣ украшаютъ тѣло отличіемъ должностныхъ и воинскихъ одеждъ, не всѣ ѣздятъ на коняхъ и мскахъ, не у всякаго есть множество предходящихъ и послѣдующихъ, и рой плугъ, готовыхъ на всякія услуги, не у всякаго позлащенные ложи, мягкая и нѣжная постеля, искусные повара, придуманныя удовольствія, отвсюду стекающіяся забавы, воспламеняющія сластолюбіе. И какъ чловѣку пріобрѣсти цѣломудріе, возбуждая противъ него столько враговъ, изгоняя его изъ всѣхъ составовъ души и тѣла? Какъ ему навикнуть благоразумію, столько бремени взгромоздивъ на разумную силу? И что говорить о цѣломудріи, справедливости, мужествѣ, благоразуміи, когда не терпятъ слышать даже ихъ именъ?

Да и какъ богатство можетъ быть пріобрѣтено всѣми, когда всѣ состоятъ въ одинаковомъ достоинствѣ? Какъ достанешь для себя необходимое, когда права всѣхъ равны, и у всѣхъ одинаково избытокъ достатокъ? Кто согласится служить, имѣя такое же во всемъ обиліе? Кто захочетъ стоять при очагѣ и готовить кушанье, если не принуждаетъ его скудость? Кто будетъ печь хлѣбы, или молоть жерновомъ пшеницу, рѣшетомъ отдѣлять отруби, мѣсить тѣсто, сажать въ печь,

терпѣть пылающій огонь? Кто рабочихъ воловъ поведетъ подъ ярмо, станетъ обрабатывать землю, и сжавъ, что выросло и созрѣло, передавать на гумно, отдѣлять отъ соломы; если бѣдность не понуждаетъ къ трудамъ? Кто займется обтесывашемъ камней, повезетъ ихъ на постройку домовъ, и искусно приладивъ одинъ къ другому, будетъ строить дома, если не нудитъ его скудость и не побуждаетъ къ работѣ? Кто возмется за кораблестроительное искусство, будетъ кормчимъ, станетъ промышленять торговлею, мореходствомъ? Кто будетъ ткачемъ, кожевникомъ, горшечникомъ, мѣдникомъ? Если бы все пріобрѣли равныя состоянія; это не позволяло бы служить другъ другу, но необходимо было бы одно изъ двухъ: или каждому человѣку со тщаніемъ заниматься по нуждѣ всякимъ искусствомъ, или всемъ вмѣстѣ гибнуть отъ недостатка вещей необходимыхъ. А что одному человѣку заниматься всеми искусствами невозможно, объ этомъ нѣтъ нужды и говорить, потому что свидѣтельствуемъ о семъ опытомъ. Если бы кто пожелалъ изучить вдругъ два искусства, то оба погубить, потому что одно будетъ вредить другому. Умъ его, дѣлясь между обоими, и не будучи въ состояніи обнять того и другаго, хотя изъ обоихъ схватываетъ нѣкоторыя части, но ни объ одномъ не получаетъ точнаго и совершеннаго свѣдѣнія. Почему оставалось бы всемъ потерпѣть конечную гибель, по причинѣ равно изобильнаго у всехъ достоянія, и со всеми случится тому же, что бываетъ съ уничтожающими въ себѣ пресыщеніемъ удовольствіе при вку-

шеніи пищи. Последніе частымъ употребленіемъ лакомыхъ яствъ ослабляютъ позывъ на пищу; а первые по привязанности къ имѣнію желаютъ сдѣлаться скудными въ самомъ необходимомъ, и погибель при богатствѣ предпочитаютъ жизни при бѣдности.

Но ихъ оставимъ въ ихъ безуміи, сами же и изъ сего докажемъ Божію попечительность, и дадимъ видѣть, что сей такъ называемый ими недостатокъ однообразія служитъ средствомъ къ жизни пріятной, и основаніемъ наилучшаго образа жизни. Ибо окажется, что Правитель всяческихъ и при этомъ имѣлъ въ виду равенство. Во первыхъ всѣмъ далъ Онъ землю, какъ общій помостъ, общее жилище, общую питательницу и мать, и общій гробъ, всѣмъ далъ единое начало происхожденія, сію прамать — персть, надъ всѣми распростеръ общій кровъ—небо; всѣмъ даровалъ солнце, луну и другія свѣтила, какъ общихъ нѣкихъ свѣтоносцевъ; посреди разнилъ воздухъ, и его предложивъ также всѣмъ, какъ общее нѣкое богатство; потому что богатые вдыхаютъ его больше бѣдныхъ; напротивъ того и бѣдность получаетъ здѣсь равную, или лучше сказать, большую долю, питомцы ея многочисленнѣе, и чувства ихъ крѣиче, и свободны отъ излишнихъ бремени. Рѣки и источники для всѣхъ также изливаютъ общіе токи. И тѣла опять богатыхъ и бѣдныхъ создалъ Богъ также одинаковыми, лучше же сказать, и въ этомъ преимуществуютъ бѣдные; потому что тѣла ихъ здоровѣе. Скудость, по слову мудрѣйшаго изъ врачей, — мать здравія, труды и тѣлесныя упраж-

пенія, по слову того же учителя, — содѣйственники здравія. И дунни у богатыхъ и бѣдныхъ одного и того же естества. Для тѣхъ и другихъ одинъ образъ зачатія; одно основаніе происхожденія — супружество, и равно число мѣсяцевъ чревоношенія. Время не уважаетъ обилія имуществъ, и не соглашается, устыдятся богатства, прежде положенныхъ предѣловъ извести младенца на свѣтъ, или долѣе удержать его въ матерней утробѣ; по одинаково и у богатаго и у бѣднаго исходитъ младенецъ на свѣтъ; рожденіе того и другаго бываетъ въ бользняхъ; лучше же сказать, если вѣрять опыту, роды бѣдной легче, и бользней рожденія у ней меньше; потому что привычка къ трудамъ облегчаетъ для нея сіи бользни, почему врачи и живущимъ въ роскоши, во дни чревоношенія, предписываютъ необходимый трудъ. Поэтому богатая и бѣдная, хотя во чревѣ носятъ одинаково, однако же раждаютъ неодинаково; по гдѣ утѣшеніе богатства, тамъ большая трудность; а гдѣ скудость необходимаго, тамъ помогаетъ природа, утѣная легкостію; лучше же сказать, Самъ Творецъ естества такъ уравниваетъ сіи неравенства, и при трудности родовъ, происходящей отъ довольства во всемъ, подаетъ утѣшеніе во врачахъ и врачествахъ, а лишеной сего пособія, по причинѣ бѣдности, дѣлаетъ помощницею природу.

Видишь, каковы вѣсы правдиваго Судіи, и подвигни уста, восписать Ему хвалу. Смотри, и раждающіеся одинаково исходятъ на свѣтъ нагими. И младенецъ богатаго не облеченъ въ багряницу, и младенецъ бѣднаго раждается не въ рубищѣ; но

оба являются на свѣтъ пагими, чѣмъ Создатель провозвѣщаетъ ихъ равенство. Одинаково вдыхаютъ они воздухъ ; одинаково принадлежатъ къ сосцамъ , не инымъ молокомъ питается младенецъ бѣднаго, не иное предлагается младенцу богатаго ; но тотъ и другой въ равной мѣрѣ питаются одною и тою же пищею.

Не только же вшествіе въ жизнь и всѣхъ насъ одно и тоже, но и исшествіе одинаково. Всѣхъ насъ ожидаетъ одна смерть. Она не боится богатства, не страшится копьеносцевъ, не трепещетъ багряницы, ни во что вѣняетъ стѣны, и башни, и царскіе дворцы, проникаетъ внутрь брачнаго чертога, не милуетъ плачущаго, не оказываетъ жалости умоляющему, не подкупается дарами, не удерживается врачевнымъ искусствомъ, не дѣйствительными оказываетъ силы врачествъ, часто не позволяетъ сдѣлать распоряженіе, объявить преемника наслѣдству, но похищаетъ, увлекаетъ, разлучаетъ душу съ тѣломъ. Поэтому, общій имѣютъ конецъ и надмѣвающіеся богатствомъ, и живущіе въ бѣдности ; одинаково для нихъ и то, что по кончшъ и по преселеніи отсюда. Одинаково слѣдуетъ гнилость, разливается гной, зараждаются черви, величавое око угасаетъ и разлагается ; ненасытныя уста и пенстовый языкъ дѣлаются съдѣю червей, горделивая выя не только преклоняется, но и разрушается ; надменные ланиты не только опадаютъ, но и превращаются въ небольшое количество праха ; цвѣтъ лица увядаетъ, и исчезаетъ, пишущіе лукавство персты лежатъ рассыпанными безъ всякаго сочлененія. Такъ все это,

какъ нѣчто общее, предлежитъ и богатымъ и бѣднымъ.

Поэтому, остается сказать, что и бѣдность и богатство, которыя почитаешь ты собственностію, какъ, при помощи Божіей, покажетъ наше слово, суть общее достояніе; потому что избыткомъ богатыхъ одинаково пользуются и живущіе въ бѣдности. Поелику Создатель тѣхъ и другихъ и бѣдность обогатилъ искусствами всякаго рода, то ради оныхъ богатые приходятъ къ дверямъ бѣдныхъ, даютъ имъ деньги, заимствуются у нихъ необходимымъ на свои потребности; а по причинѣ богатства имѣя больше нужды, терпятъ они недостатокъ во всякой потребности. У однихъ покупаютъ хлѣбъ, у другихъ припасы: иные вымѣривъ по ногѣ шьютъ обувь, иные приготавливаютъ верхнія женскія и почетныя мужскія одежды, а иные — ковры, повязки, покрывала; кто строитъ дома, кто дѣлаетъ ложи и сѣдалища; кто доставляетъ разныхъ родовъ овощи, разнаго вида плоды, а кто — пшеницу, ячмень и прочія блага земледѣлія, безъ которыхъ невозможно прожить, хотя бы имѣлъ кто Крезово и Мидасово золото. А бѣдному довольно просянаго и чернаго хлѣба, достаточно и какой нибудь снѣди. Кого же, судя прямо и справедливо, назовешь скуднымъ, бѣднымъ, не имѣющимъ у себя необходимаго: того ли, кто имѣетъ нужду въ немногомъ, или того, кто пуждается весьма во многомъ? Того ли, у кого въ рукахъ всѣ средства жизни, или того, кто вѣрнѣе невѣрному золоту, котораго не держатъ печати и клейма, и которое, оставляя въ цѣлости двери и

запоры, уходить руками подкапывающихъ стѣну? Искусства у бѣднаго не отниметъ никакой разбойникъ, а богатство, не разбойникъ только, но и ябедникъ отнимаетъ у владыющихъ имъ. Бѣдный сидитъ на торжищѣ, занимаясь кожевеннымъ дѣломъ, или чеканя золото и серебро, или готовя одежду и другое что необходимое. А гордящійся богатствомъ, стараясь подняться выше своей головы и разводи руками, въ сопровожденіи многихъ тѣлохранителей, приходитъ къ бѣдному. И одинъ, какъ и естественно, сидитъ, или разрывая кожу, или расколочивая серебро, или дѣлая что другое по ремеслу, которымъ занимается; а другой стоитъ, разговаривая съ нимъ, и присутвіемъ своимъ даетъ видѣть свою нужду.

Итакъ, почему же ты гнѣваешься, и обвиняешь бѣдность, когда видишь, что и богатство имѣетъ великую въ ней нужду, и обладающіе богатствомъ не могутъ безъ нея прожить? Подивись Тому, Кто такъ премудро распоряжается въ этомъ, однимъ даетъ деньги, другимъ искусства, и посредствомъ нужды приводитъ ихъ въ согласіе и пріязнь. Одни даютъ деньги, а другіе доставляютъ за это произведенія искусства. Бѣдность входитъ въ состояніе съ богатствомъ, и препобѣждаетъ его дарами. Что богатство признаетъ бесполезнымъ, то бѣдность, передѣлывая съ помощію искусства, обращаетъ въ необходимое, пригодное на всякую потребность.

А если кто захочетъ въ точности дознать; то и самую основу богатства собираетъ бѣдность же. Она добываетъ изъ рудниковъ золото, серебро,

мѣдь, желѣзо, изъ которыхъ составляется богатство. Да и у всякаго искусства заимствуется чѣмъ нибудь богатство; искусства же собственность бѣдности. Она, и самые металлы взявъ еще не имѣющими вида, даетъ имъ надлежащій видъ и образъ, приготовляетъ изъ нихъ перстни, серги, ожерелья, разныя утвари, блюда, стаканы, и все прочее, что надмѣваетъ ланиты богатыхъ.

Посему, если и богатство составляется съ помощію бѣдности, и бѣдность имѣетъ въ искусствахъ помощникомъ богатство; то почему ты это уравненіе обвиняешь въ неравенствѣ? Для чего пріязненное называешь враждебнымъ? Почему оуждаешь такой порядокъ вещей, при которомъ и бѣднымъ и богатымъ жизнь бываетъ пріятною; потому что ты и другіе, заимствуя другъ у друга нужное для нихъ, удовлетворяютъ своимъ потребностямъ?

Но скажешь, можетъ быть: почему же большая часть людей достаточныхъ живутъ неправдою? Почему не все чтутъ справедливость? Но и здѣсь отъемлешь свободу, и живое существо лишаешь той чести, какую пріяло оно отъ Сотворшаго. Сверхъ того, если бы Судія въ настоящей жизни удѣлялъ богатство однимъ праведникамъ, то дѣлателямъ грѣха дана была бы большая возможность къ оправданію. Они сказали бы, что говорилъ наставникъ ихъ противъ Іова: *оградилъ еси вѣншия и внутренняя дому ихъ вся: пшеницу и вино умножилъ имъ. Но послѣ руку Твою, и коснися всѣхъ, лже имутъ, аще не въ лице Тя благословятъ* (Іов. 1, 10. 11.). Сіе сказали бы живущіе порочно,

если бы одни читатели добродѣтели пріяли даръ богатства. Но поелику Творецъ предложилъ на среду бѣдность и богатство, употребляютъ же ихъ иные на пріобрѣтеніе добродѣтели, а иные въ поводъ ко грѣху; то ни богатымъ, ни бѣднымъ, живущимъ порочно, не остается предлога къ извиненію. Одни, хорошо и на добро распоряжаясь богатствомъ, и нуждающихся дѣлая участниками своего изобилія, служатъ достаточнымъ облеченіемъ для тѣхъ, которые пользуются богатствомъ несправедливо и корыстолюбиво. Другіе, сраствовавъ бѣдность съ лобомудріемъ, терпѣливо и мужественно переносятъ ея прираженія, и дѣлаются истинными обвинителями тѣхъ, которые въ бѣдности научились худымъ дѣламъ.

Разсмотри и иное домостройство Міроправителя, чтобы съ большею горячностію вознести Ему пѣснопѣніе. Поелику Творецъ видѣлъ, что у богатыхъ много прислуги, то въ удѣль бѣдности далъ здоровье. Одного носятъ на рукахъ, а другой ходитъ, не имѣя пужды въ чужихъ ногахъ. Одинъ желалъ бы имѣть здоровье бѣднаго, а другой съ сожалѣніемъ смотритъ на помощи богатаго. И въ болѣзняхъ, какъ видишь, у богатаго тысячи прислужниковъ, а онъ горько сътуетъ, не въ состояніи переносить припадка болѣзни, и во время зимы лежитъ онъ въ натопленномъ жарко домѣ, разметавшись на мягкой постели, окутавшись во множество теплыхъ одеждъ, имѣя вокругъ себя нѣсколько жаровень, чтобы преобороть холодъ, и тысячи врачебныхъ пособій, чтобы препобѣдить болѣзнь, слушаетъ утѣшительныя обѣщанія врачей

и предстоящихъ друзей, своими бесѣдами притупляющихъ жало страданій. Если же время лѣтнее, больного помѣщаютъ въ другомъ домѣ, открытомъ для наружнаго воздуха, и въ который свободно проходятъ вѣянія вѣтровъ; а если и онѣ прекратятся, слуги ухитряются опахалами производить вѣтеръ. Повсюду разставлены древесныя вѣтви на подобіе сада, и превращаютъ домъ въ рощу. Въ верхнихъ жпльяхъ устроятся водометы, чтобы журчаньемъ своимъ наводили они сонъ на вѣжди больного. И при столькихъ, отовсюду подаваемыхъ услугахъ, тѣмъ не менѣе онъ страдаетъ, сбрасывая съ себя одежду, мечась туда и сюда, движеніемъ рукъ давая знать, какой внутри его скрывается жаръ. А бѣдный имѣетъ одну малую хижину, и ту часто наемную; нный же не въ состояннн заплатить за наемъ, и домомъ служить ему торжпще, ложемъ — земля, постелью — куча сора. Нѣтъ при немъ ни врача, ни челоѡвка, который бы выполнилъ приказанія врача, нѣтъ ни слуги, ни служанки; а иногда и жены помощницы. Но все замѣняетъ для него Божій Промыслъ, Онъ ослабляетъ мучительность страданій, смягчаетъ боль, безъ врачества утишаетъ жаръ горячки, предотвращаетъ вредъ и отъ стужи, и отъ зноя, и отъ сырости. Никто не учитъ его, какія свѣди питаютъ болѣзнь, и какія содѣйствуютъ выздоровленію; безъ разбору и различія онъ вѣстъ, что случится, и вредное дѣлается полезнымъ, глотокъ холодной воды оказывается врачествомъ, сухой хлѣбъ угашаетъ жаръ. Не имѣетъ онъ нужды въ слабительныхъ, даваемыхъ внутрь тѣмъ, или дру-

гимъ путемъ. Природа восполняетъ недостатокъ, и сама подаетъ больному помощь, какую доставилъ бы врачъ. И видимъ, что этотъ распростертый на землѣ легче переноситъ болѣзнь, нежели богатые, пользующіеся описанными выше прислугами.

Поэтому во всемъ, что ни совершается, усматривая Божию попечительность, не любопытствуй, какъ это совершается. А если и это хочешь сдѣлать, то въ содѣйственники своей любознательности прими благочестіе. Оно пусть управляетъ твоимъ шествіемъ, оно пусть путеводитъ тебя въ изслѣдованіи искомаго. Ему покорствуя, пользуйся всякимъ поводомъ къ пѣспопѣнію Сотворшаго. Подражай онымъ тремъ отрокамъ, которые, будучи ввержены въ печь, и неодушевленную тварь призвали къ участию въ славословіи, и мучителя, безжалостно ввергнувшаго ихъ въ печь, привлекли къ зрѣнію чуда, и симъ чудотвореніемъ принудили его поклониться Богу, противъ Котораго всталъ онъ. И печь не поудила ихъ подвигнуть языкъ на хулу; но, преданные пламени, нѣспопѣніями они почтили Благодѣтеля. А тебя ни печь, ни львы не понуждаютъ хулить; напротивъ того, наслаждаясь богоданными благами, не чувствуешь даровъ. Но если слушаешься меня, и языкъ украсишь благочестіемъ, то и тварь восхвалишь, и Творца прославишь, и повсюду присущему Его Промыслу поклонишься; потому что Ему слава и держава, нынѣ и всегда и во вѣки! Аминь.

С Л О В О 7.

О томъ, что рабство и господство полезны для настоящей жизни.

Творецъ всяческихъ не имѣеть пужды въ языкѣ человѣческомъ для благодарственныхъ Ему пѣснопѣній. И ангельское пѣснопѣніе пріемлетъ Онъ не потому, что пужно Ему; но, видя усердіе, одобряетъ благопризнательность. И приносящіе подзаконныя жертвы, когда приносили ихъ, конечно, не потребности какой-либо удовлетворяли симъ приношеніемъ, но старались посильнымъ благодареніемъ воздать за тысячи получаемыхъ ими благодѣлій. Посему и видимъ тотчасъ, что не все приносили одну и ту же жертву. Кто закалалъ телца, кто агнца, кто козла. Одинъ приносилъ большее, а другой меньшее число жертвъ. Кто и сего не имѣлъ, и жилъ въ бѣдности, тотъ приносилъ пару горлицъ или птенцевъ голубиныхъ. У кого же и въ этомъ былъ недостатокъ, тотъ приносилъ нѣсколько пшеничной муки и какую-либо малость ладана. А изъ сего, конечно, познаемъ, что праведный Судія взираетъ на качество расположенія, а не на количество даровъ. И мы приносимъ въ даръ сіи скудныя слова наши не съ тѣмъ, чтобы сама малѣйшею каплею придать что ишбудь безднѣ премудрости, но стараемъ показать подобающее служителямъ усердіе, и имѣя въ помышленіи облн-

чить дерзость подобныхъ намъ рабовъ, возложигъ даже и на нихъ владычнее иго. Ибо весьма прискорбно для насъ видѣть, что клеветуютъ они на Божію всемія распоряжающуюся премудрость. Почему и пріяли мы на себя трудъ настоящаго слова, и постараемся прекратить хулу обличеніями.

Что крайне неразумно жалуются они на кажущійся недостатокъ единообразія въ жизни, и въ заблужденіи своемъ не усматриваютъ того, что должны были видѣть, — сіе достаточно открыло предыдущее слово, показавъ пользу бѣдности и недостаточность богатства. Но послѣку не на бѣдность только жалуются, но также оплакиваютъ рабство, сътуютъ о данихъ вносимыхъ царямъ, и о многомъ другомъ, что весьма сообразно съ настоящею жизнью; то поговоримъ нѣсколько и о семъ. Будемъ же въ этомъ подражать наилучшимъ врачамъ, которые видя, что больные ничего не ѣдятъ, и чувствуютъ отвращеніе отъ всякой предлагаемой имъ пищи, какими-либо медицинскими пособіями преодолеваютъ въ нихъ сіе отвращеніе. Къ сладостямъ примѣшавъ сухое и пріаое, казавшееся больному отвратительнымъ дѣлаютъ пріанымъ. И востающіе противъ Промысла Божія, подобно больнымъ, порицаютъ все видимое и совершающееся въ мірѣ. Но однимъ приключается болѣзнь противъ ихъ воли, отъ пищи воздерживаются они по причинѣ крайняго страданія, и желали бы вкусить, но препятствуетъ болѣзнь, а другихъ одолеваетъ страданія добровольныя, отъ нихъ самихъ зависящія, и имѣютъ они отвращеніе, не отъ хлѣба и отъ състныхъ припасовъ, но отъ всего, что пре-

мудро и правдиво устрояется Божиимъ промышленіемъ. Если съютъ , желаютъ дождей , а если отираваются въ путь , жалуются на дожди. Нужно имъ , чтобы лучи солнечныя стали болѣе знойными и плоды посѣяннаго привели въ зрѣлость , и въ то же время негодуютъ и жалуются на жарь . Ради чрева всякій трудъ принимаютъ на себя , и земледѣліе , и кораблеплаваніе , и дальнія путешествія , и дѣлаются опять строгими обвинителями чрева , будто бы узаконено ему не служить мановеніямъ души , а господствовать . Жалуются на громы , градъ и подобныя наказанія , и также обвиняютъ Божіе долготерпѣніе . И правосудіе и долготерпѣніе не уважаются ими . Напротивъ того сами , и погрѣшая въ великомъ , желаютъ пользоваться долготерпѣніемъ ; а кто ихъ оскорбилъ , о томъ молятъ , чтобы строго поразило его правосудіе . Увидятъ нищаго , и тотчасъ подвигнутъ языкъ противъ Промысла , множествомъ насмѣшекъ осыплютъ бѣдность . Увидятъ богатаго , который выступаетъ на концахъ ногтей , озирается по львиному , поводитъ глазами , ѣздитъ на колесницахъ , окруженъ множествомъ служителей и жезлоносцевъ , и хулу свою обращаютъ на богатыхъ имѣніи . Съ негодованіемъ смотрятъ на жизнь , какъ на исполненную неравностей , и ненавидятъ смерть , которая полагаетъ конецъ снѣ неравностямъ , тѣла наши дѣлаетъ равночестными . Между тѣмъ порицающимъ жизнь должно было бы дивиться жизни , или обвиняющимъ жизнь — восхвалять смерть ; потому что смерть и жизнь прямо одна другой противоположны . Они же хулятъ все безъ разбора , и все

одинаково оуждаютъ. Пока они — дѣти, ублажаютъ мужей, а ставъ мужами, достойными зависти называютъ дѣтей. И должно ли пересказывать всѣ клеветы одержимыхъ этою злою болѣзнію? Ничего такого не бываетъ въ міръ, чего не коснулась бы стрѣла злорѣчія, пущенная языкомъ ихъ. Посему, употребивъ врачебные способы, докажемъ имъ, что донынѣ ихъ оскорблявшее весьма пріятно. И какъ въ предыдущемъ словѣ достаточно говорили мы о богатствѣ и бѣдности, о кажущемся въ разсужденіи ихъ недостаткѣ единообразія, доказывая пользу и бѣдности и богатства; такъ теперь объяснимъ о рабствѣ и господствѣ, что не Самъ Творецъ, и не въ началѣ, установилъ сіе раздѣленіе въ естествѣ нашемъ.

Итакъ, обратись къ сему первоначальному нашему созданію, и смотри: одинъ мужъ созданъ изъ земли, а подобная ему жена создается не подобно ему, и не изъ земли; потому что Творецъ, взявъ ребро мужа, изъ него сотворилъ женскій полъ, чтобы жена по инаковой наружности не почиталась принадлежащею къ иному естеству. Посему изъ земли созданъ мужъ, изъ мужа жена, а отъ обонхъ — весь родъ человѣческій. Ибо Творецъ въ началѣ не удѣлялъ однимъ рабства, а другимъ господства, но создалъ единый родъ всѣхъ. И Ною повелѣвъ построить ковчегъ, и въ награду за праведность устроивъ его спасеніе, въ приготовленный имъ ковчегъ повелѣлъ войти ему и супругъ его съ сыновьями и женами ихъ, и никто не вошелъ туда рабомъ; потому что въ родъ человѣческомъ не было еще сего раздѣленія, един-

ственными же, въ подлинномъ смыслѣ, рабами были роды безсловесныхъ, которые для сего самого Творецъ всяческихъ и ввелъ въ жизнь сію.

Но поелику въ послѣдствіи увидѣлъ, что отъ безначалія происходитъ великій безпорядокъ, и люди небоязненно отваживаются на всякое беззаконіе, то раздѣлилъ человѣческій родъ на начальствующихъ и подначальныхъ, чтобы страхъ, внушаемый начальниками, уменьшалъ множество грѣховъ; потому что страхъ въ состояніи обуздать стремленія неразумныхъ страстей, и ослабить въ душѣ склонность къ худшему; и часто, въ чемъ не помогаль разумъ, въ томъ успѣваль страхъ. Поелику родъ нашъ уклонился въ худшее, обуреваемый страстями и погрязшій въ нихъ умъ оставилъ тѣло, подобно не имѣющей груза ладіи, носится въ безпорядкѣ; то необходимо нужными стали для насъ законы, какъ нѣкій якорь, который останавливаетъ ладію, препятствуетъ ей нестись впередъ, и дозволяетъ кормчему изникнуть изъ глубины и взяться за кормило. Но невозможно было бы постановить сіи законы, если бы всѣ имѣли равную власть, и пользовались равными правами. Ибо и въ городахъ, имѣвшихъ народное правленіе, гдѣ народъ былъ полновластнымъ распорядителемъ дѣлъ, не всѣ равно во всемъ участвовали, но одни были законохранителями, другіе законодателями, иные военачальниками, а иные состоявшими въ числѣ подначальныхъ, народоправитель же имѣлъ власть надъ чиновниками и начальниками. И въ городахъ, управлявшихся малоначаліемъ, многіе состояли въ спискѣ подданныхъ, не многіе же, превосходя другихъ

благоразуміемъ и отличаясь добродѣтелию, получили въ удѣлъ общественное служеніе и управленіе. И одни были народными смотрителями, другіе — начальниками кораблей, иные же блюстителями порядка, и управляли народною толпою, какъ имъ казалось лучше. Такъ грѣхъ ввелъ потребность законовъ, а законы возымѣли пужду во власти издающихъ законы, и не только издающихъ, но и тѣхъ, которые могли бы наказывать преступниковъ.

И хотя грѣхъ ввелъ неустройство, однако же Правитель всяческихъ и въ неустройство вложилъ порядокъ, и стремленіе грѣха, какъ бы нѣкою уздою, остановилъ законами, а бразды узды сей, какъ браздодержцамъ, вручилъ правителямъ. Имъ управляются и города, и веси, и воинства. Ибо кто могъ бы выносить самоуправство обидчиковъ, если бы этого пламени ихъ любостыжательности отъ стремленія впередъ не удерживалъ страхъ законовъ? Подобно рыбамъ поядали бы большіе меньшихъ, если бы законъ не показывалъ изощреннаго меча, и пылающаго костра, и всего иного, что измышлено начальствующими въ наказаніе злодѣевъ. Ибо, если, когда и законы угрожаютъ, и начальвики наказываютъ, есть люди, которые въ расположеніи къ ближнему свирѣпѣ всякаго звѣря, приводятъ въ ужасъ какъ скорпіоны, угрызаютъ какъ змѣи, бѣсятся какъ псы, и на единоплеменныхъ рыкаютъ какъ львы на звѣрей иного съ ними рода; то чего не сдѣлали бы они, когда бы не было законовъ и наказывающихъ начальниковъ? Теперь же, хотя совершаются иными беззаконія, однако же отваживающіеся на оныя, боясь зако-

повъ, стараются ихъ утаить, и усиливаются прикрыть неправду искусствомъ слова. И обиженный неболезненно приходитъ къ судіямъ, подаетъ жалобу въ обидь, не бонется могущества обидчика, не трепещеть знатности богатаго, но какъ въ пристань, прибѣгаетъ въ судилище, описываетъ причиненныя ему обиды, проситъ предложить на среду законы, и по нимъ судить умоляетъ судію. И судія произноситъ приговоръ, велитъ возвратить обиженному отнятое у него, — домъ, или поле, или сосудъ, перѣдко же отважившагося на обиду наказываетъ денежною пенею. По сему-то страху и подламывающіе стѣны и придорожные хищники, не въявь, но скрытно производятъ грабежъ, и самымъ покушеніемъ утаиться провозглашаютъ о своей боязни. Ибо иначе, взявъ ножъ, стали бы убивать всякаго встрѣчающагося и грабить его имущество. Но изъ боязни многіе не пускаются на злодѣянія, да и отваживающіеся на худое дѣло подстерегаютъ на путяхъ менѣе проходимыхъ, или въ городахъ злодѣйствуютъ ночью, въ помощь къ разбою пріавъ тму, ночь и общее безмолвіе. И если двое или трое изъ нихъ пойманы и наказаны по законамъ; то дѣлаются достаточно полезнымъ примѣромъ для другихъ, которые, смотря на казнь подобныхъ имъ нравами, начинаютъ ненавидѣть порокъ, какъ причину позорной смерти.

Но не знаю, какъ, вознамѣрившись объяснить причину рабства, вошелъ я въ сіи разсужденія. Поэтому время уже возвратиться къ тому, съ чего началъ. Что въ началъ Создатель всяческихъ единымъ содѣлалъ естество всѣхъ людей, отъ одного

мужа, и отъ одной жены наполнилъ цѣлую вселенную человѣческимъ родомъ, сему свидѣтель — божественное Писаніе. А съ божественнымъ Писаніемъ свидѣтельствуеть и природа. Получившіе себѣ въ удѣлъ страны, лежащія на востокъ и на западъ солнечномъ, также южныя и сѣверныя, и обитающіе въ странахъ среднихъ, имѣютъ одинъ видъ устройства, то же число чувствъ, различаясь только нравами и цвѣтомъ. Но нравы образуютъ обычаи и душевная свобода. Сіе же различіе можно находить и у насъ самихъ. А инаковость цвѣта производитъ положеніе страны. У живущихъ вдали отъ лучей солнечныхъ поверхность тѣла бѣлѣе; а у населяющихъ восточныя и западныя страны къ южному полюсу, тѣло чернѣетъ, подобно дровамъ, которыя отъ долгаго сближенія съ огнемъ обугливаются, и принимаютъ на себя черный цвѣтъ. Поэтому одна человѣческая природа и въ начальникахъ и въ подначальныхъ, и въ подданныхъ и въ царяхъ, и въ рабахъ и въ господахъ. Но, и будучи единою, проповѣдуетъ справедливость Создателя, и раздѣлившись со временемъ на рабство и господство, но въ рабахъ и въ господахъ сохранивъ одно и то же отличительное свойство, какъ обвиняетъ грѣхъ, произведшій потребность сего раздѣленія, такъ и въ этомъ самомъ показываетъ правосудіе Творца; потому что тождество сущности сохранивъ Онъ до конца, а безпорядочность грѣха отвратилъ порядкомъ верховной власти, и притязательность его подчинилъ правилу законоположенія, какъ и строптель корабля по нити выравниваетъ доски, и обсъкаетъ лишнее.

Поэтому, видя рабство, не Создателя обвиняй, но бѣгай грѣха и хулы, за что родъ человѣческій и раздѣленъ на рабовъ и господъ. Когда видишь, что ладія несется попутнымъ вѣтромъ, пловцы сидятъ спокойно, гребцы, или дѣйствуютъ веслами, или тянутъ продольный канатъ, или исполняютъ другое какое приказаніе, передовой высматриваетъ подводные камни, несчаныя и каменистыя мѣли, и указываетъ ихъ кормчему, а кормчій надъ всѣми начальствуетъ, и правитъ ладіей посредствомъ кормила; тогда дивишься порядку, не приказываешь быть всѣмъ кормчими, не всѣмъ ввѣряешь полную власть на корабль, и видя, что шхій остается въ покоѣ, другой исполняетъ приказанное, одинъ сказываетъ, что видитъ, а другій всѣмъ вмѣстѣ отдаетъ приказы, не гнѣваешься, и не обвиняешь въ неустройствѣ, а напротивъ того не перестаешь дивиться порядку. Но тебѣ не угодно, чтобы дома управлялись подобно кораблямъ, ты негодуешь видя, что въ домѣ одинъ начальникъ, а другіе — подчиненные. И домъ и корабль, что касается до управленія, весьма между собою сходны. Хозяинъ дома, какъ кормчій какой, взявшись за кормило дома, надъ всѣми дѣлается наибольшимъ. А первенствующій между служителями, которому ввѣрено попеченіе о всѣхъ прочихъ, уцѣлбляясь передовому на ладіи, вразумляетъ хозяина, что по его мнѣнію полезно. Изъ прочихъ же служителей, одни, подобно гребцамъ, неся на себѣ порученныя имъ частныя работы, исполняютъ, что имъ приказано, а прочіе, подобно пловцамъ, оставаясь среди шхъ, зависятъ отъ ихъ распоряженій, и чрезъ шхъ

получаютъ необходимое. Итакъ, почему же ладно, когда такъ она управляется, хвалишь, а надъ домомъ, въ которомъ введено тоже управленіе, смѣешься? Думаю же, похвалишь и воинство, въ которомъ предводительствуетъ военачальникъ, малыя дружины охраняются начальниками дружинъ, полки въ устройствѣ выводятся полковниками, сотники же и тысячники разносятъ имъ распоряженія военачальника, и войско разставляютъ, то въ отряды, то въ одну сомкнутую дружину, иногда же разводятъ полукругомъ, а въ иномъ случаѣ, каждое крыло растянувъ на большое пространство, окружаютъ непріятелей, и не даютъ имъ возможности спастися бѣгствомъ, со всѣхъ сторонъ равно поражая стрѣлами и побивая всѣхъ до одного. Но всего этого не было бы, если бы войско не раздѣлялось на начальствующихъ и подначальныхъ, потому что въ войскѣ наипаче всего вреднѣе многоначаліе, которое, разсѣкая его на многія части, препятствуя единомыслію, и покушаясь распоряжаться имъ со многими цѣлями, болѣе вредитъ ему, нежели управляетъ имъ. Поэтому не странно ли тебѣ, который дивишься на корабль начальству одного, и въ воинствѣ хвалишь порядокъ, производимый приказами военачальника, порицать домъ, управляемый такимъ же образомъ?

Но говоришь: тяжело быть въ рабствѣ, въ томъ, чтобы пользоваться необходимымъ, зависѣть отъ власти господъ, и изнурять себя непрестанными трудами.—Если съ искреннимъ желаніемъ узнать истину вникнешь во все тебѣ сказанное; то, оставивъ свои возраженія, найдешь, что въ этомъ,

хотя много непріятнаго, однако же много и великой пользы. Хозяинъ дома стѣсняется многими заботами, разсуждая, какъ доставить потребное домашнимъ, какъ внести царямъ установленную подать, какъ излишнее изъ прибытковъ продать, и купить, въ чемъ настоятъ нужда. Если земля неблагодарна была земледѣльцамъ, подражая въ этомъ нѣсколько человѣческой неблагодарности Творцу; онъ беспокоится, перебираетъ въ умъ займодавцевъ, пишетъ обязательства, и навлекаетъ на себя самопроизвольное рабство. И если земля принесла плоды, обременена своими порожденіями, покрыта жатвами, и древесныя вѣтви заставляють наклоняться къ ней отъ тяжести многихъ плодовъ; опять у него другаго рода скорбь; перебираетъ въ умъ покупателей на плоды, и не находитъ, обиліе плодоносія и для него самого дѣлается не менѣе обременительнымъ, какъ и для деревъ. Заботы сіи, не днемъ только нападаютъ на нихъ, остѣпляютъ и мучатъ душу, но и ночью еще непріятнѣе тревожатъ ее: потому что душа, безмолвствуя и освобождаясь отъ вѣшнихъ дѣлъ, полнѣе чувствуетъ собственное свое состояніе, и доброе и худое. А у слуги, работающаго тѣломъ, душа свободна и изъята отъ всего этого. Не стѣсняетъ онъ о бесплодіи земли, не оплакиваетъ не продажу съѣстныхъ припасовъ, не печалится, видя займодавца, не бонется толпы сборщиковъ, не принужденъ ходить по судебнымъ мѣстамъ, не страшится вызова глашатая и судіи, обращающагося съ грознымъ взоромъ. Мѣрою получаетъ продовольствіе, но свободенъ отъ заботы. Спитъ на

полу, но никакое попеченіе не гонитъ отъ него сна; сладкій сонъ, ліясь ему на вѣжди, не даетъ чувствовать жесткаго ложа. И это, дознавъ изъ естествословія, сказалъ премудрый: сонъ сладокъ работающему (Еккл. 5, 11.). Одною одеждою прикрываетъ свое тѣло, но тѣло его крѣпче, нежели у господина. Бѣсть хлѣбъ изъ отрубей, не пользуясь ни малой при немъ приправой, но съ большею пріятностію, нежели господинъ, принимаетъ пищу. Тотъ, непрестанно угождая чреву, и преступая предѣлы сытости, отталкиваетъ отъ себя снѣди, и съ принужденіемъ передаетъ ихъ чреву; а овъ, измѣряя вкушеніе потребностию, и данную долю ломая бережливо, принимаетъ пищу съ вождельніемъ, и легко перевариваетъ, пріявъ въ содѣйствешники трудъ. Но ты смотришь на рабство, а не смотришь на здоровье; видишь служеніе, а не усматриваешь довольства; жалуешься на трудъ, а не ублажаешь беззаботной жизни; охуждаешь обязанность быть въ услугахъ, а не зриаешь на пріятный сонъ.

И здѣсь должно было тебѣ усматривать Божій Промыслъ, видѣть равномѣрность Божія смотрѣнія. Поелику грѣховная нужда раздѣлила естество человеческое на владычество и рабство; то смотрѣніе Божіе съ владычествомъ сопрягло заботы, жребіемъ его назначило бдительность, и удѣлило ему многія болѣзни; а рабству дало больше здравія, пріятное наслажденіе пищею, сонъ сладкій и продолжительный, который можетъ успокоить тѣло послѣ усталости, и сдѣлать его болѣе крѣпкимъ для трудовъ слѣдующаго дня. Поэтому не смотри

на одни только труды, но обрати вниманіе и на утѣшенія послѣ трудовъ, и за все восхваляй Правителя всяческихъ.

Да и почему ты, съ такою легкостію клеветуешь на все, оуждаешь труды? Какое изъ благъ человѣческихъ заслуживается безъ труда? Какое благополучіе не трудами пріобрѣтаетъ родъ человѣческій? Трудами пріобрѣтаемъ блага земледѣлія, плоды торговли, съ трудомъ предуготовляя, создаемъ города, при помощи предшествующихъ трудовъ пользуемся тѣмъ, что живемъ въ домахъ, покрываемъ тѣло одеждою, имѣемъ на ногахъ обувь, вкушаемъ всякаго рода снѣди. И должно ли перечислять все, удовлетворяющее человѣческимъ потребностямъ, и производимое трудами?

Но ты представляешься какимъ-то трутнемъ, воспитанъ въ праздности, покинаешь плоды чужихъ трудовъ, а самъ ничего не вносишь въ жизнь, кромѣ одного языка, которому вмѣнилось въ обязанность все осмѣивать. Да и это пустословіе породила въ тебѣ праздность. Кто прилеженъ къ трудамъ, тотъ говоритъ мало, а дѣлаетъ весьма много. Поэтому, если каждое изъ благъ заслуживается трудомъ, то не оуждай, другъ, рабства по причинѣ трудовъ.

Обрати же вниманіе, что многіе изъ господъ трудятся не меньше слугъ, лучше же сказать, гораздо ихъ больше, если и заботы причислишь къ дѣламъ. Но ты размотри самъ рачительныхъ нынѣшняго времени; а я покажу тебѣ древнихъ, потрудившихся больше слугъ. Смотри, какъ блаженный Ной рубитъ деревья, очищаетъ ихъ топоромъ,

обтесываетъ подь прямымъ угломъ, строить ковчегъ, какъ было повелѣно, *отъ древъ четвероугольныхъ* (Быт. 6, 14.), смыкаетъ связи клиньями, и такимъ образомъ все приводитъ въ одинъ составъ, обмазываетъ горною и древесною смолою, и преграждаетъ токъ водамъ. И великій патриархъ Авраамъ, господишъ трехсотъ осмидесяти домочадцевъ, самъ трудится, прислуживаетъ странникамъ, идетъ въ стадо, ведетъ тельца, и супругу побуждаетъ изготовить немедленно хлѣбы; и она также мѣситъ муку, печетъ *потребники* (Быт. 18, 6.), и не допускаетъ до служенія рабынь; а самъ чудный оный старецъ предстоить странникамъ, не раздѣляетъ съ ними трапезы, но исполняетъ должность служителя. Смотри, какъ и Ревекка, дочь Ваѳуилова, внука Нахорова, въ такомъ возрастѣ, когда вступаютъ въ супружество, отличаясь красотою, не хочетъ сидѣть въ теремъ, но сама работаетъ, носитъ воду, идетъ на источникъ за городъ, и не только носитъ воду домой, но сама трудится для проходящихъ, и имъ и верблюдамъ черпаетъ и паливаетъ воду; въ цѣлости хранить прекрасное достояніе цѣломудрія, неприкосновеннымъ блюдетъ дѣвство, и со всѣмъ усердіемъ принимаетъ на себя труды, ими украшается болѣе, нежели сколько блистаетъ красотою. И сынъ ея, великій Іаковъ, какъ сынъ такой матери, двадцать лѣтъ проводилъ въ трудахъ, пасъ стада, боролся со звѣрями, терпѣлъ солнечный зной, и ночью не могъ въ сытость вкушать сна; да и супруги его, для которыхъ терпѣлъ сіи труды, какъ находимъ въ исторіи, пасли стада. И

сыновья Иаковлевы были *скотопитатели* (Быт. 46, 39.), сами работали, пасли стада и многократно несли на себя труды слугъ. Да и божественный Моусей сорокъ лѣтъ проводилъ такой же образъ жизни, и жена его, дочь іерея, пасла овецъ, и его помощію избавленная отъ обиды пастуховъ псирошена имъ въ жену. Но излишнее дѣло длить слово и изводить на среду всѣхъ, которые, по сказанію божественнаго Писанія, въ трудахъ протекли поприще жизни.

А если не слугамъ только, но и господамъ свойственно трудиться, почему жалуешься на рабство по причинѣ трудовъ? Въ трудахъ рабы имѣютъ соучастниками и господъ, но не участвуютъ въ заботахъ господина. Если же трудъ — общее дѣло рабовъ и господъ, а забота — исключительное дѣло господъ; то почему избавленныхъ отъ заботъ не признаемъ блаженными, причисляемъ же ихъ къ бѣдствующимъ? Итакъ, поелику и въ этомъ явно указать Промыслъ Попечителя всяческихъ; то, совокупивъ вмѣстѣ сказанное порознь, представимъ это въ сокращенномъ видѣ, и уяснимъ для лучшаго уразумѣнія.

Показали мы, что въ началѣ Творецъ создалъ единое естество, и почтилъ оное свободнымъ разумомъ, и что потомъ естество сіе, произволь воли употребивъ ненадлежащимъ образомъ, вринулось въ худшее, и совратилось въ тысячи видовъ прегрѣшній. Поэтому стремительность грѣха нужно было остановить законами, а законы потребовали законодателей. Отсего родъ человѣческой необходимо раздѣлялся на двѣ части. Одни поставлены

начальствовать, другіе обязаны повиноваться начальствующимъ, чтобы страхъ законовъ и опасеніе начальниковъ останавливали сильное стремленіе порока. Поэтому, надъ городами начальствуютъ градоправители, надъ всѣями—понецители, надъ воинствомъ—военачальники, а надъ тѣми и другими — цари. На корабль начальствуетъ кормчій, у борцовъ—наставникъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ; а учитель граматки—у отроковъ, кожевникъ—у своихъ учениковъ, а также мѣдникъ — у желающихъ учиться его ремеслу. Поэтому и въ домъ начальствуетъ господинъ; потому что безъ господина нельзя хорошо вести домъ. И это подтверждаютъ дома, которые лишились господина, и пришли въ совершенное запустѣніе. Начальство сіе имѣютъ и сонмы Ангеловъ; ибо изъ божественнаго Писанія научаемся, что небо, которое у насъ надъ головою, обитаемо не только Ангелами, но и Архангелами; и одни поставлены начальствовать, другіе же повсюются. Но если и сія свободная отъ беззаконія область, и сіе естество превысшее тѣль и страстей, не отеклась отъ сего порядка, но одни благопокорно повинуются, а другіе—мѣрно управляютъ; то почему негодуешь ты, человекъ, видя начальство и подначаліе у людей, гдѣ велика наклонность къ худшему? Какъ въкое врачество, цѣлительное для струповъ беззаконія, Творецъ употребилъ это смотрѣніе начальниковъ. И отецъ начальствуетъ надъ дѣтьми, наказываетъ дѣтей своевольныхъ, и похваляетъ цѣломудренныхъ, начальствуетъ и учитель надъ дѣтьми, и мужъ надъ супругой, и господинъ надъ слугами, одобряя усерд-

пѣйшихъ, и удостоивая ихъ чести, угожденія, а часто и свободы, наказывая же лѣннихъ и привыкшихъ къ дѣламъ худымъ и уча ихъ добротолубію. Сей порядокъ Богъ всяческихъ далъ и іеремъ. Однимъ сподобилъ священства, другимъ ввѣрилъ начальство надъ ними, и подъ ними учинилъ иные виды чиновъ.

Если же видя, что пѣкоторые изъ господъ весьма жестоки и крайне своевольны, и пѣкоторые изъ начальниковъ продаютъ справедливость за дары, находишь для себя въ этомъ преткновеніе, и болѣзнуешь прекословіемъ; то предупреждаю сіе лукавое порожденіе ума, и сказываю, что таковымъ не Богъ ввѣрилъ власть, но начальство ихъ навлечено пороками подначальныхъ; потому что не пожелали извлечь для себя какую-либо пользу отъ начальниковъ добрыхъ, но худыми нравами оскорбляли внушенныя ими правила, и тѣмъ сами себя лишили Божія о нихъ попеченія; а потомъ, оставленные безъ Божія о нихъ домогательства, получили такихъ властителей, чтобы узнавъ на опытѣ худшихъ, привели себя на память лучшихъ, и воспомянули ихъ честное и доброе правленіе. Находимъ же, что Богъ всяческихъ, по преизбытку челоѣческой злобы, ослабляетъ перѣдко броды, и попускаетъ челоѣческому роду влаться, какъ угодно. И сему Самъ научая насъ устами Пророка, сказалъ Опъ и Израилю: *и рѣхъ; не имамъ пасти васъ, умирающее да умретъ, и исчезающее да исчезнетъ, и прочая да поятъ кіиждо плоть ближняго своего* (Зах. 11, 9.). Поэтому, когда властвуютъ начальники худые, и домомъ правятъ господа

жестокіе и злые, надлежитъ молиться Правителю всяческихъ, и переменною образа жизни, исправленіемъ правовъ, преклонять Его на милость, возбуждать на помощь и пламенно умолять, чтобы времена трудныя премѣнилъ на лучшія. А что охотно внемлетъ Онъ просящимъ Его искренно, потому что благъ и обыкъ миловать, лучше же сказать, есть источникъ милости, — о семъ Самъ свидѣтельствуетъ, когда молящимся такъ даетъ обътованіе, и говоритъ: *воззовеши, и Азъ услышу тя, и еще глаголющу ти, реку: се приидохъ* (Ис. 58, 9.).

А что и крайне беззаконные, усиливающіеся всѣхъ затмить своимъ злочестіемъ, не могутъ дѣлать вреда имѣющимъ здравый разумъ и любителямъ благочестія, сіе, при помощи Божіей, объяснимъ въ послѣдующемъ словѣ. Въ настоящемъ же воспрославимъ Того, Кто ниспосылаетъ и общіе и частныя дары людямъ, ущедряетъ родъ нашъ многими тысячами благъ. Ему слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 8.

О ТОМЪ, ЧТО ДЛЯ ЗДРАВОВОМЫСЛЯЩИХЪ НѢТЬ ВРЕДА
СЛУЖИТЬ ГОСПОДАМЪ ЗЛЫМЪ.

Великій даръ слова и умъ (очень ясно это знаю) потребны тому, кто покушается говорить о предметъ столько важномъ; потому что слава самыхъ дѣлъ имѣетъ обыкновенно нѣкоторую зависимость отъ слова. По немощи и силѣ слова любятъ судить о дѣлахъ тѣ, кому угодно принимать во вниманіе не качество дѣлъ, но искусство слова. По я, положившись на важность предмета, не соразмѣрялъ съ нею порожденій моего ума, не размышлялъ о томъ, что порожденія сіи малы и скудны, имѣлъ же только въ виду, что для желающихъ видѣть ясенъ свѣтъ истины, какъ ясно и солнце для имѣющихъ здоровое зрѣніе. И если бы никто не признавалъ истины; то вопіеть о ней самъ промысль Творца и Спасителя нашего. Поэтому думалъ, что не сдѣлаю ничего неприличнаго и достойнаго порицанія, сему повсюду раздающемуся гласу предоставивъ на служеніе уста свои, и огласивъ имъ загражденный слухъ неблагодарныхъ.

Что бѣдность и богатство нужны и полезны для настоящей жизни, что рабство и господство Врачъ душъ даровалъ намъ, какъ нѣкое врачество для грѣховныхъ струповъ, — сіе, при содѣйствіи благодати Божіей, показали мы достаточно. А что

рабство не вредить находящимся въ ономъ, но даже весьма благотельно, если кто хочет имъ воспользоваться, — сіе (скажемъ такъ съ Богомъ) докажемъ теперь. Ибо и вчера обѣщались говорить объ этомъ.

Кому угодно, тотъ, и безъ древнихъ примѣровъ, можетъ испытать находящихся нынѣ въ рабствѣ, и увидить, что много между вами ревнителей добродѣтели, которые облегчаютъ для себя рабство добрымъ изволеніемъ, не требуя побужденія, исполняютъ должное по собственной воли, и любятъ угождать господамъ, — а за это получаютъ свободу, дѣлаются обладателями большихъ имѣній, и воспріемлютъ награду за свое доброе рабство. Но, можетъ быть, не излишнимъ будетъ представить въ примѣръ нѣкоторое число изъ бывшихъ древле въ рабствѣ, и открытъ собранное ими сокровище благочестія въ обличеніе тѣхъ, которые покушаются охудать рабство, и обращаютъ его въ поводъ къ наибольшей хуль, а на семъ основаніи отваживаются метать стрѣлы противъ Божія Промысла.

Поэтому первымъ изъ всѣхъ да предстанетъ первый служитель патриарха Авраама. Когда состарѣвшійся патриархъ, зная предѣлъ естества, предусматривая конецъ жизни (потому что старость — предначатіе смерти), давалъ этому рабу заповѣдь о сынѣ, повелѣвалъ взять для него жену изъ собственнаго его племени, въря древнимъ клятвамъ и благословеніямъ, строго приказывалъ избѣгать сродства съ Ханацеями, тогда чудный сей служитель прежде всего строго взвѣшиваетъ всѣ

слова господина, страшась же произносимой клятвы и ужасаясь надзирающаго надъ всѣмъ Ока, спрашиваетъ сперва, должно ли возвратить сына въ отеческій домъ Авраамовъ, когда жена откажется отъ преселенія. Поелику же Авраамъ запретилъ сіе, и сказалъ, что возвращать не должно, а надлежитъ возложить упованіе на призвавшаго Бога, довѣриться Его водительству; рабъ идетъ изъ дома господина своего, и совершивъ много дневныхъ переходовъ, къ вечеру дня достигаетъ Харрана. И верблюдовъ ставитъ онъ, давая имъ отдыхъ во врачество послѣ трудовъ, а самъ, отложивъ въ сторону принесенные имъ дары и всю знатность богатства, воздѣвъ же руки къ небу, молитъ Бога, чтобы Онъ содѣлался невѣстоводителемъ его питомца, и обручилъ съ нимъ дѣвицу, соответствующую правамъ господина. Благочестивыя изреченія его достойны того, чтобы выслушать ихъ. Ибо говоритъ онъ: *Господи Боже господина моего Авраама. Се азъ стахъ у кладезя воднаго: дщери же живущихъ во градъ исходятъ почерпати воды. И будетъ дѣвица, ей же азъ реку: преклони водоносъ твой, да пію, и речетъ ми: пій ты, и велблюды твои напою, дондеже напіются: сію уготовалъ еси рабу твоему Исааку: и посему увѣмъ, яко сотворилъ еси милость съ господиномъ моимъ Авраамомъ (Быт. 24, 12—15.).* Кто не ублажитъ за благочестіе мужа сего? Лучше же сказать, кто восхвалитъ достойно каждое изреченное имъ слово? Ибо можно видѣть, что молитва его украшена вмѣстѣ вѣрою, мудростію и благочестіемъ. Отложивъ въ сторону все прочее, цѣль путешествій

поставить въ зависимость отъ Божія Промысла, — не признакъ ли это высочайшаго благочестія и высочайшей мудрости? Положитесь же на праведность своего господина, и общаго всѣхъ Бога называть его Богомъ, и надѣяться, что его молитва непременно будетъ исполнена, и увидѣть исполненіе прошенія, — послѣ этого остается ли еще какая высшая степень вѣры? Но и въ томъ, что получилъ проспимое, оказался онъ боголюбомъ. Ибо не получилъ бы такъ легко, еслибы не былъ вполнѣ преданъ Давшему. Сію же преданность произвела душевная добродѣтель. Но что получилъ онъ, и получилъ немедленно, сіе открываетъ исторія; потому что по окончаніи молитвы пришла Ревекка, и показала въ себѣ признакъ страннолюбія. Едва услышала, что просятъ у ней воды, какъ спѣшитъ напоить всѣхъ верблюдовъ; и съ трудомъ почерпая воду, утоляетъ жажду и словесныхъ и безсловесныхъ, показывая вмѣстѣ и мужество и челоуѣколюбіе, являя въ себѣ образецъ невѣсты, изображенной въ молитвенномъ словѣ, доказывая, что она достойна Авраамова дома, и водится одинаковыми правилами съ страннолюбивымъ свекромъ. Ибо сего просилъ въ молитвѣ своей вѣрный оный рабъ, не красивой и величавой наружности, не цвѣта ланитъ, не красоты очей, не правильнаго очертація бровей, не знатности рода, не великаго богатства, но страннолюбиваго сердца, тихаго поведенія, кроткой и скромной рѣчи, снисходительнаго и челоуѣколюбиваго нрава, достойнаго дому господина его, который отверстъ для всѣхъ странниковъ, принимаетъ всякаго рода людей, и всякому предлагаетъ, что

требуется. Этого просилъ онъ, это и получилъ. И не тотчасъ, не подумавъ, пріять это, но подвергъ испытанію все съ нимъ совершающееся, хотѣлъ, какъ говоритъ, видѣть, *аще благоустрои Господь путь ему, или ни* (21). Когда же увидѣлъ всѣ признаки, которыхъ испрашивалъ; и тогда прежде пѣснопѣнія не отдалъ залога обрученія, и не забылъ Давшаго отъ полноты удовольствія. Но, взирая на даръ, вѣрилъ, что видитъ и Подателя дара, и Его прежде прославилъ по мѣрѣ силъ, а потомъ пріять уже даръ. Ибо спросивъ дѣвицу, кто она, и къмъ рождена, и узнавъ, что она дочь Ваоуилова, что есть у нихъ пристанище, и достаточно корма для верблюдовъ, рабъ Авраамовъ, какъ сказано, *поспѣшивъ поклонися, и рече: благословенъ Господь Богъ господина моего Авраама, иже не остави правды Своея, и истины отъ господина моего: и мене благоустрои въ домъ брата господина моего* (26—27.). Поелику получилъ больше, нежели сколько просилъ: дѣвица не только дала ему воды, но и сама предложила дать пристанище, обѣщала снабдить пищею и его и верблюдовъ, увидѣлъ при томъ, что и родство, о которомъ не упоминалъ въ прошеніи, показано ему вмѣстѣ съ тѣмъ, о чемъ просилъ: то, какими только могъ, пѣснопѣніями воздалъ Оказавшему сію милость, и засвидѣтельствовалъ неживость Божіихъ обѣтованій. Ибо говоритъ: *благословенъ Господь Богъ господина моего Авраама, иже не остави правды Своея и истины отъ господина моего Авраама. Праведенъ Ты, говоритъ онъ, потому что прилагашь великое попеченіе о благочестивыхъ, и пре-*

даннаго служителя Твоего, моего же милостиваго господина, удостоиваешь всякаго вниманія. Истину же словъ Твоихъ возвыщаютъ дѣла. На дѣтяхъ подтверждаешь вѣрность обѣтованій, какія далъ господину моему. Такъ прославивъ Великодаровавшаго, предлагаетъ дѣвицѣ залогомъ обрученія, золотомъ украшаетъ уши, какъ охотно и скоро внемлющія прошеніямъ странниковъ, также украшаетъ и руки, прекрасно послужившія великодушно сердца. А когда вошелъ въ домъ, увидѣлъ ея родителей, открылъ заповѣдь господина своего, дозналъ и Божию помощь, и испыталъ на себѣ великую услужливость, съ какою приняли его, какъ знакомаго; тогда забылъ ли онъ о господинѣ, при множествѣ заботъ, потерялъ ли его изъ виду, и собственное свое отдохновеніе предпочелъ ли услугамъ ему? Ни мало. Но когда и родитель и родительница дѣвицы и единоутробный ея братъ стали просить, чтобы остался у нихъ, и могли они нѣсколько дней насладиться пребываніемъ отправляющейся въ путь дѣвицы; рабъ сказалъ: *не держите мя, Господь бо благоустрои путь мой: отпустите мя, да иду къ господину моему* (56). Такъ вездѣ украшаетъ рѣчь свою Божиимъ пменемъ, отъ Бога производитъ даяніе благъ, и Божию же промышленію приписываетъ совершающееся съ нимъ самимъ. Чѣмъ же, скажи мнѣ, повредило ему рабство? Кто изъ воспитанныхъ въ свободѣ, и гордящихся свободными предками, показалъ въ себѣ столько добродѣтели? Оставилъ ли онъ недостигнутою какую либо мѣру высокаго благочестія?

Но, можетъ быть, кто либо изъ знающихъ, какъ

соплетать клеветы, и научившихся оуждать хорошее, скажетъ, что любомудріе господина послужило назиданіемъ рабу, и на него взирая, какъ на нѣкое зеркало, извлекъ онъ для себя сн черты добродѣтели. А имѣющіе худыхъ господъ также отпечатлѣваютъ въ себѣ подобіе своего образца, и заимствуя у господъ начатки худаго нрава, становятся дѣлателями порока, показывая въ себѣ своихъ учителей. Итакъ обличимъ ложь ихъ, и покажемъ, что пріобрѣтеніе добродѣтели и порока есть дѣло произвольное, и что раба, который не хочетъ жить порочно, викакой худой господинъ не принудитъ къ тому.

Да будетъ же изведевъ на среду божественный Іосифъ, внукъ Ревекки, правнукъ патріарха Авраама, изведевъ въ веснѣ дней его, въ юности, во всей красотѣ (потому что весна есть самое цвѣтущее время года). Въ веснѣ дней своихъ былъ онъ, цвѣтущіе были годы его, но отличаясь красотой тѣлесною, имѣлъ онъ душу, и тѣло превосходившую красотой; любимъ былъ онъ отцемъ, пользовался самою нѣжною его привязанностію, не только какъ послѣ рожденный, но и какъ сходный съ нимъ по правамъ, какъ точный отпечатокъ отцевой добродѣтели. Когда же онъ увидѣлъ сны свои, и пересказалъ ихъ отцу въ присутствіи слышавшихъ братьевъ, немедленно ополчается противъ него зависть, и терпитъ онъ укоризны, порожденныя завистію. А по прошествіи небольшого времени не терпѣвшіе счастья, возвышеннаго снами, увидѣвъ идущаго къ нимъ отрока, устремляются, какъ звѣри на агнца, отлученнаго отъ стада и оставшагося безъ попече-

нія о немъ пастыря, не уваживъ сѣдинъ отца, не сжалившись надъ старостию, которой, какъ нѣкій жезлъ, служилъ опорой юноша, забывъ и законъ естества, и право родства, и единство происхожденія, и юность возраста, и невѣдѣніе порока, и эту невольную (потому что была во снѣ) власть и начальство, пока еще незначительнѣйшее всякой тѣши, немедленно вознамѣрились предать его смерти и осквернить руки родственною кровію. Потомъ, когда Рувимъ воспретилъ убійство, и далъ совѣтъ избѣгать сего оскверненія, на краткое время скрывъ во рвѣ, вскорѣ послѣ сего продаютъ Іосифа купцамъ Измаильтянамъ, и убійство замѣняютъ продажею, не терпя видѣть, хотя и во снѣ, но имѣвшаго надъ ними властительство. Такое наказаніе потерпѣвъ за сны, Іосифъ приведенъ въ Египеть, снова проданъ Пентефрию, который былъ архимагиромъ у царя. Но и здѣсь оставшись, сохранилъ онъ отеческую свободу, соблюлъ въ чистотѣ благородство предковъ, не измѣнялъ въ себѣ добраго чувства, соображаясь со временемъ, его бѣдствія не еопровождались переменою нравовъ, и рѣшимость воли не мѣнялась въ немъ, какъ цвѣтъ. Напротивъ того, вступивъ въ иной образъ жизни, изъ свободы перейдя въ рабство, остался твердъ въ прежнемъ добромъ чувствѣ, и говорилъ ли, дѣлалъ ли, что бы то ни было, всегда на чель его ясно видима была стыдливость. А поэтому немедленно удостоивается онъ всякой почести, и ему поручается правленіе господскаго дома. И господамъ постоянно оказываетъ онъ преданность, а другимъ служителямъ справедливость. Благопризнательный къ почтившимъ,

прилагаетъ должное попеченіе о продчипенныхъ его управленію, за что и сталь любимъ тѣми и другими; потому что пользовался свѣше соразмѣрною добродѣтели милостію, лучше же сказать, пожиналъ во много кратъ обильнѣйшіе плоды трудовъ. Посему, что ни дѣлалъ онъ, все благоустраивалъ Богъ въ рукахъ его.

Но и здѣсь снова открылось для него иное бѣдствіе; за тревоженіемъ рабства послѣдовала болѣе жестокая буря. Одна волна миновала, другая настигла его; и совершая путь среди толикихъ волнъ и обуреваній, сохранилъ онъ ладію не погрязшею въ водахъ. Былъ онъ, какъ сказано, молодъ, украшался свѣжестью возраста, подобно цвѣтку, едва изникшему изъ чашечки, на подбородкѣ его растилался пушекъ, и на подобіе вѣнка окружалъ ланиты, лучи красоты его сливались съ скромностію, срастворились свободою, на чель возсѣдала стыдливость, на губахъ имѣла мѣсто убѣдительность. Непрестанно видѣла это госпожа, и когда должно было почерпнуть изъ сего пользу, впала въ ровъ непотребства. А какъ зрѣніе, служа пищею огню похотѣнія, внутри ея возжигало высокій пламень; то разумная сила, не угасивъ искры въ самомъ началѣ, была уже не въ силахъ утушить ее въ послѣдствіи, когда отъ искры сдѣлался большій пожаръ. И тогда, принявъ въ сборники безстыдство, пыталась она словами уловить въ сѣти юношу. Но какъ добыча не поддавалась сѣтямъ, легко перескакивала чрезъ вбитые въ землю колки, любодѣйныя, прикрашенныя сладострастіемъ рѣчи упранивавшей госпожи оставались безъ дѣйствія, и не вели ни къ чему; оставивъ уже

слова, рѣшается она искупить самымъ дѣломъ, воспользовавшись тѣмъ, что никого не было въ опочивальнѣ, схватываетъ юношу, подумавъ, что онъ рабъ, а не господинъ страстей. Но не на отсутствіе людей надѣялся Іосифъ, а видѣлъ повсюду присущее Око, не привелъ себѣ на мысль своего рабства, не убоился ея господства, разсуждая о великости бѣдствія, какое претерпѣвалъ, не захотѣлъ ослабить броды страстямъ, такъ какъ бы никто не надзиралъ надъ дѣлами человѣческими, и не потребовалъ отчета у рѣшившихся дѣлать неправду; но противосталъ разсудкомъ рабству, господству, перемѣнѣ въ образъ жизни, стремленію вождельнія, легко воспламѣняющемуся возрасту, убѣдительнымъ, обольстительнымъ рѣчамъ, съ какими госпожа обращалась къ рабу, отсутствію обвинителей, ожидаемой клеветы, тысячамъ бѣдствій, какія могли произойти отъ сего. И прежде всего, отступивъ отъ законовъ рабства, и пріявъ на себя должность совѣтника и учителя, дѣлается защитникомъ цѣломудрія и обвинителемъ непотребства. И юноша—старѣйшей лѣтами, рабъ—госпожѣ, не посвящій еще супружескаго яга и подверженный сильнымъ прираженіямъ вождельнія — живущей съ мужемъ, имѣющей законно удовлетворять похотѣнію, подаетъ урокъ цѣломудрія. И самыя священныя слова цѣломудреннаго юноши достойны того, чтобы выслушать. *Аще господинъ мой, говоритъ онъ, не вѣсть мене ради ничто же въ дому моемъ, и вся елика суть ему, вѣдаде въ руцѣ мои, и ничтоже есть въ дому семъ, ниже изъято бысть отъ мене что либо, кромѣ тебе, понеже ты жена ему*

еси: и како сотворю глаголь злый сей, и согрѣшу предъ Богомъ (Быт. 39, 8. 9.)? Не видишь Того, говоритъ юноша, Кого вижу я. Ты упоеваешься страстию, а я не принялъ этого упоенія, напротивъ того вижу Правителя этой вселенной, Который видитъ каждое событіе. Сему Оку, если угодно Ему что видѣть, не препятствуютъ ни кровля, ни стѣна, ни запертыя двери, и мракъ ночной не служитъ препятствіемъ Его зрѣнію. Ясно видитъ оно и зараждающіяся мысли, и въ точности усматриваетъ прежде рожденія едва зачавшіяся въ умѣ слова. Взирая на сіе Око, страшусь и ужасаюсь, не могу поругать брачное ложе, этотъ источникъ естества, эту дверь, вводящую въ жизнь, которая причиною, что не оскудѣваетъ человѣчскій родъ, и которая не дозволяетъ смерти угасить естество наше, но руки сѣкающей утомляетъ новымъ пасаженіемъ, и серпъ пожинающей препобѣждаетъ новымъ произращеніемъ, — которая уподобляется веснѣ, являющейся послѣ грабительствъ зимы, и снова одѣвающей, что было обнажено ею. Ты пріяла на себя иго, жена; люби это иго. Не разрывай ярма, и не смотри на то, что въѣ, но обращай взоръ на супруга. Съ нимъ повельно тебѣ влечь земледѣльчскій плугъ. Не безчести сунружескихъ законовъ и уставовъ природы, не причиняй поруганія ложу, сподобившемуся чести отъ Бога. Ты поставлена господствовать надъ другими, не будь рабою сластолюбія, не оскорбляй господства лукавымъ снмъ рабствомъ, рабственныхъ похотей не дѣлай госпожами души, не извращай порядка, не отнимай власти у разсудка, не вручай броды страстямъ. Миѣ же-

лательно, чтобы и ты стала свободною отъ страстей. Но если и не послушаешься, не захочешь освободиться отъ упоенія, то я не соглашусь быть преступникомъ закона. По тѣлу я рабъ, а не по душѣ. До и по другой причинѣ ненавижу несправедливаго дѣла. Одолженный вашими многими благодареніями, обладательница моя, не согласенъ я воздавать господину противнымъ. Будучи купленъ за деньги, предпочтенъ я урожденнымъ въ домъ, вчера, или за день вступилъ къ вамъ въ домъ, принялъ броды правленія надъ всѣмъ, господинъ поставилъ меня попечителемъ надъ всѣми въ домъ, и не давно купленному вельмѣ быть властелиномъ всѣхъ. Тебя одну, уважая законы брака, оставилъ внѣ предѣловъ моего господства. Поэтому, какими глазами буду смотрѣть на того, кто столько почтилъ меня, если воздамъ ему такимъ поступкомъ? Гнусно, обладательница моя, крайне гнусно забвеніе милостей, непамятованіе благодарній. Но и этого хуже, до крайности хуже обида, и при томъ такая обида, сдѣланная благодѣтелю. Хранить, а не расхищать, поставленъ я господское достояніе. Не сдѣлаюсь грабителемъ вмѣсто надежнаго стража. Не коснусь того, что поставлено внѣ моей власти, не буду подражать прародителю Адаму, который, принявъ во власть всѣ растенія, простеръ руку къ оставшемуся внѣ его власти, и пожелавъ одного, лишился всѣхъ.—Такъ объяснялся этотъ рабъ предъ лукавой этой госпожей, ни рабство, ни лукавство госпожи не сдѣлали ему вреда, лучше же сказать, показали его въ большемъ блескѣ, подобнымъ золоту, или драгоценному камню. Но послыку

не убдиль словами, и принуждаемый долженъ былъ спастись бѣгствомъ ; то, бросивъ одежду, ушелъ нагой, подъ однимъ покровомъ цѣломудрія; потому что не стыдился, какъ Адамъ по преступленіи; но какое тотъ имѣлъ понятіе о тѣлесной наготѣ до преступленія, съ такимъ же и онъ вышелъ отъ госпожи. Тогда прибѣгаетъ она къ клеветѣ, увѣряетъ въ ней мужа, защитника цѣломудрія называетъ злоумышленникомъ противъ цѣломудрія. А онъ, молча, принимаетъ приговоръ господина, и не хочетъ обнаружить лукавства госпожи; рѣшается лучше молчаніемъ подтвердить клевету, нежели раскрыть злой умыслъ и обличить госпожу въ явномъ непотребствѣ. Далъ онъ ей совѣтъ, какой должно было дать, а жалобы, какую могъ произнести, не произнесъ; но какъ осужденный заочно, не являясь предъ очи судіи, не слыша обвиненій, принялъ наложенное наказаніе, переселился въ темницу, заключенъ въ узы съ злодѣями, и всѣ несчастія перенесъ мужественно.

Но множество другъ за другомъ непрерывно слѣдующихъ бѣдствій не расхитили въ немъ душевной силы, и мужества не превратили въ боязнь. И въ несчастіяхъ столько имѣлъ онъ веселости и благодушія, что ободрялъ и другихъ узниковъ, и если видѣлъ кого унывающимъ, утѣшалъ его. Признакомъ душевнаго расположенія служитъ часто положеніе лица; съ движеніями мысли не только согласуется цвѣтъ въ лицѣ, но и движеніе глазъ, поднятіе и опущеніе бровей. Возбужденіе гнѣва показываетъ грозный взглядъ очей, а тихое состояніе негнѣвливости даетъ видѣть сложеніе вѣждъ, произ-

водящее улыбку; сжатіе бровей на средину чела подаютъ мысль о заботахъ, а дугообразное поднятіе тѣхъ же бровей вверхъ—о надменности. Посему, такъ какъ большая часть душевныхъ движеній выражается на лицахъ, чудный этотъ подвижникъ, припимая лица, какъ бы вѣстниками какими души, ободряетъ унывающихъ. И однажды увидѣвъ, что въ уныніи двое изъ царскихъ слугъ, одинъ—главный виночерпій, а другій—главный хлѣбодаръ, заключенные въ темницу за какіе-то проступки, подходитъ къ обоимъ, спрашиваетъ, допытывается причины унынія. Человѣкъ, обремененный столькими бѣдствіями, правнукъ Авраамовъ, внукъ Исааковъ, сынъ Іаковлевъ, котораго больше всѣхъ любилъ отецъ, на котораго смотрѣлъ, какъ на свѣтъ въ очахъ, въ которомъ находилъ свою отраду, впалъ въ рабство, терпя это бѣдствіе, не отъ взявшихъ его въ плѣнь какихъ-либо свирѣпыхъ варваровъ, но отъ поработившихся зависти братьевъ, и не въ неправдѣ какой уличившихъ его, но въ поводъ къ непріязни принявшихъ сны, не приводитъ себя этого и на мысль, а равно и того, что было съ нимъ по впаденіи въ рабство, и подвиговъ цѣломудрія, и осужденія послѣ одержанной побѣды, и наказанія вмѣсто вѣнца, и темницы вмѣсто хвалебныхъ провозглашеній, приходитъ же съ утѣшеніемъ къ другимъ, вдавшимся въ уныніе, и подобныхъ ему узниковъ спрашиваетъ, говоря: *что, яко лица ваша уныла днесь* (Быт. 40, 7.)? Когда же сказали, что видѣли сны, и что незнаніе, какъ истолковать ихъ, тревожитъ ихъ помыслъ, божественный этотъ мужъ не заплакавъ, услышавъ о снахъ, не предался сѣто-

вашию, вспомнивъ о своихъ несчастіяхъ, не пролилъ малодушной слезы, не зарыдалъ, не сталъ выстав- лять на среду печальной исторіи своихъ страданій; лучше же сказать, не сталъ громко смѣяться, услы- шавъ о снахъ, лживость которыхъ лживенно ви- дѣлъ дотоль, не сказалъ этимъ узникамъ: не знаете, видно, друзья, лживости сновъ, и не испытавъ, вѣроятно, обманчивости ихъ, желаете знать ихъ истолкованіе. Имѣя учителемъ опытъ, повелѣваю вамъ посмѣяться надъ сими снами; потому что не показываютъ они ничего истиннаго, предрекаютъ же все противное истинѣ. Надѣялся и я стать власте- линомъ братьевъ, начальствовать въ отеческомъ домѣ, повѣривъ некогда снамъ; и не только не по- лучилъ этого властительства, но, лишившись сво- боды, сталъ самымъ жалкимъ рабомъ, да и въ раб- ствѣ не попутнымъ ношусь вѣтромъ, но и здѣсь, подвергшись тысячамъ тревоженій, принужденъ жить въ темницѣ. Поэтому, пусть не смущаютъ васъ ночные призраки. Сны далеки отъ истины. — По- ничего такого не сказалъ, и не подумалъ муже- ственный этотъ узникъ, говоритъ же имъ: *еда не Богомъ изъясненіе ихъ есть? Повѣдите убо мнѣ* (8). Вездѣ у него Божіе имя, имъ украшаетъ вмѣстѣ и душу, и рѣчь свою. И говоря, что истолкованіе отъ Бога, отваживается на оное, какъ уготовившій себя въ Божій храмъ. Посему рассказали ему сны, и онъ истолковалъ, и раскрылъ, что было загадочно и прикровенно. По окончаніи же истолкованія, гово- ритъ главному виночерпцю: *по помани мя, егда благо ти будетъ: яко татьбою украденъ быхъ изъ земли еврейскія, и здѣ ничто зло сотворихъ, по*

ввергоша мя въ ровъ дома сего (14. 15.). Когда и нужда вызывала, не открывъ лукавства братьевъ, но прикрываетъ дѣло личиною татьбы, и тѣхъ, которые самымъ дѣломъ сдѣлали его рабомъ, не хочетъ обезчестить словомъ, изъ уваженія къ естеству скрываетъ обиду; и не только на братьевъ не жалуется, но и лукавства госпожи не дѣлаеть извѣстнымъ для незнающихъ онаго; извѣдавъ, что столько въ ней похотливости, непотребства, лжи, клеветы, злоумышленности, ничего этого не вывелъ наружу, но представилъ одно простое за себя оправданіе: *яко татьбою украденъ быхъ изъ земли еврейскія, и здѣ ничто же зло сотворихъ, но ввергоша мя въ ровъ* ограды сея. Смотри, какое любовіе въ словахъ его! Смотри, какое великодушіе въ мысляхъ! Смотри, какой нерабскій и неустрашимый образъ мыслей! Смотри, какаѣ душа! всегда она одна и таже, не превозносится въ благоденствіи, не унижается въ злополучіи, но всему посмѣвается, и скорбному, и пріятному въ жизни, удивляется же одной добродѣтели, и въ ней старается преуспѣвать. Какой вредъ причинила ему гнусность госпожи? Чѣмъ повредило лукавство ея? Поэтому не утверждай, что служить во вредъ рабамъ развратность господъ; ибо служащимъ у лукавыхъ господъ можно всѣми силами избѣгать подражанія лукавству.

А что не господство учитель лукавству, не богатство содѣтель порока, то смотри, этотъ же самый Іосифъ, освободясь отъ рабства и занявъ второе мѣсто въ царствѣ, не превозносится высокою властію, но начальство срастворяеть кротостію,

власть свою доказываетъ попечительною, видитъ братьевъ, замышлявшихъ убійство, и не убиваетъ, вспоминаетъ о снахъ, и забываетъ о зависти, возбужденной снами. Ибо голодъ привлекъ братьевъ въ Египеть, и нужда заставила поклониться, когда не знали, кому кланяются. Сны, противъ которыхъ воставали, приведены въ исполненіе замыслившими содѣлать ихъ неисполнимыми; ради сновъ продавшіе брата, чтобы не кланяться, какъ предсказывали сны, продажею брата уготовали поклоненіе; потому что проданный сталъ рабомъ; ставъ рабомъ, возненавидѣлъ непотребство госпожи; возненавидѣвъ, претерпѣлъ оклеветаніе, оклеветанный поселился въ узилищъ, заключенный истолковалъ сны слугамъ царскимъ, и чрезъ это дѣлается извѣстнымъ царю, успокоиваетъ его, встревоженнаго снами, и ясно истолковавъ, и присовѣтовавъ, что должно дѣлать, поставленъ уже распорядителемъ того, что самъ присовѣтовалъ. Обиліемъ плодовъ умѣряетъ ожидаемое неплодіе земли; обильные сборы хлѣба сберегаетъ во врачество отъ голода, и дѣлается питателемъ не Египтянъ только, но и братьевъ, которые отдали его на снѣдніе. Такъ въ дѣйствительности кланяются ему тѣ, которые позавидовали поклоненію въ снахъ, и непринявшіе поклоненія во снѣ на самомъ дѣлѣ воздали ему поклоненіе. А онъ, хотя пріемлетъ поклоненіе, однакоже не воздастъ братьямъ тѣмъ же, что сдѣлано ими, но питаетъ ихъ, услуживаетъ имъ, даромъ снабжаетъ ихъ хлѣбомъ. Напоследокъ же, увидѣвъ единоутробнаго брата, устройвъ мнимую улику въ зломъ умыслѣ, когда примѣтилъ, что крѣпко стоятъ они за юношу,

и попеченіе о старцѣ отцѣ предпочитаютъ собственной своей свободѣ, сложивъ съ себя грозную личину и повелѣвъ всѣмъ идти изъ судилища, говорить: *азъ есмь Іосифъ братъ вашъ, его же продасте во Египетъ (45, 4).* И чтобы для пораженныхъ внезапнымъ страхомъ не сдѣлался гибельнымъ такой ударъ, немедленно присовокупилъ, сказавъ: *и нынѣ не убойтеся, ниже жестоко вамъ да левится: на жизнь бо посла мя Богъ предъ вами (5).* Поелику видѣлъ, что нѣтъ у нихъ никакого оправданія, что языкъ ихъ связанъ грѣхомъ; то самъ, претерпѣвшій тысячи бѣдствій, въ сторону отлагаетъ обвиненіе, и замѣняетъ оное оправданіемъ. *На жизнь бо посла мя Богъ предъ вами, препитати народъ многочисленный (7).* Не ваше это дѣло, говоритъ онъ, но Божіе; не огорчайтесь моимъ рабствомъ, оно было по Божію смотрѣнію. Отложите страхъ, изъ этого не вышло ничего худаго; чрезъ рабство пріялъ я власть надъ всѣмъ Египтомъ, чрезъ рабство сталъ я вторымъ по царь, и мнѣ ввѣрено править бродами великаго народа. Таковъ былъ Іосифъ, и рабствуя, и царствуя; таковъ—и въ благополучіи, и въ злополучіи, таковъ—и бѣдствуя, и премного благоденствуя. Поэтому, не богатство, не господство, не бѣдность, не рабство раждаютъ порокъ, но вездѣ превозмогаетъ произволеніе духа.

А что лукавство господъ не вредитъ добродѣтели слугъ, не трудно дознать и изъ другихъ примѣровъ. Кто изъ обучившихся божественному не знаетъ Ахаавова лукавства и Іезавелина злостія и бѣснованія противъ Бога? Однакоже Авдій, имъ служа,

и отъ нихъ имѣя ввѣренное смотрѣніе надъ домою, не только не слѣдовалъ по стопамъ господь, но даже шелъ путемъ противоположнымъ. Они, неистовствуя противъ Пророковъ Божіихъ, всѣхъ спѣшили предать смерти, и въ забаву вмѣняли себѣ истребленіе Божіихъ служителей, усиливался совершенно угасить всякую искру благочестія. Но Авдій противодѣйствовалъ нечестивымъ поступкамъ господь, и старался въ цѣлости сохранить свѣтильникъ благочестія, и сто Пророковъ скрывъ въ пещерахъ, препиталъ ихъ, когда цѣлую вселенную обдержалъ жестокой голодъ, какой въ наказаніе за нечестіе наслалъ на людей великій Илія. Авдія не устрашило звѣрское опредѣленіе господь, не привело въ болзнь избіеніе благочестивыхъ, мучительный голодъ и скудость въ необходимомъ не сдѣлали его скуднымъ на услуженіе святымъ Пророкамъ. Напротивъ того, гнушался онъ жестокости господь, а Пророкамъ въ достаткъ давалъ потребное, спасеніе ихъ предпочитая своей безопасности, и жизнь безъ нихъ признавая для себя смертною. И въ чемъ не выказывалось ни малой вражды противъ Бога, въ томъ исполнялъ онъ надлежащее служеніе господамъ. Законы же, издаваемые противъ Сотворшаго, признавая достойными смѣха, ненавидѣлъ издававшихъ, и сожалѣлъ о принуждаемыхъ исполнять повелѣнное. Но такое служеніе почитая гибелію, спасалъ тѣхъ, кого вѣрно было убивать, признавая, что кончина въ благочестіи честнѣе жизни въ нечестіи. Поэтому не повредило ему развращеніе владыкъ; напротивъ того, лукавство господь содѣлало его славнымъ и знаменитымъ. Ибо всего крѣп-

че рѣшительное намѣреніе предпочитающаго благочестіе, всего сильнѣе душа, которая не хочетъ служить пороку.

Но не знаю, что мнѣ дѣлать, потому что добродѣтель людей доблестныхъ вынуждаетъ у меня слово, и заставляетъ длить оное сверхъ мѣры. Поэтому, продолживъ оное, перейдемъ къ другому примѣру. Последнимъ царемъ у Іудеевъ былъ нѣкто Седекія, который болѣзновалъ великимъ нечестіемъ, и не терпѣлъ даже слышать божественныхъ предвѣщаній. Онъ-то божеотвеннаго Іеремію, который тогда пророчествовалъ, и передавалъ людямъ Божіи повелѣнія, заключилъ въ ровъ съ зловонною тицею; потому что Іеремія предрекалъ царю крайне горестныя и скорбныя событія. Но одинъ служитель, Эіоиплнинъ, евнухъ Авдемелехъ, не представивъ въ умѣ ни величія царской власти, ни господствующаго нечестія, ни сильнаго гнѣва на Пророка, ни бѣдствій рабства, обличаетъ неправедный приговоръ царя, обвиняетъ въ незаконномъ поступкѣ съ Пророкомъ, указываетъ на Того, Кто надъ всѣмъ надзираетъ, и устрашаетъ царя правдивымъ наказаніемъ. Такъ совѣтникомъ дѣлается служитель царю, эвнухъ мужу, иноземецъ туземцу, Эіоиплнинъ Израильянину, потомокъ Хамовъ ведущему родъ свой отъ Сима; и царя убѣждаетъ онъ благочестивыми словами, и Пророка изводитъ изъ этого горькаго, темнаго и зловоннаго заключенія, и снабжаетъ его необходимою пищею во все время осады города. Въ награду же за благочестіе пріемлетъ отъ Бога благословеніе. Когда городъ взятъ, и всѣ живущіе въ царскомъ дворцѣ избиты, онъ, по обѣтованію

Божію (Іер. 39, 15. 17.), улучшаетъ спасеніе. Посему явствуетъ изъ сказаннаго, что добрымъ слугамъ не только не вредятъ лукавые господа, а напротивъ того первые отъ послѣднихъ пріобрѣтаютъ великую пользу.

Тоже можно еще дознать и инымъ образомъ. Когда городъ Іерусалимъ за великое беззаконіе былъ опустошенъ, многіе истреблены голодомъ, многіе преданы смерти на войнѣ, оставшихся же царь халдейскій отвелъ плѣнниками въ Вавилонъ, а потомъ, отдѣливъ имѣвшихъ благородное происхожденіе, отличавшихся красотою тѣла и цвѣтущихъ юнымъ возрастомъ, повелѣлъ жить имъ въ царскихъ чертогахъ и исправлять царскую службу; тогда прежде всего отдалъ приказъ, хорошимъ содержаніемъ, яствами и припасами, приносимыми съ царскаго стола, вознаградить въ нихъ то, что потерпѣли во время осады и долгаго пути. Усмотри же и изъ этого благородство оныхъ божественныхъ отроковъ. Ни взятіе города, ни сожженіе Божіа храма, ни запустѣніе неприступнаго и неприкосновеннаго святилища, ни то, что божественные сосуды стали добычею варваровъ, ни истребленіе царей, ни избіеніе священниковъ, ни поселеніе вдали отъ святыни, ни пребываніе на чуждой землѣ, ни недостатокъ учителей, ни нечестіе державствующихъ, ни нужды рабства, ни тяжкое иго царя, ни незрѣлость возраста, ни пристрастіе къ жизни, ни страхъ кончины, ни иное что-либо сему подобное не убѣдило ихъ, хотя въ маломъ чемъ, преступить и нарушить предписанія закона. Но сдѣлавшагося ихъ попечителемъ умоляютъ они, давать имъ пищу изъ

сѣмень; потому что гнушались царскою пищею, мерзкими почитали разнообразныя сіи яства, видя, что оскверняли ихъ призываніемъ идоловъ. Столь-коже имѣли упованія на Бога отцевъ, любви къ Нему и вѣры въ Него, что дали обѣщаніе попечителю, отъ сѣмень оказаться доброзачувѣйшими питающихся царскими снѣдками. И не обманулись въ надеждѣ, но пожали плоды вѣры; какъ обѣщали, такъ и сдѣлалось; всѣхъ вообще пользовавшихся роскошными яствами были они нѣжнѣе и упитаннѣе, отличались большею красотою, украшались тѣлесною силою. Когда же время, идя своимъ порядкомъ, содѣлало ихъ совершенными мужами, и показали они опытъ своей добродѣтели, симъ плѣнникамъ дано начальство надъ природными жителями страны, и тогда открывается имъ еще иное поприще. Высокомѣрный этотъ царь, въ безумной кичливости подражая отцу, воздвигаетъ огромный этотъ кумирь, сдѣланный изъ дерева и золота, и всѣмъ повелеваетъ поклоняться кумиру сему, какъ Богу, а нежелающимъ поклониться назначаетъ наказаніе—эту печь, разженную до крайней степени непрестаннымъ безъ мѣры прибавленіемъ дровъ. Тогда многіе въ угодность царю исполняли приказаніе; многіе дѣлали это по обычаю, и какъ одному изъ идоловъ воздавали и кумиру сему чествованіе; но нашлись и такіе, которые по страху быть сожженными губили души, и уязвляемые совѣстію воздавали кумиру божеское чествованіе. Но Ананія, Азарія и Мисаиль, сіи мужественные питомцы закона, наследники Авраамовой вѣры, подвижники благочестія, предтечи благодати, защитники вѣры, рабы

по тѣлу, свободные по образу мыслей, плѣнники, но душою превышавшіе царей, не только не поклонились кумиру добровольно, но обвиненные, какъ неисполнившіе приказа, никакого не приносятъ оправданія, но явно отказываются отъ поклоненія, и громогласно взываютъ: *есть Богъ на небесѣхъ, Ему мы служимъ, силенъ изъяти насъ отъ пещи огнемъ горящія, и отъ руку твою избавити насъ, царю: аще ли ни, вѣдомо да будетъ тебѣ, царю, яко богомъ твоимъ не служимъ, и тѣлу златому, еже поставилъ еси, не кланяемъ* (Дан. 3, 17. 18.). Не за награды служимъ мы Сотворшему, и благочестіе не къ тому у насъ служить, чтобы купить спасеніе, нѣтъ у насъ желанія, какимъ бы то ни было образомъ, только бы получить жизнь. Напротивъ того, любимъ волю Владыки. Если избавитъ насъ отъ бѣдъ, исповѣдуемъ Ему благодареніе. А если попуститъ и впасть въ бѣдствія, поклоняемъ Ему. Что можетъ Онъ укрѣпить насъ и въ наказаніяхъ, какія угрожаютъ намъ, знаемъ, и ни мало не сомнѣваемся въ томъ. Но угодно ли Ему это, не знаемъ; потому что глубина промысла Божія неизслѣдима. Посему, не медли, но предавай насъ уготованнымъ наказаніямъ. Для насъ пріятнѣе смерть въ благочестіи, нежели жизнь въ нечестіи.—Такъ сказали отроки, и царь не умедлилъ, ввергъ ихъ связанныхъ въ пещь. Но огонь разрѣшилъ желѣзные узы, сохранилъ же удобосгараемое естество волосъ; не захотѣлъ коснуться предложенной ему пищи, но обратился въ бѣгство, показалъ тѣло, и устремился на своихъ поклонниковъ, а Божіихъ слугъ сохранилъ неповрежденными. Новое и не-

обычайное произошло чудо. Тѣ, которые были среди огня, и ходили по углямъ, не испытали на себѣ дѣйствія пламени; а тѣ, которые стояли внѣ печи, и доставляли пищу огню, сами сдѣлались пищею огня. И послѣдніе востенали, сгарая, а первые ликовали въ печи, и всю тварь призывали къ общенію въ пѣснопѣнни, даже стихіямъ, которымъ поклонялись неразумные, повелѣвали воспѣвать благодѣтеля. И такова была сила сего чудодѣйствія, что самъ этотъ надменный и неистовый мучитель пришѣлъ, и поклонился отказавшимся кланяться кумиру, и всѣмъ подданнымъ повелѣлъ чтить Бога ихъ.

Такъ и великій Даниль, подпадшій одному бѣдствію съ сими отроками, содѣлавшійся плѣнникомъ, и принужденный жить съ варварами, въ точности сохранялъ отеческій законъ, и живя по оному, соблюлъ душу чистою и искреннею, и сіялъ такими лучами добродѣтели, что и звѣронравнаго мучителя изумилъ молніеноснымъ ея блистаніемъ; и сперва сдѣлалъ ему извѣстными невѣдомые сны, потомъ изъяснилъ, что требовало изъясненія, указалъ и присоветовалъ, что могло послужить въ пользу. И должно ли пересказывать все блистательно имъ совершенное: какъ царь запретилъ молиться и испрашивать что-либо у Бога, и какъ Даниль, молившійся по закону и прежде дѣлавшій это тайно, когда изданъ былъ злочестивый законъ, продолжалъ молиться Богу явно, смѣясь надъ закономъ и презирая законодателя; какъ отданъ львамъ, какъ и ихъ поразилъ лучами благочестія, и чертами Божія образа, какъ бы удилкомъ какимъ, преградилъ

неистовыя ихъ уста, какъ на зрѣлище чуда сего привлекъ злочестиваго царя, какъ и его научилъ, что Богъ Евреевъ есть Творецъ и Владыка всѣхъ, какъ обличилъ идольскій обманъ? Все это можно дознать изъ исторіи, и пріобрѣсти ясное свѣдѣніе, что и служащіе лукавымъ господамъ могутъ не отпечатлѣвать въ себѣ никакого лукавства, но достигать самаго верха добродѣтели, и господь освободить отъ заблужденія, приводить къ истинѣ, и для многихъ другихъ служить примѣромъ спасенія. Посему, никто да не обвиняетъ рабства, и не думаетъ, будто бы лукавое владычество препобѣждаетъ добродѣтель рабовъ, но повсюду да усматриваетъ промысленіе Божіе.

Но, можетъ быть, скажетъ кто нибудь: почему Богъ всяческихъ и жившихъ беззаконно предаль царю вавилонскому, да и праведнымъ попустилъ содѣлаться плѣнниками? Какого промысла видно въ семъ дѣло? Какая правда въ такомъ опредѣленіи? Не видны ли въ этомъ безпорядокъ, неустройство и слитность? Но говорить это рѣшаются незнающіе бездны Божія домостроительства. А сподобившіеся тайноводства и вкусившіе божественныхъ тайнъ знаютъ и причину и корень сего. Человѣколюбець печется о согрѣшающихъ, и вразумляетъ ихъ, и одного человѣка не хочетъ оставить безъ попеченія о немъ. Поэтому, посылая въ плѣнъ беззаконныхъ, посылаетъ съ ними вмѣстѣ, какъ бы нѣкіими пѣстунами и наставниками, и людей добродѣтельныхъ, чтобы ихъ жизнию и словомъ и тѣ, какъ нѣкіимъ свѣтильникомъ, озаряясь, могли сколько нибудь идти непогрѣшительной стезею. А что

плѣнъ ихъ не только былъ ниною спасенія для со-
племенниковъ, но и иноплеменныхъ озарилъ свѣ-
томъ Боговѣднія, — свидѣтель сему исторія. Посему,
если отличались они подвигами, и содѣлались слав-
ными и знаменитыми, оставили полезный примѣръ
позднимъ родамъ, были причиною спасенія для
плѣненныхъ вмѣстѣ съ ними, доставили пользу вар-
варамъ, сохранивъ неповрежденнымъ благочестіе,
и чрезъ него совершивъ великія чудеса: то почему
обвиняешь Промыслъ, предустроявшій все тому
подобное? Почему не восхваляешь паче Домострои-
теля душъ, Правителя твари, такъ премудро и на
пользу все направляющаго?

Такъ изъ словесъ Божіихъ показалъ я, что и
для служащаго лукавому господину возможно, и
избѣжать порока, и преуспѣвать въ добродѣтели, и
господамъ доставлять много поводовъ къ пользѣ;
а ты обрати взоры на тѣхъ, которые нынѣ вмѣстѣ
съ тобою пребываютъ въ рабствѣ, и увидишь, что
многіе, находясь въ рабствѣ у невоздержныхъ, гну-
шаются невоздержаніемъ, чтутъ же цѣломудріе, и
не отпечатлѣваютъ въ себѣ ни одного порока своихъ
господъ, но подражаютъ жизни недавно описан-
ныхъ нами мужей. И какъ изъ сказаннаго, такъ пзъ
видѣннаго, уразумѣвъ свободу естества нашего, и
дознавъ премудрость Божія промысла, провозгласи
отреченіе, и изглашаемую тобою нынѣ хулу перемѣни
на пѣснопѣніе, и изглашенія твоихъ устъ, которыя
до нынѣ были противъ Бога, да будутъ на славу
Божію, и да воспѣвается ими промыслъ Творца
Христа Бога нашего! Ему слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 9.

О ТОМЪ, ЧТО ТРУДЪ ПРАВДЫ НЕ БЕЗПЛОДЕНЪ , ХОТЯ И НЕ ВИДЕНЪ ВЪ НАСТОЯЩЕЙ ЖИЗНИ, И О ВОСКРЕСЕННИИ, ДОКАЗЫВАЕМОМЪ УМОЗАКЛЮЧЕНИЯМИ ЕСТЕСТВЕННАГО РАЗУМА.

Еслибы всѣ пожелали внять сему доброму совѣту, ясно взывающему: *крѣпшихъ себе не ищи, и глубочайшихъ себе не испытуй, яже ти повелѣна, сіа разумѣвай* (Сирах. 3, 21.); то намъ бреваящемуся доказать Божіе о всемъ промышленіе не было бы нужды во многихъ словахъ. Ибо освободившимся отъ излишней и суетной пытливости совсѣмъ не трудно и весьма легко усмотрѣть, что Оно крѣпко держится за кормило вселенной, и премудро всѣмъ править. Но поелику много такихъ людей, которые не хотятъ видѣть сего добровольно, но смѣжаютъ глаза, затыкаютъ уши, не хотятъ внимать отвсюду несущемуся гласу, надъ всѣмъ , что такъ хорошо и прекрасно содѣваетъ Богъ , смѣются, хулятъ, охуждаютъ это, собираютъ тысячи всякихъ малостей, соплетая ложное обвиненіе: то, думаю, что справедливо приняли мы на себя трудъ говорить противъ сего обвиненія, съ намѣреніемъ показать, что оно клевета, а не прямая улика. И призвавъ на помощь тотъ самый Промысль, который оспариваютъ они, его предпоставивъ защитительному сему слову, изложили мы уже восемь словъ, обличая хулу неблагодарныхъ, обли-

чителями и вмѣстѣ и свидѣтелями ихъ неблагодарности изводили на среду небо, землю, море, воздухъ и всѣ на нихъ тѣла, одушевленные и неодушевленные, словесныя и безсловесныя, летающія и ходящія по землѣ, плавающія въ водахъ и земноводныя; сверхъ сего представляли устройство человѣческаго тѣла, въ каждомъ его членѣ ясно открывающуюся Божію премудрость и Божіе промышленіе, богоданный даръ разума, при помощи котораго естество человѣческое изобрѣло земледѣліе, мореходную, врачѣбную науки, грамматику, и всѣ иныя искусства и познанія, содѣйствующія къ тому, чтобы жизнь человѣческую содѣлывать пріятною; при помощи Божіей показали также потребность животныхъ кроткихъ и свирѣпыхъ, пользу богатства и бѣдности, необходимость рабства и господства; потомъ кромѣ сего доказали и то, что рабствующіе, если желаютъ пребывать въ цѣломудріи, никакого вреда не навлекаютъ на себя отъ господъ живущихъ порочно; и на сіе представили доказательства изъ божественнаго писанія; а разысканіе о живущихъ въ рабствѣ нынѣ, представили самимъ жестокимъ обвинителямъ Промысла; потому что и нынѣ можно видѣть у господъ лукавыхъ тысячи рабовъ, не только неподражающихъ господскимъ порокамъ, но и весьма ими гнушающихся, любящихъ честность и идущихъ путемъ противоположнымъ пути господъ.

Но, можетъ быть, извлекутъ изъ сего еще иныя предлогъ къ обвиненію Божія Промысла, и скажутъ, что питомцы добродѣтели трудятся напрасно, сѣютъ, какъ говорится, на камень, черпаютъ воду рѣше-

томъ, и дѣлають много сему подобнаго, вовсе не получая добрыхъ плодовъ. Одни, скажутъ намъ, живутъ въ бѣдности, проходятъ жизнь обреченные на великое злостраданіе; другіе влекутъ тяжкое иго рабства, несутъ непрестанные труды, а что и сего гораздо хуже, многіе, гнушаясь порокомъ, принуждены служить порочнымъ господамъ. Какая же, спросятъ, имъ награда? какое воздаяніе за добродѣтель? какое возмездіе за труды? какой плодъ ихъ потовъ? какое вознагражденіе за подвиги? Ибо не видно, чтобы всѣ, кому выпалъ жребій рабствовать, получали свободу, не примѣтно того, чтобы получившіе въ удѣлъ бѣдность и содѣлавшіеся рачителями добродѣтели, со временемъ переходили въ число богатыхъ; напротивъ того большая ихъ часть оставались въ прежнемъ злостраданіи.

Но ты, жалкій и по землѣ пресмыкающійся чело-
вѣкъ, измѣряешь благополучіе по чреву, ланитамъ
и бровямъ, и считаешь предѣломъ благоуспѣшности
имѣть возвышенную колесницу, копыносцевъ, кра-
сивую верхнюю одежду, хорошо выѣзженныхъ коней
съ блестящими украшеніями на лбу и груди, голо-
систаго глашатая, высоко взгроможденный домъ,
гостинныя, разцвѣченныя евбейскими и ѳессалій-
скими камнями, испещренныя живописнымъ искус-
ствомъ, усыпанныя цвѣтами ложа, тарелки, при-
боры, кубки, благовоныя вина, сикелійскій и сибар-
итскій ужинъ, и все прочее, что только служитъ
къ жизни раздольной, изнѣженной, роскошной. Но
всякой благомыслящій обыкновенно все это не толь-
ко не называетъ благополучіемъ, а даже признаетъ
крайнимъ злополучіемъ и бѣдствіемъ; потому что

Правитель всяческих далъ людямъ богатство не на то, чтобы расточать его на непотребство, и обращать въ напутствіе къ пороку; но на то, чтобы, хорошо и разумно имъ распорядившись, и какъ у себя самихъ имѣя въ достаткѣ, что должно, такъ излишнимъ ссужая нуждающихся, дѣлать его средствомъ къ цѣломудрію и справедливости. И не только самъ Богъ всяческихъ такъ установилъ сіе, и не только святые мужи, слѣдуя владыкѣ, любятъ сіи установленныя предѣлы; но и вы даже, болѣзнуюющую крайнею неблагодарностію, имѣете обычай обвинять столь худо употребляющихъ богатство, лучше же сказать, ихъ удостоиваете извиненія, хулите же **Правителя** всяческихъ, въ обладаніе столь порочнымъ людямъ давшаго богатство. Поэтому и вамъ самимъ кажется, что не такую роскошную жизнь называть должно счастіемъ, но что жизнь праведная и цѣломудренная достойна одобренія и высочайшей похвалы, и будетъ ли она въ бѣдности, или въ изобиліи, заслуживаетъ одинаковыхъ вѣнцевъ. Думаю же, что тѣхъ, которые въ бѣдности прилагаютъ попеченіе о добродѣтели, какъ выказывающихъ большее терпѣніе, и вы удостоите даже сугубыхъ вѣнцевъ.

Но не сію награду имѣютъ ревностно служащіе Богу, и не сіе воздаяніе въ виду у ревнующихъ о божественныхъ законахъ. Известно, что похвала человѣческая многихъ часто портитъ, ослабляетъ усердіе, и задерживаетъ въ теченіи. Иной, подумавъ, что достигъ уже конца теченія (эту мысль внушаетъ похвала), перестаетъ простираться впередъ, и теряетъ побѣду. Сіе дасть видѣтъ и Богъ всяческихъ,

сказавъ устами Пророка: *людіе Мои, блажащій васъ льстятъ вы, и стези ногъ вашихъ возмущаютъ* (Пса. 3, 12.); потому что похвалами ослабляютъ ревность усердія, и не дозволяютъ достигнуть цѣли. Такъ совершалъ теченіе блаженный Павелъ, не внимая ни похваламъ ни хуламъ, но задняя забывая, въ предняя же простирался и со усердіемъ гоня къ почести вышняго званія (Филп. 3, 13. 14.). Поэтому хранители божественныхъ законовъ не въ похвалъ человеческой поставляютъ награду за труды, но ожидаютъ исполненія Божіихъ обѣтованій, въ упованіи на Мздовоздаятеля подвиговъ, ожидаютъ вѣнцевъ неувядаемыхъ, чаютъ себѣ богоданныхъ наградъ, ждуть приговора праведнаго Судіи, воскресенія тѣла, вознесенія на небеса, ликостоянія съ Ангелами, паче же всего этого, непрестаннаго лицезрѣнія самаго Любимаго ими, ради Котораго, переплывая море жизни, боролись они съ волнами порока, и потопляемые многими трудами, не захотѣли погрязнуть, но съ трудами сопрягши желаніе достигнуть пристани, подкрѣпляли тѣмъ свою немощь. А пристанію сію, устремившіеся на высоту добродѣтели, имѣютъ не жизнь, не воскресеніе, не иное какое-либо изъ желанныхъ благъ, но Самаго воздержнаго, ради Котораго и злостраданіе вмѣняли въ наслажденіе, и многотрудное дѣланіе въ сладкій сонъ, пребываніе въ пустыняхъ почитали отраднѣйшимъ пребыванія въ городахъ, жизнь въ бѣдности—преимущественнѣйшею жизни въ богатствѣ, горькое рабство—пріятнѣйшимъ всякаго самоуправства. Сей-то награды ожидаютъ дѣлатели добродѣтели. Ибо есть наследіе у служащихъ Го-

споду, какъ взываетъ Пророкъ Исаія (Ис. 65, 9.). Свидѣтельствуеть же и блаженный Давидъ, слагая благодарственную пѣснь Подателю благъ, и говоря: *далъ еси достояніе болшимся имене Твоего, Господи* (Псал. 60, 6.). Да и Самъ Владыка Христосъ столь же великія блага изображаетъ въ священномъ евангеліи, говоря: *блажени нищии духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное. Блажени кротции: яко тѣи наслѣдятъ землю* (Матѣ. 3, 5.); и прочее, за симъ слѣдующее, кому угодно, безъ труда можетъ самъ дознать, раскрывъ божественныя книги. Ибо тоже найдетъ и въ раздаяннѣ талантовъ, и въ притчѣ о десяти дѣвахъ, и въ иносказательномъ разлученіи овецъ отъ козлищъ, и въ засѣянной нивѣ, которая пріяла на себя и плевелы, и въ мрежѣ, которую закинувши опустили въ море, и уловили всякихъ безъ разбора рыбъ, а потомъ сдѣлали имъ строгій разборъ. Много подобнаго сему можно найти и въ апостольскихъ поучительныхъ писаніяхъ.

Поелику разысканіе всего этого содѣлало бы слово чрезмѣрно длиннымъ; то, предоставивъ сіе любознательнымъ, перехожу къ тому, что слѣдуетъ по порядку рѣчи. Да и по другой причинѣ, изъ божественнаго Писанія представлять доказательства о воздаяніяхъ за добродѣтель было бы дѣломъ напраснымъ и крайне излишнимъ. Вѣрующіе, что Богъ всяческихъ промышляетъ о людяхъ, не имѣютъ нужды въ нашихъ убѣжденіяхъ, но признають достаточнымъ для нихъ око вѣры и ученіе богодухновенныхъ словесъ; а не увѣровавшіе еще, одержимые же тмою невѣріа и болѣзну-

ющіе неблагодарностію къ Сотворшему, не тернятъ слышатъ словесъ божественнаго Писанія. Почему, оставивъ на сей разъ доказательства изъ Писанія, обличимъ ихъ умозаключеніями естественнаго разума.

Поэтому спросимъ ихъ: цѣломудріе, справедливость и прочія части добродѣтели признають ли они благами и виною благъ, или соприсчисляютъ къ тому, что худо? Но этого никакъ не потернитъ сказать и самъ отецъ грѣха. Ибо можно ли сказать сіе тому, кто съ дѣлателями сихъ добродѣтелей ежедневно ведетъ брань, какъ съ противниками, и всегда противопоставляетъ цѣломудрію невоздержность и справедливости неправду? Посему необходимо и имъ признаться въ этомъ вмѣстѣ съ своимъ учителемъ и не покушаться превзойти въ порокъ самого виновника грѣха; ибо по слову Господню, *нѣсть ученикъ надъ учителя* (Матѣ. 10, 24.).

Посему еще спросимъ ихъ: если добродѣтели сіи прекрасны, и изъ прекрасныхъ прекраснѣйшія, если оны блага, и наилучшія изъ благъ, и никто, если не крайне безразсуденъ и лишенъ здраваго смысла, не будетъ спорить, что сіе дѣйствительно такъ; то, конечно, и любителямъ ихъ надлежитъ именоваться прекрасными и добрыми, и имѣть плодъ не только равномѣрный трудамъ, но и во много кратъ ихъ большій. Ибо не странно ли это? Земледѣлецъ, вложившій въ землю сѣмена, въ награду за труды пожинаетъ во много разъ больше посѣяннаго, а также и садовникъ насаждающій деревья, имѣетъ утѣшеніе въ уродившихся плодахъ,

а у тѣхъ однихъ, которые заботятся о добродѣтели, содѣлались хранителями онаго божественнаго сада, и въ попеченіи объ оныхъ насажденіяхъ пролили много пота, истощили много труда, и трудъ безплоденъ, и потъ не вознагражденъ? Занимающіеся упражненіемъ тѣла и голоса получаютъ вѣнцы, пріемлютъ награды, удостоиваются рукоплесканія зрителей, а добродѣтель менѣе цѣнится, нежели искусство борца и кулачнаго бойца? И для этого величайшаго подвига нѣтъ ни зрителей, ни мздовоздаятеля, ни почести, ни награды, ни вѣнца? И представляющіе трагедіи и комедіи имѣютъ нѣчто въ виду, для чего упражняются въ искусствѣ, въ надеждѣ вѣнцевъ переносятъ труды; и правящіе колесницами отваживаются на опасности въ ожиданіи побѣды, въ чаяніи похвалы зрителей,—а притомъ берутъ плату и съ тѣхъ, чьего завода кони; и кормчій, имѣя цѣлю пристань, осмѣливается бороться съ волнами, и ободряемый желаніемъ получить прибыль, выноситъ прираженія бурь; и кожевникъ, и ковачь мѣди, и всякій занимающійся какимъ-либо ремесломъ ждетъ конца трудовъ, и съ утомительностію ремесла соединивъ чаяніе выгоды, находитъ срастворенное съ трудами удовольствіе: а одно только, какъ видно, упражненіе въ добродѣтели, пожелаетъ ли кто назвать его искусствомъ, или наукою ратоборства и подвижничества, или воздѣлываніемъ и насажденіемъ, не имѣетъ доброй цѣли, которая могла бы утѣшать во время трудовъ? Но напрасно преуспѣваютъ въ цѣломудріи цѣломудренныя, и борясь со многими и различными страстями, усиливаются угасить ихъ

пламень? Напрасно дѣлатели справедливости ведутъ брань съ неправдою, удерживаясь отъ чужаго и расточая свою собственность? Безполезно и пріобрѣтеніе мужества для преуспѣвающихъ въ ономъ; потому что, великодушно перенося встрѣчающіяся имъ огорченія, не имѣютъ Мздовоздателя?

Но это — неправда, совершенная неправда. Ибо стяжаніе добродѣтели достойно удивленія и пріобрѣтенія. Это скажете и вы, невольно понуждаемые совѣстію. Ибо въдѣніе сіе врождено челоувьку, и никто изъ обладающихъ онымъ не имѣетъ нужды въ словѣ придаточномъ, отъ Бога ли сообщаемомъ, или передаваемомъ людьми; потому что для наученія ихъ достаточно слова врожденнаго. Свидѣтельствуютъ и дѣлатели грѣха, которые совершаютъ его тайно, и, если бывають открыты, сами себѣ придумываютъ оправданіе; потому что подрывающіеся подъ стѣны, гробораскопатели, похитители, прелюбодѣи, убійцы и всѣ отваживающіеся на что-либо сродное съ симъ, стараются дѣлать это, употребивъ въ содѣйственники тму; а если кто покусится что-либо такое сдѣлать и днемъ, то въ помощь себѣ беретъ отсутствіе людей. Посему тѣмъ самымъ, что покушаются скрыть, показываютъ, какое понятіе имѣютъ о своемъ поступкѣ; ибо не стали бы скрывать, если бы предполагали, что поступаютъ хорошо; а покушаясь утаить, и страшась быть открытыми, сознаются, что дѣлаемое ими худо.

Поэтому и вы, крайне неблагодарные, знаете, какое благо — пріобрѣтеніе добродѣтели, и съ какими

ми весьма великими трудами сопряжено оно. А потому необходимо, чтобы оно, столько всеми своими и противниками похвояемое, и достигаемое съ великими трудами, имѣло достойное воздаяніе. Между тѣмъ видимъ, что въ настоящей жизни многіе домогаются сего приобрятенія, и ради онаго претерпѣваютъ великіе труды, но не все пользуются за это похвалою и честью; одни же устами всѣхъ прославляются, какъ любители добродѣтели, содѣлываются именитыми, и по кончинѣ имѣютъ приснопамятную славу; а другіе совершенно неизвѣстны и отъ всѣхъ сокрыты, и уподобляются жемчужинѣ, кроющейся въ глубинѣ моря, и заключенной въ раковинѣ. Посему, примѣчая это, размыслимъ сами съ собой, почему одни изъ предпочитающихъ всему божественное весьма славны, а другіе совершенно неизвѣстны; потомъ разсудимъ, что Творецъ и Судія всяческихъ, какъ правдивый, содѣлаетъ справедливое мздовоздаяніе Своимъ подвижникамъ, и всы правосудія не потерпятъ, чтобы нарушена была правда. А послѣ сего, усматривая, что тѣ и другіе скончались, но одни въ великой славы, а другіе въ крайнемъ униженіи, какъ самыя обыкновенныя люди, заключимъ еще, что Богъ уготовилъ иную нѣкую жизнь, въ которой хорошо жившихъ вознаграждаетъ по достоинству. Ибо тѣмъ, что нѣкоторыхъ почилъ извѣстностію, далъ Онъ видѣть, каковы вѣнцы добродѣтели, а тѣмъ, что не все дѣлаются славными и именитыми въ настоящей жизни, открываетъ намъ жизнь ожидаемую. И честь, воздаваемая нѣкоторымъ, служитъ знакомъ правды Божіей; а то, что не все дѣлатели добро-

дѣтели получаютъ здѣсь равное воздаяніе, указываетъ на жизнь будущую, и утверждаетъ въ надеждѣ чаемыхъ благъ.

Посему Правитель всяческихъ въ настоящей жизни не всѣхъ жившихъ хорошо провозглашаетъ таковыми, а также и не всѣхъ жившихъ порочно наказываетъ, но иныхъ предастъ наказанію, какъ показывая симъ справедливость опредѣленія Своего, такъ тѣмъ же устрашая и призывая къ покаянію прочихъ: а не истребляетъ всѣхъ дѣлателей лукавства; и симъ опять предуказуетъ намъ будущую жизнь. Ибо, если бы не было иной жизни по преселеніи отсюда, то терпѣли бы явную несправедливость наказанные здѣсь, такъ какъ другіе избѣгаютъ наказанія; терпѣли бы очевидную несправедливость и крайне возлюбившіе лобомудріе, но не воспользовавшіеся за это ни малымъ вниманіемъ и честію, тогда какъ другіе, подобно имъ преуспѣвавшіе въ жизни, проходили оную въ великой славѣ. Но Источникъ правды наименовать несправедливымъ — это выше всякой хулы, и не оставляетъ уже никакой большей мѣры безумія. А если правдивъ (какъ и дѣйствительно правдивъ) надъ всѣмъ Назирающій, и все, что ни дѣлается, видитъ, судитъ правдиво, и ровно держитъ вѣсы правосудія, а если когда угодно Ему уклонить ихъ, и тогда прилагаетъ на нихъ приговоръ челолюбія, а не приговоръ неправды; то есть другая жизнь, въ которой и избѣжавшіе наказанія здѣсь понесутъ достойную казнь, и не воспользовавшіеся въ настоящей жизни никакою честію за труды,

подъятые ради добродѣтели, получать воздаяніе за пролитый ими потъ.

Но, можетъ быть, и вы сами сознаетесь въ этомъ. Ибо и Еллины, которымъ не проповѣдывалъ ни Пророкъ, ни Апостоль, ни Евангелистъ, руководясь одною природою, предполагали, что сіе дѣйствительно такъ, хотя и подвергались многимъ заблужденіямъ, къ истиннымъ мнѣніямъ примѣшавъ баснотворное; ибо и пѣнты и философы вѣрили и учили, и въ письменахъ оставили память такого ученія, что по преселеніи отсюда будутъ и наказанія людямъ порочнымъ, и милости мужамъ праведнымъ.

Потому, вѣроятно, и вы, убѣжденные и наученные природою и понуждаемые тѣмъ, что недавно нами сказано, согласитесь и признаетесь, что сіе дѣйствительно такъ, но предположите, что будетъ или упокоеніе, или наказаніе однѣхъ душъ, тѣло же, какъ совершенно бесполезное и неразумное, будетъ брошено и предано гніенію. — Какое же основаніе душъ, подвизавшейся и побѣждавшей вмѣстѣ съ тѣломъ, одной быть увѣнчанною, или, по разлученіи съ тѣломъ, одной подвергнуться мученію? Тогда наказываемая душа справедливо бы сказала Судивъ: не одна я преступала Твои законы, Владыка, но вмѣстѣ съ тѣломъ блуждала по стремнинамъ порока. Если должно говорить правду, опото и увлекло меня въ бездну грѣха. Его очами уловленная, окрадывала я чужія ложа, и засматривалась на красоту принадлежащую другому, ими понуждаемая обратить взоръ, пожелала достояній и имуществъ. И потому впала въ глубину неправ-

ды ; потому что страсти тѣла поработили меня, и лишили дарованной мнѣ Тобою свободы. Я принуждена была услуживать потребностямъ тѣла, какъ съ нимъ сверстная и раздѣляющая его рабство. Чрево нудило меня къ чревоугодию, а чревоугодіе производило многояденіе, а многояденіе порождало помыслы дѣлать неправду. Часто съ негодоваіемъ повиновалась я нуждамъ плоти, съ безпокойствомъ и крайнею скорбію принуждена бывала услуживать ея похотѣніямъ ; часто противилась, и мужественно отражала ихъ нападенія ; по непрерывность брани нерѣдко преодолевала меня, и я несчастная отдавалась въ плѣнь, покоряясь этой сестрѣ, и въ изнеможеніи скорбѣла о томъ. Ибо снова подвергалась мученіямъ, питая плоть терпѣла отъ нея козни, снова испытывала безпорядочныя ея движенія, и не знала, что дѣлать. И изнуреніе ея причиняло мнѣ великую скорбь, и попеченіе о ней дѣлало борьбу болѣе упорною, и возжигало новую брапь. Поэтому, не меня одну, Владыка, предавай наказанію, но, или вмѣстѣ съ тѣломъ и меня освободи отъ злостраданій, или вмѣстѣ со мною и его подвергни мученію.

Но и тѣло, хорошо послужившее изволеніямъ души (если только будетъ данъ ему какой-либо голосъ), скажетъ подобнымъ образомъ праведному Судіѣ: какъ скоро создалъ Ты меня, Владыка, тотчасъ вдохнулъ въ меня душу. Но, если о всякомъ пути естества заключать по началу, то прежде сподобилось я созданія, потомъ уже вложилъ Ты въ меня жизненную силу души. Наслаждалось я съ нею и жизни въ раю ; одно и тоже время чре-

воношенія проводили мы въ матерней утробѣ ; вмѣстѣ, по окончаніи мукъ рожденія, вошли въ эту жизнь, насладились симъ свѣтомъ, и стали дышать воздухомъ ; вмѣстѣ совершили путь жизни. Душа сама по себѣ никогда не сдѣлала ничего добраго ; но, употребляя въ содѣйственники меня, плоть свою, собирала богатство добродѣтели. Я, терпя изнуренія отъ поста, бдѣнія, возлежаій на голой землѣ и всякаго другаго злостраданія, чрезъ это скопила ей богатство. Я ее молящуюся ссужала слезами, ей, доведенной до воздыханій, на служеніе духу давала сердце. Моимъ языкомъ прославляла она Тебя ; мои уста употребивъ въ орудіе, приносила она Тебѣ моленіе. Мои руки воздвывая къ небу, пожинала плоды Твоего человѣколюбія. Моиши носимая ногами, приходила въ Твои святые храмы. Моиши пользовалась ушами для пріятія Твоихъ словесъ. Моиши очами смотря на солнце, на луну, на сонмъ звѣздъ, на небо, землю, море и всю видимую тварь, возводилась къ созерцанію Тебя, и по величію и красотѣ видимаго умопредставляла себѣ Создателя ; съ помощію Моихъ очей пощцала скрытое въ письменахъ сокровище. Мои употребивъ въ орудіе персты, начертала въ письменахъ божественныя Твои ученія, и оставила о нихъ безсмертную память. Этими моими руками въ цѣлой вселенной воздвигла молитвенные дома. Моимъ пользуясь содѣйствіемъ, исполняла законы любви ; моими руками омывала ноги святыхъ ; моими руками удовлетворяла нуждамъ утѣсенныхъ, оказывала услуги утружденнымъ тѣламъ. Посему, Владыка, не разлучай меня съ

супружницею, изначала со мною соединенною, и не расторгай супружества, не просто и не случайно совершеннаго, но изначала самымъ Твоимъ созданиемъ определеннаго; однимъ награди вѣнцемъ одно протекшихъ поприще. Ибо сіе свойственно Твоей правдивости, сіе прилично праведному суду Твоему. — Сіе скажетъ и тѣло, хорошо подвизавшееся съ душою, если только данъ ему будетъ голосъ.

Но ни тѣло не скажетъ сего, ни душа жившая беззаконно; потому что Судія не имѣетъ нужды въ такомъ прошеніи; но какъ премудро править, такъ правдиво судить; и возвращая тѣло душамъ, всѣмъ удѣляетъ по достоинству. Ибо не странно ли, доблестнаго воина, одержавшаго побѣду въ битвѣ, когда соотечественники хотятъ почтить изображеніемъ, или живописать, или отливать, или ваять (смотря потому, что для изображенія употребленъ будетъ ими камень, или мѣдь, или дска) съ тѣмъ оружіемъ, которымъ дѣйствовалъ, обратилъ онъ въ бѣгство непріятелей; и если одержалъ побѣду стрѣляя изъ лука, изображать его съ лукомъ, а если побѣдилъ копьемъ, въ шлемъ, со щитомъ, то представлять въ этомъ вооруженіи, — а душѣ, подвизавшейся вмѣстѣ съ тѣломъ, препобѣдившей невидимыхъ враговъ, и сподобившейся имѣть живописателемъ Знждителя всѣхъ, остаться обнаженною и лишенною вооруженія? Можно же видѣть, что такой чести удостоиваютъ не военачальника только, но и борца, и кулачнаго бойца, и скорохода, и представляющаго трагедіи, и правящаго конницей. Ибо каждый изъ нихъ, въ ка-

комъ видѣ одержалъ побѣду, тотъ и удерживаетъ въ изображеніи. Одинъ стоитъ въ обуви на высокихъ каблукахъ, въ воинской одеждѣ, съ личиною какого нибудь Инома, или Креона, и едва только не говоритъ всякому : этимъ я дѣйствовалъ , и этимъ побѣдилъ ; другой бѣжитъ обнаженный, показывая, какого рода его подвигъ ; иный представляется борцемъ, или держитъ вѣнецъ , и даетъ тѣмъ знать незнающимъ, какииъ подвигомъ онъ подвизался ; иный вступаетъ въ кулачный бой, и поражаетъ противника ; другой наружностію и бичемъ показываетъ, въ какомъ упражнялся искусствѣ, одержалъ побѣду. Посему не дѣлай безчестнѣйшимъ всѣхъ ихъ то естество , которое во всемъ этомъ преуспѣваетъ, и не думай, что Богъ, источникъ правды, несправедливѣе людей, не подозрѣвай, будто бы Онъ даже, подобно людямъ, не почтетъ Своихъ побѣдоносцевъ. Ибо, если люди, не во многомъ соблюдающіе справедливость, но и крайне о ней перадающіе, имѣютъ обыкновеніе такъ часто воздавать честь за сіи маловажные и бесполезные подвиги: то тѣмъ паче славныхъ и великихъ подвижниковъ добродѣтели, ея Законоположникъ и Мздовоздаятель почтитъ, увѣнчаетъ, и самую справедливость превзойдетъ величіемъ даровъ.

Но знаю, почему дошелъ ты до такой хулы ; по своей немощи заключаешь о Божественномъ, свою немощь полагаешь предѣломъ Божественной силы, и что для тебя крайне невозможно, то считаешь невозможнымъ также и для Бога. Но это — неправда, совершенная неправда. У брениа не таже сила,

что и у скудельника, хотя оба одного естества; и брение и скудельникъ изъ земли. Свидѣтель сему тотъ, кто, бесѣдуя съ Іовомъ, говорилъ ему: *отъ тогожде брениа сотворенъ еси ты, якоже и азъ* (Іов. 33, 6.). Впрочемъ, хотя одного естества и брение и скудельникъ, но не равную силу найдешь въ обоихъ. Одинъ приводитъ въ движеніе, другое движется, одинъ лѣпнтъ, другое вылѣпляется, одинъ мѣситъ, другое смѣшивается, одинъ даетъ видъ, другое пріемлетъ этотъ видъ, и преобразуется, какъ угодно скудельнику. Но если здѣсь, гдѣ естество одно, сила не равна; тѣмъ паче, гдѣ различно естество, различна и сила. По несравнимое невозможно и сравнивать. Ибо какъ можетъ быть примѣняемо къ Сущему всегда то, что изъ не сущаго! къ Сущему прежде вѣковъ то, что во времени? къ Творцу неба и земли то, что изъ брениа? Посему не думай, что крайне невозможное для тебя невозможно и Богу; потому что Его естеству все возможно и крайне удобно.

Поэтому Богъ и естество тѣлесное, шькогда растекшееся въ гной, потомъ превратившееся въ прахъ, и разсыпанное повсюду, въ рѣкахъ, моряхъ, въ хищныхъ птицахъ, въ звѣряхъ, въ огнѣ, въ водѣ (выставляю напреду всѣ порожденія твоего невѣрія) можетъ, восхотѣвъ, снова собрать, привести тебя въ прежнее величіе и въ прежнюю красоту. Ибо восхотѣлъ только, и пришло въ бытіе небо, и пришло столько вогнутости, сколько Ему было угодно. Восхотѣлъ, и простерлась земля, и виситъ, имѣя основаніемъ единый Божій предѣлъ. *Рече, и бысть свѣтъ* (Быт. 1, 3.). Повелѣлъ, и

произошло водное естество; заповѣдалъ, и отдѣлилось оно отъ земли: по мановенію Его украсилась земля лугами, рощами и всякаго рода жатвами. Сказалъ, и произошли тысячи видовъ животныхъ земныхъ, водныхъ и воздушныхъ. И Сотворившій сіе словомъ, и сего еще гораздо удобнѣе воскреситъ тѣлесное естество: ибо гораздо удобнѣе обновить обветшавшее, нежели изъ ничего сотворить несуществовавшее. Если же не вѣришь, то великій учитель вселенной Павелъ скажетъ тебѣ: *безумне, ты еже съеши, не оживетъ, аще не умретъ: и еже съеши, не тѣло будущее съеши, но голо зерно, аще случится, пшеницы, или иного отъ прочихъ: Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восхоцетъ* (1 Кор. 15, 36—38.).

Если же и его ученіе считаешь какимъ-либо пустымъ словомъ и баснею; то обратись къ природѣ, которая учитъ тебя, и проповѣдуетъ воскресеніе. Земледѣлецъ нарѣзываетъ сперва борозды, и какъ бы роетъ какія могилы, потомъ полагаетъ въ нихъ сѣмена, и какъ бы предавая погребенію тѣла, засыпаетъ землею. И больше этого ничего не въ силахъ онъ сдѣлать; развѣ только, если много у него воды, ее можетъ принести. Но Богъ, или дождитъ съ неба, или подаетъ сѣменамъ воду изъ источниковъ и рѣкъ; потомъ орошая, напоевая ихъ, и какъ бы, подобно человѣческимъ тѣламъ, предавая гніенію, дѣлаетъ, хотя уже негодными въ пищу для людей, однако же весьма полезными для нихъ по раждающимся изъ сихъ сѣменъ тѣламъ, потому что сѣмена, принимая въ себя влажность, ботѣя и какъ бы загнивая, пуска-

ютъ изъ себѣ мочки корней, и ими объемлютъ лежащую вокругъ землю, потомъ изъ нея корнями, какъ трубками какими, втягиваютъ въ себя влажность, и пораждаютъ стремящійся вверхъ злакъ. И сказаннымъ выше способомъ по немногу питаются, пускаютъ въ высоту соломенный стебель, производятъ колосъ, въ которомъ сокрытъ и, какъ бы копьеносцами какими, окруженъ остнами плодъ. Посему перестань не вѣрить воскресенію тѣль, непрестанно видя подобіи воскресеніи, и непрестанно слыша проповѣдь о воскресеніи.

Но чтобы имѣть тебѣ твердую вѣру въ воскресеніе, снова приступи со мною къ исторіи растений, смотри, какъ вѣтви виноградной лозы и другихъ деревъ, или такъ называемыя отпрыски или побѣги отъ корней, отсѣченіемъ ихъ, какъ бы пріемлютъ кончину, а зарытіемъ ихъ въ землю какъ бы предаются погребенію; смотри, какъ зарытыя и согнившія, потомъ, по изволенію Божию, пускаютъ внизъ корень, даютъ вверхъ ростокъ, приходятъ въ силу, поднимаются въ высоту, бременютъ плодомъ, и отродившіяся вѣтви дѣлаются благолѣпнѣе погребенныхъ въ землю.

И что говорю о вѣтвяхъ, деревьяхъ, сѣменахъ? Слѣдуй за мною туда, гдѣ вырабатывается собственное твое естество. Смотри, какъ ничтожно, мало и ничѣмъ не отличается отъ слизи первоначальное вещество, изъ котораго ты образованъ. Однако же и это ничтожное, малое, неодушевленное, не дышущее, и совершенно безчувственное, по Божию мановенію, дѣлается человѣкомъ, и имѣя одинъ видъ, преобразуется въ тысячи разнаго вида

составовъ, то твердыхъ и упорныхъ, то уступчивыхъ и нѣжныхъ, то сквозныхъ и поздраватыхъ, то сплошныхъ и плотныхъ, то дебелыхъ и гладкихъ, то тонкихъ, имѣющихъ видъ нитей и перепончатыхъ, то трубчатыхъ и пустыхъ, то немѣющихъ въ себѣ скважинъ и пустоты. И можно видѣть, что изъ этого малаго количества вещества произошли и трубы для теченія крови, и проводники для дыханія, и крѣпкія связки, и мягкость плоти, и твердость костей, и свѣтлость очей, и чистота зеницы, и гладкость ланитъ, и тонкость волосъ, и множество всего инаго, что только есть въ человеческомъ тѣлѣ, и чего потребность и дѣйственность пытались описывать многіе изъ свѣдущихъ въ этомъ, но, препобѣждаемые премудростію Зиждителя, оканчивали слово свое пѣснопѣіемъ; и притомъ поступали такъ не нашего только двора, но и внѣ блуждающія, овцы. Впрочемъ и они, пасясь на доброй пажити, движимые и наставляемые одною природою, сколько могли, прославили Пастыря, Попечителя и Творца вселенной. Ты же, кромѣ природы имѣя учителемъ законъ и Пророковъ, наставляющихъ въ божественномъ, и ликъ Апостоловъ, обучающихъ настоящему и проповѣдующихъ будущее, отвсюду собирай предлагаемое тебѣ на пользу. И одной природы зародышей и перваго образованія людей достаточно къ тому, чтобы доказать тебѣ воскресеніе мертвыхъ тѣлъ. Вѣруй, что земля—матернее чрево, гробъ—ложесна, а этотъ самый малый пуху подобный останокъ тѣла—сѣмя естества. Сей останокъ, будучи совершенно непримѣтенъ для всѣхъ людей, видимъ для

Бога, и никто не избѣгъ этого Ока; потому что въ руку Его концы земли (Ис. 94, 4.), Онъ измѣрилъ горстію воду, небо пядію, и всю землю горстію (Ис. 40, 12.), Ему не трудно увидѣть то, что въ руку; потому что и для тебя это весьма удобно, и если захочешь смѣшать просо и чечевичу, пшеницу и ячмень, то безъ труда и опять ихъ разберешь, какъ скоро захочешь. Поэтому если концы земли въ руку у Бога, то весьма удобно Ему и совершенно смѣшанное привести въ должный порядокъ. Итакъ вѣруй, что гробъ—матерія утроба, а лежащій въ немъ останокъ — сѣмя. Творецъ — всегда Творецъ, а послѣдній день жизни, и страшный гласъ архангельскій — болезни рожденія: *вострубитъ бо, сказано, и мертвіи встанутъ нетлѣнии* (1 Кор. 15, 52).

Тогда потребуется у насъ отчетъ, какъ мы жили, тогда воздадимъ отвѣтъ за все, что сдѣлано нами хорошо, или худо; тогда явными для всѣхъ сдѣлаются сокровенныя думы ума. Тогда все предстанемъ *предъ судищемъ Христовымъ, да приметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10.). Сего убоявшись, человекъ, отложи вражду на Промыслъ; бѣгай лукавой сей непріязни; прекрати ничѣмъ неизвинительную хулу; вступи въ пріязнь съ Сотворшимъ, чтобы и Онъ управилъ насъ, какъ друзей, а не извергъ изъ ладіи, какъ враговъ. Прославь кормило Промысла, чтобы намъ, имъ управляемымъ, избѣжать волшебной настоящей жизни и вступить въ оную невольную пристань, о Христвъ Іисусъ Господь нашемъ; ибо Ему подобаетъ всякая слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 10.

О ТОМЪ, ЧТО БОГЪ ИЗДРЕВЛЕ БЫЛЪ ПОПЕЧИТЕЛЕМЪ НЕ
ОДНИХЪ ИУДЕЕВЪ, НО И ВСѢХЪ ЛЮДЕЙ, И О ВОЧЕЛОВѢ-
ЧЕШИ СПАСИТЕЛЯ.

Хорошо знаю, что не преплываемо море пре-
мудрости Божіей и Божія промысла, и припоми-
наю, что взываетъ божественный Пророкъ: судь-
бы Твоя бездна многа (Псал. 35, 7.); припоми-
наю, что и великій проповѣдникъ истины, бого-
мудрый Павелъ, изрекъ подобное также слово:
о глубина богатства и премудрости и разума
Божія! Яко не испытани судовѣ Его, и неизслѣ-
довани путіе Его (Рим. 11, 33.). Посему и не
отваживаемся неразумно на то, что не доступно,
но, по мѣрѣ силъ, удивляемся Божественному, и,
сколько можемъ, восхваляемъ Бога. Ибо знаемъ,
что тѣ, которые усиливаются болѣе надлежащаго
смотреть на солнце, не достигаютъ, чего желали,
по портятъ зрѣніе, и не только не привлекаютъ
солнечнаго свѣта, но даже павлекаютъ на себя
тму. Сему же самому, какъ можно видѣть, подвер-
гается и умъ человѣческой. Ибо если, при ограни-
ченности своей, усиливается довѣдаться, что под-
пираетъ собою землю, какое оная основаніе у
этой подпоры, на чемъ и оно держится, или что
выше небесъ, что вѣ всего міра; то не только
не находитъ искомаго, но отступаетъ назадъ,

исполнившись глубокаго мрака и недоумѣнія. Зная сію немощь ума, блаженный Павелъ удостовѣряетъ, говоря: *аще ли кто мнитъ видѣти что, не у что разумѣ, яко же подобаетъ разумѣти* (1 Кор. 8, 2.); и еще: *отъ части разумѣваемъ, и отъ части пророчествуемъ: егда же приидетъ совершенное, тогда, еже отъ части, упряднится* (1 Кор. 13, 9. 10.); и въ другомъ мѣстѣ: *вижу нынѣ яко же зеркаломъ и въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу: нынѣ разумѣю отъ части, тогда же познаю яко же и познанъ быхъ* (12.); и еще: *егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовалъ, яко младенецъ смышляхъ: егда же быхъ мужъ, отвергохъ младенческая* (11.). О всемъ же этомъ распространился божественный сей мужъ, желая всѣхъ убѣдить, и обуздать ненасытность ума, чтобы не отваживался на невозможное, и точнаго познанія вещей ожидалъ въ жизни будущей. Посему, знаніе, какое дается намъ нынѣ, называетъ младенческимъ и, сличая оное съ ученіемъ подзаконнымъ, именуетъ его совершеннымъ; а сравнивалъ съ жизнію безстрастною и безсмертною, называетъ дѣтскимъ.

И сіе служитъ доказательствомъ Божіаго промышленія. Ибо премудро всѣмъ правящій, зная надменность нашего высокомерія, даже святымъ не далъ точнаго вѣдѣнія о Божественномъ; потому что, какъ мнитъ блаженному Павлу и истинъ, *разумъ кичитъ* (1 Кор. 8, 1.); но предназначилъ оное въ награду добродѣтели, чтобы, хорошо подвизавшись въ настоящей жизни, совершенно совлекшись страстей и облекшись въ тѣло, свободное отъ тлѣнія

и немощей, тогда уже пріяли мы совершенное вѣдѣніе, никакого не терпя болѣе вреда, какъ освободившіеся отъ страстей и изведенные изъ борьбы.

Посему, не будемъ отваживаться на уразумѣніе непостижимаго, но возлюбимъ, что дано намъ; сколько можемъ, станемъ воспѣвать благаго нашего Владыку и прославлять Благодѣтеля за то, что имѣемъ. Видимъ ли, что мужи, дѣлатели добродѣтели, пользуются въ жизни славою, честно, вниманіемъ? поклонимся Законоположнику и Мздовоздаятелю добродѣтели, по праву и правдиво ее провозглашающему. Видимъ ли, что другіе, хотя предпочли ту же жизнь, но не пользуются тѣмъ же у людей? не будемъ негодовать на это, другъ, но увѣримся, что, какъ подвизаются они добрымъ подвигомъ терпѣнія, такъ побѣдителями провозглашены будутъ въ жизни будущей, какъ разсуждали о семъ въ предыдущемъ словѣ. Не будемъ извергать хульныхъ словъ на Промыслъ; ибо не странно ли, не исполнено ли великаго неразумія, или лучше сказать, крайняго безумія, что тѣ самыя, которые, застигнутые тревоженіемъ, преобладаются бурями, и совершаютъ путь жизни въ великомъ бѣдствіи, хвалятъ кормчаго, а тѣ, которые, какъ говорится, сидятъ виѣ стрѣль, больше зрители, нежели подвижники, въ Подвигоположника мещутъ, если не могутъ самымъ дѣломъ, то по крайней мѣрѣ, хульными словами.

Но что питомцы благочестія, не только несясь попутнымъ вѣтромъ, но и борясь съ волнами и бурей, воспѣваютъ Бога всяческихъ, о семъ можно слышать блаженнаго Давида, который, провед-

ши всю жизнь въ браняхъ и боровшихся съ тысячами бѣдствій, взываетъ: *что воздамъ Господеву о всѣхъ, яже воздаде ми* (Псал. 115, 3.)? Можно слышать и отъ богомудраго Даниїла и отъ оныхъ святыхъ отроковъ, которые при самомъ прираженіи бѣдъ пѣснословятъ Бога, приводятъ на память грѣхи, которыхъ не были дѣлателями, исповѣдуютъ, что несутъ наказаніе за прегрѣшенія, но не говорятъ о себѣ, что достойны они вѣнцевъ, и не изъявляютъ негодованія на вѣсы Правосудія. Великій патріархъ Авраамъ, пріявшій отъ Бога оныя обѣтованія, томясь голодомъ, мужественно перенесъ борьбу съ голодомъ. Два раза лишившись супруги, и видя ее у людей варваровъ, не преставае приносить благодареніе Призвавшему, и ожидая исполненія обѣтованій, радостно переплывае волны. И какое слово въ состояніи изобразить величіе души его? Кто достойно подивится высокому его любомудрію? Посему, предоставивъ любовѣдцамъ изъ чтенія исторіи въ точности познать его и сына его мужество, терпѣніе, цѣломудріе, справедливость, трудолюбіе, боголюбіе, и однимъ словомъ, всю высоту добродѣтели, обращаю рѣчь къ мужамъ новаго завѣта. Посему смотри, какъ Петръ и Іоаннъ, сѣи твердыни благочестія, столпы истины, поддерживающіе зданіе Церкви, были биты Іудеями, но радовались и восхищались, *яко за имя Христова сподобилися безчестію пріяти* (Дѣян. 5, 41.). Ибо написавшій сіе, сказавъ, что биты были жезлами, говоритъ не просто, что терпѣливо и мужественно перенесли удары, но что *идяху радующеся и въ веселіи.*

Но великая разность въ этомъ — терпѣть и радоваться. Иный не рѣдко переноситъ прираженія горести, но бользнуя и скорбя. А радующійся выражаетъ симъ душевное удовольствіе. Такъ и блаженный Павелъ, сія громогласная труба проповѣди, взывалъ: *благоволю въ немощехъ, въ досажденіихъ, въ бѣдахъ, во изгнаніихъ, въ тѣснотахъ по Христъ* (2 Кор. 12, 10.); не сказалъ: переносу, или терплю, но *благоволю*, что означаетъ великое усиленіе удовольствія. И въ другомъ мѣствѣ говоритъ онъ: *нынѣ радуюся въ страданіихъ за Христа* (Кол. 1, 24.); и еще: *недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славы явитися въ насъ* (Рим. 8, 18.); и также: *кто ны разлучитъ отъ любви Христовой? скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладь, или нагота, или бѣда, или мечь.* И чрезъ нѣсколько словъ: *извѣстихся, яко ни смерть, ни животъ, ни пастоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любви Божіа, яже о Христъ Исусъ, Господь нашемъ* (38. 39.). Но не достанетъ мнѣ дня, чтобы собрать подобныя изреченія великаго наставника подвижниковъ благочестія.

Посему, если совокупившіе въ себѣ всѣ виды добродѣтели, достигшіе самой крайней высоты ея, не только не огорчаются величеніемъ житейскаго моря, но, когда съ шумомъ кишитъ оно, борются между собою вѣтры, и бури, и вихри, приводятъ въ смятеніе воды, они, какъ несомые попутнымъ вѣтромъ, не переставали веселиться, — и занятіемъ ихъ было — не любопытствовать о томъ, что

дѣлается, но восхвалять Кормчаго: то почему же вы, находясь внѣ волнъ, и вѣрнѣе сказать, на сушѣ, а не на морѣ, осмѣиваете то, что дѣлается, и хотя хвалите подвижниковъ, но обвиняете Подвигоположника? А удивляющимся добродѣтели подвижниковъ надлежитъ любить и приговоръ ихъ: они же принимали, какъ величайшее благодѣяніе, бѣдствія, умерщвленія, побіенія камнями, сожженія, раны, злословія, узы, опасности на сушѣ, на морѣ, въ городахъ, въ селахъ, претерпѣваемыя за проповѣдь, отъ своихъ, и отъ чужихъ.

Поелику же и ихъ коснулись мы словомъ; то скажемъ нѣчто о вочеловѣченіи Спасителя нашего, что въ попеченіи Божіемъ о людяхъ есть самое главнѣйшее. Ибо небо, земля, море, воздухъ, солнце, луна, звѣзды, вся видимая и невидимая тварь, единымъ словомъ созданная, или лучше сказать, изволеніемъ Слова въ бытіе приведенная, не столько доказываютъ безмѣрную благодѣтельность Божію, какъ то, что самъ Единородный Сынъ Божій, въ образъ Божіи сый (Филип. 2, 6.), сіяніе славы и образъ ипостаси (Евр. 1, 3.), Который въ началѣ бѣ къ Богу и Богъ бѣ (Іоан. 1, 1.), Которымъ вся быша (3), зракъ раба пріимъ, въ подобіи челоуѣчествѣмъ былъ и образомъ челоуѣческимъ обрътеса, якоже челоуѣкъ (Филип. 2, 7.), на земли явися, и съ челоуѣки поживе (Вар. 3, 38.), пріялъ наши немощи, повесъ наши болѣзни. И блаженный Павелъ видитъ въ этомъ величайшее доказательство любви Божіей къ челоуѣкамъ, и взываетъ, говоря: *составляетъ же Свою любовь къ намъ Богъ, яко еще грѣшникомъ намъ сущимъ*

Христосъ за ны умре (Рим. 5, 8.); и еще: Иже Своего Сына не пощадъ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его: како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ (—8, 32.)? А что сіе дѣйствительно такъ, исповѣдуетъ и богомудрый Іоаннъ; ибо говоритъ: тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть за него, да всякъ, вѣруй въ Онъ, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный (Іоан. 3, 16.). Посему, не просто печется Богъ о людяхъ, но печется, любя ихъ. Да и избытокъ сей любви таковъ, что Сына единороднаго, единосущнаго, рожденнаго изъ чрева прежде денницы, Котораго употребивъ Содѣйственникомъ, создалъ тварь, содѣлалъ нашимъ Врачемъ и Спасителемъ, и чрезъ Него преподалъ намъ даръ сыноположенія.

Послику Творецъ видѣлъ, что естество наше предалось жестокому мучителю, ниспало въ самую бездну грѣха, небоязненно попираетъ законы природы, и что видимая тварь, возвыщающая и проповѣдующая Создателя, не можетъ убѣдить дошедшихъ до крайняго безчувствія; то премудро и справедливо устрояетъ наше спасеніе. Не восхотѣлъ единою властію даровать намъ свободу, одно милосердіе вооружить на поработившаго себя родъ человѣческій, чтобы милосердія сего не назвалъ онъ несправедливымъ; но пролагаетъ путь, и исполненный человѣколюбія, и украшенный правдою. Ибо, соединивъ съ Собою побѣжденное сіе естество, вводитъ оное въ борьбу, и устрояетъ такъ, что оно вознаграждаетъ за утрату побѣды, одолеваетъ древле, къ несчастію, побѣдившаго, разру-

шаетъ мучительство жестокаго порабощителя, и воспріемлетъ прежнюю свободу. А для сего Владыка Христось раждается отъ жены, подобно намъ, хотя рожденіе имъло нѣчто большее, именно дѣвство; потому что и зачавшая и родившая Владыку Христа была Дѣва.

Когда же слышишь сіе имя: Христось; разумѣй прежде вѣковъ отъ Отца рожденнаго, едиnorodнаго Сына, Слово, облеченнаго естествомъ чловѣческимъ, и не почитай сего проповѣдуемаго домо-строительства унизительнымъ для Бога; потому что естества чистѣйшаго ничто осквернить не можетъ. Ибо, если солнце, будучи тѣломъ (такъ какъ оно видимо и подлежитъ разрушенію), и проходитъ тамъ, гдѣ мертвыя тѣла, зловонная тина и много другихъ веществъ, издающихъ смрадъ, не можетъ оскверниться; то коими паче Творецъ солнца и Создатель вселенной, безплотный, невидимый, неизмѣняемый, всегда Самъ Себѣ равный, не можетъ оскверниться чѣмъ-либо таковымъ. И что сіе дѣйствительно такъ, уразумѣемъ изъ слѣдующаго: и говоримъ, и вѣруемъ, что естество Его безпредѣльно. Ибо слышу Того, Кто говоритъ: *еда небо и землю не Азъ наполняю, глаголетъ Господь* (Иерем. 23, 24.); и еще: *небо престолъ Мой, земля же подножіе ногъ Моихъ* (Ис. 66; 1.), и: *кто измѣри горстію воду, и небо пядію, и всю землю горстію* (40, 12.)? Слышу и другія мѣста, свидѣтельствующія подобно сему. Взываетъ и блаженный Давидъ: *въ руцѣ Его концы земли* (Псал. 94, 4); и богомудрый Павелъ: *о Немъ живемъ и движемся и есмы* (Дѣян. 17, 28.). Итакъ, если.

по слову Апостола, о Немъ живемъ и движемся и есмь: то ни одна часть твари не лишена Бога; хотя въ твари, иное свято, иное же мерзко, иное исполнено благоуханія, иное же—зловонія; и изъ людей, одни украшаются благочестіемъ, другіе погрязаютъ въ нечестіи. Наполняющій Собою вселенную благовольтъ къ боящимся Его, но невидитъ вся дѣлающія беззаконіе, погубляетъ вся глаголющія лжу, и мужа кровей и льстива гнушается Господь, и не преселяется къ Нему лукавнууй (Псал. 5, 5—8.). Посему, ничто не вредитъ чистѣйшему. Если занимающіеся врачебнымъ искусствомъ, врачуя язвы, не получаютъ сами язвъ, но больнымъ доставляютъ здравіе, сами же не терпятъ отъ нихъ никакого вреда; то кольми паче наилучшій художникъ—Богъ, у Котораго естество — безстрастно, превыше превратностей и не допускаетъ измѣненія, при урочеваніи нашемъ не пріялъ на Себя вовсе никакой скверны. Посему подивимся, что не Ангеламъ ввѣрилъ врачеваніе наше, но Самъ на Себя пріялъ врачеваніе чловѣковъ.

Такъ Владыка Христось, родившись, пріемлетъ, подобно намъ, и матерніе сосцы, полагается въ ясляхъ — на сей трапезъ безсловесныхъ, снмъ и неразуміе людей обличая, и давая видѣть собственное чловѣколюбіе; потому что, будучи Питателемъ, какъ Богъ, и по чловѣчеству дѣлается пищею для людей, педуговавшихъ великимъ неразуміемъ. А теперь, когда чловѣческое естество отложило сіе неразуміе, и воспріяло разумную силу, допускаетъ его къ Себѣ сія таинственная трапеза,

и сама, содѣлавшаяся образомъ яслей, и поучающая людей, что человекъ, когда былъ въ чести, не разумъ, но приложися скотомъ безсмысленнымъ, и уподобися имъ (Псал. 78, 13.). Сперва ясли воспріями эту божественную и духовную пищу, но когда естество наше пришло само въ себя, и ясно созпало въ себѣ Божій образъ, тогда пища сія перешла на трапезу словесную. Принявъ же Христосъ и обрѣзаніе, и приносилъ жертвы; потому что Онъ былъ человекъ, и сохраненіемъ закона должно было естеству возвратить свободу. По человѣчески и бѣгствомъ спасается во Египетъ, какъ Богъ, повсюду сущій, и всѣмъ предстающій, какъ говоритъ божественное Писаніе (Псал. 108, 31.). Приходитъ и къ Іоанну Крестителю, и не пріявъ скверны грѣха, пріемлетъ крещеніе, чтобы исполнить всякую правду, и свыше провозглашается Отцемъ и указывается Духомъ: ибо Отецъ воззвалъ съ небеси: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ* (Матѣ. 3, 17.); а пресвятый Духъ, являсь въ видѣ голубя, продолжилъ сей гласъ, и научилъ предстоящихъ, Кто пріявшій свидѣтельство отъ Отца.

Послѣ сего Владыка вступаетъ уже въ борьбу съ мучителемъ, и поприщемъ борьбы дѣлается пустыня, зрителями — сонмы Ангеловъ, сопротивникомъ — сопротивникъ истины, который, сперва услышавъ гласъ, и приведя себѣ на память пророческія предреченія, устранился борьбы, и не въ силахъ былъ вынести молній Его добродѣтели; однако же и поспѣшилъ онъ вступить въ противоборство, хотя, помня гласъ, и боялся борьбы. Создатель

же, Споборникъ, Раздаятель вѣнцевъ и Подвигоположникъ естества нашего не страшится противоборца, не гонитъ прочь звѣря, но ободрляетъ и вызываетъ его на борьбу, чтобы похитить у него прежнюю побѣду, соизволяетъ, чтобы взаключило тѣло, постившееся въ продолженіи сорока дней, не позволяетъ же ему превзойти мѣру постившихся прежде, чтобы удостовѣрить въ Своемъ челоуѣчествѣ. Непрїязненный видѣлъ взаключаніе, надѣялся на побѣду, смѣло рѣшился на борьбу, увидѣвъ немощъ взаключанія; подумалъ, что видитъ перваго Адама. Приступилъ къ Нему, какъ къ Адаму, но нашель Творца Адамова; облекшагося въ естество Адамово, и говоритъ Ему: *аще Сынъ еси Божій, рцы, да каменіе сіе хлѣбы будутъ* (Мат. 4, 3.), представляетъ необходимость подтвердить съ неба слышанный гласъ, и требуетъ подтвержденія чудодѣйственнымъ произведеніемъ хлѣбовъ. Изъ сего въ точности можно узпать, что врагъ у насъ самихъ заимствуетъ поводы къ оболъщенію; ибо, увидя аключаніе, съ сего начинается нападеніе. Но Спаситель нашъ, хотя тѣло алчетъ и имѣеть нужду въ пищу, не хочетъ чудодѣйствовать, поражаетъ же мучителя словомъ Писанія, и говоритъ: *не о хлѣбѣ единомъ живеть челоуѣкъ, но о всякомъ глаголь, исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (4). Даетъ отвѣтъ по челоуѣчеству, скрывая до времени Божество, и доставляя людямъ возможность, подобно сему, одерживать побѣду. Не хлѣбъ одинъ, говорятъ Онъ, содѣйствуетъ жизни челоуѣческой, но и всякаго слова, возвѣщеннаго отъ Бога, достаточно къ тому, чтобы дать жизнь

алчущимъ людямъ. Вѣруемъ, что естеству человѣческому возможно прожить безъ хлѣба, если угодно то Богу. Такъ въ ничто обратилъ ухищренія противоборца, учинивъ недѣйствительными второе и третіе его прираженіе, употребивъ при семъ доказательства, какъ человекъ, чтобы возвратить людямъ потерянную ими побѣду, обращаетъ Онъ въ бѣгство нечестивца, прекращаетъ мучительство общаго губителя людей, и провозглашается побѣда видѣвшими Ангелами; ибо сказано: *Ангели приступиша, и служаху Ему* (—11.).

Послѣ сего, совершивъ множество чудесъ, изъ воды безъ виноградныхъ лозъ и безъ земли сотворивъ вино, пятью хлѣбами насытивъ многія тысячи людей, однимъ словомъ хромыхъ содѣлывая скачущими, прокаженныхъ очищая отъ проказы, разслабленнымъ возвращая силу дѣйствовать, очамъ, лишенымъ зрѣнія, даруя здоровое ощущеніе, отверзая гробы, и содѣвая, что связанный и смердящій мертвецъ начинаетъ ходить, избѣгаетъ изъ рукъ смерти, не удерживаемый ни вратами, ни узамъ смерти, спѣшитъ къ призвавшему Создателю, — совершивъ сіи и тысячи другихъ чудесъ, Владыка привлекаетъ на Себя ненависть Іудеевъ, и добровольно предается ихъ кознямъ, предвидя отъ сего будущее спасеніе человекѡвъ. И сіе издревле предсказалъ Онъ устами Пророка; ибо говоритъ: *Азъ же не противлюся, ни противогололю. Плещи Мои вдахъ на раны, и ланитъ Мои на заушенія, лица же Моего не отвратихъ отъ стыда заплесанія* (Ис 50, 5. 6.).

Сіе предсказавъ и претерпѣвъ, пригвождается

ко кресту, не въ наказаніе за грѣхи, ибо *грѣха не сотвори, ни обрѣтесе лествъ во устьхъ Его* (1 Петр. 2, 22.), по воздавая долгъ нашего естества, потому что оно задолжало, преступивъ законы Сотворшаго. И какъ задолжавъ, не въ силахъ было заплатить долга, то самъ Владыка премудро примышляетъ уплату долга, и пріивъ на себя члены сего естества, какъ бы имущество какое, въ премудромъ и правдивомъ домостроительствѣ, и долгъ уплачиваетъ, и естество освобождаетъ ими. И свидѣтели въ этомъ—Исаія и Павелъ,—одинъ прежде страданія о семъ предвозвѣстившій, а другой по исполненіи истолковавшій пророчество: по въ томъ и другомъ вѣщаль одинъ и тотъ же Духъ.

И Исаія издалека взываетъ: *человѣкъ въ язвѣ сый, и вѣдый терпѣти бользнь* (Ис. 53, 3.). Называетъ же Его человекомъ по естеству видимому, потому что и пострадалъ въ естествѣ видимомъ. Сей, провозглашаетъ Исаія, *грѣхи наша носитъ, и о насъ бользнуетъ, и мы вмѣнихомъ Его быти въ трудъ, въ язвѣ отъ Бога, и въ озлобленіи* (—4.). Ибо, видя Его пригвожденнымъ къ древу, думали, что наказуется за множество грѣховъ, и несетъ казнь за собственныя прегрѣшенія; почему Іудеи и пригвоздили Его посреди двухъ злодѣевъ, съ намѣреніемъ и о Немъ прозвести въ народѣ худое мнѣніе. Но Святыи Духъ научаетъ чрезъ Пророка, что *Той язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша* (—5.). И еще болѣе объясняетъ сіе въ послѣдующихъ словахъ; ибо говоритъ: *наказаніе*

мира нашего на Немъ, язвою Его мы исцѣльхомъ. Ставъ врагами Богу, какъ оскорбившіе Его, должны мы были пести взысканіе и наказаніе; но не испытали сего, претерпѣвъ же оное самъ Спаситель нашъ, и претерпѣвъ, даровалъ намъ миръ съ Богомъ. Яснѣе показываютъ сіе послѣдующія слова. *Все, сказано, яко овцы заблудихомъ: человекъ отъ пути своего заблуди* (6). Почему *яко овца на заколеніе ведеса, и яко агнецъ предъ стригущимъ Его безгласенъ* (—7). Ибо подобало Ему врачевать подобнымъ подобное, и заблудшихъ овецъ возвратити овчатею же. Но овчатею дѣлается Онъ, не въ овца превратившись, не измѣненію подвергшись, не отступивъ отъ собственной Своей сущности, облекшись же явно въ овчье естество, и подобно предводителю стада—овну, ставъ вождемъ стада, и сдѣлавъ, что всѣ овцы послѣдовали за Нимъ. Посему и сталъ Онъ, яко овца и животное жертвенное, и принесена жертва за весь родъ. Не безъ намѣренія же Пророкъ упомянулъ вмѣстѣ о закланіи и о стриженіи; но поелику былъ Онъ Богъ и человекъ, и, при закланіи тѣла, естество Божіе пребыло бестрастнымъ, то богомудрый Исаія, по необходимости, показалъ намъ вмѣстѣ и закланіе овчати и стриженіе агнца. Не только, говоритъ Пророкъ, былъ Онъ закланъ, но и остриженъ; потому что по человечеству претерпѣвъ смерть, а какъ Богъ, пребывая живымъ и бестрастнымъ, руно тѣла отдалъ стригущимъ. Такъ блаженный Исаія изобразилъ намъ спасительныя страданія, и показалъ причины страданій.

И божественный Павелъ явно взываетъ: *Христосъ ны искупилъ отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва. Писано бо есть: проклятъ всякъ, висѣя на древь* (Гал. 3, 13.). Сказавъ же: *по насъ*, показаль, что, будучи неповиненъ и свободенъ отъ всякаго грѣха, воздалъ нашъ долгъ, и насъ, обремененныхъ множествомъ долговъ, и потому припужденныхъ рабствовать, сподобилъ свободы, искупивъ насъ, и въ цѣну за насъ предложивъ собственную Свою кровь. Посему въ другомъ мѣстѣ сей же Апостоль взываетъ, говоря: *куплены есмы цѣною* (1 Кор. 6, 20.); и еще говоритъ: *погибнетъ немощный братъ въ твоёмъ разумѣ, его же ради Христосъ умре* (1 Кор. 8, 11.). И смерть пріялъ на крестѣ, потому что сей родъ смерти по закону былъ проклятъ, а проклято было и естество наше, какъ преступившее законъ: ибо сказано: *проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всѣхъ писанныхъ въ книзѣ законный, яко творити я* (Гал. 3, 10.).

Потому пріемлетъ на Себя общую клятву, и разрываетъ отъ клятвы, пріавъ несправедливое заколеніе. Не поджевавъ клятвъ (ибо *грѣха не сотвори, ни обрѣтесе леть во устѣхъ Его*), потерпѣлъ смерть грѣшниковъ, и ставъ защитникомъ и ходатаемъ нашего естества, судится съ губителемъ, непріязненнымъ всему естеству, и справедливо говорить жестокому нашему мучителю: *плѣненъ ты, вселукавый, и уловленъ собственными своими съѣми; мечъ твой вошелъ въ сердце твое, и стрѣлы твои сокрушены; изрывъ яму, самъ впалъ въ нее; раскинутыми тобою мрежами твои же руки связаны. Ибо скажи: для чего пригвоздилъ ты ко крес-*

ту и предавъ смерти тѣло Мое? Какой видъ грѣха замѣтилъ во Миѣ? Какое увидѣлъ преступленіе закона? Изслѣдуй же теперь со всею точностію, видя тѣло Мое обнаженнымъ на деревѣ. Смотри, и языкъ чистъ отъ скверны, и слухъ свободенъ отъ всего вредоноснаго, и глаза не пріяли совѣтъ ничего пагубнаго, и руки далеки отъ неправды, украшены же всякою правдою, ноги, говоря пророческимъ словомъ, не текли на зло (Иса. 59, 7.), но совершили поприще добродѣтели. Изслѣдуй во всей точности всѣ члены тѣла; изслѣдуй движенія души. Если найдено хотя малое прегрѣшеніе; то законно и весьма справедливо удерживать тебѣ Меня, потому что смерть наказаніе согрѣшившимъ. А если не находишь ничего, запрещеннаго Божиимъ закономъ, лучше же сказать, находишь все, повелѣваемое закономъ; то не позволяю тебѣ удерживать, что не въ правѣ ты и держать. Лучше же сказать: и для другихъ отверзу узилице смерти, заключу же въ немъ тебя одного, какъ нарушившаго Божіе опредѣленіе; потому что опредѣленіе Божіе назначило предавать смерти согрѣшившихъ, а ты и неизвѣдавшаго грѣха предавъ въ узы смерти; непамятность содѣлалась въ тебѣ причиною крайней жестокости; и одного взявъ несправедливо, по справедливости лишаясь всѣхъ тебѣ подвластныхъ: вкуспивъ не ядомой снѣди, изблюешь все, прежде поглощенное, и всѣхъ научишь довольствоваться тѣмъ, что есть, воздерживаться же отъ непринадлежащаго. Вспомни, за что преданъ смерти родоначальникъ Адамъ. Получивъ во власть всѣ растенія райскія, не удовольствовался онъ дашными,

и недостаточно ему стало наслажденія обиліемъ
 всѣхъ растеній, но покусился на древо познанія,
 вкушать плоды котораго запретилъ Творецъ. И
 вознедуговавъ ненасытностію, пожелавъ неприна-
 лежащаго, лишился цѣлаго рая. Подвергну же тебѣ
 снѣмъ наказаніямъ, потому что несправедливо тер-
 пѣть снѣ казнь обольщенному, а обольстившему не
 подвергнуться такому же наказанію. Итакъ, послыку
 ты, пріявъ власть надъ согрѣшившими, коснулся
 тѣла, не содѣлавшаго ни едишаго грѣха, то будь
 лишенъ власти, положи конецъ своему мучитель-
 ству. Всѣхъ освобожу отъ смерти, сдѣлаю же
 это не по одному милосердію, но по милосердію
 справедливому, не по власти господства, но по
 власти правосудной; потому что за весь родъ
 уплатилъ Я долгъ; не долженъ былъ смерти, и
 претерпѣлъ смерть; не подлежалъ смерти, и
 подъялъ смерть; неповиненъ былъ, и включилъ
 Себя въ число повинныхъ, свободенъ былъ отъ
 долга, и вмѣненъ съ должниками. Посему, уплатилъ Я долгъ естества, и потерпѣвъ несправедливую
 смерть, полагаю конецъ смерти справедливой. Бу-
 дучи заключенъ незаконно, и законно заключенныхъ
 отпускаю изъ темницы на свободу. Смотри, жесто-
 кій каратель грѣха, рукописаніе естества уничто-
 жено. Смотри, оно пригвождено ко кресту, и вѣтъ
 на немъ письменъ грѣха. Смотри, оно не удержало
 на себѣ подлинна лукавства. Очи Моего тѣла отдали
 долгъ за очи, на зло себѣ смотрѣвшія; уши его за
 уши, пріявшія въ себя оскверненіе; а также и
 языкъ за языкъ, подвигшійся беззаконно, и руки
 за руки, содѣявшія неправду, и прочіе члены за

члены, совершившіе, какой бы ни было, грѣхъ. А поелику долгъ уплаченъ, то надобно и заключеннымъ за оный избавитися изъ заключенія, получить прежнюю свободу и возвратиться въ отечественную страну. Говоря сіе, Господь воскресилъ тѣло Свое и въ естество человѣческомъ посѣялъ надежду воскресенія, въ залогъ онаго давъ всѣмъ воскресеніе собственнаго Своего тѣла.

Да не подумаетъ кто, что наше это мудрованіе; и священнымъ евангеліемъ и апостольскими наставленіями научены мы, что сіе дѣйствительно такъ. Ибо слышали мы, что говоритъ Самъ Господь: *грядетъ міра сего князь, и во Мнѣ не имать ничего же* (Іоан. 19, 30.); потому что нѣтъ во Мнѣ признаковъ грѣха, отъ всякаго беззаконія свободно тѣло Мое; однакоже, и ничего не нашедши во Мнѣ, онъ предаетъ смерти, какъ имѣющаго на Себѣ тьмо численные долги. А Я терплю это, желая по всей справедливости лишить его права мучительствовать. Потому, въ другомъ мѣстѣ и говоритъ Господь: *нынѣ судъ есть міру сему: нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ* (Іоан. 21, 31.). По суду и слѣдствію будетъ онъ осужденъ и лишенъ права мучительствовать, какъ произнесшій надо мною несправедливый приговоръ. Потомъ научая, что, не только собственное Свое тѣло, но вмѣстѣ и все естество человѣческое освободить отъ владычества смерти, Господь непосредственно за симъ присовокушилъ, говоря: *и аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ* (—32.). Не соглашусь воскресить одно воспріятое Мною тѣло, но предустрою воскресеніе всѣмъ человѣкамъ. Ибо

для сего Я пришелъ, принялъ зракъ раба, для сего веденъ былъ на заколеніе, и яко агнецъ предъ стри-
 гущимъ его былъ безгласенъ. Сіе же говоритъ и
 блаженный Павелъ, пиша къ Колоссянамъ, а чрезъ
 нихъ ко всѣмъ челоуѣкамъ. Ибо сказано: и васъ
 мертвыхъ суущихъ въ презрѣшеніихъ и въ необръ-
 заніи плоти вашей, сооживилъ есть съ Нимъ, да-
 ровавъ намъ вся презрѣшенія: истребивъ еже на
 насъ рукописаніе учени, еже бѣ сопротивно намъ,
 и то взявъ отъ среды, пригвоздивъ е на крестъ:
 совлекъ начала и власти, изведе въ позоръ дерзно-
 веніемъ, избличивъ ихъ въ Себѣ (Колос. 2, 13—16.).
 Итакъ, изъ сего дознали мы, что Господь воздалъ
 за насъ долгъ, изгладилъ бывшее противъ насъ
 рукописаніе, и пригвоздилъ оное ко кресту, извелъ
 же на позоръ начала и власти, то есть, сопротив-
 ныя силы, съ дерзновеніемъ избличивъ ихъ въ
 Себѣ; то есть, показавъ имъ безгрѣшное тѣло Свое
 и безгрѣшную душу, и обличивъ ихъ неправедный,
 на Него сдѣланный, приговоръ, и совершивъ это,
 сооживилъ съ Собою все естество челоуѣческое.
 Въ божественномъ писаніи можно найдти тысячи и
 другихъ свидѣтельствъ, показывающихъ, что это
 дѣйствительно такъ. Но еслибы захотѣлъ я соби-
 рать всѣ сіи свидѣтельства, и на каждое дѣлать
 надлежащее толкованіе; то разсужденіе наше сдѣла-
 лось бы чрезмѣрно длиннымъ. Потому, предоста-
 вивъ собирать оныя людемъ любознательнымъ, при-
 ступлю къ непрерывному продолженію слова.

Такъ Владыка Христось, сокрушивъ смерть и
 устроивъ наше спасеніе, восшелъ на небеса, и пи-
 томцамъ благочестія оставилъ надежду сего восхож-

денія. Ибо говоритъ: когда *вознесень буду, вся привлеку къ Себѣ*. Такова о людяхъ попечительность Бога всяческихъ. Такое промышленіе оказалъ Творецъ неблагоударнаго созданія. Такова заботливость первообраза о собственномъ Его образѣ. Создалъ чловѣка въ началѣ, почтилъ его подобіемъ, но онъ содѣлался неблагопрізнательнымъ предъ Сотворившимъ, и растлилъ Божій образъ, принялъ въ себя черты звѣриныя, и изъ богоподобнаго содѣлался звѣроподобнымъ. Но Создатель не презрѣлъ его и облеченнаго въ звѣринные образы, по обновилъ, привелъ въ прежнее благольпіе, далъ ему первобытное благообразіе, и недостойныхъ быть рабами содѣлалъ сынами.

Но есть люди, по слову блаженнаго Павла, *ничтоже дѣлающіи, но лукавно обходящіи* (2 Солун. 3, 11.), которые любопытствуютъ, о чемъ не позволено, усиливаются собственными помыслами измѣрять глубину Божіей премудрости, и говорятъ: почему Богъ не въ началѣ, но по истеченіи многихъ тысячъ лѣтъ, домостроительствовавалъ спасеніе людей? Что любопытствовать о чемъ-либо подобномъ крайне дерзко, пагло и выше всякаго безумія, скажутъ это сами, вдавшіеся въ таковыя изслѣдованія. Но въ доказательство, что Богъ не по принятому вновь усмотрѣнію домостроительствовавалъ, но такъ установилъ издревле, въ самомъ началѣ, представимъ на среду божественное писаніе, и прежде всего послушаемъ, что самъ Владыка Христосъ говоритъ въ евангеліи: *прійдите благословенніи Отца Моего, насльдуите уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мато. 25, 34.). Если же

прежде сложенія міра уготоваль царство Апостоламъ и увѣровавшимъ чрезъ нихъ; то явно, что сіе угодно Ему было издревле, отъ пачала, и не хочетъ Онъ чего-либо, то одного, то другаго. Домостроительствуетъ же во всякое время, что прилично времени, и ученія измѣряетъ способностію людей.

Поэтому Адаму, какъ поворожденному младенцу, даетъ заповѣдь о дрѣвѣ; ибо для него излишенъ былъ всякій законъ положительный, о прелюбодѣяніи, объ убійствѣ, о жесвидѣтельствѣ, о несправедливости. Ибо съ кѣмъ было прелюбодѣйствовать? жена въ то время была одна. Кого было убить? никто не раздражалъ его. На кого было влгать жесвидѣтельство? или кого было обидѣть? Посему Адамъ пріемлетъ одинъ только законъ о дрѣвѣ, законъ дѣтскій и приличный поворожденнымъ младенцамъ.

По истеченіи также великаго числа лѣтъ, когда родъ размножился, даетъ законъ Ною о снѣдахъ, и повелѣваетъ невозбранно вкушать всякія мяса, конечно же, животныхъ чистыхъ (потому что научилъ Ной и сему различію), а запрещаетъ только употреблять въ пищу кровь.

Когда же много времени прошло отъ Ноя, призываетъ Богъ Авраама, повелѣваетъ ему оставить отеческій домъ, ведетъ его въ страну, называвшуюся древле Хапанею, нынѣшнюю Палестину, даетъ ему заповѣдь объ обрѣзаніи, чтобы прошедшій отъ него родъ знаменіемъ благочестія имѣлъ отъятіе излишества. Доволя до крайней нужды голодомъ, водить всюду сего проповѣдника благоче-

стія, и служителя Своего дѣлаетъ извѣстнымъ Египтянамъ и жителямъ Палестины; попускаетъ варварами похищать его супругу, но покровительствуетъ похищенной, наказываетъ похитившихъ, сдѣлавшимся ловцами жены не дозволяетъ насладиться добычею, и въ сѣтяхъ своихъ имѣя уловленную, не воспользовались они ею; сами же уловлены были невидимыми мрежами, и опытомъ дознали боголюбіе странника; и царствовавшіе у тѣхъ народовъ къ себѣ призвали и умоляли сего странника, пришельца и гостя, и онъ, посему поводу, преподавъ невѣдущимъ уроки благочестія, и неправда открыла путь благочестію, беззаконная страсть присвоить себѣ чужое послужила къ приобрѣтенію Боговѣднія. Таково же было смотрѣніе Божіе объ Исаакъ и Іаковъ. Первый оказалъ благодѣяніе Авимелеху, другой указалъ Лавану истиннаго Бога, и обличилъ безсиліе боговъ, не истинныхъ, а мнимыхъ.

Таково было Божіе смотрѣніе объ Іосифѣ, сперва попустивъ ему стать рабомъ, чрезъ рабство, клеветы и узы Богъ вручилъ ему бразды Египта, и прежде виночерпю проповѣдуетъ онъ истиннаго Бога, а потомъ тоже самое ученіе излагаетъ царю, послѣ же сего, взявшись за кормило, мудро правитъ цѣлою ладіей. Такъ Богъ, захотѣвъ избавить отъ египетскаго рабства размножившихся Израильтянъ, избавляетъ при множествѣ великихъ чудесъ, и чрезъ сіе дѣлаетъ ихъ народомъ знаменитымъ; потому что этотъ народъ поставляетъ учителемъ боговѣднія для всѣхъ народовъ. И какъ для поученія о семъ народъ избираетъ то Моисея, то Іисуса, и еще Самуила, и въ другое время кого-

либо другаго изъ Пророковъ, и посредствомъ одного чловѣка, упражняющагося въ любомудріи, благодѣтельствуеть всеѣмъ его единоплеменникамъ: такъ посредствомъ одного народа израильскаго призываетъ въ общеніе вѣры все народы; потому что и они одного естества съ Израилемъ.

А что сіе дѣйствительно такъ, свидѣтельствуеть блудница Раавъ, для которой, хотя была иноплеменница и блудница, достаточно стало одной молвы, и ради оной приняла она благочестіе, вознерадѣла о своихъ, и отдалась въ руки чужимъ: ибо говорить, слышали мы, что Господь Богъ сотвори съ Египтянами, и *нападе страхъ вамъ на ны* (Исус. Нав. 2, 9.). Посему дѣлаеть условія съ соглядатаями, и подтверждаетъ ихъ клятвою.

О томъ же свидѣлствуютъ и иноплеменники, которые убоялись присутствія у нихъ кивота, и говорили другъ другу: сей есть Богъ, побившій Египта, горе намъ иноплеменникамъ (1 Цар. 4, 8.). Для сего-то Богъ, хотя передаетъ кивотъ иноплеменникамъ, обличая беззаконіе Своего народа (закону не надлежало содѣлываться защитникомъ явныхъ нарушителей закона); однако же охраняеть досточтимость преданнаго имъ кивота, научая тѣмъ иноплеменниковъ, что одержали они побѣду не надъ Богомъ, но надъ беззаконіемъ людей. Посему устрояеть, что Дагонъ этотъ безгласный и безчувственный идолъ, по которому иноплеменники поклонялись, какъ Богу, падаетъ предъ кивотомъ, и пріемлетъ на себя видъ поклоняющагося, чтобы дознали иноплеменники различіе между шимъ и кивотомъ. Они же по неразумію снова воставляютъ Дагона,

и снова видятъ его падшимъ и поклоняющимся. Потомъ, оставаясь въ великомъ своемъ скудоуміи, и не пожелавъ видѣть различія, научены опытомъ уцѣломудрится, и понесши наказаніе, образумились, отрезвились отъ упоенія певѣжества, и отсылаютъ кивотъ, какъ и надлежало, къ собственнымъ его служителямъ, и почтивъ его приношеніями, возвѣщаютъ о понесенныхъ ими наказаніяхъ, а тѣхъ, которые должны принять его, извѣщаютъ, какъ будетъ возвращенъ.

Такъ поступилъ Богъ и съ Валтасаромъ. Поелику народъ израильскій поползнулъ на великое нечестіе; то отсылаетъ его Богъ плѣннымъ въ Вавилонъ, и священные сосуды дѣлаются военною добычею неприятелей. Но Навуходопосоръ удалил ихъ, какъ божественные, отъ общаго употребленія, и внесъ въ храмъ почитаемыхъ у нихъ богами; сынъ же его, то есть, Валтасаръ, не вразумившись бѣдствіями отца, не обративъ вниманія, какія наказанія понесъ онъ за свое высокомеріе, даже почтивъ, какъ полагалъ, сіи божественные сосуды, износитъ на среду, что навсегда посвящено было Богу, пьетъ нечестивецъ изъ этихъ сосудовъ, и пирующимъ съ нимъ предлагаетъ сію неприкосновенность. И въ это самое время произносится приговоръ на нечестиваго, невидимая чья-то рука пишетъ на стѣнѣ опредѣленіе Божіе. Царь остается пока въ недоумѣніи, булучи не въ состояніи прочесть и узнать силу написаннаго; мать же его изводитъ на среду Давіида, который неоднократно разрѣшалъ отцу подобныя недоумѣнія. И Давіидъ прочелъ, истолковалъ и указалъ причину наказанія, говоря:

когда въ наказаніе за грѣхи содѣлались мы плѣнниками, тогда и сіи сосуды, посвященные нами Богу, предалъ Онъ поработившему насъ, научая тѣмъ, что, не имѣя въ нихъ нужды, терпѣлъ наши жертвоприношенія; но, пока были мы благочестивы, принималъ нами приносимое, желая оказать намъ милость; когда же поползулись мы въ нечестіе, отринулъ и принесенные нами дары. Да и отецъ твой, имѣя объ этомъ нѣкоторое понятіе, почтилъ, какъ полагалъ онъ, сіи сосуды, удаливъ отъ людскаго употребленія, и посвятивъ мнимымъ своимъ богамъ. А ты, не помысливъ о возданной отцемъ чести, впалъ въ бездну высокоумія, и поругался надъ священными чашами. Посему-то Владыка ихъ, не о вещахъ неодушевленныхъ прилагая попеченіе, помышляя о людяхъ, извѣщаетъ, какой конецъ высокоумія, и твоимъ наказаніемъ многимъ людямъ даетъ урокъ благочиній. Такъ сказалъ Даниилъ, и Валтасаръ въ ту же ночь пріять казнь.

Вотъ какъ Творецъ всяческихъ всегда помышлялъ о всѣхъ людяхъ, не только ведущихъ родъ отъ Авраама, но о всѣхъ потомкахъ Адамовыхъ, и посредствомъ одного народа приводилъ къ боговѣднію всѣ народы. И всѣмъ человѣкамъ предлагалъ чрезъ него ученіе, не только, когда былъ онъ благочестивъ, но и когда несъ наказаніе за свои беззаконія. И именно этого Навуходоносора, высокоумнаго мучителя, воздвигшаго золотый кумиръ, повелѣвавшаго, чтобы всѣ покланялись ему, и говорившаго: *выше звѣздъ поставлю престолъ мой, възду выше облакъ, буду подобенъ Вышнему* (Иса. 14, 13. 14.), *вселенную всю обьму рукою, яко*

гнѣздо, и яко оставленная лица возму (10, 14.), не чрезъ Ангеловъ Богъ всяческихъ научалъ цѣломудрію, но чрезъ тѣхъ, которые имъ самимъ взяты были въ плѣнь. Ибо, когда увидѣлъ, что три отрока, не исполнивъ царскаго узаконенія, страшную эту пещь пренебрегли, какъ игрушку, ходять по углямъ, какъ по розамъ, и преданные такому пламени пѣснословятъ Бога, какъ дивится онъ чуду, такъ изумѣваетъ предъ Содѣтелемъ чуда, повелѣваетъ всемъ поклоняться Богу отроковъ, именуетъ Его Вышнимъ, называетъ Богомъ и Царемъ всѣхъ.

Такъ и онаго Ассиріянина, который вознеистовствовалъ противъ Бога, и произнесъ безумныя сіи слова: не спасетъ васъ Господь Богъ отъ руки моей, и гдѣ боги народовъ? довелъ до познанія собственнаго своего безсилія, припудилъ бѣжать одного, а тѣ многія тысячи, которыми онъ величался, въ краткое мгновеніе времени чрезъ единого Ангела предалъ смерти.

Такъ Іону послалъ къ Шивитянамъ проповѣдникомъ покаянія; и не восхотѣвшаго исполнить повелѣніе, но неразумно вознамѣрившагося бѣжать, связываетъ волнами, и какъ въ нѣкое узилище, предаетъ въ утробу кита; и неразумная рыба отводитъ разумнаго туда, гдѣ повелѣно ему проповѣдывать.

Когда же наступило время совершиться великой тайнѣ домостроительства, и по божественномъ во-человѣченіи въ цѣлой вселенной разсѣяться проповѣди; тогда уже сей народъ, по особенному благодѣянію въ началѣ избранный изъ всѣхъ народовъ, разсѣваетъ также въ цѣлой вселенной, чтобы всѣ, одержимые прелестію многобожія, навыкли слы-

нать, что единъ есть Богъ, Творецъ неба и земли, и чрезъ это болѣе удобною содѣлалась проповѣдь и божественнымъ Апостоламъ.

Но, можетъ быть, скажетъ ный, что Иудеи не только не содѣйствовали ученію о Христвѣ, а даже крайне противодѣйствовали, и служили препятствіемъ для язычниковъ, хотѣвшихъ увѣровать. Напротивъ того, если кто пожелаетъ изслѣдовать сіе въ точности; то найдетъ, что самое противленіе Иудеевъ способствовало вѣрѣ язычниковъ; потому что бесѣда съ Иудеями и доказательства, приводимыя изъ закона и Пророковъ, какъ служили яснымъ отличіемъ неразумія Иудеевъ, такъ показывали язычникамъ, что христіанскій образъ жизни проповѣдуемъ былъ издревле. И свидѣтельство, заимствованное у враговъ, дѣлало достовѣрнымъ проповѣдуемое ученіе. Проповѣдники сего ученія выставляли на среду и патриарха Авраама, пріившаго сіи обѣтованія, и Исаака, этомъ плодъ обѣтованія, и Иакова, получившаго отъ отца сіе благословеніе, и Иуду, преемственно наслѣдовавшаго тоже отческое благословеніе, и Моусея, о семъ предрекавшаго, и царя Давида, тоже предвѣщавшаго, и Исаію, и Іеремію, о томъ же пророчествовавшихъ, и Іезекііля, и Даниіла, сіе же провозгласившихъ Духомъ, и весь сонмъ Пророковъ, ясно предуказавшихъ сбывшееся съ нами. И слышавшіе, видя, что Иудеи сами признають вѣщанія сіи божественными, а также усматривая благодѣшныя, совершаемыя именемъ Христовымъ, и сіи знаменія пріемля залогомъ преподаваемого ученія, легко принимали проповѣдь, вѣровали въ проповѣдуемаго Бога, гнушались же пре-

вратныхъ іудейскихъ толковъ. Поэтому непокорность Іудеевъ не только не служила препятствіемъ божественной проповѣди, но тѣмъ самымъ, что они предпринимали противодѣйствовать, придавала достовѣрность ученію; потому что противорѣчіе понуждало выставить на среду Господни свидѣтельства, а свидѣтельства сіи обличали ложь, и открывали свѣтъ истины.

Посему Богъ всяческихъ издревле продолжалъ домоостроительство спасенія чловѣковъ и прилагалъ о семъ попеченіе, приличное каждому времени. Сему научая, блаженный Павелъ сказалъ: *въ елико время наслѣдникъ младъ есть, ничимже лучшій есть раба, Господь сый всѣхъ: но подъ повелителю и приставнику есть, даже до нарѣка отча. Такожде и мы, егда быхомъ млади, подъ стихіями бѣхомъ міра порабощени. Егда же прииде кончина мѣта, посла Богъ Сына Своего, раждаемаго отъ жены, бываема подъ закономъ, да подзаконныя искупить, да всыновленіе воспримемъ* (Гал. 4, 1—5.). А что къ сему домоостроительству приступилъ Богъ, не по принятому имъ вповѣ усмотрѣнію, но такъ постановилъ Онъ изъ начала, сему да научить насъ тотъ же свидѣтель, который въ посланіи къ Коринѣянамъ пишетъ: *премудрость же глаголемъ въ совершенныхъ: премудрость же не вѣка сего, ни князей вѣка сего престающихъ: но глаголемъ премудрость Божію въ тайнѣ сокровенную, юже предустави Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу, юже никтоже отъ князей вѣка сего разуметь: аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 6—8.). Ибо, не изъ за-

висти къ благоденствію людей, доставили имъ случай къ сему приобрѣтенію высочайшаго блаженства, но не зная цѣли сей тайны, возстали на Спасителя душъ нашихъ, и неволью содѣлались для насъ снабдителями высочайшихъ благъ. Посему, хотя тайна была сокровенна, но предопредѣлена прежде вѣковъ.

А поэтому, убѣдавъ сіе, дознавъ на все простирающееся Божіе промышленіе, усматривая неизмѣримое челоуѣколюбіе, видя безмѣрное милосердіе, престаньте неистовствовать противъ Создателя, научитесь пѣснословить Благодѣтеля, благопризнательнымъ словомъ воздайте за великія благодѣянія. *Пожрите Богу жертву хвалы* (Псал. 106, 22.), не скверните языка хулою, содѣлайте его орудіемъ пѣснопѣнія, какъ на сіе онъ и устроень. Покланяйтесь тѣмъ Божиимъ смотрѣніямъ, которыя видимы, и не любопытствуйте о тѣхъ, которыя сокровенны, но ожидайте дознанія, которое будетъ въ свое время. Когда совлечемся страстей, тогда приобрѣтется совершенное вѣдѣніе. Не подражайте Адаму, который отважился вкусить запрещенныхъ плодовъ; не касайтесь сокровеннаго, но вѣдѣніе сего предоставьте надлежащему времени. Послушайтесь премудраго, который говоритъ: *не говори: что сіе? на что сіе? Вся бо на потребу создана быша* (Сир. 39, 22.). Посему, отвсюду собирая поводы къ пѣснословіямъ, и срастворивъ ихъ въ одно пѣснопѣніе, вознесите оное съ нами Творцу, и Благодаятелю, и Спасителю Христу, истинному Богу нашему. Ему слава и поклоненіе, и велельіе въ нескончаемые вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О

О БОЖЕСТВЕННОЙ И СВЯТОЙ ЛЮБВИ.

Каковы подвижники добродѣтели, сколько заслужили вънцевъ, и какъ они блгстательны, сіе ясно видно изъ написанныхъ нами о нихъ повѣствованій (а). Ибо если въ сихъ повѣствованіяхъ и не всѣ исчислены подвиги ихъ; то и не многого достаточно, чтобы показать отличительную черту цѣлой ихъ жизни; потому что и оселокъ, не тратя всего подносимаго къ нему золота, но нѣсколько будучи потертъ объ оное, показываетъ его добротность, или малодобротность. А такъ же и стрѣлка по немногимъ пущеннымъ имъ стрѣламъ съ точностію узнаетъ шій, хорошо ли будетъ онъ попадать въ цѣль, или станетъ стрѣлять мимо, по неопытности въ искусствѣ. Также можно распознавать (не буду говорить о каждомъ порознь) и другихъ искусниковъ: скороходовъ, представителей трагедій, кормчихъ, кораблестроителей, врачей, земледѣльцевъ, и вообще всякаго другаго, какимъ кто занимается искусствомъ. Достаточно малаго испытанія, чтобы показать знающихъ искус-

(а) Бл. Феодоритъ разуметь здѣсь описанныя имъ житія сирскихъ подвижниковъ и подвижницъ въ книгѣ, имѣющей названіе: *Боголюбивое сказаніе, или жизнь подвижническая.*

ство, и обличить невѣжество носящихъ на себѣ только имя знающаго. Поэтому, какъ сказалъ я, если описано и не многое изъ того, въ чемъ преуспѣлъ каждый, и сего достаточно къ изученію всего образа жизни.

Въ настоящемъ же словѣ надлежитъ намъ изслѣдовать, разыскать и въ точности дознать, по какимъ побужденіямъ подвижники предпочитали этотъ образъ жизни, и какими водясь помыслами, достигали самаго верха любомудрія. Что не на тѣлесную надѣясь крѣпость, возлюбили то, что выше естества человѣческаго, превзошли положенные ему законы, преодолѣли преграды, поставляемыя подвижникамъ благочестія, учитель въ этомъ—ясный опытъ; потому что никто изъ непріобрѣтшихъ сего любомудрія никогда не оказывалъ ихъ терпѣнія.

Если и пастухи мокнуть подъ дождемъ, то не всегда. Живутъ они и въ пещерахъ, но входятъ и въ дома; и ноги прикрываютъ обувью, другія части тѣла одѣваютъ теплыми одеждами, раза два, три, а иногда и четыре въ день, вкушаютъ пищу. Мясо же и вино лучше всякаго очага согрѣваютъ тѣло; такая пища, когда будетъ переварена, какъ бы процѣженная сквозь узкое горло сосуда, вошедши въ печень, и претворившись тамъ въ кровь, кровеносною трубчатою жилою поступаетъ въ сердце; оттуда же, нагрѣвшись, какъ бы водопроводами какими, разсѣянными кровеносными жилами проходитъ во всѣ части тѣла; и куда ни достигаетъ, не орошаетъ только, но и разгорячаетъ, подобно огню, и лучше пышныхъ одеждъ согрѣ-

ваетъ тѣло. Ибо не рубаха, не нижняя и верхняя одежда, какъ предполагаютъ иные, сообщаютъ тѣлу теплоту; иначе одежды сіи согрѣвали бы и дерево, и камень, когда на нихъ наложены; но никто никогда не видалъ, чтобы дерево или камень согрѣлись подъ одеждою. Поэтому тѣлу не онѣ сообщаютъ теплоту; напротивъ того онѣ сохраняютъ теплоту тѣла, и какъ ограждаютъ отъ прираженія холоднаго воздуха, такъ, принимая въ себя исходящія изъ тѣла испаренія, сами нагрѣваются ими, и нагрѣтая покрываютъ собою тѣло. Свидѣтель сему—опытъ; перѣдко, ложась на холодное ложе, прикосновеніемъ тѣла дѣлаемъ теплою постель, которая не задолго была холодна. Посему нища больше всякой одежды согрѣваетъ тѣло, и вкушающіе ея въ сытость имѣютъ достаточную защиту отъ прираженій стужи; потому что вооружаютъ ею тѣло и приводятъ его въ состояніе выносить холодное время года.

Но тѣ, которые не каждый день принимаютъ пищу и питіе, а когда вкушаютъ, не ждуть насыщенія, но обуздываютъ сильный позывъ на пищу, да и ѣдятъ не то, что можетъ согрѣвать тѣло, а или питаются злаками, подобно безсловеснымъ, или употребляютъ одни мочные овощи, могутъ ли въ такой пищѣ почерпнуть для себя какую-либо теплоту? Прибудетъ ли отъ этого скольконибудь капель, или какая-нибудь капля, крови?

Поэтому, состояніе другихъ нимало не походитъ на состояніе подвижниковъ. И одежда у тѣхъ и другихъ не одна и таже; потому что у подвижниковъ одежда самая грубая и всего меньше способная

согрѣвать. И питаніе не одинаковое, но прямо противоположное. Пастухамъ и другимъ занимающимся чѣмъ-либо подобнымъ великое время есть время принятія пищи; потому что опредѣляется оно пожеланіемъ, и если рано утромъ нападеть голодь, немедленно принимаются за пищу, и ѣдятъ, что случится; ибо у нихъ нѣтъ устава, это ѣсть, а этого никакъ не ѣсть, напротивъ того, чего ни пожелаютъ, все вкушаютъ небоязненно. А здѣсь все опредѣлено, и дни, и времена, и родъ, и мѣра пищи; а насыщенія пищею не положено.

Посему, никто изъ недовольныхъ своею участію да не покушается, выставляя намъ на видъ земледѣльцевъ, пастуховъ и гребцевъ, умалять подвиги величайшихъ сихъ подвижниковъ. Ибо земледѣлецъ, утрудившись днемъ, покоится ночью дома, и жена оказываетъ ему всякія услуги. И пастухъ точно также пользуется всею тѣмъ, о чемъ сказали мы прежде. И служащій на корабль подвергаетъ тѣло солнечнымъ лучамъ, но облегченіе тѣлу находитъ въ водахъ, купается, сколько хочетъ, и прохладою водъ пользуется, какъ цѣлебнымъ врачевствомъ отъ зноя лучей. А подвижники ни отъ кого не пользуются никакою услугою; потому что живутъ не съ женами, которыя придумываютъ всяческое утѣшеніе мужьямъ; и когда приражается къ нимъ знойный лучъ солнца, не ищутъ освѣженія въ водѣ; и въ зимнее время не обороняютъ себя пищею отъ стужи, и ночного отдыха не обращаютъ какъ бы въ нѣкое врачевство отъ дневныхъ трудовъ. У нихъ ночные подвиги и тяжелѣе и многочисленнѣе дневныхъ; потому что вступаютъ въ

борьбу съ сномъ, и не уступаютъ ему надъ собою сладкой побѣды, но одолеваяютъ пріятное его преобладаніе, и совершаютъ всенощное пѣснопѣніе Владыкъ. Посему никто изъ ненаучившихся любомудрію подвижниковъ не оказывалъ ихъ терпѣнія.

А если никакой другой человекъ не въ состояніи выдержать такіе труды; то явно, что любовь къ Богу дѣлаетъ подвижниковъ способными простирались далѣе предѣловъ естества; и распаленные огнемъ свыше, съ любовію переносятъ они прираженіе стужи, и небесною же росой умѣряютъ зной солнечныхъ лучей. Любовь питаетъ, напоеваетъ, одѣваетъ, окривляетъ ихъ, она научаетъ ихъ летать, дѣлаетъ способными воспарять выше неба, и, сколько вмѣстимо для нихъ, открываетъ имъ Возлюбленнаго, представленіемъ сего созерцанія распалетъ желаніе, возбуждаетъ приверженность и возжигаетъ сильнѣйшій пламень. Какъ увлекаемые плотскою любовію въ зрѣніи любимаго находятъ пищу своей приверженности, и тѣмъ усиливаютъ оную страсть: такъ уязвляемые божественною любовію, представляя оную божественную и чистую Лепоту, стрѣлы любви дѣлаютъ болѣе острыми, и чѣмъ болѣе вождельваютъ насладиться, тѣмъ болѣе далеки бываютъ отъ насыщенія. За плотскимъ удовольствіемъ слѣдуетъ пресыщеніе; а любовь божественная не допускаетъ законовъ насыщенія.

Таковъ былъ великій законоположникъ Моисей; онъ неоднократно, сколько доступно сіе человеку, сподобившись божественнаго созерцанія, неоднократно

кратко насладившись блаженнымъ гласомъ, сорокъ дней непрерывно пребывъ внутри мрачнаго облака, и пріавъ Божіе законоположеніе, не только не ощутилъ сытости, но пріобрѣлъ еще болѣе сильное и теплое вождельніе. Какъ бы въ усыпленіе какое впалъ отъ упоенія этою любовію, и приведенный въ крайнее самозабвеніе сею приверженностію, не зналъ онъ собственнаго своего естества, вождельбалъ же видѣть, что и не позволительно видѣть; какъ бы не представляя въ умѣ Божія владычества, и помышляя объ единой любви, изрекъ онъ Богу всяческихъ: *се Ты мнѣ глаголеши: благодать имайи у Мене, и възмъ Тя паче всѣхъ. Аще убо обрѣтохъ благодать предъ Тобою, яви ми Тебе Самого, да разумно вижду Ти* (Исх. 33, 12. 13.). Въ такое упоеніе приведенъ онъ былъ божественною любовію, и упоеніе сіе не угасило жажды, но сдѣлало ее еще болѣе сильною; прибавленіе питія послужило къ возбужденію большаго вождельнія, съ наслажденіемъ увеличилось пожеланіе. Какъ огонь, чѣмъ больше даютъ ему горючаго вещества, тѣмъ большую оказываетъ дѣйственность; потому что съ симъ прибавленіемъ вещества увеличивается, а не ослабѣваетъ: такъ и любовь къ Богу распаляется созерцаніемъ божественнаго, и получаетъ отъ того болѣе сильную и горячую дѣйственность. И чѣмъ болѣе занимается кто божественнымъ, тѣмъ паче разжигаетъ въ себѣ пламень любви.

И сему научаетъ насъ, не великій только Моисей, но и та святая невѣста, о которой богомудрый Павелъ говоритъ: *обручихъ васъ единому*

мужу двѣу чисту представи Христови (2 Кор. 11, 2.). Ибо она въ Пѣсни Пѣсней взываетъ Жениху: яви ми зракъ Твой, и услышанъ сотвори ми гласъ Твой: яко гласъ Твой сладокъ, и образъ Твой красенъ (Пѣс. Пѣс. 2, 14.). Исполнившись любви по слуху о Женихѣ, не довольствуется симъ слухомъ, но желаетъ слышать самый голосъ Его. И окрилившись рассказами о красотѣ Его, вождельвааетъ самага лицезрѣнія, выражая приверженность произнесенными похвалами, и говоритъ: яви ми зракъ Твой, и услышанъ сотвори ми гласъ Твой: яко гласъ Твой сладокъ, и образъ Твой красенъ.

Сно-то возлюбивъ красоту, посредникъ и невѣстоводитель невѣсты сей, богомудрый Павелъ изрекъ сіе исполненное любви слово: *кто ны разлучитъ отъ любви Христовы? Скорбь ли, или тѣснота, или гладъ, или гоненіе, или нагота, или бѣда, или мечъ? Яко же есть писано: яко Тебе ради умерщвляемъ есмь весь день: вмѣтихомся яко же овцы заколенія (Римл. 8, 35. 36.).* Потомъ показываетъ и причину терпѣнія; ибо говоритъ: *во встѣхъ сихъ препобѣждаемъ за возлюбившаго ны Бога (37).* Приемля во вниманіе, кто мы, и какихъ насладились благъ, разсудивъ, что не мы первые возлюбили, но сами возлюблены, и потомъ уже воздали любовію, и возлюблены, когда ненавидѣли, *врази бывше примирихомся (Римл. 5, 10.),* и не сами умолили сподобить насъ сего примиренія, но данъ намъ ходатаемъ Единородный, и мы, оскорбившіе, утѣшены оскорбленнымъ; а сверхъ этого представивъ въ умъ животворящій

крестъ Распятаго за насъ, спасительныя страда-
нія, прекращеніе мучительства смерти, дарован-
ную намъ надежду воскресенія; все сіе и подобное
сему пріемля во вниманіе, препобѣждаемъ встрѣча-
ющіяся намъ скорби, и памятованіе благодѣній
противополагая временному злостраданію тѣла, съ
любовію переносимъ прираженіе горестнаго; по-
тому что, сравнивая печали житейскія съ любовію
ко Владыкѣ, находимъ ихъ крайне легкими. Если
соберемъ вмѣстѣ всѣ мнимыя пріятности и удо-
вольствія; то противопологаемая имъ божествен-
ная любовь показываетъ, что онѣ несостоятельныѣ
тѣни и кратковременныѣ вѣсеннихъ цвѣтовъ.

Сіе Апостоль ясно выражаетъ, какъ въ приве-
денныхъ уже словахъ, такъ и въ томъ, что гово-
ритъ далѣе: *извѣстихся бо, говоритъ онъ, яко
ни смерть, ни животъ, ни Ангели, ни начала,
ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни вы-
сота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ
насъ разлучити отъ любве Божіа, яже о Христѣ
Иисусѣ Господѣ нашемъ* (Римл. 8, 38. 39.). По-
елику выше, представивъ только одно печальное,
сравнивалъ скорбь, тѣсноту, гоненіе, гладь, на-
готу, бѣду, мечь, то есть, насильственную смерть;
то здѣсь справедливо къ скорбному прилагаетъ и
радостное, къ смерти жизнь, къ чувственному мы-
сленное, къ видимому невидимыя силы, къ насто-
ящему и преходящему будущее и постоянно пре-
бывающее; сверхъ же того — глубину геенны и
высоту царствія; но сравнивъ это и нашедши,
что все, и печальное и радостное, уступаетъ люб-
ви, и что утрата любви нестерпимѣе мученія въ

гееннѣ, и показавъ, что, если бы только было это возможно; то при любви божественной и угрожающее мученіе предпочелъ бы онъ обѣтованному небесному царству безъ любви, Апостоль въ упоеніи любовію, доискивается и несуществующаго и усиливается даже это сравнивать съ любовію къ Богу; ибо говоритъ: *ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любви Божія, яже о Христь Иисусъ Господь нашемъ*, то есть, не только всему въ совокупности, видимому и невидимому предпочитаю любовь къ Спасителю и Искупителю; но, если бы открылась и другая какая тварь, высшая и лучшая этой, и та не убѣдитъ меня измѣнить любви. Но если кто предложитъ мнѣ и радостное, только безъ любви, не приму. А если кто за любовь причинитъ мнѣ и скорби, онъ будутъ для меня вождельныи и крайне любезны. И ради любви для меня голодъ пріятнѣе всякаго наслажденія, горе-ніе сладостнѣе мира, нагота привлекательнѣе багряницы и златотканныхъ одеждъ, бѣда усладительнѣе всякой безопасности, насильственная смерть предпочтительнѣе всякой жизни; потому что самая причина страданій дѣлается для меня отрадою, такъ какъ невзгоды сіи пріемлю за Возлюбившаго и влѣсть Возлюбленнаго.

Не видѣвшаго бо грѣха по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ (2 Кор. 5, 21.); *богатъ Сый, насъ ради обнища, да мы нищетою Его обогатимся* (2 Кор. 8, 9.); *и: искупилъ ны есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Гал. 3, 13.); *и: смирилъ Себе,*

послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя (Филип. 2, 8.); и: еще грѣшникомъ сущимъ намъ Христосъ за ны умре (Римл. 5, 8.). Сіе и подобное сему представляя въ умѣ, не принялъ бы я и небеснаго царства безъ любви за сіе, не сталъ бы избѣгать наказанія въ гееннѣ, если бы возможно было, имѣя сію любовь, терпѣть мученіе. Сему же ясно паучастъ Апостоль и въ другомъ мѣстѣ: *ибо любви Божія обдержитъ насъ суждишихъ сіе: яко Единъ за вѣсѣхъ умре, да живущи не къ тому себѣ живутъ, но Умершему за нихъ и Воскресшему (2 Кор. 5, 14. 15.).* Поэтому не себѣ живущи, но Умершему за нихъ и Воскресшему, для Него готовы охотно все дѣлать и терпѣть.

И сравнивая съ любовію страданія, по природѣ великія и тяжкія, Апостоль называетъ ихъ малыми и сносными. Ибо говоритъ: *еже бо нынѣ легкое печали нашея по преумноженію въ преспѣваніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ (2 Кор. 4, 17.).* Потомъ учитъ, какъ должно производить сравненіе: *не смотряющимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ: видимая бо временна, невидимая же вѣчна (18.),* то есть, сравнивать надлежитъ съ настоящимъ будущее, съ временнымъ вѣчное, съ печалію славу; потому что печаль мгновенна, а слава вѣчна, а поэтому первая легка и удобоспосна, а вторая многоцѣнна и полна. И конечно Апостоль слово сіе: *по преумноженію* относитъ здѣсь къ тому и къ другому, и къ легкости печали, и къ тяготѣ славы, то есть, одно до прензбытка мало, легко и кратковременно; а также и другое въ

преизбытокъ славно, многоцѣнно, полно и вѣчно. И въ другомъ мѣстѣ, подобно сему, взываетъ онъ: *благоволю въ немощехъ, въ досажденіихъ, въ бѣдахъ; во изгнаніихъ, въ нестроеніяхъ по Христъ: егда бо немощствую, тогда силенъ есмь* (2 Кор. 12, 10.).

Сею любовію уязвившись, и великій Петръ, даже предувѣдомленный о будущемъ отреченіи, не рѣшился скрыться, но за лучшее призналъ отречься послѣдовавъ, нежели исповѣдать бѣжавъ. А что послѣдованіе было пороженіемъ любви, а не отважности, свидѣтельствуешь о семъ самое дѣло; потому что и по отреченіи не рѣшился оставить Учителя; но, хотя *плакася горько*, какъ показываетъ исторія (Матѣ. 26, 75.), и сътовалъ о своемъ пораженіи, однако же не предался бѣгству, удерживаемый узами любви, и услышавъ благовѣстіе о воскресеніи, первый вошелъ во гробъ. И еще, занимаясь ловитвою рыбъ въ Галилеѣ, а потомъ узнавъ, что стоящій на берегу, и бесѣдующій съ ними есть Самъ Господь, не захотѣлъ употребить въ дѣло корабль, медленно разсѣкающій морской хребетъ, но желалъ бы окрилившись, какъ можно скорѣе, по воздуху достигнуть берега. Поелику же по природѣ лишенъ былъ крыль, то вмѣсто воздуха употребляетъ воду, и вмѣсто крыль — руки, и вплавъ достигаетъ къ Возлюбленному, а въ награду за поснѣшность пріемлетъ предпочтеніе предъ другими. Ибо, когда Господь повелѣлъ съѣсть и раздѣлилъ найденныя снѣди, съ нимъ немедленно началъ бесѣду, и, повидимому, спрашивая и извѣдывая, сколько любитъ онъ, въ

дѣйствительности же другимъ открывая любовь великаго Петра, сказалъ: Симонъ Петръ, любиши ли Мя паче сихъ (Іоан. 21, 15.)? И Петръ Его Самого призвалъ во свидѣтели любви; ибо сказалъ: *Господи Ты вѣси, яко люблю Тя*: отверзсты для Тебя человѣческія души, ясно знаешь движенія ума, ничто человѣческое не утаено отъ Тебя. Все знаешь, и послѣднее и древнее. Владыка присовокупилъ къ сему: *паци овцы Моя* (16.), то есть, хотя ни въ чемъ не имѣю нужды, однако же высочайшимъ почитаю благодареніемъ заботливость о Моихъ овцахъ, и попеченіе о нихъ при- емлю за попеченіе о Мнѣ Самомъ. Поэтому надлежитъ тебѣ о подобныхъ тебѣ рабахъ имѣть такое промышленіе, какимъ пользуешься самъ, питать ихъ, какъ самага питаю, пасти ихъ, какъ самага пасу, и какою благодарностію обязанъ ты Мнѣ, воздавать ее чрезъ нихъ. О томъ же и въ другой еще разъ вопрошалъ Владыка, и въ другій еще разъ отвѣтствовалъ великій Петръ, и въ другій еще разъ пріямъ рукоположеніе отъ Пастыря (б). Когда же и въ третій разъ предложенъ былъ вопросъ; не съ такою уже смѣлостію и небоязненностію отвѣтствуетъ блаженный Петръ, но исполняется страха, смятенію даетъ мѣсто въ душѣ своей, колеблется—произнести рѣшительный отвѣтъ, и боится, опасаясь, не предвидитъ ли Владыка втораго отреченія, и не посмѣвается ли выраже-

(б) Θεодоритъ здѣсь имѣетъ въ виду то, что чрезъ произнесеніе словъ: *паци овцы Моя*, Господь вторично утвердилъ Петра въ званіи апостольскомъ.

ніямъ любви его. Ибо умъ его возвращается къ прежнему, приводитъ ему на память, какъ и прежде уже неоднократно утверждалъ, что даже до смерти не оставитъ Учителя, однако же услышалъ: *прежде даже алекторъ не возгласитъ, трижды отвержешия Мене* (Мато. 26, 34.), и находитъ, что не его обѣщаніе исполнилось, но Владычес подтвердилось предреченіе. Воспоминаніе о семъ привело Петра въ страхъ, и не позволяло ему смѣло произнести приличный отвѣтъ. Острыя и лязвщія его ощущалъ опъ жала, и уступаетъ въ вѣдѣніи Владыкъ, не возражаетъ, какъ прежде, не утверждаетъ: *еще ми есть и умерти съ Тобою, не отвергуся Тебе* (Мато. 26, 35.); но говоритъ, что Самъ Владыка свидѣтель любви его, и исповѣдуетъ, что точное знаніе сего принадлежитъ Ему одному, Творцу всяческихъ. Ибо сказалъ опъ: *Господи Ты вся вѣси, Тебѣ извѣстно, Ты вѣси, яко люблю Тя* (Іоан. 21, 17.). Что люблю Тебя, и знаешь, и свидѣтельствуешь объ этомъ; но пребуду ли въ любви, еще яснѣе знаешь Самъ Ты, а я ничего не скажу о будущемъ, не буду спорить о томъ, чего не знаю; научень же опытомъ не противорѣчитъ Владыкъ. Ты источникъ истины, Ты бездна вѣдѣній: обучень я пребывать въ положенныхъ Тобою предѣлахъ. Но Владыка, увидѣвъ боязнь его, и въ точности зная любовь, предреченіемъ о кончинѣ уничтожаетъ страхъ, даетъ свидѣтельство о любви, подтверждаетъ исповѣданіе Петрово, и къ струпу отреченія прилагаетъ врачество исповѣданія. Посему-то, думаю, и требовалъ Господь троекратнаго исповѣданія, чтобы равночи-

сленныя струпамъ приложить врачевства, и бывшимъ при семъ ученикамъ вполне открыть пламень любви. Потому предреченіе о кончинѣ и Петра ободрило, и другихъ научило, что его отреченіе было по Божію смотрѣнію, а не по Петровой мысли. И сіе самъ Спаситель и Господь нашъ далъ разумѣть, сказавъ Петру: *Симоне, Симоне, сатана проситъ васъ, дабы съялъ, яко пшеницу: Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ въра твоя: и ты нѣкогда сбращая утверди братію твою* (Лук. 22, 31. 32.); то есть, какъ Я не пренебрегъ тебя поколебавшагося, такъ и ты будь опорой обуреваемымъ братіямъ твоимъ, оказывай имъ вспоможеніе, какимъ пользуешься самъ, и не отгоняй отъ себя понозящихся, но возставляй подвергающихся опасности. Для этого и тебѣ попускаю преткнуться, и не позволяю пасть, въ тебѣ уготовляя поддержку колеблющимся. Такъ великій сей столпъ подкрѣпиль потрясенную вселенную, и не допустилъ до конечнаго наденія, но возставилъ, сдѣлалъ неколеблемою, и пріять повелѣніе пасти овецъ Божіихъ, когда подвергался за сіе поруганіямъ, терпѣль, когда били его, веселился, и исходя съ сотрудникомъ своимъ изъ лукаваго синагога, радовался, *яко за имя Владыки сподобился безчестіе пріяти* (Дѣян. 5, 41.), и ввергаемый въ темницу, восхищался и веселился. И когда осужденъ былъ Перопомъ за Распятаго пріять смерть на крестѣ, уграшивалъ исполнителя казни пригвоздить его къ древу, но не какъ Владыку, убоявшись, вѣроятно, чтобы одинаковость страданія не привела неразумныхъ къ равному чувствуванію, посему умолялъ пригвоздить его руками внизъ

и ногами вверхъ; ибо научился избирать для себя послѣднее мѣсто, не въ чести только, но и въ безчестіи. Но если бы возможно было десять и пятьдесятъ разъ претерпѣть сію смерть; то принялъ бы со всякимъ удовольствіемъ, распалемый божественною любовію. Сіе же взываетъ и божественный Павелъ, то сказуя: *по вся дни умираю: тако ми ваша похвала, юже имамъ о Христвъ Исусъ* (1 Кор. 15, 31.); то говоря: *Христови сраспяхся: живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 19. 20).

Посему пріявшій божественную любовь пренебрегаетъ всѣмъ въ совокупности земнымъ, попираетъ всѣ плотскія удовольствія, презираетъ богатство и славу и честь отъ людей, думаетъ, что и багряница ничѣмъ не отличается отъ паутины, драгоценные камни уподобляетъ разсыпаннымъ на берегу кремнямъ, тѣлеснаго здравія не почитаетъ блаженнѣйшимъ состояніемъ, бѣдности не именуетъ несчастіемъ, благополучія не измѣряетъ богатствомъ и роскошью; но справедливо думаетъ, что все это подобно всегда рѣчнымъ струямъ, которыя протекаютъ мимо насажденных на берегахъ деревъ, и ни при одномъ изъ нихъ не останавливаются. Ибо бѣдность и богатство, здоровье и бользнь, честь и безчестіе, и все иное, чѣмъ сопровождается естество человѣческое, какъ усматриваемъ, подобно рѣчнымъ струямъ, не всегда пребываютъ у однихъ и тѣхъ же, но мѣняютъ обладателей, и непрестанно переходятъ отъ однихъ къ другимъ. Многіе послѣ обилія впадаютъ въ крайнюю бѣдность; а многіе изъ нищихъ входятъ въ число богатыхъ. Да и бо-

лѣзнь и здоровье ходять, такъ сказать, по всякимъ тѣламъ, томятся ли они голодомъ, или роскошествуютъ. Добродѣтель же и любомудріе единственное постоянное благо. Любомудрія не одолеваетъ и рука грабителя, и языкъ клеветника, и туча вражескихъ стрѣлъ и копій. Не бываетъ оно добычею горячки, игрушкою волнь, и не терпитъ уроша отъ кораблекрушенія. Время не умаляетъ, но увеличиваетъ его силу. А пищею для него любовь къ Богу. Ибо не возможно преуспѣвать въ любомудрії, не содѣлавшись пламеннымъ любителемъ Бога; лучше же сказать, сіе-то самое и называется любомудріемъ; потому что Богъ есть премудрость, и премудростию именуется. О Богъ всяческихъ сказуетъ блаженный Павелъ: *нетлѣнному, невидимому, единому премудрому Богу* (1 Тим. 1, 17.), и о Единородномъ говоритъ: *Христосъ Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24.); и еще: *дадеса намъ премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе* (30.). Посему въ дѣйствительности любомудрый справедливо можетъ быть названъ и боголюбивымъ. А боголюбивый пренебрегаетъ всѣмъ инымъ, и взирая только на Возлюбленнаго, угожденіе Ему предпочитаетъ всему въ совокупности, то одно говоритъ, и дѣлаетъ, и помышляетъ, что угодно и благопріятно Возлюбленному; отвращается же всего того, что запрещаетъ Онъ.

Не позаботившись о сей любви, и содѣлавшись непризнательнымъ къ Благодѣтелю, въ воздаяніе за неблагодарность Адамъ пожалъ тернія, труды и бѣды. Сохранивъ твердою любовь сію къ Подателю благъ, пренебрегши услажденіемъ чрева и всему

предпочти угождене Богу, Авель украсился неувидаемыми вънцами, и пребывая незабвеннымъ въ памяти цѣлаго рода, пожинаетъ себѣ хвалу. Стяжавъ истинную и искреннюю любовь, Енохъ прекрасно посвялъ, и еще лучше пожалъ, въ награду за благоугождене Богу пріялъ преложене, безсмертную до нынѣ жизнь, и въ продолженіе всего настоящаго вѣка славную и безсмертную память. Кто въ состояніи сказать что-либо о боголюбии Ноя? Его не совратило растлѣніе беззаконныхъ; но, когда все уклонилась и избрали путь противный, онъ одинъ шествовалъ путемъ прямымъ, всему въ совокупности предпочтя Творца, за что одинъ съ дѣтьми улучилъ спасене, оставленъ быть съменемъ естества, сохраненъ быть искрою рода. Такъ великій архіерей Мелхиседекъ, возгнушавшись малосмысленностію тѣхъ, которые предпочли чествованіе идоловъ, священство свое посвятилъ Творцу вселенскихъ, за что и пріялъ оную великую награду, содѣлался прообразомъ и сѣно Того, Кто по самой истинѣ *безъ отца, безъ матери, безъ причта рода, ни начала днемъ, ни животу конца имѣетъ* (Евр. 7, 3.).

Но слово наше, простираясь впередъ, приходитъ къ тому, кто наименованъ другомъ Божиимъ, въ точности сохранилъ и преподаль законы дружества. Ибо кто изъ обучившихся, хотя нѣсколько, божественному не знаетъ, какъ великій патріархъ Авраамъ послушенъ былъ Божию призванію, какъ оставилъ отеческій домъ, отечеству предпочелъ чуждую страну, когда возлюбилъ Призавшаго, и заблагоразсудилъ все иное поставить ниже Его дружества?

Не рѣдко впадая во многія затрудненія, не остав-
лялъ онъ Возлюбленнаго, какъ не приведеннаго еще
въ исполненіе обѣтованій. Но и томимый жаждою,
когда воспрещали ему пить воду изъ кладезей, имъ
самимъ ископаныхъ, не вознегодовалъ на Призвав-
шаго, и не мстилъ обидѣвшимъ. Терпѣлъ напасть
и отъ голода, и не угасилъ въ себѣ пламенника
любви. Отнимали у него и супругу, которая сіяла
красотою, и украшалась цѣломудріемъ, и во всемъ
дѣлала для него жизнь пріятною; но вмѣстѣ съ же-
ною не отнимали у него любви къ Богу. Помогалъ
ли ему Богъ, упражнялъ ли его въ долготерпѣніи,
и попускалъ ему принимать на себя приращенія
неправды?—всегда пребывалъ одинаково любящимъ.
Сталъ онъ старцемъ, и не сдѣлался отцемъ; но
не измѣнилъ своего благорасположенія къ Тому,
Кто обѣщалъ его содѣлать, и не содѣлалъ еще
отцемъ. Когда же, въ позднее уже время, обѣто-
ваніе исполнилось, неплодіе Сарры пренобѣждено,
презойдены предѣлы старости, и содѣлался онъ
отцемъ Исаака, и тогда не долгое время насладился
онъ сею радостію; едва сынъ сталъ отрокомъ,
слышитъ повелѣніе принести его въ жертву Дав-
шему, возвратитъ даръ Подателю, быть жрецемъ
обѣтованнаго плода, и привести на жертву Исаа-
ка—великій источникъ народовъ, обагрить руки кро-
вію едиnorodнаго сына. Однакоже, хотя все это, и
еще гораздо большее, заключалось въ жертвѣ, па-
тріархъ не воспротивился, не указывалъ на права
природы, не представлялъ данныхъ ему обѣтованій,
не упоминалъ о томъ, кто попечется о немъ въ ста-
рости, кто предастъ его погребенію; но, отринувъ

всякій человѣческой помысль, любви противопоставивъ любовь, закону противоположивъ законъ, закону природы—законъ Божій, спѣшилъ совершить жертвоприношеніе и не колеблясь нанести ударъ, если бы только Великодаровитый, пріявъ усердіе, не воспрепятствовалъ тотчасъ убіенію. Но не знаю, достаточно ли какое слово къ изображенію этой любви? Ибо непощадившій и едиnorodнаго сына, когда повелѣвалъ сіе Возлюбленный, чего не пренебрегъ бы для Него?

Такою же любовь ко Владыкѣ пріобрѣли и самъ великій Исаакъ, и сынъ его патриархъ Іаковъ. Боголюбіе того и другаго восхваляютъ божественныя писанія; и Самъ Богъ всяческихъ нимало не отдѣляетъ вѣтвей отъ корня, но именуетъ Себя Богомъ Авраамовымъ, Исааковымъ, и Іаковлевымъ. Ихъ же благочестивый плодъ—и Іосифъ, старецъ между юными, но юноша между старцами. Боголюбія его и зависть не истребила, и рабство не угасило, и лесть госпожи не окрала, угроза и страхъ не ослабили, клевета, темница, продолжительность времени не пребороли, власть, могущество, роскошь, богатство не исторгли изъ сердца; но одинаково и взиралъ онъ на Возлюбленнаго, и исполнялъ Его законы. Сію любовь пріобрѣтя, Моусей, пренебрегши пребываніемъ въ царскихъ чертогахъ, *паче изволи страдати съ людьми Божіими, нежели имѣти временную грѣха сладость* (Евр. 11, 25.).

И должно ли продолжать и чрезъ мѣру распространять слово? Божественною любовію водясь и украшаясь, все собратство Пророковъ преусыло

въ совершеннѣйшей добродѣтели, и оставило по себѣ приснопамятную славу. Да и ликъ Апостоловъ, и сонмы мучениковъ, пріявъ въ себя этотъ огонь, презрѣли все видимое, и всѣмъ пріятностямъ жизни предпочли безчисленные роды смертей. Возлюбивъ Божественную лѣпоту, размысливъ о Божіей къ намъ любви, представивъ въ умъ тысячи благодарѣній, вмѣнили они въ стыдъ себѣ, не вождельтъ оной неизреченной лѣпоты и содѣлаться неблагодарными къ Благодарителю. Посему-то завѣтъ свой съ Нимъ сохранили до смерти.

Сію лѣпоту возлюбивъ, и новые подвижники добродѣтели, которыхъ жизнь описали мы вкратцѣ, вступили на великіе оныя подвиги, препобѣждающіе человѣческое естество. И сему ясно научали ихъ божественныя писанія. Ибо воспѣваютъ они съ великимъ Давидомъ: *Господи Боже мой, возвеличился еси зѣло: во исповѣданіе и въ велелѣпоту облеклся еси, одѣйся свѣтомъ яко ризою, простираяй небо яко кожу* (Псал. 103, 1. 2.), и все прочее, что открываетъ намъ Божію премудрость и силу; и еще: *Господь воцарися, въ лѣпоту облечеса: облечеса Господь въ силу и препоясая: ибо исправи вселенную, яже не подвижится* (Псал, 92, 1.). И здѣсь провозвѣщаются также—премудрость, лѣпота и сила. А въ другомъ мѣстѣ говоритъ Давидъ: *красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ* (Псал. 44, 3.). Здѣсь восхваляли онъ человѣческую красоту Бога Слова; но воспѣваетъ и премудрость; ибо говоритъ: *изліяся благодать во устнахъ Твоихъ; показываетъ и силу: препояши мечъ Твой по бедра Твоей силне: кра-*

сотою Твоею и добротою Твоею: и наляцы, и успьвай, и царствуй истины ради и кротости и правды (4. 5.); ибо въ этомъ Его красота, и богатство и сила. И Исаія взываетъ: кто сей пришедый отъ Едома, червлены ризы Его отъ Восора? сей красенъ во утвари Его, зъло съ крѣпостію (Иса. 63, 1.). Ибо Божественной лѣпоты не сокрыла и человѣческая утварь, но и ея облеченный издаетъ блистанія красоты, чтобы взпрающихъ побудить и привлечь къ любви. Сіе говоритъ и святая невѣста, бесѣдуя съ нимъ въ Пѣснн Пѣсней: *мнро изліянно имя Твое. Сего ради отроковицы возлюбиша Тя: привлекоша Тя: въ слѣдѣ Тебе въ волю мнра Твоего потекли* (Пѣсн. Пѣсн. 1, 2. 3.). Ибо юныя души, причащаясь Твоего благоуханія, поспѣшаютъ, вождельвая постигнуть Тебя, и симъ благоуханіемъ, какъ пѣкою цѣпно, привязуемая, не соглашаются расторгать сіи узы. Онѣ сладостны и добровольно возложены ими на себя. Согласны съ симъ и слова божественнаго Павла: *Христово благоуханіе есмь въ спасаемыхъ и погибающихъ: охъмъ убо воля смертная въ смерть: охъмъ же воля животная въ животъ* (2 Кор. 2, 15. 16.). Посему, научаемые о Христв божественнымъ писаніемъ, что Онъ прекрасенъ, что у Него несказанное богатство, что Онъ источникъ премудрости, можетъ все, что Ему угодно, водится безмѣрнымъ человѣколюбіемъ, источаетъ рѣки кротости, желаетъ всѣмъ людямъ благодѣтельствовать только, научаемые и богоносными мужами, что благодѣаній Его тысячи видовъ, и превышаютъ они умъ, и сіи подвижники уязвились услаждающими

стрѣлами любви, и, будучи членами невѣсты, съ нею взываютъ: уязвлены любовію и мы (Пѣсн. Пѣсн. 5, 8.). Ибо великій Іоаннъ взываетъ: се Агнецъ Божій вземлай грѣхи міра (Іоан. 1, 29.). Да и Пророкъ Исаія предвозвѣщаль будущее, какъ уже совершившееся, говоря: Той язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша, наказаніе міра нашего на Немъ. Язвою Его мы исцѣльхомъ (Иса. 53, 5.), и что еще сказано Пророкомъ о спасительныхъ страданіяхъ. Проповѣдуетъ и Павелъ, взывая: Иже убо и Своего Сына не пощадъ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его: како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ (Римл. 8, 32.)? И еще: по Христъ посолствуемъ, яко Богу молящу нами: молимъ по Христъ, примиритесь съ Богомъ. Невѣдѣшаго бо грѣха по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ (2 Кор. 5, 20. 21.). Сіе и подобное сему находя у содѣлавшихся служителями Божія Слова, отсюда пріемлютъ они въ себя уязвленія божественной любви, и всѣмъ пренебрегая, представляютъ въ умъ Возлюбленнаго, и прежде ожидаемаго петльнія содѣлываютъ тѣло свое духовнымъ.

И мы воспримемъ сію любовь, и привлекаемые красотою Жениха, вождельвая обѣтованныхъ благъ, подвигнутые множествомъ благодарній, и убоявшись подпасть ответственности за неблагодарность, содѣлаемся любителями и хранителями Его законовъ. Ибо таковъ законъ дружества—одно и тоже любить, одно и тоже ненавидѣть. Посему и Аврааму сказалъ Богъ: благословлю благословляція тя, и клеющія тя проклену (Быгг. 12, 3.); и Давидъ го-

Осод. Ч. I.

ворить Богу : мнѣ же згло чести быша друзи Твои Боже (Пс. 138, 17.); и еще: не ненавидящя ли Тя Господи возненавидѣхъ? И о вразѣхъ Твоихъ истаяхъ? совершенною ненавистію возненавидѣхъ я: во врази быша ми (21. 22.); и въ другомъ мѣстѣ: законопреступныя возненавидѣхъ, законъ же Твой возлюбихъ (Псал. 118, 3.); и еще въ иномъ мѣстѣ: коль возлюбихъ законъ Твой Господи, весь день поученіе мое есть (97.). Посему явственный признакъ любви къ Богу соблюденіе божественныхъ Его законовъ : кто любитъ Меня, тотъ заповѣди Мои сохранить, сказалъ Владыка Христосъ (Іоан. 14, 23.). Съ Нимъ слава, честь и поклоненіе Отцу и со Всесвятымъ и Животворящимъ Духомъ нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ ! Аминь.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИДЦАТАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

—

ТВОРЕНІЯ БЛАЖЕННАГО ТЕОДОРІТА, ЕПИСКОПА КИРСКАГО.

(часть V.)

ТОЛКОВАНІЯ НА ДВѢНАДЦАТЬ ПРОРОКОВЪ.

	<i>страни.</i>
Толкованіе на Пророка Наума.	4
— — Аввакума.	24
— — Софонію.	46
— — Аггея.	66
— — Захарю.	78
— — Малахію.	153

ДЕСЯТЬ СЛОВЪ О ПРОМЫСЛѢ.

страи.

- СЛОВО 1. Доказательство Промысла, заимствованное изъ разсмотрѣнія неба, луны и прочихъ звѣздъ. 177
- СЛОВО 2. Доказательство, заимствуемое изъ разсмотрѣнія воздуха, земли, моря, рѣкъ и источниковъ. 194
- СЛОВО 3. Доказательство Промысла, заимствуемое изъ устройства человѣческаго тѣла. . . . 206
- СЛОВО 4. Доказательство Промысла, заимствуемое отъ устройства человѣческихъ рукъ и изобрѣтенныхъ человекомъ искусствъ. . . . 223
- СЛОВО 5. Доказательство Промысла, заимствуемое изъ подчиненія человѣку животныхъ безсловесныхъ. 238
- СЛОВО 6. О томъ, что богатство и бѣдность полезны для этой жизни. 257
- СЛОВО 7. О томъ, что рабство и господство полезны для настоящей жизни. 278
- СЛОВО 8. О томъ, что для здравомыслящихъ нѣтъ вреда служить господамъ злымъ. 296
- СЛОВО 9. О томъ, что трудъ правды не безплоденъ, хотя и не виденъ въ настоящей жизни, и о воскресеніи, доказываемомъ умозаключеніями естественнаго разума. 322
- СЛОВО 10. О томъ, что Богъ издревле былъ попечителемъ не однихъ Іудеевъ, но и всѣхъ людей, и о вочеловѣченіи Спасителя. . . 343
- СЛОВО. О Божественной и святой любви. 372

